

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н.В. Халина

**ИСТОРИЯ РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА:
ЯЗЫКОВОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ
РОССИИ X–XXI вв.**

МОНОГРАФИЯ

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2009

УДК 811.161.1

ББК 81.411.2

X172

Рецензенты:

кафедра русского языка Томского
государственного университета
(зав. кафедрой доктор филологических наук,
профессор *Т.А. Демешкина*);
доктор филологических наук,
профессор Уральского государственного
педагогического университета *З.И. Комарова*

X172 Халина Н.В.

История русского литературного языка: Языковое существование России X–XXI вв. : монография. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. – 476 с.
ISBN 978-5-7904-0939-4

В монографии изложена концепция истории русского литературного языка, основой которой является теория языкового существования, в качестве исходного момента полагающая язык одной из форм проявления человеческой жизни. Построение концепции осуществляется при посредстве исторического и герменевтического методов, которые позволяют определить и истолковать аспекты жизнедеятельности общности, регламентированные семиотической системой «русский язык».

УДК 811.161.1

ББК 81.411.2

ISBN 978-5-7904-0939-4

© Халина Н.В., 2009

© Оформление. Издательство

Алтайского госуниверситета, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. Пространственно-вещная структура славянского мира и задачи истории русского литературного языка.....	10
Глава 2. Процесс мысленного изображения вещи в русском литературном языке	32
Глава 3. Механизмы реструктуризации системы славянского языка	89
Глава 4. Подсистемы русского литературного языка, обеспечивающие целостность символической системы «русский народ»	124
Глава 5. Семиотические системы русского литературного языка	164
Глава 6. Процесс нормативации в русском литературном языке	198
Глава 7. Русский язык как трансцендентальная величина	244
Глава 8. Процесс нормализации в русском литературном языке	277
Глава 9. Объективная деятельность русской языковой общины в Новое время	317
Глава 10. Конституция истины, теория отображения как составляющие теории языкового существования <i>РУССКОЙ ЗЕМЛИ</i>	365
Глава 11. Текстовая реальность как способ самоидентификации Человека Киевской Руси в коммуникативном процессе истории	398
Глава 12. Семантического поле человека русской культуры	427
Послесловие	459
Библиографический список	461

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одной из форм бытия человека, считают японские ученые, является его языковое существование. Языковая форма – это форма проявления жизни, в которой раскрывается идея о сущности бытия – «стремление познать природу неизвестного существующего» [Розанов, 1996].

«Термин «языковое существование» подразумевает прежде всего жизнь человека в одном из ее социальных проявлений – в языке. При этом язык как проявление этой жизни составляет одно из необходимых условий существования человека. Таким образом, «языковое существование» понимается как бытие человека, проявляющееся в его действиях, связанных с речевым общением, которые и составляют полноценность человеческой жизни и противопоставляют его как существо социальное животному миру. В этом термине исходным является не понятие языка, что было бы естественным для европейской лингвистики, а идея жизни человека...» [Неверов, 1982, с. 8].

В истории развития русской культуры коммуникации жизнь человека в обществе регламентировалась стратегиями, которые формировались в книжном языке. Введение в жизнедеятельность восточных славян в качестве организующей историю процесса коммуникации знаковой системы «церковнославянский язык» повлекло за собой переход в их существовании от «культуры слуха» к «культуре зрения». Х.М. Мак-Люэн рассматривает культуру слуха и культуру зрения в связи с типами коммуникационных технологий, которые определяют принципы периодизации истории и составляют основу разрабатываемой теоретиком коммуникационных технологий концептуальной модели исторической динамики общества [McLuhan, 1964].

Определенный тип коммуникационных технологий задает и создает определенный мир – «галактику», которая имеет свой ареал и четко фиксированные границы. Исторически первой, как считает Х.М. Мак-Люэн, является культура слуха (аудиокультура), характеризующая сенсорный баланс племенного человека: включенность во взаиморезонирующую речь членов общины поддерживается мифологическим синкретизмом сознания и растворенностью индивида в родовом коллективе. На смену аудиоорганичному единству приходит механически фрагментирован-

ное псевдоединство видеокультуры, первооткрывателем появления которой стало формирование фонетического алфавита. Письменный текст выступает в качестве основы рефлексии над языком – позволяет «увидеть» язык, ранее осознаваемый (точнее, ощущаемый) в процессе речевого резонирования.

Языковое существование человека, руководствующегося в своей жизни при переносе на «полотно» своего сознания элементов мироздания правилами означивания, предписанными знаковой системой, отличается своим сенсорным и ментальным балансом, типом резонансного взаимодействия с окружающей средой и членами общины, что требует своего особого изучения. История русского литературного языка в аспекте теории языкового существования ориентирована не столько на хронологию развертывания литературного дискурса России, сколько на аспекты жизнедеятельности общности, использующей в качестве основной системы означивания семиотическую систему «русский язык», обеспечивающую сенсорный баланс коммуникативной общности *РУССКАЯ ЗЕМЛЯ* и включающую в себя семотекстуальные стратегии воспроизведения сенсорного баланса «церковнославянский язык» и «древнерусский язык». К этим аспектам относятся: коммуникативная компетенция языковой общности «русский народ», введение иноязычных семантических и знаковых ресурсов в систему русского литературного языка, языковое обеспечение целостности символической системы «русский народ», поддержание в рабочем состоянии семиотических подсистем (функциональных стилей) русского литературного языка, нормативация взаиморезонирующей речи (аудиокультуры), нормализация литературного языка (видеокультуры), художественно-публицистическая деятельность русско-российской языковой общности, объективная деятельность русской языковой общины в Новое время; история материя, конституция истины и теория отображения в языковом существовании *РУССКОЙ ЗЕМЛИ*. Наиболее приемлемой методической базой истории русского литературного языка в аспекте теории языкового существования является герменевтический и исторический методы.

Одним из характерных достижений современного исторического метода, по утверждению британского профессора Джона Тоша, является способность находить новое применение источникам. Если историка волнует нечто большее, чем сиюминутные

заботы тех, кто создал интересующие его источники, он должен научиться проводить их всесторонний анализ, выявлять их косвенное значение, замечает профессор [Тош, 2000].

Взгляд на историю русского литературного языка с точки зрения исторического метода полагает ее преимущественное рассмотрение как истории идей. Главной целью специалистов по истории идей становится выявление «родословной» важнейших концепций, каковыми для социальной памяти носителей и пользователей русского литературного языка являются русский национальный язык (общенациональный язык), стилистическая дифференциация языкового массива, языкотворческая деятельность личности и связанные с ней процессы нормализации, отправление социальных функций языковой общностью и связанные с этим процессы нормативации, способы сохранения идентичности и осмысления прожитой жизни.

Дж. Тош считает, что слово «история» в обиходной речи имеет два значения: первое значение – это сами события прошлого; второе – отображение событий в работах историков. Что же касается разрабатываемого подхода к русскому литературному языку, то историю предлагается рассматривать как отображение событий в текстах (словесных произведениях) русской культуры разной стилистической и жанровой разновидности. В таком случае словесному произведению «присваивается» статус источника, или «следа», «тропы» (path), дающего начало множеству «ручейков» знания.

Основопологающей является ориентация на изучение истории русского литературного языка как истории фиксации индивидуального (авторского) осознания синхронных событий, множество которых (языковых фиксаций – «источников»), становится множеством смысловых сегментов, из которых складывается коллективная память, позволяющая выработать чувство идентичности и оценить направление своего развития. Таким образом, исследование русского литературного языка определяется как исследование историческое. В рамках собственно исторического исследования Дж. Тош выделяет два подхода: источниковедческий и проблемный. Первый подход закрепляет за историком право избрания одного или группы источников, связанных с общей сферой его интересов, и извлечение из отобранного всего ценного, что позволяет содержанию источника, в свою очередь, опреде-

лять характер исследования. Второй подход – проблемный – полагает в качестве отправного момента формулирование конкретной темы исследования, обычно на основе изучения вторичных источников, а затем анализ относящихся к ней первоисточников. Причем информация, которую источники содержат по другим вопросам, игнорируется, а исследователь продвигается в заданном направлении, пока не оказывается в состоянии прийти к определенному выводу.

Наиболее продуктивным при историческом исследовании русского литературного языка представляется проблемный подход, избирающий в качестве приоритетного тематическую (или топическую) классификацию материала. Существуют, по мнению Дж. Тоша, темы, по которым имеется более чем достаточно материалов первичных источников, и темы, по которым либо уцелело мало материалов, либо то, что интересует в настоящее время людей, не представляло интереса для людей исследуемой эпохи и, соответственно, не получило отражение в документах.

Всесторонний анализ текстов первой тематической группы, выделение их косвенного значения проводится на основе двух методов: метода латентной реконструкции и метода регрессивного. Метод латентной реконструкции направлен на вычленение сведений, которые во многих источниках фиксируются почти механически, они не имеют прямого отношения к цели исследования. Эти сведения содержатся практически во всех источниках, поскольку люди неосознанно переносят на бумагу данные о своих взглядах, представлениях и образе жизни. Как считает Дж. Тош, такой метод (подход) позволяет выявить сведения, о которых никто не подозревал. В этом случае словесное произведение становится «тропой» в пространство/среду существования социума и обнаруживает семантические координаты, в пределах которых оформлялась коллективная (социальная) память и коммуницировала языковая общность, осознавая свою идентичность.

Регрессивный метод (метод косвенного использования источника), разработанный М. Блоком, позволяет реконструировать более ранний исторический период по более позднему, это метод так называемого чтения истории в обратном порядке [Bloch, 1966]. В некоторой степени, как считает Дж. Тош, этот метод противоречит общепринятым правилам работы с первоисточниками, однако при разумном применении и с учетом изменений, происходящих в жизни общества, он дает хорошие результаты.

Первый метод наиболее приемлем в политической истории, второй – при изучении морфологических структур общества и их эволюции. В области социальной истории и культуры отмечается тенденция находить новое применение источникам, поскольку сложно найти непосредственно относящиеся к делу документальные материалы. Важными становятся случайные детали, изучение показаний, по образному выражению М. Блока, невольных очевидцев, потому что происходит изучение духовного мира. Источники, по утверждению Э. Томпсона, должны подвергаться настоящему допросу умами, искушенными в науке внимательного недоверия [Thompson, 1978]. Цель историка в таком случае, полагает выдающийся историк Дж. Янг, состоит в том, чтобы «вчитываться» в период до тех пор, пока он не услышит, как жившие тогда люди начинают говорить.

Источники, представляющие социальную историю и историю культуры, относятся к текстам второй тематической группы: для их исследования применимы метод «перекрестного допроса» и метод «концентрированного изучения источника с применением всех имеющихся методов – текстуального анализа, привлечения других источников, оценок современников, что позволяет понять и проинтерпретировать произведение, не упуская конкретный интеллектуальный и социальный контекст его создания.

В монографии осуществляется герменевтико-семиотическое рассмотрение истории русского литературного языка, текстовый массив которого включает в себя словесные произведения и первой, и второй тематических групп, в связи с чем целесообразным признается при анализе источников применять все методы изучения источника, разработанные британскими историками. Ричард Кобб, создатель современной французской истории в Англии, писал: «Наиболее талантливые исследователи демонстрируют готовность прислушиваться к словам документа, идти вслед за каждой его фразой, даже неразборчивой – с тем, чтобы услышать, что именно было сказано, с каким ударением и каким тоном» [Cobb, 1974, p. 14]. Таким образом, главная цель предлагаемого подхода – обучить чтению текста, созданного и записанного с помощью системы русского литературного языка современного носителя русской мыслительной культуры, личностное становление которого происходит в обществе информационных потоков, обществе массмедийной культуры и гипертекстовой реальности.

Адекватное толкование словесных произведений, выполненных с помощью кириллических знаков (знаков кириллической письменности) в их церковнославянской, древнерусской и собственно русской (современный русский язык) модификациях предполагает соблюдение требований, предъявляемых к историческому исследованию Дж. Тошем: а) конкретные процедуры анализа варьируются в зависимости от характера источника; б) методы (опытный исследователь применяет их почти неосознанно) должны быть выражены в терминах понятных и непосвященному; в) сформулированная методика исторического исследования должна мало чем отличаться от простого здравого смысла, который используется более систематически и с большей долей скептицизма, нежели это происходит в повседневной жизни; г) четкое понимание исторического контекста; д) высокий уровень специальных знаний.

Исторический метод – историческое исследование источника – уместно сочетать при изучении словесного произведения русского литературного языка с герменевтическим методом, точнее, экзегезой источника. Экзегеза в сфере филологической определяется как толкование литературных текстов (главным образом античных); в области религиозной – объяснение и толкование библейских текстов. Поль Рикер трактует экзегезу в качестве дисциплины, цель которой состоит в том, чтобы понять текст, понять его, исходя из его интенции, понять на основании того, что он хотел бы сказать. Таким образом, экзегеза источника, «работа по его интерпретации, обнаруживает глубокий замысел – так считает П. Рикер – преодолеть культурную отдаленность, дистанцию, отделяющую читателя от чуждого ему текста, чтобы поставить его на один с ним уровень. И таким образом включить смысл этого текста в нынешнее понимание, каким владеет читатель» [Рикер, 1995, с. 4].

Предлагаемый подход позволяет осуществлять чтение, или декодирование, текстов литературного языка как текстов, организующих ментальную деятельность семиотической общности «русский народ» и содействующих участию *Руской Земли* в общезивилизационном коммуникационном процессе истории.

Глава 1

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВЕЩНАЯ СТРУКТУРА СЛАВЯНСКОГО МИРА И ЗАДАЧИ ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Прояснение сущности и специфики предмета истории русского литературного языка, считает А.И. Горшков [Горшков, 1984], требует учета немаловажного обстоятельства: эта дисциплина оформилась и развивалась преимущественно в практике вузовского преподавания, которая требовала четкой соотнесенности истории русского литературного языка и исторической грамматики.

Б.И. Ларин отмечает, что расщепление истории русского языка на две самостоятельные дисциплины (историческая грамматика и история русского литературного языка) было обусловлено педагогической деятельностью академика В.В. Виноградова и профессора Г.О. Винокура, занимавшихся вопросами языка письменных памятников и отдельных писателей [Ларин, 1975].

Как указывал В.В. Виноградов, критикуя программу по истории русского литературного языка, что история русского литературного языка понималась как совокупность характеристик индивидуальных особенностей языка крупнейших произведений древнерусской литературы и наиболее известных писателей нового времени. Таким образом, в центре внимания оказывались варианты текстуальной практики писателей и структура генотекста, понимаемого Ю. Кристевой в качестве глубинного основания языка, процесса, артикулирующего эфирные и неозначающие структуры. Подобные структуры дают начало инстинктуальным диадам, обуславливают матрицы высказывания, предшествуют дискурсивным «жанрам», психическим структурам или различным типам организации участников речевого события [Kristeva, 1969]. Причем рассмотрение коммуникационного процесса истории осуществляется исключительно через призму речевого события, смоделированного в соответствии со стандартами литературного языка – общего языка письменности того или иного народа, а иногда нескольких народов – языка «официально-деловых документов, школьного обучения, письменного бытового общения, науки, публицистики, художественной литературы, всех проявлений культуры, выражающихся в словесной форме, чаще письменной, но иногда и устной» [Виноградов, 1978, с. 289].

История русского литературного языка входит в группу наук социологических (в соответствии с классификацией О. Конта) или наук о культуре (в соответствии с классификацией Г. Риккерта). О. Конт расположил науки (теоретические) в одну линию, по мере уменьшения их объема, (общности, *generalité*) и усложнения содержания (*complication*), а именно так: математика, астрономия, физика, химия, биология, социология [Саккулин, 1990]. Система Г. Риккерта делит науки на две группы: науки о природе и науки о культуре (духе). Г. Риккерт видел глубокое различие между науками о природе и науками о культуре в методологическом отношении. Первые пользуются, по его мнению, по преимуществу методом *генерализующим* и *номотетическим*, так как говорят и устанавливают законы явлений, а науки о культуре (науки исторические) довольствуются методом *индивидуализирующим* (исторически-индивидуализирующим) и *идиографическим*, т.е. берут явления в их конкретной данности и описывают их как индивидуальные, частные факты (идиографически). Иными словами, первая группа наук относится к категории абстрактных, вторая – к категории конкретных.

Явления в конкретной данности можно определить как своего рода «идеи-силы» или как «психические факторы цивилизации» («идеям-силам» посвящены работы Альфреда Фуллье [Fullieu, 1890, 1893], психические факторы цивилизации в конце XIX в. рассматриваются также американским социологом Л. Уордом [Уорд, 1897].

Психические факторы цивилизации в XIX в. выявляются в способности колоритностью и пластичностью выражения воспроизводить душевные движения и внешние проявления воли, что особенно характерно, по наблюдениям П. Хохрякова, для русской культуры языковой идентификации: «...русский язык обладает такими оттенками и особенностями, которые недоступны или мало доступны для передачи на другие европейские языки. Эти черты и особенности русского языка приобретают важность как признаки, как указания на обилие в русской натуре тех психических состояний, в которых накаплиются, сохраняют живость, непосредственность и свежесть душевные чувства, ощущения, движения и проявления. Подобные психические состояния играют капитальную роль в экономии душевной жизни и в развитии ее, в смысле постоянного ресурса, запаса неиссякае-

мой душевной энергии. Язык у каждого народа служит не только для выражения этого запаса энергии, но и проводником для накопления ее и средством для ее сохранения. Русский язык, по означенным нами свойствам, является таким орудием, проводником и средством наиболее способным» [Хохряков, 1889, с. 54–55].

Межкультурная атмосфера, где происходит культурный стык между разными общественными группами при развитии и стабилизации цивилизационных признаков социума, есть сфера, где создается особая культурная среда, нивелирующая представителей разных культурных и социальных слоев [Сакулин, 1990]. Одновременно существует не одна, а несколько культурных сред. Между ними совершается непрерывное взаимодействие, в результате чего образуется некая равнодействующая, определяющая собою уже культуру всей эпохи в целом. Этим самым значительно усложняется проблема социальной культуры и выдвигается вопрос о носителях культурного сознания страны. Равнодействующей, определяющей культуру эпохи, мы признаем сферу литературного выражения, определяемую особенностями литературного языка. Как отмечал Гюстав Лансон, создатель истории французской литературы, «Между исторической грамматикой и историей литературы существует нечто еще среднее, что я назвал бы литературной историей языка, состоящей в изучении литературных свойств, особенностей и богатств главного наречия в его различных исторических стадиях» [Лансон, 1908, с. 13].

Литературная история русского языка, иначе история русского литературного языка, принадлежит сфере русского языкознания уделяющего внимание рассмотрению языковых форм существования материи и проявлений ее внутренних противоречий, обусловленных ее же природой – бесконечностью и конечностью пространства и времени (форм ее существования). Противоречивость пространства связана с наличием протяженности и структурности, противоречивость времени – с бесконечной длительностью и сменой моментов. Бесконечность пространства складывается из конечных протяженностей отдельных материальных объектов – словесных произведений – и знаковых секвенций, их составляющих, а бесконечность времени – из конечной длительности отдельных материальных процессов – процессов творческого означивания материального мира – и собственных интеллектуальных процессов, отражающих накопления «коллективной памяти», наличие которой упрощает процедуру самоидентификации.

Единство прерывности и непрерывности достигается в процессе литературного языкового творчества, результатом которого является элементарный идеализированный предмет – литературное произведение. Бытие элементарного идеализированного предмета (словесного произведения) понимается как возможность бытия, основанная на возможности действия «на себя». В определение «элементарного» неделимого идеализированного предмета должно войти определение мира (целого, бесконечного). «Только если признать (и логически осмыслить), что мир как целое замыкается на себе (обосновывается!) в точке данного предмета, идея «*causa sui*» может быть рационально развита. В такой теоретической ситуации прошлое, настоящее и будущее предмета (и субъекта) деятельности должны быть приняты как *квазисовременные* состояния, только в совокупности дающие «логический объем» идеализированного предмета. Прошлое включено (логически) в настоящее как «причина» бытия предмета, тождественная с самим бытием («действием»); *настоящее* имеет решающий логический статус в определении предмета как деятельности; будущее также включено (логически) в настоящее, поскольку предмет, как «*causa sui*», уже обладает своими будущими состояниями – развернутыми определениями его бытия.

Больше того, именно виртуальные состояния предмета (спектр его возможных превращений в другое) и дают – логически – образ мира как целого, замыкающегося на себе в точке этого предмета. Логическая ассимиляция виртуальных определений в определение бытия *актуального* и позволяет рационально понять предмет как «*causa sui*». Конечно, такое фокусирование «прошлого», «настоящего» и «будущего» в *настоящем*, в бытии предмета – не эмпирическая данность, а сложная логическая операция, позволяющая сформировать новый, идеализированный предмет. Это – идеализация, не совпадающая прямо и непосредственно с наличной действительностью, с наличным бытием. Но идеализация не меньшая и не большая, чем идеализация «материальной» – «математической» – точки. «Прошлое», «настоящее» и «будущее» отождествлены (на основании идеи «*causa sui*») в самом *определении* предмета, но отождествлены не абстрактно, а конкретно; каждое из этих временных определений необходимо для того, чтобы новое понятие (элементарного неделимого предмета) имело полный логический объем, было логически всеобщим» [Библер, 1990, с. 132–133].

Русское языкознание, составляющей которого является литературная история русского языка, есть движение, превращение предмета, методология превращения теорий. Этот тип языкознания представляет собой особый вариант логики, основные положения которой могут быть сформулированы следующим образом: 1) понимание художественного произведения требует точного представления общего состояния умственного и нравственного развития того времени, к которому оно принадлежит. «Как есть физическая температура, своими измерениями определяющая появление того или другого рода растений, – точно также есть и температура нравственная, определяющая своими измерениями появление того или другого рода искусства» [Тэн, 1904, с. 11]; 2) становление культурного стиля в ситуации «языковой смены», которая наиболее адекватно получает отражение в литературно-языковой жизни, согласование текста и затекста, социального и знакового контекстов; 3) выявление внешних по отношению к системе лимитирующих факторов, условий действия закона сохранения, усвоение понятия «энергия» («сложность»); 4) обнаружение стремления к наиболее вероятному (или эталонному) состоянию системы, где достигает минимума величина разбиения семантического множества; 5) погружение в языковой материал (языковую материю), обеспечивающий общие гарантии достоверности полученного знания о мире (осуществляется при посредстве индуктивной логики, которая позволяет постичь общие законы познания на основе наблюдения и опыта как оснований разумной уверенности).

По определению В.В. Виноградова, история русского литературного языка – это история последовательной смены разных языковых систем, которые представляют собой внутренне объединенное сочетание разных стилей и жанровых разновидностей, произведения рядовых писателей, литературные тексты государственного, бытового, профессионального, научного, общественно-политического, публицистического и другого содержания; сочинения великих мастеров художественного слова [Виноградов, 1978].

Основная проблема истории русского литературного языка – открытие закономерностей образования и смены разных систем литературного языка. Основная задача курса – построение (конструирование) литературной истории русского языка и восста-

новление системы литературного языка в целом. Подобная история способствует изучению литературного языка (системы литературного выражения) как процесса управления, обеспечивающего целостный выбор и комбинирование языковых средств с целью сохранения (кодирования) ценностной информации. Как отмечал В.В. Виноградов, построение истории русского литературного языка предполагает планомерно организованную и методически обоснованную исследовательскую работу над речевой деятельностью, над индивидуальными речевыми системами в сфере литературного выражения. Только тогда такого рода строго методические и систематические наблюдения над различными видами литературно-речевой деятельности могут предохранить историка языка от типичного для старой русской науки о литературном языке отождествления таких несоизмеримых понятий, как «индивидуальная речевая система» или даже «язык писателя» и система литературного языка в целом. В задачи истории русского литературного языка также входит:

- выявление закономерностей образования и смены разных систем русского языка, отражающих разные типы и разные системы русского языка;

- определение основных вариантов и направлений модификации общей формулы языка и системы литературного языка как вариантов языковой записи закономерностей историко-литературного процесса и языковой фиксации фактов интеллектуальной истории России;

- исследование знакового контекста русского языка (контекстного поля), включающего текстовые поля и текстовые секвенции;

- описание качества формы русского языка, открывающей «фундированные содержания» («fundierte Inhalte») [Кассирер, 1912] – чистые фундированные единства и множества – и особенности психологии мышления, извлекающего категориальные признаки бытия на пути психофизиологической дедукции;

- выявление в языке средств представления реальности как посредования между символическим (культурой) и физическим (природой) пространствами средств оформления социальности, в которой индивидуальное сознание пребывает как «зародыш в материнском чреве» [Есимура Мотоо, 1976];

- выявление категорий литературного языка, непосредственно участвующих в представлении системы языковых ценностей

аксиологии языка (индивидуальный стиль, литературное произведение, литературно-языковое творчество);

– выявление языковых величин слова, определяющих его структурное отношение ценностей упорядоченности [Арапов, 1988];

– характеристика литературного языка как системы, фиксирующей начало и конец процесса «кипящего многообразия индивидуального речевого творчества в литературно-языковой сфере», которые вносят прерывность в непрерывный ход времени;

– поскольку бесконечность пространства складывается из конечных протяженностей отдельных материальных объектов, а бесконечность времени – из конечной деятельности отдельных материальных процессов (языковых систем), то целесообразно рассматривать историю русского литературного языка как историю временную (а не пространственную), исследующую «прерывность материальных состояний» [Готт, 1972], вносящую в непрерывность пространства дискретность.

Если направиться внутрь самой истории русского литературного языка как самостоятельной и ограниченной сферы русского языкознания, по мнению В.В. Виноградова, то раскроется сложное и до сих пор не вполне разъясненное смешение и пересечение разных типов и разных систем языка, разных задач и разных методов лингвистического исследования. Широкая проблема о соотношении объема и границ общелитературного языка и языка художественной литературы на разных стадиях историко-литературного процесса остается неясной, поскольку недостаточно исследованы более частные проблемы, касающиеся того, в какой мере стилистическая система писателя, лексический и синтаксический строй его произведений вращаются в пределах общелитературных норм, в каком направлении происходит в разные эпохи литературно-языкового развития отклонение индивидуальных стилей от общего течения литературного языка, каковы особенности общего течения языка и чем собственно они определяются в ту или иную эпоху.

Основной категорией в сфере лингвистического изучения художественной литературы является понятие индивидуального стиля. Изучение принципов индивидуального отбора языковых средств, исследование материала, привлекаемого писателями в разные времена из областных говоров и жаргонов города, из

речи старых памятников и т.п. может привести, как считает В.В. Виноградов, к интереснейшим историческим выводам о составе и содержании того «архивного фонда» и того «внелитературного инвентаря», которые влияли на изменение и смену систем русского литературного языка. Личный стиль писателя обостряет восприятие общелитературного или общенационального стиля, он как бы сливается с основным руслом течения литературного языка. Поэтому исследование литературных (словесных) произведений в качестве источников позволяет определить особенности литературного языка, своеобразие стиля национального выражения в ту или иную историческую эпоху развития социальной общности. Прекрасный стилист воспроизводит все изгибы и оттенки национального языка, обнаруживая глубокое его чутье, проникновенное знание его, открываемое через выбор слов литературного языка, литературное употребление языка. Как утверждал Л. Вайсгербер, в литературном употреблении царит иллюзия свободы в выборе слов, выражений и оборотов, сильнее выступает момент логической и эстетической оценки, поэтическая и прозаическая ценность различных языковых средств; в литературном языке шире и разнообразнее использование всех смысловых оболочек и конструктивно-семантических элементов слов – от экспрессии внешней формы до логически препарированного значения, от «слововещей» до «словопонятий» [Радченко, 1990].

Само же литературное произведение, по мнению В.В. Виноградова, представляет собой «выразительный организм законченного смысла», целостное семантическое единство. Стилистический путь анализа этой сложной словесной структуры – от единого целого к его расчленению. Части здесь определяются как органические члены речевой структуры, находящиеся в соотношении друг с другом и конструирующие внутреннее единство, смысловую замкнутость литературного произведения. Смысл этих элементов устанавливается на фоне целого и в его контексте. В качестве целого может избираться морфологическая система социальной общности, выступающая и в качестве продуцента, и в качестве потребителя словесного произведения, и в качестве секвенций знаков (знаковых секвенций), являющихся его частями.

Более углубленное и руководимое точными лингвистическими понятиями историческое исследование соответствующего круга явлений, проводимое в контексте истории русского литера-

турного языка, должно обогатить и общую теорию языка, и сферу представлений о русском литературном языке, о его истории, о разных путях и направлениях его исторического движения, о взаимодействии коллектива и личности в области литературно-языкового творчества на разных этапах эволюции русского языка, на разных стадиях его развития.

Предмет истории русского литературного языка с позиций теории языкового существования – понимание процесса становления, изменения и функционирования литературно-языковой системы, обнаружение сложных и противоречивых тенденций языкового развития, своеобразия грамматических и лексических категорий литературного языка, а также выявление предельных возможностей индивидуального нарушения норм литературного выражения.

Объект истории русского литературного языка с позиций теории языкового – описательная и историческая ритмика, отражающая и изображающая историю господствующих в данном литературном языке ритмических, интонационных, интеллектуальных схем.

Основным подходом к истории полагается культурно-семиотический подход Б.А. Успенского [Успенский, 2002], предполагающий апелляцию к внутренней точке зрения самих участников исторического процесса, отсюда словесное произведение представляет, в таком случае, источник информации о подобной точке зрения. Реконструируются те субъективные мотивы, которые оказываются непосредственными импульсами для тех или иных действий. В семиотическом пространстве, как считает Б.А. Успенский, исторический процесс может быть представлен как процесс коммуникации, при котором постоянно поступающая новая информация обуславливает ту или иную ответную реакцию со стороны общественного адресата – социума. Причем то или иное осмысление событийного текста предопределяет дальнейшее развитие событий, что влияет на значимость процедур толкования – чтения – для развития истории и стабилизации процесса коммуникации. В своей элементарной фазе исторический процесс предстает как процесс порождения новых «фраз» на некотором языке и прочтения их общественным адресатом, что и определяет ответную реакцию социума. Ответная реакция со стороны общества на новую поступающую информацию проявляется

в поисках новых комбинаций единиц литературного языка (комбинаторных свойств семантических множеств языка), наиболее адекватно описывающих/интерпретирующих текст событий. Реальный мир более не есть живое слово (речь самого бога, божественное откровение), но лишь изреченное, застывшее слово. «Слово или речь бога, – пишет Ф. Шеллинг, – рассматривали как эманацию (Ausflub) божественного знания, как плодоношение, гармонию божественного продуцирования, расчлененную в самой себе и все же согласованную» [Шеллинг, 1999, с. 215]. Божественное знание символически выражается через язык. Язык, как жизненно (lebendig) выражающее себя бесконечное утверждение, считает Ф. Шеллинг, есть высший символ хаоса, который неизменным образом положен в абсолютном познании... Чувственное и нечувственное здесь совпадают, наиболее осязаемое становится знаком наиболее духовного. Все становится образом всего, и как раз потому речь – символом тождества всех вещей. Во внутренней конструкции самой речи все единичное определяется целым; невозможна ни одна форма или отдельный элемент речи, который не предполагал бы целого» [Шеллинг, 1999, с. 216].

Идея необходимым образом стремится к оболочке, к телу, через которое она объективируется, она интегрируется через реальное – слово изреченное. В этом интегрировании зарождается наиболее соответствующий символ абсолютного, или бесконечного, коим, по заключению Ф. Шеллинга, и является язык. Проводя историческое исследование истории литературного языка, мы изучаем историю становления символов абсолютного, или бесконечного, и особенности абсолютного акта познания, характерного для языковой общности, управляющей историческим процессом с помощью литературного языка, поскольку язык, в понимании Ф. Шеллинга, есть не только относительный, но и вновь интегрированный со своей противоположностью и постольку вновь абсолютный акт познания.

Б.А. Успенский считает, что восприятие истории оказывается одним из основных факторов эволюции «языка» истории, т.е. того языка, на котором происходит коммуникация в историческом процессе. «Исторический процесс в своей элементарной фазе предстает как последовательность рекурсивных ходов: от настоящего к прошлому, от прошлого к будущему и т.д.» [Успенский, 2002, с. 20]. Таким образом, прошлое переосмысливается

с точки зрения меняющегося настоящего, а исторический опыт оказывает влияние на будущий ход истории. Из этого вытекает сущность семиотического подхода к истории – прошлое видится в перспективе актуальных событий настоящего, определяя направление исторического процесса, движение истории.

Культурно-семиотический подход к истории при изучении истории русского литературного языка следует признать наиболее продуктивным, поскольку он позволяет раскрыть особенности существования (бытия) русского народа во времени, изучить модификацию его духовных структур, влияющих, в свою очередь, на морфогенез социума (изменение социальных структур). Понятие существования (бытия), как считает Б.А. Успенский, ассоциируется прежде всего с пространством, которое признается чем-то ясным. Существование во времени требует определенного осмысления, поскольку оно связано с возможностью изменения объекта, и таким образом проблема существования во времени сводится к проблеме идентификации, т.е. признания объекта тем же объектом и в новом состоянии. Для русского народа, представляющего совокупность этнических общностей, существование во времени, т.е. проблема идентификации, связано с аспектом существования в языке как символе абсолютного акта познания, бесконечного. В языковой форме русского литературного языка присутствует стремление идеи к оболочке, слова божественного – к слову изреченному, т.е. моделируются виртуальные состояния предмета (спектр его возможных превращений в другое), что, в конечном итоге, создает логический образ мира как целого, замыкающегося на себе в точке этого предмета. Принципы замыкания историчны, по ним возможно реконструировать актуализацию абсолютного в той или иной точке исторического становления социальной общности «русский народ». Языковая форма существования становится формой поддержания жизнедеятельности общности социальной, одной из форм проявления ее жизни.

Языковое существование, в соответствии с японской теорией языкового существования, есть форма человеческого существования, это бытие человека, проявляющееся в его действиях, связанных с речевым общением, которые и составляют полноценность человеческой жизни и противопоставляют его как существо социальное миру животному. В этом термине является исходным не понятие языка, а идея жизни человека [Неверов, 1982].

Термин «языковое существование» подразумевает прежде всего жизнь человека в одном из ее социальных проявлений – в языке. Язык, в таком случае, по утверждению М. Хайдеггера, представляет собой дом бытия, конструктивным принципом созидания которого становится «естественная установка на мир» [Хайдеггер, 1992]. С «естественной установкой на мир» при рассмотрении мыследеятельности носителя с феноменологических позиций связывается тематизация бытийного смысла и бытийной значимости. Осуществление подобной тематизации, считает П. Прехтель, позволяет выяснить как мир существует, т.е. каким образом наши представления, восприятия суждений могут претендовать на объективность, как возникает идея объективности [Прехтель, 1999]. Добывание чувственных впечатлений обеспечивает поддержание резонансного взаимодействия человеческого мира с миром природы – миром форм. Местом контактирования двух миров становится языковая форма.

Добывание чувственных впечатлений рассматривается как задача языка А.С. Хомяковым: «Язык, чтобы быть послушным и художественным орудием нашей мысли, должен быть не только частью нашего знания, но и частью нашей жизни, частью нас самих» [Хомяков, 1878, с. 20]. Понятию «существование» в русском языке соответствует три японских слова *сэймэй*, *сондзай*, *сэйкацу*, которые на русский язык переводятся одинаково – *жизнь*, хотя в языке-оригинале обладают совершенно разными значениями. Так, слово *сэймэй* означает то, что дает жизненные силы человеку или любому живому организму (жизнь человека), слово *сондзай* передает идею бытия, наличие какого-либо предмета, вещи, состояния в определенный момент времени, существования одних объектов, соизмеренного с существованием других, слово *сэйкацу* ориентирует, с одной стороны, на бытовое существование, с другой – на высокую философскую абстракцию. Н.В. Гоголь, определяя особенности связи русского литературного языка XIX в. с народными говорами в статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность?», в качестве более актуального для русской языковой культуры выявляет, на наш взгляд, именно категорию *сэйкацу*: «В русском языке все тени и оттенки, все переходы звуков от самых твердых до самых нежных и мягких; он беспределен и может, живой как жизнь, обогащаться ежеминутно, почерпая, с одной стороны, вы-

сокие слова из языка церковно-библейского, а с другой стороны, выбирая на выбор меткие названия из бесчисленных своих наречий, рассыпанных по нашим провинциям, имея возможность, таким образом, в одной и той же речи восходить до высоты, недоступной никакому другому языку, и опускаться до простоты, ощутительной осязанию непонятливейшего человека» [Виноградов, 1945, с. 92–93].

Языковое бытие зависит от актов сознания – в языковой форме закрепляется бесконечное пространство того, что испытывается сознанием и какое значение имеет испытываемое. Особую ценность в этом плане представляет диалектная языковая форма, форма народного говора, сообщающая, по утверждению В.В. Виноградова, русскому языку реалистическую живописность, разнообразие экспрессивных красок, свободу выражения, широту стилистических вариаций [Виноградов, 1945, с. 94].

В XX в. особое внимание исследователей привлекают сибирские говоры, формы толкования мира представителями сибирской диалектной речи. Интересными в плане языкового существования являются фразеосхемы, представляющие гелетические конструкции в сознании представителя сибирской диалектной речи. Гелетические конструкции демонстрируют существование особого типа восприятия формы мира, при котором суммы впечатлений превращаются в понятийные множества. А.Ф. Лосев, описывая гелетические конструкции, иллюстрирует их существование в музыкальном материале: мотив развивается в тему, которая через развитие приходит или к центральному развитию или к конфликту, дающему циклическую форму, в дальнейшем переходящую в свободные формы развития [Лосев, 1995]. Именно гелетические конструкции являются основой национальной оригинальности и самобытности, которые так характеризуются Г.И. Успенским: «Оригинальность и самобытность народной речи... делает эту речь и это народное слово совершенно свободным, не знающим никаких стеснений, особенно если дело идет «промежду себя». Это преимущество народного разговора, важное само по себе, приобретает особенную важность и интерес ввиду того огромного материала, взятого непосредственно из жизни, который имеет в своем бесконтрольном распоряжении эта свободная народная мысль, выражающаяся в свободном слове» [Виноградов, 1945, с. 96]. Фразеосхемы, представляющие гелети-

ческие конструкции в сознании представителя сибирской диалектной речи, являются формами толкования мира, моделирующими языковую форму мира, расцениваемую, в соответствии с основными позициями теории языкового существования, в качестве одной из форм проявления жизни.

Развитие мотива в тему обнаруживается во фразеосхемах, составленных из субстантива и определяющего его атрибута: *ангельские крылышки, бабья свадьба, венчальный цвет, медвежьи уши, гусиная лапка, тройная кобылка, кукушкины лапти, марьяны корешки, мышь репка, отрезанный ломоть, язык толстый, худая голова, свиначьи картошки* и т.п.¹ В подобных фразеосхемах определяются мгновения жизни мира и мира собственно человеческого, личностного, привлекающие внимание представителя сибирской диалектной речи и помогающие ему придать событийную значимость собственному существованию: превратить повседневную человеческую реальность в составляющую природной архитектурной структуры.

Приближение к свободным формам развития, обустройство человеческого существования в природно-циклическом бытии обнаруживаем во фразеосхемах, составленных из глагола и существительного в им. п.: *блуд напал, жажда берет, совет не берет, бутылка заставила, засуха взяла, года подошли, голова не варит, душа заходится, ноги спят, пуп трещит, пятки говорят, сердце прискажет, язык потерялся*. При отборе существительных учитывалась также позиция существительного – предшествование глаголу. Употребление фразеосхем, тождественных предикативной основе предложения, является первым методический шаг представителя сибирской диалектной речи в формировании смысловых и бытовых представлений – эпохе, приостановку мира. Эпохе, по утверждению Гуссерля [Гуссерль, 1994], будучи приостановкой мира, заключением в скобки, представляет мир в его бытии как конституированный мир конституирующего сознания. Благодаря эпохе, мир предстает как коррелят субъективности сознания. Фразеосхемы фиксируют конституирование пространственно-вещной структуры мира, внутренний горизонт восприятия мира. Любое отдельное восприятие несет с собой антиципа-

---

¹ Материалы взяты из «Словаря образных слов и выражений народного говора», составленного О.И. Блиновой, С.Э. Мартыновой, Е.А. Юриной (Томск, 2001).

ции, отсылающие к связи восприятия: ряд восприятий объединяется в единую связь опыта, пребывающую под тем же принципиальным условием возможности изменения лишь «относительных» истин. Мир дан нам в подобных рядах восприятий. Такого рода интенционально конструированная связь составляет наше представление о мире и реальности. Мировой опыт сознания конституируется в систематически связывающихся последовательностях фактического и возможного процессов восприятия, в которых все новые области мира способны восприниматься. Новой областью восприятия-осмысления диалектной сибирской речи предстает человек, линейная конструкция которого как вариация схемы мироздания выглядят следующим образом: *голова, волосы, кишки, ноги, глаза, руки, язык, сердце, пятки, пуп*. «Спутниками»-атрибутами человеческого существования оказываются *блуд, жажда, засуха, бутылка, присталь, чёрт, нужда, совет, стон, смех*. Систематическая связанность земного и неземного существования определяется знаками «душа»: «чёрт», «могила», «смерть». Условия возможности коррекции «относительных» истин определяется знаками *засуха, годы, мороз, язык, след, калачики* (преображенная метафора колеса жизни). В рассматриваемых фразеосхемах предложены секвенции, последовательности восприятий, которые в дальнейшем основанием опыта накопления восприятий мира в языковой форме. Актуальным в актах познания реальности представителями сибирской диалектной речи становится плотское сознание. Плотское сознание, нацеленное на непосредственный контакт с природными формами, изображает существование человека как явленность природного духа, пребывающего и убывающего в/из физической материи через информационно-энергетическую систему «душа–память–нервы». Эта триединая формула согласования *стиля мышления, языка и нормы* представляет собой запись закона формального существования человека (существования в форме), мотивированного естественной установкой на мир.

Плотское сознание представителя сибирской диалектной речи актуализируется во фразеосхемах, составленных по формуле: *сущ. в вин.п. + глагол, сущ. в тв.п. + глагол*. Примеры подобных фразеосхем: *ноги задрать, жару давать, кожу дерет, глаза про-давать, басни распускать, бока наломать, век коротать, кулак соплей намотать, путь давать, руки связывать, нервы третать, уши развесить, щетину повыдергивать, язык ломать* и т.п.

Плотское сознание, если оставаться в контексте феноменологии Э. Гуссерля, связано с опытом в горизонте возможностей. Опыт в горизонте возможностей имеет обратную связь с сознанием, чтобы она могла добывать для себя дальнейшие чувственные впечатления посредством телесной активности. В этом артикулируется, как считает П. Прехтель, сознание о теле как органе восприятия и ощущения, которым человек произвольно двигает: тело становится органом восприятия, телесные движения осуществляются с тем, чтобы обрести новые впечатления и связанные с ними новые способы видения (в этой целенаправленной телесной активности осуществляется соединение друг с другом отдельных сенсорных впечатлений). Добывание чувственных впечатлений обеспечивает поддержание резонансного взаимодействия человеческого мира с миром природным – миром форм. Местом контактирования двух миров становится форма языковая в ее частной реализации – фразеосхеме, именно она поддерживает цикличность человеческого существования. Бытовое существование, сопрягаемое с высокой философской абстракцией, открывается во фразеосхемах: *век коротать, концы схоронить, хомут надеть, венец принять*. Идея бытия, соизмеренность существования с существованием других (*сондзай*) обнаруживает себя во фразеосхемах: *жару задавать, живым не пахнет, рога в землю воткнуть, щетину повыдергивать, брылы развесить* и т.п. Особенности *сэймэй* (жизни человека) характеризуются фразеосхемами *кисели хлебать, кашу заварить, воды не замутит, водой не разольешь* и т.п. Также открываются потенциалы заполнения внутреннего горизонта, определяется внутренний состав (наполнение) тела: *душой кривить, нервы трепать, память вышибить* (*нервы, душа, память*), намечаются координаты внешней среды: *небо коптить, путь давать, собаку съесть, камушки считать* и т.п. (*путь, небо, собака, камушки*).

Русская народная культура поражает своей целостностью, внутренним единством, утверждал В.В. Виноградов [Виноградов, 1945]. К.С. Аксаков писал: «В русской земле (народе) единство во всех ее проявлениях; всюду проводится то же начало и тот же образ: язык, одежда, общественное устройство, песня (содержание), музыка (напев), поэтическая речь (стих), сказка, пословица, шутка, обычаи, пляска, – одним словом, все проникнуто тем же духом. Чрезвычайно замечательны обычаи, где вся жизнь, не переходя

в мир искусства, а оставаясь вполне жизнью, проникается светом и мыслью, где слово также просветлено и становится поэтическим. Все разговоры, все действия, всё проникнуто значением высоким, внутренним смыслом жизни» [Аксаков, 1889, с. 597–598].

Внутренний смысл жизни, представленный в форме русского языка, открывается через декоративное чутье россиянина. Именно эстетическое отношение к миру позволяет жителю России зрительно объединять в ансамбли отдельные предметы, а следовательно, создавать объемно-пространственные формы предметов. Мир при этом существует как событие, являющееся результатом художественного конструирования, при котором зрительно-пространственные формы не предполагают прямых аналогий с реальной действительностью. Художественное конструирование представляет собой один из вариантов интеллектуального моделирования, мысленного эксперимента с целью нахождения программы функционирования вещи, мира, человека, социальной системы.

История русского литературного языка как дисциплина, призванная реконструировать в языковой жизни социальной общности и в языковых формах генезис социальной (государственной) идеи, зижделась при ее методическом оформлении также на декоративном чутье представителя русской культуры. Истоки истории русского литературного языка обнаруживают себя в общекультурной ситуации 20–30-х гг., когда в архитектуре, оформительском и театрально-декоративном искусстве, искусстве книги, плаката, художественном конструировании доминирующим был стиль конструктивизма, стиль не только собственно художественный, но и стиль осмысления жизни и накопления фактов коллективного опыта (коллективной памяти). Сторонники конструктивизма стремились осмыслить формообразующие возможности техники, эстетические возможности различных материалов (металл, стекло, дерево), выдвигая задачу «конструирования» окружающей среды, которая должна активно направлять жизненные процессы. На первый план выводится функциональная геометрия формы и возможности ее воспроизведения. Новые предметные формы, подчеркнута утилитарные, способствовали приданию демократичности новым отношениям между людьми. В языкознании доминирующим становится функционализм в своей структурной ипостаси, а главенствующей категорией, регули-

рующей языковые отношения, норма. Конструктивистский стиль мышления объединил в истории литературного языка две когнитивно-эпистемологические ситуации: когнитивно-эпистемологическую ситуацию конца XIX – начала XX вв., отличительными чертами которой являются православная соборность, русская образованность, и когнитивно-эпистемологическую ситуацию 20–30-х гг. XX в., характеризующейся принципами коллективизма, демократического централизма, культурологическим течением «ликвидация безграмотности» (по сути формирования коммуникативной компетенции строителя коммунизма).

В задачи литературной истории языка, по убеждению теоретиков французской литературы, входит изучение литературных свойств, особенностей и богатств главного наречия в его различных исторических стадиях. Историю в таком случае уместнее толковать как последовательность событий, соответствующих сопряженным переходам эпистемического процесса, язык же – как квазипорядок на множестве событий; литературную историю языка – как операционную историю программы (в данном случае при толковании понятий мы прибегали к понятиям, используемым в области распределенных вычислений в масштабируемых средах [Топорков, 2004]. Для операционных историй, историй параллельных процессов в распределенных средах, отношение переходов строится на передаче управления. Литературная история языка создает Storyspace [Landow, 1995], являющееся средой масштабирования когнитивных процессов, ориентированной на прагматистское мышление, которое располагает простой кодовой комбинацией (a simple key combination), гарантирующей вход в пространство содержаний системы канонического обозначения, изложенной в богослужебных книгах. Элементы логической структуры мысли, выделяемые на основе простой кодовой комбинации, позволяют определить, какая система правил формирует «субстрат коллективной жизни» [Ларин, 1977] и какая модель мира грамматикализуется в «языковом быту». Сравнительно-исторический метод, активно работающий при изучении истории языка, распадается на две самостоятельные методические ветви: а) компаративную, выявляющую особенности функционирования в произведениях, принадлежащих одному историческому срезу и структурно-семантическим единствам, представляющих логическую структуру Storyspace; б) историческую, направленную на

исследование наступления события – появления лексической единицы, синтаксической конструкции-связи, деривационного формата и т.п., – подразумевающее выполнение условий готовности языковой системы как совокупность логических функций (ориентируемся вновь на область распределяемых вычислений) от других событий – когнитивного и эпистемологического порядка.

Оформление в 30-е гг. XX столетия самостоятельной дисциплины «история русского литературного языка» вывело историческую дисциплину за пределы распространения влияния сравнительно-исторического метода, превращая ее в событийное описание взаимодействующих процессов – коллективного эпистемологического и индивидуального когнитивного, – созидающих систем с «единым временем», в которых множество тегов (меток оператора программы) представляет множество меток времени.

Русский литературный язык XIX и XX столетий, по мнению Л.В. Щербы, должен быть представлен «в виде концентрических кругов – основного и целого ряда дополнительных, каждый из которых должен заключать в себе обозначения (поскольку они имеются) тех же понятий, что и в основном круге, но с теми или другими дополнительными оттенками, а также обозначения таких понятий, которых нет в основном круге, но которые имеют данный дополнительный оттенок» [Щерба, 1939]. Комментируя позицию Л.В. Щербы, В.В. Виноградов замечает, что литературный язык в этом случае является лишь системой соотносительных одна с другой и функционально разграниченных языковых разновидностей; построенная по этому принципу история русского литературного языка растворит в себе и языковой материал, извлеченный из сочинений отдельных писателей, и распределит его по общим семантическим и стилистическим категориям языковой системы [Виноградов, 1978]. «Отношение стиля писателя к общей системе литературного языка различно в различные эпохи культуры, так как степень проявления индивидуальности в сфере словесного искусства и степень сознания стиля личности возрастает вместе с формированием и развитием личного начала в обществе. Кроме того, формы и интенсивность индивидуализации словесного искусства зависит от различий художественных мировоззрений» [Виноградов, 1978, с. 156].

Размышляя о задачах истории русского литературного языка, В.В. Виноградов обращает внимание на решение проблем, на-

правленных к открытию закономерностей образования и смены различных систем литературного языка, реконструированию общей схемы литературного языка для всех стадий его развития (поскольку стили и стилистические категории – величины исторически изменчивые), изучению вопроса взаимодействия литературного языка, языка города и народных говоров, стилей разговорного и книжного языков, общелитературного языка и языка художественной литературы. Таким образом, литературная история языка обретает иную социальную значимость и иные формы представления эмпирического материала, а также иные способы теоретического осмысления последнего в совокупности с процессами, влияющими на возникновение «языкового материала» и собственную историю его существования в *Storyspace*.

История русского литературного языка в разработке В.В. Виноградова глубоко семиотична по своей сути – под историей русского литературного языка понимается история последовательно сменяющихся и генетически обусловленных систем, свойственных разным периодам развития языка. Сменяющиеся системы литературного языка тождественны означивающим практикам, выделенным Ю. Кристевой в ходе разработки идеологии и структуры семанализа [Kristeva, 1969]. В ряду означивающих практик Ю. Кристева определяет нарратив, метаязык, теорию (созерцание) и текст, рассматривая последний как транслингвистический аппарат, перераспределяющий порядок языка и представляющий собой ритмическое чередование парных категорий, прохождение инстинктивных ритмов через определенные положения, производящее значение всегда избыточное по отношению к предшествующему.

Означивающие практики в концепции В.В. Виноградова не типологизируются, дифференцируется их внутренняя структура – они представляют собой внутренне объединенное сочетание и сочленение разных стилей и жанровых разновидностей, произведения рядовых писателей, литературные тексты государственного, бытового, профессионального, научного, общественно-политического и другого содержания, сочинения великих мастеров слова. Текст, являясь центрирующим моментом когнитивно-художественной культуры этноса, по В.В. Виноградову, не обретает статус самостоятельной означивающей практики. Это скорее проекция некой совокупности меток из множества меток эписте-

мологической ситуации в необязательно конечном множестве состояний когнитивного процесса, измеримая относительно времени, характерного для множества меток (тегов). Общелитературный язык предстает как множество допустимых когнитивных процессов в определенной эпистемической ситуации, а язык художественной литературы – как совокупность операций последовательной и параллельной композиции приращений смысла, посредством которых открывается креативный потенциал дискурса, принимаемого в качестве социального потока знаний [Jäger, 1999].

Особо в размышлениях В.В. Виноградова о последовательной смене разных языковых систем следует выделить «внутренне объединенное сочетание и сочленение», выводящее историю русского литературного языка в область знаниеведения в трактовке М. Фуко, акцентирующего внимание на понятии диспозитива, выступающего матрицей конфигурирования культивируемых обществом практик и фиксирующего систему стратегических ориентиров целеполагания, которая задается характерным для того или иного социума комплексом «власть–знание» [Фуко, 1977].

Рассматриваемый с этих позиций литературный язык выступает в виде культивируемой обществом практики, с одной стороны, с другой стороны, в виде совокупности семантик, практик означивания, формирующих когерентный исторический дискурс – вербально артикулируемую форму объективации сознания. Следовательно, история русского литературного языка предстает как комментарий к практикам означивания процессов конфигурирования нарративной и метаязыковой функций познающего сознания, предел деятельности которого очерчивается эпистемологической ситуацией и метафизически ориентированным мышлением.

В основе подобного мегакомментария («история русского литературного языка») уместнее положить логико-методологический прием конфигурирования [Щедровицкий, 1995], особой мыслительной техники синтезирования разнопредметных знаний, различных представлений об одном и том же предмете. Принципы конфигурирования были разработаны в московском методологическом кружке как средство преодоления разрыва в социокультурной ситуации, обусловленного отсутствием общих логических и методологических принципов теоретического синтеза

знаний, переноса знаний из одной области в другую и порождающего реальные теоретические и практические сложности в решении социокультурных проблем. Соотнесение знаний, с позиций разработчиков концепции, возможно через построение онтологии, репрезентирующей действительность объекта (в нашем случае – текста идеологии новой социальной общности), прежде всего онтологии, выступающей в функции изображения объекта как такового. Роль подобной онтологии выполняет конфигуратор – идеальное изображение структуры объекта, объясняющее и обосновывающее существующие знания, подобным конфигуратором, с точки зрения разработчика конвенции «История русского литературного языка», должен являться русский литературный язык, точнее, язык русской литературы, в узком терминологическом применении, в более широком идеологическом плане – литературный язык, или язык литературы вообще. (Если эстетика современного русского литературного языка определяется литературным направлением «реализм», то эстетика и поэтика литературного языка – практики означивания в СССР – определяются социалистическим реализмом). Способность построения конфигуратора, пользуясь литературным языком, или онтологии объекта (природных циклов), демонстрирует уровень дискурсивной компетенции языковой общности, ее способность участвовать в культивировании глобального дискурса (общецивилизационного), который моделируется языковой практикой, экстраполированной за пределы узкоспециализированного этнического суждения (умозаключения, сентанции).

Глава 2

ПРОЦЕСС МЫСЛЕННОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ ВЕЩИ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Особый статус русского литературного языка как русского национального языка был обозначен Ф.П. Филиным [Филин, 1981] в связи с необходимостью определения гиперонимического компонента, обеспечивающего единство и целостность союзного государственного устройства: язык характеризовался как фактор, организующий систему «нация» и тождественный по своему семантическому потенциалу факторам территориальному, экономическому и психическому (психический склад). Русскому литературному языку предопределялось сыграть в истории становления государственных образований ту же самую роль, с которой в свое время справился язык Московского княжества.

Язык Московского княжества, с одной стороны, способствовал выделению в самостоятельное государственно-структурное образование Московской Руси – преемницы и вместе с тем христианско-политической оппозиции Киевской Руси. Семиотическое единство «Киевская Русь» завершило цикл «византийского» преобразования восточных славян и положило начало поиску самоидентификационной «православно-славянской» формулы, которая оправдала бы выбор славянами христианства в качестве жизнеобустраивающей силы и выявила цивилизационную целесообразность союза славянских племен «под одной» идеей.

С другой стороны, лингвоментальный феномен «язык Московского государства» закрепил за языком отдельного территориального образования право выступать в качестве семантической базы для языка государственной политики, или дискурса власти. «Процесс образования Московского государства, – пишет В.В. Виноградов, – объединенного постепенно все феодальные княжества и северорусские народоправства, сопровождался концентрацией общерусских или способных стать общерусскими элементов в составе литературного языка. И тут роль народной струи стала еще более значительной, чем в киевскую эпоху. Сама эта народная струя – иная по своим племенным и социально-политическим основам, струя великорусская, была более пестра и разнообразна. Несмотря на то, что южнорусская литературно-языковая культура не могла быть целиком пересажена на почву

Руси северо-восточной, – в новую этнографическую и культурно-политическую среду, здесь поток народных жизненных сил оказался не менее мощным и, во всяком случае, в силу большего разнообразия живых народных говоров гораздо более богатым этническими и областными красками» [Виноградов, 1945, с. 81–82].

Уместно, считает В.В. Виноградов, вести разговор о вкладе, который сделали в общерусский национальный язык отдельные области России, однако, как считает ученый, эти вопросы, в отличие от истории французского литературного языка, у нас почти не затрагиваются. Жорж Ренар в своем сочинении, касающемся научного метода в истории литературы о французской культуре, писал следующее: «В известные эпохи та или другая провинция берет первую роль; она интеллектуально первенствует, идет во главе Франции, поставляет для нее крупнейших людей... Без сомнения, есть социальные причины, объясняющие богатство человеческой жатвы, собранной поочередно из разных провинций... Но каковы бы ни были причины, переносящие из одной области в другую интеллектуальное превосходство, отсюда следует, что дух известной эпохи может иметь окраску гасконскую, нормандскую или парижскую. Если тщательно анализировать и сравнивать произведения людей, которые выходят из главенствующей провинции, можно найти много речений, местных событий, особых обычаев, обиходных образов, которые составляют вклад этой провинции в национальную цивилизацию» [Renard, 1890, с. 140–141].

Однако языковая политика государства в эпоху СССР, придавая русскому литературному языку статус национального, лишает его статуса символа, средства самоидентификации, способа накопления коллективного опыта-памяти христианско-славянской общности «русский народ». Культурно-политический проект «Союз Советских Социалистических Республик» лишил русский литературный язык предписанной ему функции средства оформления культурного ядра общности «русский народ». Русскому литературному языку «вменяется в обязанность» обслуживание нового геополитического образования и исполнение роли тренд-структуры.

Тренд-структура, или коммуникативный фильтр, по утверждению Р. Коллинза [Collins, 1986], К. Чейз-Данна, Т. Холла [Chase-Dunn, Hall, 1997], представляет устойчивый комплекс параметров и их связей, определяющий взаимозависимость состав-

ляющих тенденций. Для каждой связи должны быть заданы условия ее осуществления. Подобные условия предопределяются системой представлений того социума, который выступает в качестве общественного адресата и определяет непосредственный механизм развертывания событий, т.е. определяет ритм развертывания исторического процесса как такового. Таким образом, русский литературный язык, дифференцируемый как язык национальный, должен был стать системой управляющей движением исторического процесса, существо которого определяется как социальный коммунизм, а основным литературным течением, комментирующим (истолковывающим) его внутреннюю форму, признается социалистический реализм. Констатация нового литературного направления, по сути своей, влекла за собой и констатацию новой фазы в развитии русского языка, новой по сравнению с фазой «современный русский язык», но формально признаваемой модификацией эйдоса СССР.

Социально-политические события 90-х гг. XX в., изменившие историю государств, объединенных в союз социалистических республик, обнаружили не только ареспектабельность республиканской идеи для евроазиатского единства, но и утрату социально-исторической общностью «русский народ» права на символ самоидентификации «русский язык». Русский литературный язык обретает статус символа идентификации евроазиатской (евразийской) нации.

Российское государство, в отведенном ему государственно-политическом стандарте «Российская Федерация», вынуждено было пожертвовать своим правом первовладения русским литературным языком, русской книжностью, русской книжной культурой во имя когерентности, устойчивости изображения.

Русский литературный язык в новом государственном образовании – это система, которой предписано поддерживать баланс эйдетических структур различных этносов (что неизбежно должно повлечь за собой и реорганизацию Логоса и онтологической категории I.X.). Кроме того, русский литературный язык (или КЯРЗ – книжный язык *Русской Земли*) – это и когерентная логика, т.е. логика, допускающая особое семантическое истолкование на объектах, способных претерпевать определенное «онтологическое развитие» (появление существенно новых объектов, возникновение между ними новых связей).

Книжная традиция формирует принципы роста человеческого духа, систематизирует и направляет эту работу. Как считает С.С. Аверинцев [Аверинцев, 1997], в лирах, буквах материализуются нарративные стратегии работы духа. Позднеантичный культ книги, по утверждению С.С. Аверинцева, определяется воздействием двух факторов: 1) присущим христианству преклонением перед Библией как письменно фиксированным словом Божиим; 2) присущим позднеиудейскому (протокабалистическому) позднеязыческому и гностическому синкретизму преклонения перед алфавитом как вместилищем неизреченных тайн.

Современное религиоведение зачисляет христианство в категорию «религий Писания» [Аверинцев, 1997], мусульмане в свое время зачисляли христиан в категорию ахль-аль-китаб (людей Книги). Книга – это символ откровения, символ сокровенного, трансцендентной тайны. Поглощение книги выступает в качестве символа посвящения в трансцендентную тайну. Христиане первых веков были в необычайной степени читающим и сочиняющим книги народом. Вера в святость «Писаний» делала, как, отмечает С.С. Аверинцев, все атрибуты книжности почтенными, вера в магию алфавита делала их таинственными. Кто не способен ощутить в себе и оценить в другом, констатировал знаменитый ритор второй половины IV в. Ливаний, привязанность к искусно выполненной книге, к изящному начертанию ее букв, просто невежа, стоящий за дверями культуры – книжной культуры [Аверинцев, 1997].

Век IV является поворотным пунктом в истории греческого письма: меняется отношение образованного общества к искусству письма и одновременно меняется и само искусство письма: оно становится одним из прикладных искусств, получившим особое значение в системе византийской культуры. Центральная задача византийского сакрального искусства – построение «Лица», поклонение которому ограничивает поклонение «Книге».

Иудаизм и вслед за ним ислам, считает С.С. Аверинцев, разрабатывали доктрину о предвечном бытии сакрального текста (Торы или Корана) – как довременной нормы для еще не сотворенного мира. В христианском мире место этой доктрины занимает учение о предвечном и довременном бытии Логоса, понятием как личность («ипостась»). Много выше, чем письменна «Писания», для христианского сознания стоит лик воплощенного Лого-

са – человеческое лицо Христа. По христианской доктрине, норма всех норм, «путь, истина и жизнь» – это сам Христос (не его учение или его «слово», как нечто отличное от его личности, но его личность как «Слово»). Однако очень естественно само имя «Логос», или «Слово», ассоциировалось с понятием *слова* как текста, с понятием книги. Следовательно, для восточных славян книжная культура – это культура создания истинного суждения, приближающая к сакральной истине и повторяющая по форме словесного выражения форму Логоса, или лика Божьего. Причем истину в данном случае уместнее толковать в духе К. Поппер: истина есть соответствие фактам, соответствие высказываний фактам, которые они описывают [Поппер, 2002].

Книжный язык – это метаязык, на котором формулируется теория порядка и связи когнитивной этнической культуры, теория соответствия языковых форм идеологическим структурам, направляющих и координирующих ментальную активность территориальных образований государственной общности. Любая теория соответствия должна формулироваться на метаязыке, т.е. метаязыке, на котором можно обсуждать выражения некоторого исследуемого языка-объекта или говорить о них. Для христианства Логоса, или личности Христа, подобной теорией соответствия становится система принципов упорядочения кириллических логограмм в знаковые мини-комплексы – лексемы, обеспечивающие устойчивые связи между системой значений «представителя» славянской семантической Вселенной и кириллической графической системой (а также кириллической графической моделью мира).

Восточная ветвь христианства – это особая аксиологическая система, своеобразная теологическая теория, основанная на синтезе отношений *византийского искусства письма, греко-римского готового суждения, славянского объемного мышления мира*. Русский книжный язык как язык, отвечающий за процесс синтеза, следует определить в качестве метаязыка, организующего объективную деятельность носителей языка по переработке первоначального множества синтезов отношений славян (восточных славян) в синтез отношений «Киевская Русь». Он включал в себя, будучи метаязыком: а) логические репрезентации онтологических категорий православия; б) имена высказываний Логоса (Писания), представленные в восточнославянской морфологии

в качестве метаморфоз предмета в формах одного и того же слова и византийском синтаксисе в качестве приближения цельно-оформленной синтаксической конструкции к изображению лика Божьего с помощью комбинации форм Логоса, представленного в грамматических формах слова; в) макровысказывания, описывающие факты, которые обсуждаются на языке территории (диалекте) восточных славян: канонические тексты «Русская правда», «Домострой», «Поучения Владимира Мономаха»; г) термины, обозначающие предикаты когнитивной культуры, пропозициональные связки, т.е. мыслительные схемы, схемы вовлечения мысли в движение (жанры) и отношения (речения, дискурсы).

Русский книжный язык должен был обеспечить движение нового территориального образования – СССР – в потоке знаний и информационных потоках в пространстве и во времени. Образование геополитического единства «Киевская Русь», консолидируемого не экономической, а языковой культурой, представляло собой в завершении нового тысячелетнего существования человечества «новую эру» по сравнению с полисным принципом его функционирования. В этом, видимо, возможно также усмотреть материализацию основных принципов существования виртуального индоевропейского союза.

Теоретическое осмысление индоевропейского единства – единства прежде всего языкового, надгеополитического – состоялось в завершении II тыс., практически на исходе тысячелетнего существования православия, виртуального объекта «Киевская Русь».

Идея языкового союза была впервые выдвинута Н.С. Трубецким в работе «Мысли о индоевропейской проблеме», исходившего из того, что «предположение, что индоевропейское семейство получилось благодаря конвергентному развитию первоначально неродственных языков друг другу (предков позднейших «ветвей» индоевропейского семейства), отнюдь не менее правдоподобно, чем обратное предположение, будто все индоевропейские языки развились из единого индоевропейского языка путем чисто дивергентной эволюции» [Трубецкой, 1958, с. 85]. Н.С. Трубецкой признает целесообразным отказаться от понятия проязыка и заменить учение о семье индоевропейских языков, образовавшейся в результате распада общеиндоевропейского языка, учением об индоевропейском языковом союзе. Становление подобного язы-

кового союза выглядит следующим образом: «С таким же основанием можно предполагать и обратную картину развития, т.е. предполагать, что предки индоевропейских ветвей первоначально были непохожи друг на друга и только с течением времени благодаря контакту, взаимным влияниям и заимствованиям значительно сблизились друг с другом, однако без того, чтобы вполне совпасть друг с другом. История языков знает и дивергентное, и конвергентное развитие» [Трубецкой, 1958, с. 67]. Концепция языковых союзов, в частности Дж. Девото и В. Пизани [Макаев, 2004], полагающая в качестве основного конвергентный путь развития, влечет, по мнению теоретика общего и сравнительного языкознания Э.А. Макаева, необходимость признания и доказательства того, что «индоевропейские языки, индоевропейский структурный тип образовались вследствие вхождения неродственных языков» в определенный союз, в котором постепенно сплавлялись благодаря постоянным контактам и взаимным влияниям, гетерогенные элементы, приводя в результате к их нивелировке и унификации» [Макаев, 2004, с. 89].

Проблема при идентификации индоевропейской общности, считает английский ученый Норманн Дэвис [Дэвис, 2004], состоит в установлении того, что, кроме языка, объединяет индоевропейцев: идея будто язык обязательно связан с определенной народностью давно опровергла себя, поскольку языки с легкостью передаются от одной этнической группы к другой. Все языки, принадлежащие к группе индоевропейских, утверждает ученый, восходят к общему языку (праиндоевропейскому), на котором говорили в одном из районов Евразии пять тысяч лет назад. Впоследствии эта языковая группа распространяется от Исландии до Цейлона, а посредством колонизации в новейшие времена – на все континенты. Именно общий праиндоевропейский язык затрудняет поиски истоков соотношения определенного народа с его родным языком, поскольку, как считает Н. Дэвис, «в Евразии вообще неясно, то ли темнокожие индийские племена передали свой язык бледнокожим «европейским соседям», то ли наоборот, а может быть, и те и другие переняли язык от какого-то третьего участника процесса.

В Афганистане живет поверье, что все индоевропейцы вышли из Афганистана. Но даже если индоевропейский язык – реальность, то границы расселения так называемых европейцев,

«представителей кавказской расы» и арийцев не совпадают с границами индоевропейских языков» [Дэвис, 2004, с. 163]. Однако, без сомнения, признает британский исследователь, индоевропейцы составляют одно из ценнейших языковых сообществ в истории человечества, сравнивая временные отпечатки «языковых часов» которого с таковыми же современных «молекулярных часов». Сам же термин индоевропейцы, по мнению Н. Дэвиса, в основном имеет языковой смысл и лишь расширительно употребляется для обозначения народов – носителей индоевропейских языков.

Фактически общие – индоевропейские – компоненты в языках различных этносов стали формально-семантическим основанием для реконструирования некой культурной общности, отличающейся тождественными физическими состояниями и ментальными состояниями. Эта культурная общность характеризуется тождественностью физического и духовного миров, взаимодействие которых детерминировало появление мира умопостигаемых сущностей, мира возможных предметов мыслей, мира теорий «в себе» и их логических отношений – протоиндоевропейского языка, особого языкового союза. Если рассматривать феномен евразийства – геополитического, идеоакритического и социального единства представителей разных типов мирозерцания – в качестве культурно-языкового, то его морфологическим прототипом следует признать *индоевропейство*, имеющее: а) центральную структуру – алфавит викингов «футарк» (кельты); б) локальную детерминационную среду – одну из областей Евразии; в) причину распространения – создание мира умопостигаемых сущностей; г) условие существования – языковой союз; д) форму жизнедеятельности – семантическое (вербальное) заражение.

В соответствии с позициями евразийства – учения о России-Евразии как особом географическом и культурном мире, резко отличающемся от европейского и азиатского миров (Ф.А. Степун, Н.С. Трубецкой, Г.В. Флоровский, П.Н. Савицкий), народы Евразии в процессе экспансии «русской» (восточнославянской) культуры обретают целостность, геополитическое самосознание и государственность: «...для существования государства необходимо прежде всего сознание органической принадлежности граждан этого государства к одному целому, к органическому единству, каковое может быть либо этническим, либо классовым, и

что поэтому при современных условиях возможны только два решения – либо диктатура пролетариата, либо сознание единства и своеобразия евразийской нации и общеевразийский национализм» [Трубецкой, 1927].

Отсюда русский язык должен выступать как ипостась индоевропейского языкового союза, его материальная явленность, язык, представляющий мир умопостигаемых сущностей: мир возможных предметов мысли, мир теорий «в себе» и их логических отношений, аргументов «в себе» и проблемных ситуаций «в себе». Он может обеспечить этнической евразийской системе обретение динамического состояния, при котором колебания биохимической энергии, по убеждению Л.Н. Гумилева, приводят вследствие пассионарного толчка к смене фаз этногенеза и активному преобразованию ландшафтной среды [Гумилев, 1993].

Евразийцы, избирая в качестве базиса геополитического единства восточнославянскую языковую формацию, предлагали тем самым реорганизацию мира умопостигаемых сущностей, создающего единство ландшафтно-географического комплекса Евразия (виртуальный центр «кельты») в геополитическую целостность «Россия-Евразия», ядерной составляющей которой признавалась национальная религиозная культура.

Кн. Н.С. Трубецкой в работе «Религия Индии и христианство» по поводу национальной религиозной культуры отмечал следующее: «Не изменяя ничего в догматической сути нашей веры, восточного Православия, мы должны эту веру сделать таким же центром жизни, каким для индуса является его вера, и смотреть на нее не как на совокупность отвлеченных формул, а как на некоторый реальный и первостепенный фактор нашей жизни... Но надо помнить, что сдвиг в области отношения к своей вере, о котором здесь идет речь, есть проблема личной жизни каждого. Создание национальной религиозной культуры, таким образом, связывается с личным перевоспитанием каждого. И в этом укреплении общего на личном, внешнего (культуры) на внутреннем, может быть, заключается главное отличие «восточного» способа разрешать жизненные проблемы от способа «западного» [Трубецкой, 1991, с. 131–144].

Среда формирования личностного смысла и мера его понимания определяются книжной культурой, через которую личность осваивает систему «язык другого», повышает готовность к взаимо-

действию с нерешенной проблемой, восстанавливает чувство компетентности через обращение к языку формирования понятий – славянскому литургическому языку. Славянский литургический язык, по мнению Г.П. Федотова [Федотов, 1991], вбирает интонации чтения отрывков Библии, мелодику песнопений и ритм молитвы, т.е. составляющих идеальной формы русского языка, его идеи – *Совершенство, Цельность, Красота*. Языком формирования индивидуального (личностного) смысла и раскрытия особенностей внутреннего Логоса как предиката сущего является язык культуры, который открывает в языке коммуникации особенности ближнего и дальнего видения.

«Ближнее видение, – как полагает Х. Ортега-и-Гассет, – строит зрительное поле по принципу оптической иерархии... В центре находится выделенный предмет, на котором сосредоточен взгляд: его форма отчетлива, идеально различима со всеми мельчайшими подробностями. Вокруг, до границы зрительного поля, простирается область, на которую мы не смотрим, но тем не менее видим краевым зрением – смутно, неопределенно» [Ортега-и-Гассет, 1991, с. 188]. При ближнем видении в русской культуре, моделируемой книжной культурой и русским литературным языком, в качестве предиката сущего интерпретируется государственное устройство, дискурс власти, т.е. внутренний Логос.

«При дальнем видении внимание устремлено не вдаль, а, как бы наоборот, сосредоточено на ближайшем; зрительный луч не сталкивается с выпуклой поверхностью плотного, объемного предмета, застывая на ней, но проникает в вогнутую полусферу и скользит внутри пустого пространства» [Ортега-и-Гассет, 1991, с. 190]. Дальнее видение открывает Логос как таковой, как действие явления, обнаруживает онтологическую категорию *Христос*, будучи актуализацией познавательных способностей души.

По размышлению Б. Спинозы, душа способна постичь все тела слитно, без отчетливости, понимая их как бы под одним атрибутом, атрибутом сущего, вещи [Спиноза, 1996]. Человеческая душа воспринимает состояния тел, а также идеи этих состояний (человеческая душа способна к восприятию весьма многого и тем способнее, чем в большее число различных состояний может приходиться ее тело). В Теореме 13 Б. Спиноза заключает: объектом идеи, составляющей человеческую душу, служит тело, иными словами, известный модус притяжения, существующий в дей-

ствительности актуально. Следовательно, душа может быть интерпретирована как атрибут божественной субстанции и, в то же время, как модус тела.

Р. Декарт считает, что «душа имеет в себе идеи чисел и фигур, имеет также среди общих понятий и то, что если к равным величинам прибавить равные, то получаемые при этом итоги будут равны между собой, она имеет еще и другие столь же очевидные понятия, благодаря которым легко доказать, что сумма трех углов треугольника равна двум прямым и т.д.» [Декарт, 1950, с. 141].

Г. Лейбниц утверждает, что «душа представляет всю Вселенную, представляя то тело, какое ей, в частности, принадлежит» [Лейбниц, 1969, с. 439]. В энтелиях, душах, представлены подражания божественным атрибутам, «в боге заключается могущество, которое есть источник всего, потом знание, которое содержит в себе все разновидности идей, и, наконец, воля, которая производит изменения или создания сообразно началу наилучшему. И это соответствует тому, что в сотворенных монадах составляет субъект или основание, способность восприятия и способность стремления» [Лейбниц, 1969, с. 437].

Особые познавательные способности души являются одной из видимых причин, порождающих убеждение о необходимости ее спасения, признании того, по мнению Н.С. Трубецкого, что «спасение души есть единственное действительно важное, неизмеримо более ценное, чем все земные блага и даже сама жизнь» [Трубецкой, 1991, с. 143].

Русский книжный язык, в своей первичной ипостаси *церковнославянский язык* (семиотической системы эпохи смены потенциальных предметов видений I и II тыс., представляющей собой интерпретативный метод-систему для истолкования доступного разуму, умопостигаемого), видимо, был нацелен на развитие познавательных способностей души через совершенствование ближнего и дальнего видения. Это язык культуры, понимаемой, согласно В.В. Налимову и Ж.А. Дрогалиной, как глубинное коллективное сознание, уходящее своими корнями в необозримо далекое прошлое и образующее размытую мозаику представлений, над которыми задана функция распределения вероятностей [Налимов, Дрогалина, 1995].

Как утверждал Н. Мальбранш, душа может воспринимать вещи тремя способами: посредством чистого рассудка, вообра-

жения, чувства [Мальбранш, 1969]. Чистым рассудком она воспринимает духовные предметы, универсалии, общие понятия, идею совершенства, идею бесконечного совершенства существа, материальные предметы, протяженность с ее свойствами. Подобные перцепции называются чистыми постижениями, или чистыми перцепциями, потому что для представления всех этих предметов нет необходимости вызывать в мозгу их телесные образы, достаточно образов трансцендентных, открывающих пространственную ипостась существования предмета, его горизонтальное измерение и проявленную в нем горизонтальную периодичность космоса. Постичь протяженность материальных предметов – значит, считают Б.В. Ахлибинский и Н.И. Храленко, приблизиться к пониманию пространственного устройства мироздания, более глубокому рассмотрению мер протяженности [Ахлибинский, Храленко, 1989], а следовательно, особенностей собственного семантического универсума. «Строительство мира, – заключает М. Элиаде, – начинается с расщепления пространства, через которое обнаруживается «неподвижная точка», центральная ось как принцип всей будущей ориентации» [Eliade, p. 25].

Строительство индоевропейского мира, на базе которого воздвигается архитектурная конструкция «Россия–Евразия», начинается с «расщепления» санскритского знака на ведическую (внутреннюю форму) и восточно-православную (графическое изображение) составляющие. Санскрит в 20–30-е гг. XX столетия становится одним из языков, моделирующих духовное пространство России–Евразии: Е.И. Рерих и Н.И. Рерихом воспроизводят в кириллической графике аксиологические структуры «Живой Этики». Внутренняя форма санскрита, содержащая основные черты мыслящей материи индоевропейского союза, и кириллическая графическая система, моделирующая пропорции взаимодействия в слове сакрального (истины) и профанного (здорового смысла), при сопряжении должны были показать объективную связь между отдельными состояниями видов и форм материи в процессах ее движения и развития, т.е. присущее всем вещам (субстанциям) как фрагментам объективной реальности внутреннее отношение. «Субстанция есть свободно действующая абсолютная причина, не только как движущее начало, которое имеет внутри себя все производимое им содержание, получающее наличное бытие в форме действия» [Гегель, 1964, с. 160].

Субстанция определяет собственную причинную структуру и обуславливает упорядоченную связь мыслей, порождаемую ей, а также последующие действия, прогнозируемые с некоторой долей вероятности. В варианте русского языка, реализованном в «Живой Этике», была представлена лингвистическая (знаковая) субстанции Россия–Евразия: новой системе значений в соответствии поставлены новые комбинации знаков семиотической системы «русский язык», одной из производных функций которой является мысленная речь. С мысленной речью Г. Гоббс связывает выискивание причин прошлого или настоящего, следствия [Гоббс, 1964]. Мысленная речь есть следствие-движение внутри индивида, которое является остатком движений, произведенных в ощущении, причиной которого становится внешнее тело, или объект, который давит на соответствующий каждому ощущению орган непосредственно, как это бывает при вкусе и осязании, или опосредованно, как при зрении, слухе и обонянии [Гоббс, 1964, с. 50].

Следствия-представления о предмете, вещи меняют общую концепцию вещи, делают ее многомерной, обозримой в нескольких измерениях. Создаваемый Е.И. Рерих и Н.И. Рерихом мир умопостигаемых сущностей – это мир логических отношений, регулирующий мысленную речь «санскритизированных народов» [Pisani, 1966].

Опираясь на фактический материал Краткого сравнительно-семасиологического словаря индоевропейских языков М.М. Маковского [Маковский, 1989], можно сделать вывод, что характерной особенностью выражений, или изложения истины, индоевропейского союза является присутствие пропозиционального виртуального союза (связки), «*коренного понятия*», с которым соотносятся состояния организма – «*быстро двигаться*», «*бить*», «*гнуть/гнутья*», «*резать*», обеспечивающей целостность коммуникативного дискурса индоевропейского союза в пространстве и во времени. Сравните сами:

боль 1. *Может соотноситься со значением «увеличивать, сильный, большой».* 2. *Может соотноситься со значением «лежать», «лежание».* 3. *Значение «боль» соотносится со значением «огонь, жечь».* 4. *Возможен переход значений «работа» – «боль».* 5. *Может соотноситься со значением «вязать, связывать», «заколдовывать, проклинать».* 6. *Может соотноситься*

со значением «резать, бить». 7. Значения «боль»: «страдать» могут быть связанными со значением «передвигаться, идти, двигаться».

бояться 1. Соотносится со значением «быстро двигаться», «бить». 2. Интересны лит. «страх», «страшный», которые соотносятся с лит. «иметь в достатке, быть довольным».

голодный 1. Может соотноситься со значением «гнуть, надуваться, раздуваться». 2. Может соотноситься со значением «бросать», «бить», «быстро двигаться».

жизнь, жить 1. Значение «жить (как в смысле «быть живым», так и в смысле «оставаться в определенном месте, обитать») соотносится, главным образом, со значением «гнуть» «резать», которое претерпевает самые различные семантические преобразования. Возможны переходы значений: «резать» «гнуть» «быстро двигаться» «гореть» «остановиться». Значение «гнуть» может давать значение «собираться вместе для жительства», кроме того, значение «гнуть» может перейти в значение «схватить (добычу при совместной охоте)», букв. «сомкнуть пальцы», а значение «захватить добычу», в свою очередь, может переходить в значение «хотеть. Страстно желать», «питаться, наслаждаться» «рождаться», жить. 2. Значение «жизнь» может соотноситься со значением «подниматься, расти». 3. Слова со значением «жить, проживать (в одном месте)» могли соотноситься со значением «есть, питаться» могли, в свою очередь, соотноситься со словами, имеющими значение «ходить, двигаться» (связано с перегоном скота).

Возможно предположить, что индоевропейский язык (а также индоевропейство как культурно-языковой феномен) базировался на сети синаптических связей, посредством которых осуществлялась передача сигналов, артикулирующих вспышки мыслительной активности при коммуникации с евразийским ландшафтно-географическим комплексом. Так кодировалась и передавалась свободная энергия, абсорбируемая живыми организмами из окружающей среды, или «биохимическая энергия живого вещества» [Гумилев, 1993].

Эволюция когнитивных структур, обусловившая различие типов языкового формообразования и, как следствие, несовпадение типов языковых содержаний и типов языкового сознания, приводит к более очевидной дифференциации (если оставаться

в контексте индоевропейского языкового союза) ветвей индоевропейского когерентного дискурса. Ослабевают централизующая роль языковой системы – совокупности дискурсивных стратегий означивания мира физических состояний, обеспечивающих тождественное истолкование и понимание состояний духа, или духовного (mental) мира. «Неизменные точки референции» («invariant points of reference») [Гирц, 1997] – «узлы» индоевропейской структуры – обретают двоичную значимость: с одной стороны, они свидетельствуют об индоевропейских лингвоментальных универсалиях; с другой – в них фиксируются базисные «славянские» потребности, которые, в свою очередь, также дифференцируются по двоичному принципу. Славянский мир физических состояний обретает возможность существования благодаря восточнославянской ветви, славянский мир состояний духа и славянский мир умопостигаемых сущностей (intelligibles).

В индоевропейской языковой семье старославянский язык и русский язык (старославянский или древнецерковнославянский) относятся к разным ветвям: первый – к южнославянской, второй – к восточнославянской.

Отождествляя понятия «славянского языка» и церковнославянского языка, В.В. Виноградов отмечает, что до XVII в. он считался органом образованности, духовной культуры всего восточного и южного славянства, подобно латинскому языку в странах Западной Европы, кроме того, старославянский язык был символом и фактором культурного единства всех восточнославянских государств, возникших на территории Восточной Европы. «Старославянский язык, – отмечает В.В. Виноградов, – был более чистым и свободным проводником античных понятий, чем средневековая латынь» [Виноградов, 1945, с. 44]. Старославянский язык, в какой-то мере, перенимает «союзническую» идею индоевропейского языкового союза, сохраняя в разделяющемся индоевропейском языковом союзе целостное образование восточных и южных славян, а также государств, возникших на территории Восточной Европы, организуя мир их умопостигаемых сущностей и мыслительную речь с ориентацией на систему античных понятий.

В.И. Григорович говорил, что в истории российского просвещения более важен вопрос о влиянии русского языка на церковнославянский. «Это именно характеризует значение его в про-

свещении нашем. Внесенный вместе с «священными книгами», он применялся к народному выговору, упрощал свой состав, но, не принимая в себя ничего, что рознит русские наречия, усвоил то, что их соединяет... В этом состоит его значение в целом периоде образования нашего до Петра Великого. Он был связью племён, наречий, был символом единства России» [Григорович, 1852, с. 14–15]. В XV–XVII вв. термин «русский» применялся не только к церковнославянскому, но и к живым славянским языкам юга и запада. «С XIV в., со времени присоединения Литовско-Русского государства к Польше, большинство народонаселения Польского государства было русского происхождения. Поставленные в близкие взаимные отношения, обе народности, русская и польская (восточнославянская и западнославянская подветви индоевропейского языкового союза), неизбежно должны были влиять одна на другую, и русский язык должен был проникать в государственную и общественную жизнь старой Польши. Перенесенный литовским великим князем Ягайлом в Краков, русский язык употреблялся при польском дворе в XIV – в первой половине XVI в. Он же был дипломатическим языком Литовско-Польско-Русского государства. Лишь в правление Сигизмунда-Августа он оттесняется польским языком, который в XVII и в XVIII вв. насильственно насаждается в западных областях Украины и Белоруссии. При польском дворе лишь со второй половины XV в. утверждается польский язык вместо прежних латинского, немецкого, чешского, русского. Между тем Литва и Русь продолжали управляться, судиться, учиться и писать не на польском, а на западнорусском языке, который включал в себя белорусизмы и украинизмы. Русский язык оставался официальным языком на Литве и дипломатическим для сношений не только с русскими, но и с татарами» [Виноградов, 1945, с. 63–64].

К XVIII в. русский язык и церковнославянские языки воспринимаются как системы, способные в равной степени обеспечивать коммуникацию в историческом процессе славянских народов, обладая языковыми формами, которые способны адекватно знаково транслировать их мысленную речь и формировать структуры коллективной памяти. Это языки самоидентификации прежде всего восточных и южных славян, в совокупности своей претендующих на статус союза, потенциально содержащего идею нации (отсюда «нация» может восприниматься как альтернатив-

ное государственному объединению народов на основе общности схем мирозерцания и мыследеятельности, проявленных в языковых формах).

XVIII в. характеризуется в истории литературного языка России более широким доступом живой речи в сферу государственно-правовых отношений, что обусловлено семиотизацией действительности [Успенский, 2002], присущей историческому восприятию и превращающей просто события в исторические события, делая их объектом исторического рассмотрения. Государственно-правовые отношения обретают вид коммуникативного процесса, опосредующего взаимосвязь познающего индивидуального сознания и действительности. Язык как механизм порождения текстов, в соответствии с теоретическими позициями Б.А. Успенского, определяет отбор значимых фактов: семиотический статус того или иного явления определяется прежде всего его местом в системе языка. Система представлений общественного адресата (социума) детерминирует механизм развертывания событий, т.е. исторического процесса. Однако стабильная корреляция между языком (механизмом порождения текстов) и сознанием адресата (вектором механизма развертывания событий) устанавливается через речь, которая (при участии сознания и мышления) оказывается знаковой моделью тех или иных «кусочков» или «узлов» жизни [Головин, 1980].

Согласованный комплекс подобных «узлов» жизни представляет собой когерентный дискурс когнитивной культуры народа. Когерентный дискурс XVIII в., если его рассматривать с позиций Дж. Брунера, предложившего подходить к культуре с критерием степени выхода ее за рамки непосредственно индивидуального опыта [Брунер, 1977], сформирован новым состоянием европейской действительности, «стабильной частью» которой пытается стать Россия. В этом случае необходимо возвращение к истокам индоевропейского языкового союза через германские языки, что сопровождается выявлением новых содержаний системы античных понятий, ранее доступной в церковнославянской интерпретации. Введение логики и риторики, грамматики – тривиума, составлявшего основу университетского средневекового европейского образования, – в качестве обязательных условий русской образованности и просвещенности, предполагало смену аксиологических славянских приоритетов на латинские (европей-

ские), что позволило бы в перспективе перенести централизующие моменты индоевропейского языкового союза в идею государственного союза – империи.

XIV в. для Европы, как считает П.Е. Астафьев, был веком изучения свободных учреждений классического мира, в которых искали образец для нового государственного строя европейского мира [Астафьев, 2000]. Учреждения классического мира – это учреждения классической республики, посему российская имперская идея в плане языкового существования созидала имперскую идею на республиканских основаниях. Участие в управлении, «политическая свобода» граждан в классической республике были *служением делу государства*, а не гарантией личных прав и интересов. «Для древнего гражданина его участие в управлении родиной было обязательным *служением* той задаче, которая естественно и неизбежно определялась его гражданским положением, но не выводилась из его личных *прав*, не понималась им как *гарантия* этих личных прав или гарантия осуществления своих личных *интересов*» ...*древний* гражданин не только не знал прав личности и в своем управлении страной не искал средств для осуществления или гарантии этих неведомых ему личных прав, но по возможности оставался и вне сферы чисто личных интересов – земледелия, хозяйства, ремесел, торговли и т.п. Все это выполнялось рабами и неполноправными гражданами, ему же оставалась одна задача – управление страной – и два интереса: любовь к родине и честолюбие. Его личная жизнь не выделялась из общей жизни сограждан и не противопоставалась им не во имя личных интересов и прав, ни во имя даже личных убеждений, так как и в этой области господствовала общность мировоззрения, страстей и верований. Полная гармония с окружающей жизнью характеризует классического гражданина и духовно, и в бытовом, и в политическом отношении: поэтому-то гармония – *красота* – и стояла у него в иерархии его идеалов на первом, высшем месте, и красотой все приобреталось и все искупалось в умершем классическом мире» [Астафьев, 2000, с. 144–145].

Устремленность России к новому для нее государственному устройству (империя как система, сеть отношений между городами, которые в античности по типу государственного устройства тождественны республикам) в XVIII в. потребовала создания нового типа литературы, являющейся зеркалом самопознания и

средством осуществления психогенеза. Это, в свою очередь, потребовало конструирования семантической системы русского языка, базовым принципом которого стал принцип вхождения единицы в систему семантических оппозиций. Иначе: через оперирование знаками русского языка на основе логических и риторических правил античной системы познания мира (республиканской по сути) обучить представителя книжной славянской культуры процедуре мысленного изображения вещи, т.е. абстрактному (европейскому) типу мышления, гарантирующего Российской империи «...» ревнителя ее интересов, обладающего характерными свойствами «любовь к отечеству», «преданность царю», «честолюбие» (отождествимое с правами личности).

Процесс мысленного изображения вещи в конце XVIII в. имел следующий вид (схема создана на основе информационного сжатия содержания Гл. I. *О понятиях* «Логики и Риторики» 1790 г.¹).

В «Логике и Риторике» формируется особый тип иерархии, позволяющий распределять информацию с помощью процесса «наследования» [Hudson, 1986]: если X является У, то X наследу-

¹ Логика и Риторика, кратким и для детского возраста удопонятным образом расположенными, изъясненными и въ пользу юношества изданныя А. *** Н. *** въ САНКТПЕТЕРБУРГЕ, при Императорской Академии Наук, 1790 года.

ет все свойства У. В словарной грамматике Р. Хадсона подобная иерархия называется «is-a» иерархией («есть», «является случаем»), отделяющей семантико-когнитивные аргументы от синтаксической валентности слова: аргументы глагола должны совпадать с элементами, включенными в когнитивные рамки понятия, классифицируемого с помощью данного глагола. Это особая концептуальная иерархия языка, вершиной которой является самое общее из всех понятий – понятие «понятия», слово же представлено через отношение к коммуникативному действию и конкретным сущностям – классам слов. Подобная иерархия основывается на понимании того, что значения слов должны выводиться из опыта, зиждящегося на антиномии отношения между основным физическим понятием о бытии и основным физическим законом процесса. «Закон этот – если мы ограничимся лишь применением его к механике – требует, чтобы при каждом переходе движения от одного тела к другому сохранилась неизменной вся сумма живой силы» [Кассирер, 1912, с. 207]. Изображение объективной действительности, таким образом, возможно при соблюдении определенной меры, приближающей изображение к истинно-однозначному представлению вещи (объекта).

Задачи русского литературного языка – обучить мыслить и мысли изъяснять словами – формулируются во вводной части «Логики и Риторики» 1790 г.:

§1. Мыслить и мысли свои изъяснять словом, суть два небесные дара, кои преимущественно отличают человека от всех прочих животных.

§2. Сии две столь драгоценные и нужные для человека способности связаны таким образом, что мыслить и не изъясняться есть противно намерению Создателя; а изъясняться и не мыслить, не возможно.

§3. В прочем мыслить и изъясняться всякому дано от природы, но мыслить справедливо и основательно, а изъясняться приятно, суть те свойства, которые отличают просвещенного человека от прочих.

§4. Справедливо мыслить научает нас Логика, а изъяснять приятно мысли наставляет, при помощи Грамматики, *Риторика*.

§5. Для сей причины Логика и Риторика, столь тесное между собой отношение имеющие, предлагаются здесь совокупно».

Американское мышление, в отличие от античного мышления, направлено на выявление сущности Логоса и превращении

его в Фюсис («властвующее»). И.А. Исаев, анализируя особенности рождения Закона и усилия античного мышления, способствующие этому, приходит к выводу, что выявление сущности «фюсис», изъятие его из непознанности и превращение в Логос представляет собой «нормальный путь происхождения мира» [Исаев, 1998]. Появление в составе Космоса мира людей, по мнению И.А. Исаева, становится причиной внедрения в этот мир «властвующего», сначала как отражения космической Власти, а затем как автономно бытующего явления [Исаев, 1998].

В христианстве учение о довременном бытии Логоса, по наблюдениям С.С. Аверинцева, понятого как личность («ипостась»), замещает доктрины иудаизма и последовавшего за ним ислама о предвечном бытии сакрального текста (Торы или Корана) как довременной нормы для еще не сотворенного мира [Аверинцев, 1997]. «По христианской доктрине, – пишет С.С. Аверинцев, – норма всех норм, «путь, истина и жизнь» – это сам Христос (не его учение или его «слово» как нечто отличное от его личности, но его личность как «Слово»), евангельские тексты – сами по себе лишь «записи» о нем, *ἀπομνημονεύματα*, как выражается Юстин» [Аверинцев, 1997, с. 212].

Согласно протестантской этике, в соответствии с которой организовано американское мышление, нормативным признается принцип личного мнения при истолковании Писания и проповедь религии без Бога, т.е. признание религии только учением о нравственности.

Признание религии только учением о нравственности влечет за собой принятие положения об универсальности духа (например, американский вариант толкования античной категории «демократия»), пронизывающего любую систему поведения в случае ее принятия. О соотношении духа и морали рассуждает А.Н. Уайтхед: «Нет единственной системы поведения, относящейся к сущностному характеру Вселенной как универсальному моральному идеалу. Универсален именно дух, пронизывающий любую систему поведения в случае ее принятия... Мораль не указывает, что нам следует делать в отношении мифологических абстракций. Она затрагивает лишь всеобщий идеал, который должен служить оправданием любой конкретной цели» [Уайтхед, 1990, с. 349]. Таким образом, Библейский нарратив, рассматриваемый лишь как моральное учение, способен самоорганизовать-

ся в нечто себе противоположное – асинхронную модель параллельных вычислений, получившую в работах Р.М. Келлера название именованной системы переходов [Keller, 1975]. Подобная система способствует превращению Логоса (в христианской доктрине – Христа) в Фюсис (в протестантской этике – volitional connections). “Volitional connections, – утверждает С. Hampel, – enable us to make sense of the fact that agents moved from having pro-attitudes to state of affairs to intending to perform actions and then to acting as they did” [Mink, 1970].

Существование этико-протестантского объяснения событий возможно истолковать через именованную систему переходов Р.М. Келлера. Эта система включает в себя три составляющих: множество состояний, бинарное отношение на этом множестве (множество переходов) и множество имен переходов (слов некоторого алфавита).

Именованная система переходов представляет собой процедуру подготовки Логоса к трансформации меонального окружения. Меональное окружение, согласно А.Ф. Лосеву, есть окружение в аспекте диалектической подвижности каждого эйдоса – того, что видится мыслью, осязается умом, созерцается интеллектуально в логической форме языка [Лосев, 1993]. На основе меонального окружения эйдос из нерасчлененного единства превращается в расчлененный образ, пребывающий в неизменном движении. Меональное окружение, открывающее необходимый иррациональный момент в самой рациональной сущего, момент диалектически необходимый, не позволяет смыслу, то есть эйдосу, терять определенность и очертание, иначе – обесмысливаться.

Рациональность сущего, видимо, сводится к тому, что в человеке, по замечанию В.Н. Акулинин, сущее находит внутреннюю действительность [Акулинин, 1990]. Обретение сущим внутренней действительности означает непосредственную связь человека и сущего в Логосе через Логос. Volition connection нейтрализует именно этот тип связи, попутно замещая обобщенную космическую картину Библейского нарратива современностью сегодняшнего дня, которая идеологически отождествляется с категорией духа, опрошенного до всеобщего идеала. Последний же, согласно А.Н. Уайтхеду, должен служить любой конкретной цели.

«The Constitution of the United States»², подписанная (завизированная) 17 сентября 1787 г. Джорджем Вашингтоном и 38 депутатами из 12 штатов, отличается сквозной систематизацией всего видимого мира на рубрики, приближаясь тем самым к античной теории нахождения: пункт спорный связывается с пунктами бесспорными, служащими источниками, «местами» нахождения материала для убедительной реконструкции спорного пункта [Гаспаров, 1991]. Однако система локусов представляет собой уже не источники материала, а систему спорных образов-событий, служащих поводом для риторического обсуждения. Всякое риторическое обсуждение, как считает М.Л. Гаспаров, представляет собой прежде всего акт познания – акт подведения единичного явления (поступка) под общие категории (нормы закона). Конституция Соединенных Штатов представляет собой вариант профанного, т.е. ориентированного на синхронные обстоятельства жизни переселенцев Старого Света, комментария (параллельного Библейскому нарративу) Законов Бытия (сущего). Основанием создания «параллельного» текста является признание существования в талмудской традиции области, «в которой допускались свободные токования, дополнения и нововведения – область, в переводе называемая «между строк Закона». Правильный порядок мира может прийти в противоречие с буквой Закона, корректировку в эту коллизию могут внести лишь нормы, находящиеся «между строк Закона», формулируемые и толкуемые по усмотрению «сердца человека» [Исаев, 1998, с. 169]. Приход новых поколений «книжников» знаменовал обновление Торы, являющееся результатом свободного толкования, которое строило «новую ограду» к древним словам Закона.

Реформы графики в России в XVIII в. призваны были адаптировать переживание онтологической категории книжного языка к изменяющимся обстоятельствам жизни представителя *Русской Земли* – подготовить переход от культуры зрения к культуре слуха, но в ее особой модификации – «слышания» (понимания), того, что нужно общности «русский народ». Важным становится «внутреннее слово» или процесс зарождения мысли.

---

² Текст приводится по изданию: Zeuske M. A Short History of the United States of America / Max Zeuske. With the co-operation of Heinz Förster and Leonard A. Jones. Eng. transl. By Leonard A. Jones. – 3., unveränd. Aufl. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1989.

Ж. Калам-Гриоль, французский исследователь, стоявший у истоков традиции этнографии коммуникации и изучавший теорию и практику слова у догонов, определяет слово в качестве главного средства организации мира [Калам-Гриоль, 1965]. Контекстуальные значения Слова покрывают все области речевой и интеллектуальной жизни – от процесса зарождения мысли («внутреннее слово») до ее реализации в языке, речи, поступке. Реформаторская деятельность в России XVIII в. должна была принципиально изменить отношение к Логосу как элементу сакрального Бытия, придав ему статус обязательного компонента *linguistic performance* повседневной реальности, и тем самым сформировать языковое сознание, ориентированное на коммуникацию, коммуникативного партнера, т.е. Другого. Коммуникативный партнер выступает в качестве текста, смысл же текста есть презентация содержания коммуникативной программы партнера [McLuhan, 1964].

Обыденный язык понимается в таком случае как *performance*, презентация языка в ткани конкретно-языковой практики. Коммуникативная речевая практика связана необходимостью следовать грамматической организации языка, отсюда такое внимание отводится созданию грамматик, призванных поддержать коммуникативную деятельность представителя российской государственности. Коммуникативная практика порождает также внутри ограниченного правилами пространства бесконечное число вариантов своего развертывания, вариативность «семантических каркасов», что не противоречит правилам существования человека Древней Руси в текстовом пространстве православной культуры (*Slav's Storyspace*). При этом, на что указывает разработчик трансцендентальной грамматики К.-О. Апель, язык признается трансцендентальной величиной, а виртуальный статус языка истолковывается как условной возможности диалогического взаимопонимания и понимания самого себя [Апель, 2002].

Слово осмысливается как образ и подобие человека. Звуковая оболочка («тело») состоит из четырех элементов: вода, воздух, земля, огонь, которые, соединяясь с узловым понятием *жизненная сила*, определяют разные модальности речи и разные типы дискурсов. Слово может быть прочитано и описано в разных кодах: на уровне физиологии слово подобно семени, на уровне «технологическом» сравнимо с ткачеством, кузнечным делом,

приготовлением пищи. В соответствии с концепцией мироустройства догонов мельчайшая деталь мира содержит в себе «слово о мире», а следовательно, подлежит расшифровке. Расшифровка Русского Слова будет предпринята в XIX в. В.В. Далем при создании ментального тезауруса коммуникативной общности «Русский народ», зашифровка же Американского (американского, индейского) Слова в семиотическом коде USA – в «The Constitution of the United States».

Реформаторская деятельность в XVIII в. переселенцев Старого Света в Америке, осуществленная при создании текста “The Constitution of the United States”, представляла собой «новую ограду» древних слов Закона. Причем интерпретаторы выступали в статусе коммуникативного партнера по отношению к Библейскому нарративу. Сам факт создания «The Constitution» знаменовал собой, если базироваться на трансцендентально-герменевтической концепции языка, обоснование единства *prima philosophia* (American Democracy) как единства теоретического и практического разума, влекущее за собой с необходимостью признание American *prima philosophia* божественным откровением и обязательное его «внедрение» в повседневную реальность, *lingvistic performance*, других коммуникативных партнеров.

В «The Constitution of the United States» внимание сосредоточено на статусе системы локусов, которая для Article II включает в себя такие семантико-когнитивные константы: *the executive Power, Each State, the Legislature, a Number of Electors, the State, the Electors, the Congress, No Person, the President Power, Misdemeanors*.

Выделенные константы представляют собой, в некотором смысле, описание действительности (описание Земли Обетованной не как проекта, а как реально созданного социального артефакта, *community*), отражающее отношение между ощущениями и образами, между впечатлениями и идеями, являющееся, в свою очередь, частью «процесса приспособления к фактам» [Рассел, 2002], а то к чему осуществляется приспособление, по мнению Б. Рассела, предстает в качестве среды фактов. Все, что имеется во Вселенной, знаменитый британский философ называл фактом, следовательно, среда фактов (в нашем случае the United States) – это среда всего, что имеется во Вселенной. Масштаб описания такой среды – Constitution – определяется «истинно-

стью» значения предложения. «Истинность есть свойство верования, как производное свойство предложений, выражающих верования. Истина заключается в определенном отношении между верой и одним или более фактами, иными, чем сама вера» [Рассел, 2002, с. 139].

Истина в *The Constitution of the United States* соотносима с процессом реконструкции столкновения видимого и мыслимого миров, базирующемся на установлении спорного факта с бесспорными. Соотнесение двух последних происходит прежде всего с привлечением риторических энтимемы, эпихиремы, аподейксиса. В соответствии с риторическим учением Квинтилиана, эпихирема – это полный силлогизм с двумя посылками и выводом, энтимема – сокращенный силлогизм до одной посылки и вывода, аподейксис – сокращенный силлогизм до одного вывода [Квинтилиан, 1834]. Основой умозаключений в Article II, а также правилами синтаксиса, формирующими наряду со значениями входящих в него слов, следует признать аподейксис. Обратим внимание на Sect. 3 (Article II): *He shall from time to time give to the Congress Information of the State of the Union, find recommend to their Consideration such Mearsures' as he shall judge necessary and expedient, he may, on extraordinary Occasions, convene both Houses, or either of them, and in Case of Disagreement between them, with Respect to the Time of Adjournment, he may adjourn them to such Time as he shall think proper; he shall receive Ambassador's and other public Ministers; he shall take care that the Laws be faithfully executed, and shall Commission all the Officers of the United States.*

Языковые факты Sect. 3 (Article II) создают когнитивные образы, которые схематично задают частные истины, фиксирующие отношение человека к миру, вычленяющие аргумент цели общества как коммуникативной системы и формирующие представление о том, что *есть* истина. Конструируемая когнитивная карта представителя *States* не ориентирует его в пространстве государственности (государства), а определяет стиль его мышления и поведения, семиотику его жизни и репрезентации «внутреннего слова» в коммуникативном сообществе (*United States*). Выделенные языковые кванты делают веру истинной, а следовательно, в соответствии с концепцией Б. Рассела, могут быть названы «верификаторами» веры.

Верификаторы веры тождественны лейбницовским монадам, внутри которых выражаемый нами мир существует в виде серий присущих им предикатов. Если семантическое развертывание русской истины обеспечивается потенциалом Логоса и вариативностью «внутреннего слова» (множественностью семантических каркасов, запрограммированных кириллической графикой и специально созданной для знаковой фиксации мыслительной активности, пластичности восточных христиан (Slavs), то семантическое развертывание, или существование, американской истины возможно только при наличии серии предикатов, повторяющихся в различных знаковых системах и этнических аксиологиях. Серия предикатов представлена в Article I (Sect. 8): *to borrok Money, to regulate Commerce, to establish an uniform Rule of Naturalization, to coin Money, to provide for the Punishment, to establish Post Offices and post Rouds, to promote the Progress of Science and useful Arts, to constitute Tribunals, to define and punish Piracies and Felonies, to declare War, to raise and support Armies, to provide for calling forth the Militia, to exercise exclusive Legislation in all Cases, to make all Laws.*

Создается особая сериальная, или секвенционная, модель закрепления индивидом своего «Я» в социальном процессе посредством рефлексивности (направленности опыта на себя). Дж. Мид отмечал, что именно средствами рефлексивности целостный социальный процесс вводится в опыт индивида, вовлеченного в этот процесс, обеспечивая сознательное приспособление «Я» к социальному процессу, причем в терминах приспособления к социальному акту [Пассмор, 1998].

Когерентный дискурс XVIII в. представляет собой абстрактное изображение действительности, в которой индивида удерживают чистые признаки величины, главенствующим среди которых следует признать признак рефлексивности, открывающий доступ к системе семантических оппозиций, системе семантико-когнитивных аргументов.

Общим для философско-лингвистических взглядов XVIII в. следует признать осознание необходимости более широкого доступа живой речи в сферу государственно-правовых отношений, что обусловлено семиотизацией действительности [Успенский, 2002], присущей историческому восприятию, превращающей просто события в исторические события и делающей их объектом

рассмотрения. Государственно-правовые отношения обретают вид коммуникативного процесса, опосредующего взаимосвязь познающего индивидуального сознания и действительности. Стабильная корреляция между языком (механизмом порождения текстов) и сознанием адресата (вектором механизма развертывания событий) устанавливается через речь, которая оказывается своеобразной знаковой моделью тех или иных «кусочков» или «узлов» жизни [Головин, 1980].

Обретение стабильности в языковой форме – цель, регулировавшая направление языковых реформ Петра I, совпадала с главным принципом существования индоевропейского союза, в языковых формах которого оказались представленными фундаментальные уравнения, или «законы мышления», позволяющие оперировать виртуальными предметами мысли, которые составляют содержание третьего мира (вспомним о метафоре «Москва – третий Рим»). По утверждению К. Поппера, третий мир, частью которого является человеческий язык, производится людьми, точно так же, как мед производится пчелами или паутина – пауками. Подобно меду, человеческий язык – и тем самым значительная часть третьего мира – является незапланированным продуктом человеческих действий» [Поппер, 2002, с. 150] по организации географической среды и изменению общественной формы движения материи. К. Бюлер указывал, что языки животных и человека сходны в том отношении, что всегда являются выражениями (симптомами состояния организма) и сообщениями (сигналами) [Бюлер, 1993].

К русскому литературному языку второй половины XVIII в., особенно последней трети, считает В.В. Виноградов, применима характеристика, данная П. Лафаргом французскому аристократическому языку XVII в.: «Не задумываясь, заимствовали дворяне из народного языка слова, выражения и обороты, которые не были нужны для повседневного обихода, но они просеивали их и сохраняли лишь ограниченное количество. Лишь после того, как их много раз развешивали, одобряли и, наконец, клали на них аристократический штемпель, допускались они к обращению в обществе и печатных произведениях, которым общество покровительствовало» [Виноградов, 1945, с. 86–87].

Вторая половина XVII в. и начало XVIII в. характеризуются особо полемичным отношением к латинскому языку в новооб-

рядческой среде: воспринимаемого, как констатирует Б.А. Успенский, в качестве языка еретического, по самой своей природе искажающего содержание христианского учения. Церковнославянский же язык, по мнению славянских книжников, приводит к Богу, на нем вообще невозможна ложь – поскольку он является средством выражения Богооткровенной истины [Успенский, 2002]. Именно в это время оформляются два типа отношения к языковому знаку – его конвенциональное и неконвенциональное понимание, переживание знака как чего-то безусловного, внеположного, не зависящего от человека, и возможность человека управлять знаками, придавать им новый смысл, вводить их в новые сочетания, играть знаками. «Таким образом, носители юго-западной образованности отделяют слово от его содержания, что и обуславливает возможность употребления слова с переносным смыслом («тропическим разумом»). Так, для Стефана Яворского евангельский текст не есть истина («глаголы точию, а не сама истина»); истиной считается содержание этого текста. Поэтому текст оказывается открытым для разных интерпретаций, а истина устанавливается через правильную интерпретацию (это определяет значение филологической экзегезы для послереформенского мировоззрения).

Напротив, для носителей великорусской традиции Евангелие и вообще Святое Писание, будучи богооткровенным текстом, есть истина сама по себе, которая принципиально не зависит от воспринимающего субъекта. Сакральная форма и сакральное содержание по самому своему существу не могут быть расчлененными, одно предполагает другое. С этой точки зрения истина связывается не с правильной интерпретацией, а с правильным воспроизведением текста» [Успенский, 2002, с. 338].

«Новый российский слог» XVIII в., с одной стороны, должен был не утратить правильного выражения истины, наличествующего только в церковнославянском языке и связывающего в единое целое славянские народы (образуя славянский союз по подобию западноевропейского языкового союза), с другой – должен был открыть доступ к системе семантических оппозиций и семантико-когнитивных аргументов, составляющих основу европейской цивилизованности. Этот слог обретает статус функции исторического сознания в семиотической системе, созданной в первой трети XX в. А.С. Пушкиным. В этой семиотической сис-

теме происходит окончательная десакрализация формы выражения истины; истины, в соответствии с конвенциями повседневной реальности и интерпретирующего ее обыденного сознания, понимаемой как соответствие высказываний фактам, которые эти высказывания описывают.

Семиотическая система представления истины А.С. Пушкина обрела статус национального литературного языка или современного русского литературного языка. Как отмечает В.В. Виноградов, пушкинская реформа русского языка произвела синтез всех жизнеспособных элементов в предшествующей речевой культуре; живые соки прошлого как бы сгущаются, концентрируются, а такой своеобразной экзистенцией, очищенной от архаического и мертвого языкового груза, вливаются в язык Пушкина; в языке Пушкина обозначается общенациональная форма нового русского литературного языка, в стиле Пушкина разнородные элементы русского языка пришли в гармоническое согласие. «В стиле Пушкина, – по утверждению В.В. Виноградова, – русский язык показал свою способность оригинально отражать и самостоятельно перерабатывать художественные достижения всей мировой литературы. В творчестве Пушкина получили самобытное истолкование стили всех крупнейших поэтов Запада и Востока» [Виноградов, 1945, с. 131] на основе реализации принципа гармонии.

Принцип достижения гармонии, в соответствии с константами коррелятивного мышления, на смену которому пришло мышление механистическое в XVIII в. (время смещения приоритетов, замещение европейской цивилизацией системы восточных цивилизаций), – главный принцип общительности человека и мира, осознания реальности как всеобщего события, как совместности различных моментов бытия, всеобщей среды превращения, где все вещи взаимно охватывают, хранят друг друга, а потому знание о реальности приходит изнутри [Малявин, 1995].

Создавая семиотическую систему «синхронный русский язык» (систему правил перевода знаков мысли в знаки лингвистические), А.С. Пушкин обнаруживает союз миров умопостигаемых сущностей, составляющих квинтэссенцию разных эмоциональных и мыслительных культур. Таким образом, русский язык, будучи полным правопреемником языка церковнославянского по объединению славянских культур в одно целое, становится языком национальным, разрешая главную задачу, поставленную ре-

форматорской деятельностью Петра I – определить принцип вхождения единицы русского языка в систему семантических оппозиций, гарантирующую Российской империи сигнификативную защиту ее денотативных интересов. Главный принцип синтеза отношений в теории порядка и связи А.С. Пушкина – гармония, красота, принцип классического гражданина, легко сливающегося (гармонически) с общей жизнью своего государства, для древнего гражданина, как утверждает П.Е. Астафьев [Астафьев, 2000], ограничивающегося чаще всего одним городом, гражданином классической республики. Имперская идея Пушкина созвучна пониманию имперской идеи в китайской цивилизации периода XVI–XVII вв. и предполагает умение видеть вещественный мир, дополняя физическое зрение духовным. Она связана с усилением мысленного зрения проникать сквозь материальную оболочку вещей и прочитывать невидимую глазу формулу, находящую воплощение в материальности» [Малявин, 1995, с. 258].

Имперская идеология в николаевскую эпоху (40-е г. XIX в.) нашла свое выражение в формуле С.С. Уварова «Православие. Народность» (1832). Формула С.С. Уварова, как считает Б.А. Успенский [Успенский, 2002], скорее всего создана по модели формулы Французской революции *Liberté, Egalité, Fraternité* однако при этом полемически ей противопоставлена. В этом противопоставлении, видимо, скорее всего следует искать не полемику с западной демократией, ее формирующимися традициями (Равенству противостоит Самодержавие, Свободе – Православие, Братству – Народность), сколько полемику с средствами и формами (в данном случае формулами выражения истины), полемику о чувственном и мысленном рае (рае, в какой-то мере, отождествляемом с империей), различении чувственного и духовного опыта, чрезвычайно актуального для русского православного сознания.

Русскому религиозному сознанию, как отмечает Б.А. Успенский, в большей степени присуще представление о чувственном образе сакральной действительности. Показательно в этом отношении представление о нетленности мощей святых, что признается/воспринимается как признак святости. Напротив, отсутствие нетленности может служить поводом отказа от почитания. Для греков такое представление не характерно, для той же культуры, графическая система которой стала латентным содержанием кириллицы, представление о нетленности святых может быть свя-

зано с представлением о чувственном рае. Святые, обитатели рая, должны соответствовать нашему чувственному опыту: «при посещениях рая мы должны увидеть их в том виде, в котором они были до своего представления» [Успенский, 2002, с. 293].

Сходным образом, по мнению Б.А. Успенского, может объясняться народное представление об особых знаках царских, будто бы имеющих на теле царя и свидетельствующих о его богоизбранности. «В самом деле, это представление непосредственно связано с сакрализацией царской власти, с представлением о святости царя, тем самым соответствующие знаки выступают как физический – чувственно воспринимаемый – признак святости. Уместно отметить в этой связи, что отношение к царю в какой-то мере напоминает вообще отношение к иконе: царь может восприниматься как видимый образ Бога, и, соответственно, сакрализация царя может основываться – в тех или иных моментах – именно на практике иконопочитания» [Успенский, 2002, с. 292].

Фактически общинному мироощущению противопоставляется чувственный опыт (народные представления, или народность), новгородской демократии – русское религиозное осознание, ориентированное на нетленность, отождествляемую П.Е. Астафьевым с посредственностью, свойственной миру дохристианскому, в котором еще не было ясного понятия о духовной личности, сознания святости ее назначения [Астафьев, 2000]. Противопоставленными оказываются самодержавие (самовластие) и дискурс власти. Причем дискурс власти для русской культуры – это особая процедура означивания, которая Ю. Кристевой определяется/интерпретируется как безостановочное функционирование импульсов *к, в* и *через* язык: *к, в* и *через* обмен коммуникаций [Kristeva, 1969].

Середина XIX в. ознаменована в истории русского литературного языка двумя событиями: возникновением устной разновидности литературного языка и созданием Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Далем.

Как отмечает Г.П. Нешименко, у большинства славянских народов становление устного литературного языка происходило во второй половине XIX в. В функции устного литературного языка в свое время использовался и так называемый «салонный язык», применяемый элитарной частью общества в светском изысканном общении (подобные салоны были весьма многочислен-

ными в Европе во второй половине XIX в.) [Нещименко, 2003]. Устный литературный язык имеет, по утверждению Г.П. Нещименко, свою достаточно очерченную нишу в коммуникативном пространстве – ареал регулируемого речевого поведения, включающий публичную официальную коммуникацию (СМИ, выступления на собраниях, митингах; лекции и уроки в учебных заведениях и т.д.). Также устный литературный язык используется в межличностном общении при отсутствии доверительных, неофициальных отношений между участниками коммуникативного акта (общение в официальных инстанциях, разговор с вышестоящим лицом, прием посетителей в учреждении и т.п.).

Устный литературный язык обретает статус общеэтнического языкового средства, собственно литературный язык признается единственной общеэтнической формой существования языка. Переход от национального статуса идентификации языка, характерной для XIX в. и двух первых третей XX в., к этнической атрибуции языка, отличающей конец XX и начало XXI вв., обусловлен, видимо, особым вниманием к этнической культуре как локальной реализации культуры национальной и ее главному атрибуту, символу идентификации – языку.

В словаре В.И. Даля происходит осмысление собственной речи, которое, как отмечает В.И. Даль в «Напутном слове» к «Толковому словарю живого великорусского языка», сводится к следующему: «Найти слово, котораго у меня не хватает...; просмотрѣть сряду слова, самые близкія и сродные, чтобы освоить сь основнымъ значеніемъ словъ этого корня, отыскать подь общимъ, родовымъ понятіемъ нужные мнѣ выраженія, оглянуть законъ и порядокъ словопроизводства, чтобы осмыслить речь свою» [Даль, 1994, XXVII].

Деривационная концепция В.И. Даля развивает идеи М.В. Ломоносова о «размыивании» границ между церковнославянским языком и русским (российским) языком, между книжным и некнижным принципами упорядочения знания и впечатлений от общения с окружающим миром. Осуществляется окончательное расподобление «церковнославянского» (жанрово-текстового) мышления. Середина XIX в. в работах по истории русского литературного языка маркируется как период оформления современной системы функциональных стилей – результат эволюционирования, с одной стороны, деривационно-комбинаторной концепции М.В. Ло-

моносова, с другой – изменения принципов функционирования семиотической системы русского языка смешанного типа. Вплоть до этого момента в истории становления языкового сознания носителя русского языка и эволюции русского языка семантическое обнаруживало себя прежде всего через литературное (книжное) выражение, что влекло за собой признание словесного произведения семиотическим объектом, обеспечивающим «вход» в аксиологическую (равно «эпистемологическую») систему народа.

Середина XIX в. – время оформления самостоятельной структуры, некой оперативной модели, «устного литературного языка», своеобразной антитезы письменному литературному языку – книжной традиции, время прихода «наречия» на смену «речению». Наречия, или областные говоры, В.И. Даль рассматривает как свойство бытия простого народа, а «простонародный язык – корень и основа образованного языка». Ориентация на простонародный язык обуславливает исключение церковнославянского языка (приняты только те выражения, которые вошли в состав живого языка, а также обиходные названия предметов веры и церкви) и славянского языка (встречается только несколько слов малорусской народной речи, на самом севере и северо-востоке) из «живой», повседневной коммуникации.

По сути, особое внимание уделяется «российским простонародным речениям», в терминологии М.В. Ломоносова, входящим в качестве элементарных составляющих в стиль низкий и средний. Фактически В.И. Даль возвращается к изначальному принципу классификации языкового содержания русской культуры по лексическому принципу М.В. Ломоносова, сосредоточивая внимание не на знаке как таковом и особенностях его функционирования в определенном контексте (что принципиально важно для деривационной активности языкового сознания), а на особенностях делания знаков. Это позволяет провести границу между человеком как носителем исторического сознания, социальным явлением и другими живыми субстанциями – миром природных форм. «Отличительной особенностью этого вида делания знаков, – отмечал Д.Д. Романэс, – является, следовательно, такая особенность, которая чужда всем остальным его видам, она заключается в предикации, т.е. в употреблении знаков как подвижного шрифта при составлении предложений» [Романэс, 1905, с. 232].

Выявление принципов делания знаков, а следовательно, и принципов вычленения языковых содержаний достаточно важно в той языковой ситуации, которая В.И. Далем характеризуется несоответствием языка потребностям образованного круга, а также существованием в языке двух самостоятельных семиотических систем: «есть только, обрусевший по виду между пишущей братией, латино-французско-немецко-английский язык, да свой природный, топорный, напоминающий ломовую работу, квась и ржануху» [Даль, 1994, XXXIX]. Под языковым содержанием Лео Вайсгербер понимает духовную сторону звукодержательных единиц, выявляемую при их описании. Языковые содержания (или духовные содержания) (Inhalt) образуют понятийную основу и открываются в ходе путешествия по изучению мыслительного мира национального языка [Weisgerber, 1994, с. 24].

Логико-риторическое овладение семиотической системой русского языка в XVIII в. было нацелено на мысленное постижение структуры Логоса через обучение процессу мысленного изображения вещи. Лексикографическая модель В.И. Даля освоения языковых содержаний русской мыслительной культуры (или процедура постижения сущности русского духа и русской духовности) выявляет способы языкового воплощения Логоса, или языковые формы выражения истины – образы божественного откровения, характеризующие сущее России.

Толковый словарь В.И. Даля создает представление о русском народном языке, коррелирующем с русским религиозным сознанием, следовательно, чувственном образе сакральной действительности. Русский литературный язык рассматривается в качестве производной мыслеобразной системы представителя русской культурной традиции, в каком-то смысле замещающей традицию книжную. Как отмечает В.В. Виноградов, в русском языке XIX в. мысль свободно распоряжается материалом языка и находит с помощью его богатых средств новые комбинации идей и представлений, выражая их в разнообразии речи, все разностороннее разрабатывается система значений общерусского словаря, сложнее и разнообразнее становится гамма стилистических оттенков. «Мы встречаемся тут, – пишет П. Хомяков, – с весьма любопытным фактом: с наложением так сказать новых граней на подвижный состав языка, на его термины, чтобы отразить в них всякий новый оттенок, всякое новое движение в мыслях и пред-

ставлениях, в чувствованиях и отношениях развивающейся и усложняющейся жизни. Перед нашим воображением таким образом рисуется исключительная картина: язык представляется нам в виде огромной коллекции многогранных святящихся предметов (т.е. терминов), вращающихся в нем и оборачивающих к нашему умственному взору различные грани, в которых искрится, отражается и переливается бесконечное разнообразие психической жизни и внешнего быта» [Хохряков, 1889, с. 5].

Особой формой речевой коммуникации и устного литературного языка в конце XX – начале XXI в. являются электронные средства массовой информации. Речевая коммуникация в электронных средствах массовой информации выполняет, в соответствии с терминологией К. Гирца, функцию контрольного механизма – плана, рецепта, правила, инструкции, управляющих поведением [Гирц, 1997]. Концепция «контрольного механизма» исходит из предположения, что человеческая мысль в основе имеет одновременно общественный и публичный характер: естественная для нее среда обитания – двор, рынок, городская площадь, шоу-бизнес, а также электронные средства информации. При этом под речью следует разуместь звуковую систему речевой символики, поток произносимых слов, или «элементов речи» [Сепир, 1997]. «Каждый из этих элементов характеризуется тем, что он служит внешним знаком определенной идеи, будь то единичное значение или единичный образ, или же ряд таких значений и образов, связанных в единое целое» [Сепир, 1997, с. 43]. В речевой коммуникации, использующей в электронных средствах информации семиотическую систему русского языка, в качестве подобных знаков определенной идеи (точнее, идеологии) выступают медиоструктуры.

Медиоструктуру возможно рассматривать в качестве детерминационной среды, предопределяющей информационную насыщенность знака в зависимости от информационной программы, которую этот знак символически маркирует. Медиоструктура предоставляет возможности выявления более или менее разветвленных взаимных подчинительных связей, к которым возможно отнести и связи лексического значения со средой его порождающей [Агрикола, 1984].

В электронных средствах информации, использующих в качестве средства сообщения семиотическую систему русского

языка, существует пять типов медиоструктур, или детерминационных сред: *section, grandeur, synkôpe, alternative, drive*.

В этих медиоструктурах происходит перегруппировка наименований объектов реальности в соответствии с внутренними, существенными признаками и отношениями вновь формируемой аксиологии.

Новейший словарь включает в себя гиперединицы (единицы речевой коммуникации), лексические значения которых, будучи двучленным выражением, на данном этапе оформления состоят из медиоструктуры (детерминационной среды) и основного значения. Детерминационная среда представляет значение абстрактного порядка – проект, по которому может одновременно моделироваться и слово, и реальность, основное значение – значение темы и содержания аксиологии – зафиксировано в номинациях эстетических объектов, к которым следует отнести наименование объектов массовой культуры (творческих коллективов, произведений этих творческих коллективов, различного рода *performance*).

Выбор языковых форм и возможная «ступень» отклонения от семантической базы языка определяется контекстом ситуации, или социальными, идеологическими и прочими факторами. Семантическая база языка понимается как комплексные семантические формулы языка, позволяющие идентифицировать его в коммуникативном процессе истории. Формулы семантической базы языка – формулы речемыслительных процессов – в электронных средствах информации дифференцируются медиоструктурами, ориентированными на «контрольные механизмы семантического континуума, который представляет собой единство интеллектуального, живого и сущего. «Дифференциация, – считает Г.Г. Шпет, – новое рождение и рост, центростремительность до пресыщения, до напряженности, не выдерживающей сжатия внутри сил и разрешающейся в систему новых центров, отталкивающих друг от друга, самостоятельно способных к новым конденсациям и к новым дифференциациям. Сперва – концентрация жизни, затем разметывание кругов: разлетаются каждый со своим центром, хранящим в себе только воспоминание о некогда общем едином працентре» [Шпет, 1980, с. 360].

Медиоструктура дифференцирует признаки современного состояния семантической базы русского языка, выявляя инвариантные параметры когнитивных смыслов знаков:

«Над прической Марины трудилась известная в узких кругах питерского андеграунда стилистка, действующая под псевдонимом Маркиза де Ключ. «Я постаралась придать гранджевому образу Марины больше сексуальности и аутоэротизма, но при этом мне хотелось показать ее силу и энергию дикой кошки. Думаю, у меня это получилось. Я выбрала для нее черный цвет и короткую угловатую стрижку».

Детерминационная среда (медиоструктура) в данном случае конструируется оппозициями (двучленными выражениями), содержащими в себе основное значение (заимствованная единица) и значение другого порядка, абстракцию семантического отношения «качества» (интерпретация семантической базы языка): андеграунд – Маркиза де Ключ; гранджевый образ – дикая кошка; сексуальность – короткая стрижка, черный цвет; аутоэротизм – короткая стрижка. Степень отклонения от семантического континуума: опасный, трудный. Отклонение от семантической базы русского литературного языка состоит в существовании двойного значения (двойного смысла). Двойственность значения, моделируемая данной медиоструктурой, предполагает наличие в слове некоего скрытого (тайного), что «может привести к неадекватному пониманию, а отсюда – и к неверному поведению» [Левицкий, 1998, с. 25].

Медиоструктура *grander* представляет собой инвариантные элементы культуры (системы символического значения для придания значения опыту), связывающие субъектов в структуры; выявляются прототипические структуры схемы, которая фиксирует особенности речемыслительной деятельности в конкретный исторический промежуток времени и может быть обнаружена в большинстве текстов (обнаружение детерминационного «текстоида») [Metzeltin, Jacksche, 1983]:

«Если вас будут с кем-нибудь сравнивать, забейте на это, – посоветовала фронтвумэн Giapo Apes. – Ведь вы действительно классные».

«Факи, которые нам поначалу показывали, перешли в металлические козы, и какая-то часть людей во все это даже воткнулась».

Детерминационная среда конструируется элементами макроструктуры, понимаемой как внешние связи семантических полей, тематических и лексико-семантических групп, описывающих различные семантические континуумы в аспекте живого образно-

го значения, понятного всем говорящим: *забейте на это, воткнулись, металлические козы, факи, классные*. Степень отклонения от семантического континуума: *противостоять, лобовой*. Отклонение от семантической базы русского языка: значение единицы полностью определяется контекстом употребления, имеет место первичное, «примитивное», членение мира, основывающееся на здравом смысле в понимании мира той или иной культурой. «Здравый смысл, лежащий в основе естественного языка, представляет собой первичный огрубленный подход к знанию; он содержит своего рода «мифологизированную первоначальную попытку ориентировки в окружающем мире» [Hütten, 1956, с. 12].

Медиоструктура *сункōра* (синкопа) – это система наглядных или понятийных образов, репрезентирующая межсубъективные связи, характеризующая творческие процессы сознания, для которых характерна взаимосвязь процессов переживания и познавательно-оценочных процессов по разрешению проблемной (критической, конфликтной, кризисной) ситуации [Отчет, 1989].

«Пластика и энергия Марины Чиркуновой, демонстрировавшей на сцене прямо-таки акробатические трюки, чуть не воспламенила стены бывших царских конюшен.

Бешеная энергетика и неподдельный гитарный драйв, создаваемый Гагвым и мощный ритм-секцией Караев-Никудин, сметали всякие сомнения в том, что Total – это действительно новое слово в российской музыкальной культуре.

Психоделический треск винила в руках парящей над вертушкой Ани Корниловой усиливал сюрреалистичность акции, проходящей в 500 метрах от Кремля. Это выступление показало своеобразие и космополитичность Total: «русская группа с нерусским звучанием».

Детерминационная среда, конструируемая исходным образом «пластика и энергия» (бешеная энергетика и неподдельный драйв, мощный ритм-секцией), дополненная вспомогательными образами «бывших царских конюшен» и «Кремля», воспроизводит актантную структуру новой идеологии, или новой эстетики: *акробатические трюки; чуть не воспламенили; сметали всякие сомнения; психоделический треск винила; сюрреалистичность акции*. Относя представленный ряд единиц к уровню поверхностных семиотических структур, его «можно определить как актант-

ную структуру, актуализирующую ценности, которые она выбирает внутри аксиологических систем (имеющих виртуальный характер)» [Греймас, Курте, 1983, с. 496]. Степень отклонения от семантического континуума для *total: энергетический уровень – энергетическая ценность (корма)*. Отклонение от семантической базы русского языка заключается в использовании как базовой модели динамической системности смысла текста синкопы – ритмической фигуры, дающей отклонение от определенного (данного) метра перенесением ударения с сильного времени на слабое.

Медиоструктура *alternate* фиксирует соотношение определенности и неопределенности в новой аксиологической системе (идеологии), т.е. типы детерминированного поведения:

«Послезавтра обязательно зайдите на сайт, мы сообщим вам адрес места, где вы сможете пообщаться с группой в чате».

«Второй раз после ньюблока на MTV можно было увидеть ее новый облик: необычная немного странноватая угловатая стрижка, очень клеевая одежда».

«Завтра, 17 мая в 17:00 на сайте www.motok.ru состоится чат с группой Total».

«Смотрите почаще телевизионные каналы, читайте журналы, газеты, потому что именно в это время Total будет активно радовать вас своим присутствием на передачах».

Детерминационная среда в данном случае содержит высказывания, которые представляют собой совокупность условий речевой коммуникации «в чате». Взаимодействие происходит именно с этими условиями. «Детерминированное поведение такого типа можно рассматривать как осуществление определенной программы поведения. Свообразие этого поведения заключается в том, что сама последовательность событий мало взаимодействует с внешними условиями и часто этими условиями вообще можно пренебречь, настолько мал их вклад в ход событий. Здесь проявляется самодетерминированность процесса» [Ахлибинский, Храленко, 1989]. Степень отклонения от семантического континуума *total: осанка, внешность, поведение*. Отклонение от семантической базы русского языка: в процессе коммуникации язык функционирует на уровне нормы. «Понятие нормы включает лишь те явления индивидуальной речи, которые являются повторением существующих образцов, принятых в данном челове-

ском коллективе» [Степанов, 1966. с. 5]. Таким образом, язык общения «в чате» тождественен языку науки, предназначенному не для повседневного общения, а для формулирования общих положений о закономерностях природы [Gilbert, 1945].

Медиоструктура *drive* представляет образец метаязыка новой эстетики (аксиологической системы); образец метаязыка, описывающий объективную реальность, отождествляемую с эстетической:

«Что получилось в итоге? На смену трип-хиповой эстетике с электронными оркестровыми аранжировками и сэмплами пришел гитарный гранж – с виртуальным засосом в адрес Кортни Лав. Результатом работы стала хитрая смесь немецкого порядка и русской души – с тенью в звучании и модернизированным гранжевым драйвом по типу HIM.

Собственно, пока еще не очень привычный для России стиль был зафиксирован на аудио- и киноленте (клип «Не гони»). Теперь весь этот джаз оставалось продемонстрировать на практике».

Детерминационная среда подобного типа включает в себя термины, правила их образования («контексты ситуации») для производства абстрактных предложений, интерпретирующих семантическую базу языка в смысле абстракции семантических отношений действия. Подобные предложения соединяются в связный текст, отражающий общие формулы трансформации обыденного сознания симметрично аксиологической системе, имеющей виртуальный характер, или концепцию культуры. «Концепция культуры влияет на концепцию человека, – считает К. Гирц. – Если ее рассматривать как символический механизм для контроля за поведением, экстрасоматический источник информации, культура осуществляет связь между тем, чем каждый человек может стать, исходя из присущих ему особенностей: и тем, чем он на самом деле становится. Стать человеком – это значит стать индивидом, обрести индивидуальность, а индивидуальность мы обретаем, руководствуясь исторически сложившимися системами значений, с точки зрения которых мы придаем форму, порядок, смысл и направление нашей жизни» [Гирц, 1997, с. 163–164].

Современная речевая коммуникация в электронных средствах информации возвращает русский язык в лоно индоевропейского языкового союза, при этом выводя его из «славянского союза» и объединяя с западногерманским ответвлением германской ветви, если быть абсолютно точным – с англофризской ее

модификацией (вариацией). В этом наблюдаются некие параллели с периодом взаимодействия русского языка с западнославянским ответвлением славянской ветви в XVI–XVIII вв., когда усиливается польское влияние на русский язык и русскую культуру. Тогда польский язык выступал в качестве посредника между русским языком и западноевропейскими языками. Английский язык как составляющая англофризской вариации германской ветви индоевропейского языкового союза выступает в конце XX – начале XXI в. в качестве посредника между русским языком и информационным обществом, материальная и духовная культура которого создается в электронных средствах массовой информации (или гипертекстовой реальности). В какой-то мере повторяется ситуация середины XIX в., когда, по наблюдениям П. Хохлакова, имело место наложение новых граней на состав языка для отражения в них нового движения в мыслях и представлениях, в чувствованиях и отношениях развивающейся и усложняющейся жизни. Но замечания П. Хохлакова справедливы и относительно устного русского литературного языка рубежа тысячелетий, используемого для обеспечения коммуникации в электронных текстах.

Что же касается письменного литературного языка, то в 60–70-е гг. XX столетия создается его новая модификация, ориентированная культурой словесного обустройства пространства существования человека, построения (конструирования) его повседневной реальности. Классическая модель «республиканского» обустройства пространства существования модифицируется в концепцию «малой родины», поглощая собой императив «любовь к отечеству» (таким образом, рассеивая имперскую идеологию – идею имперского обустройства государства Российского) и провозглашая в качестве идеи жизнеобустраивающей идею демократического союза различных земель (малых родин) России. Идея индоевропейского языкового союза вновь становится актуальной: необходимо выявить систему семиотических принципов согласования различных типов мысленной речи, свойственных каждой отдельной территории (или ландшафтно-географическому комплексу) России, т.е. различных типов мысленного изображения вещи, обуславливающего разные типы «честолюбия» (второй константы мышления, гарантирующей приятие и созидание имперской идеологии).

В иерархии идеалов классического гражданина (в том числе, и гражданина «малой родины» – провинции), по утверждению П.Е. Астафьева, и в духовном, и в бытовом, и в политическом плане стояла красота, ею все приобреталось и все покупалось в умершем языческом (античном) мире.

Изучение мира мысли как проявления красоты природы предпринимается в *linguistic performance* В.М. Шукшина в процессе создания системы языкового оформления русского стиля рассудочности. Согласно В.М. Шукшину, данный стиль отражает этапы становления российского этноса при его переходе от чувственно постигаемого мира (природы), отличающегося наличием естественной причинности, к умопостигаемому миру, которому присуща свободная причинность. Свободная причинность не зависит от временных условий, не детерминируется предшествующими состояниями; свободно детерминированный принцип формирования суждения является тем психическим фактором, который определяет психосматику общества [Гийом, 1992]. Свободно детерминированный принцип формирования суждения в творчестве В.М. Шукшина конструируется (воссоздается) на основе координирования языковых форм, или применения метода пропорционирования.

Метод пропорционирования более известен в архитектуре: он обеспечивает соответствием архитектурных элементов стабильность конструкции, статика (стабильность) которой находится в прямой зависимости от избранного решения [Муратова, 1988]. Подобный метод возник непосредственно из процесса проектирования и строительства сооружения и связан с последовательностью строительного процесса.

Языковое зодчество В.М. Шукшина открывает закон свободы России, основывающийся на моделях сцепления тончайших волн человеческого сознания, или тензорах, воспроизводящих природные задатки, которые, с опорой на Им. Канта, возможно определить как способность отвлечения от представления [Кант, 1999]. Подобная способность доказывает свободу способности мыслить и самоволие души распоряжаться состоянием наших представлений (*amino sui compus*) [Кант, 1999, с. 1294].

Языковое зодчество В.М. Шукшина, основанное на методе пропорционирования, выявляет необходимость введения для описания логической функции сознания представителя русского сти-

ля рассудочности понятий чувственно созерцаемых (сравните с интенциями XVIII в.). Таким образом, создаются предпосылки для развития учения о совершенной реальности пространства и времени в отношении предметов чувств как явлений, т.е. созерцаний. Позитивный потенциал созерцательности России видится в том, что она представляет собой технику постижения природы, уничтожающую, в терминологии Г. Гийома, в себе условие немыслимости. Подобная техника состоит в универсализируемом (обобщающем) движении от одного внутреннего содержания к другому через введение особого типа языка – языка иррациональных величин, представляющего иррациональные отношения. Последние, по мнению Н. Орезмского, изложенному в трактовке «О соизмеримости и несоизмеримости движений неба», вносят разнообразие в равномерность, непостижимы человеком и открыты взору [Орезмский, 1960].

«Собеседование» с природой, подобное «святому» собеседованию в храме, рождает «звукочасочные переливы» [Муратова, 1988, с. 11], являющиеся свидетельством изменения внутреннего состояния души, возникающие как ощущение единого живого целого. Изменение состояния представления мира осуществляется В.М. Шукшиным в «естественной логике производительного процесса, открывающей законы существования и потенциальные свойства русского языка. Результатом «собеседования» с природой на русском языке становится языковой витраж – особая декоративная композиция, пропускающая свет Вселенского разума.

Свет витражей в эпоху готики отождествлялся со светом христианского знания. Размышляя над особенностями архитектурной композиции при сооружении церкви Сен-Дени, аббат Суггерий писал: «Свет материальный, или природный, в пространстве небес расположенный, или на земле человеческим искусством достигнутый, есть образ света интеллигибельного – самого Света Истинного» [Орезмский, 1960, с. 24]. В готическом искусстве витражей обнаруживается слияние метафизического представления о свете как символе божественного света и мистического метода его понимания посредством «физического созерцания света и пребывания в созданной этим светом особой светоносной атмосфере» [Муратова, 1998, с. 93].

В ранних произведениях В.М. Шукшина физическое созерцание света реконструируется в синтаксических геометриях –

грамматических пропорциях, воспроизводящих бесконечное наслаждение души при соприкосновении с невидимой красотой, символизируемой, в соответствии с теорией созерцания Гуго Сен-Викторианского, удовольствием от созерцания земных материальных вещей [Муратова, 1998]. При создании языкового витража автор исходит из грамматических пропорциях, фиксирующих конечные локальные центры сознания, в которых материя с помощью силы, обретаемой ею в движении, изменяет состояние представления мира (внутреннее состояние души). Языковой отклик измененного состояния души в ранних произведениях В.М. Шукшина³ имеет следующую композицию:

Телега качалась, скользила, *точно плыла по жирной черной реке* (Двое на телеге, 1958). Над избушкой *струился синий дымок, растягиваясь* по березняку *слоистым голубым туманом* (Двое на телеге, 1958). В окна *лился негреющий серебристый свет* (Светлые души, 1959). Чуть занималось *светлое утро. Слабый ветерок* шевелил занавески на окнах. По поселку ударили третьи петухи (Стенька Разин, 1960). Солнце *коснулось вершин Алтая* и стало медленно *погружаться в далекий синий мир*. И чем глубже оно уходило, *тем отчетливее рисовались горы*. Они как будто *придвинулись*. А в долине – между рекой и горами – *тихо угасал красноватый сумрак*. И *надвигалась от гор задумчивая мягкая тень* (Солнце, старик и девушка, 1960). Небо отражалось в лужах; *синие осколки его там и здесь весело сверкали на черной земле* (Степкина любовь, 1960). *Пятна света, точно маленькие желтые котята, играют на полу* (Далекie зимние вечера, 1961). Потом солнце скрылось за острым хребтом Бубурхан и точно оттуда *вылетел в зеленоватое небо стремительный веер ярко-рыжих лучей*. Но он держался недолго – тоже *тихо угас* (Далекie зимние вечера, 1961). День был *серый, темное небо образовало над стенью крышу*. Под этой крышей было *насмурно, тепло и просторно* (Племянник главбуха, 1961). На западе сквозь тучи *местами пробивалась заря* (Племянник главбуха, 1961). Было *уже темно. И сыро. Пал туман* (Ленька, 1961). Глядела мимо Леньки на *светлый край неба* (Ленька, 1961). Я знаю, как бывает в степи ранним летним утром: *зеленый тихий рассвет* (Воскресная тоска, 1961). Глаза умные,

---

³ Шукшин В.М. Собр. соч.: В 3-х т. М., 1984.

в них *постоянно светится мягкий ровный свет* (Воскресная тоска, 1961). Глаза его *засветились неожиданно мягким, добрым светом* (Коленчатые валы, 1961).

Шукшинская витражная техника воспроизводит в языковых формах внутреннее состояние души, или состояние представления мира, которое определяется световыми формами, создаваемыми природой. Согласно неоплатонической концепции света, Бог есть свет, свет дает красоту вещам. Посредством чувственного созерцания красоты вещей дух созерцает озаряется светом и подымается к нему, тем самым дух приближается к познанию Христа – истинного света, озаряющего мир. Созерцание же витражей, в соответствии с концепцией аббата Суггерия, является одним из духовных путей от «материального» к имматериальному, от телесного к духовному, от человеческого к божественному» [Муратова, 1998, с. 120].

Языковая техника В.М. Шукшина открывает особенности внутренней формы русского литературного языка, а следовательно (если продолжать концепцию В. фон Гумбольдта о связи внутренней формы языка и национального духа), национального духа славянского союза, открывающегося в особых сцеплениях языковых форм и особой графической системе изображения Логоса. Изображение Логоса, придание ему «видимости» и возможности созерцания в славянской художественной культуре предстает как теологический процесс, в котором конечное состояние является действующей причиной. Особую значимость обретает славянский этический код, особая семиотическая стратегия, соединяющая динамики искусственных сетей с функциональными динамиками сенсоров и активаторов в контакте в реальном физическом мире.

Славянская мыслительная культура придает геометрическую законченность поиску значений в ситуации «хаос-порядок-хаос», обеспечивая выход интеллектуальной системы «индоевропейский языковой союз» в дальнейшее формовозобновляющее и формообразующее движение. Поиск значения мотивирован семантическим напряжением, которое создано неестественностью современного мира. Оформляя неестественность, славянская геометрическая законченность, если опереться на рассуждения К. Леви-Строса об отношениях симметрии между ритуалами и мифами соседних народов, представляет собой наиболее элегантно и

простое средство выказать славянской коммуникативной общности свое сходство и свою отличность по сравнению с другими мировыми коммуникативными общностями через геометрическую законченность-очерченность мысли в контексте распадающихся, в силу энтропического процесса, форм реальности.

На протяжении всей своей истории существования русский литературный язык был особой системой, выполняющей функцию контрольного механизма, который определяет семантику знакового поведения человеческой общности, его использующей для поддержания своей жизнедеятельности. Им. Кант замечал, рассуждая о характере французского, английского, испанского, итальянского, немецкого народов, что «Россия еще не то, что нужно для определенного понятия о природных задатках, готовых к развитию» [Кант, 1999, с. 1504]. Таковы были наблюдения философа за Россией начала XVIII в., свидетельствующие об отсутствии языковых содержаний, подтверждающих наличие национального духа.

Национальный дух России возможно рассматривать как Логос, отражающий уровень понимания смыслового наполнения бытия и его языкового конструирования. Ключевые аспекты текстового воспроизведения национального духа: *понимание, персепективизм, истина-сознание, бытие-любовь-творчество-другой*. Горизонтальное развертывание (представление) Логоса осуществляется через дискурсивные точки *понимание-другой*. Понимание следует расценивать как отдельный мир, создаваемый мыслью человека, производящий и объясняющий доступное ощущению. Понимание в психогогике приводит к бытию Другого человека через *любовь-творчество*, преобразующий «*при-ведение-к-бытию*», высвобождение места для бытия другого. Вертикально развертывание (представление) Логоса осуществляется через аксиологические точки *персепективизм-истина*.

Бесконечное множество возможных точек зрения задает плюрализм перспектив. Каждый субъект является необходимым органом реальности для раскрытия беспредельного многообразия ликов мира. Каждому субъекту, как утверждает Х. Ортега-Гассет, нужно хранить верность своей точке зрения, он должен уметь ясно видеть то, что откроется ему, и никому другому, но равно необходимо взаимодополнение, диалог [Ортега-и-Гассет, 1991]. Истина в контексте национального духа представляет психологи-

ческое переживание, всякое состояние сознания. В истине, утверждает Е.Н. Трубецкой [Трубецкой, 1995], все, что думает человек, все, что ощущает и чувствует, все состояния и переживания сознания. Метод постижения Логоса повествовательный (нарративный); направление – каталогическое; задача решаемая – систематизация материала впечатлений на инвариантной основе. Оформление Логоса связано с определенной формой образования когнитивного ряда. Некоторое чувственное многообразие, составляющее основу Логоса, может быть логически постигнуто и упорядочено, когда его члены вытекают и располагаются в необходимом порядке согласно некоторому творческому основному отношению из одного определенного начального члена. Связь членов когнитивного ряда создается в каждом отдельном случае с помощью всеобщего закона координирования, благодаря которому устанавливается всеохватывающее правило следования членов ряда – национальной идеи. Национальная идея, в таком случае, предстает в качестве языковой и композиционной организации индивидуального и социального текстов как знаков семантической Вселенной.

Глава 3

МЕХАНИЗМЫ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ СИСТЕМЫ СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Развитие языкового коллектива во времени обуславливает создание и обновление методов наблюдения за миром и структур знания, что мотивировано эволюцией системы представлений. Изменение системы представлений получает отражение в изменении уровней владения языком: переходе от национально-культурного к ситуативному уровню.

Национально-культурный уровень, полагает Л.П. Крысин, означает владение национально обусловленной спецификой использования языковых средств [Крысин, 1994]. Существенным компонентом национально-культурного владения языком является знание коннотаций слова, которые обусловлены национальными особенностями интерпретации структур природного и социального устройства. Поле коннотативных значений, как считает Р. Барт [Барт, 1994], возникает в процессе коммуникации и позволяет тому или иному обществу дистанцироваться в культурно-историческом плане от иных обществ, с их особенными когнитивными содержаниями.

Социально лингвистический уровень в классификации уровней владения языком Л.П. Крысина предшествует национально-культурному и включает три умения или способности говорящего. По мнению Ю.Д. Апресяна владеть языком – значит уметь: а) выражать заданный смысл разными способами (способность к перефразированию); б) извлекать из сказанного на данном языке смысл и находить общий смысл у внешне различных высказываний (различение синонимией, владение синонимией); в) отличать правильные в языковом отношении высказывания от неправильных [Апресян, 1980].

В качестве дополнительного умения Ю.Д. Апресян предлагает выделить селективную способность, которая проявляется в умении выбирать во множестве принципиально возможных средств выражения мысли то, которое в наибольшей степени соответствует социальным, территориальным и другим особенностям ситуации общения и с наибольшей полнотой выражает личностные характеристики участников ситуации [Апресян, 1979].

Собственно лингвистический уровень владения языком отражает свободное манипулирование языком безотносительно к типу его использования в тех или иных сферах человеческой деятельности. Способность к перефразированию, навык перефразирования, умение находить смысл общий во внешне различных словосочетаниях и предложениях, умение определять, как можно, а как нельзя говорить на этом языке, составляют основу навыка «владение языком».

Энциклопедический уровень следует за национально-культурным уровнем. Это владение не только самим словом, но и «миром слова», т.е. теми реалиями, которые стоят за словом и связями между этими реалиями. Знание энциклопедической информации, считает Л.П. Крысин, важно для правильного выбора слова в конкретной коммуникативной ситуации. Знание «мира» слова проявляется в правильном представлении о родовидовых отношениях между вещами и понятиями. Знание причинно-следственных, временных, пространственных отношений между вещами, действиями, событиями позволяет коммуницирующему отличать логически правильные высказывания от аномальных.

Ситуативный уровень завершает ряд типов уровней владения языком. Он предполагает умение применять языковые знания и способности как собственно лингвистические, так и относящиеся к национально-культурному и энциклопедическому уровням, в соответствии с особенностями коммуникативной ситуации. Коммуникативная ситуация состоит из совокупности ситуативных переменных, считает Л.П. Крысин, изменение значения каждой из которых ведет к изменению речевой ситуации и, как следствие, к варьированию языковых средств, используемых общающимися, и их речевого поведения.

Социально-лингвистический уровень владения языком оформляется у носителя русского языка, формирующего свою коммуникативную компетенцию не только в речевой практике, но и через овладение книжной русской культурой. Овладение русской книжной культурой начинается с ознакомления с языком «Русской правды». «Русская правда», в соответствии с комментариями Л.П. Якубинского – первый записанный закон Киевского государства, в котором нашло свое выражение правовое мировоззрение православной конфедерации (союза территорий, объединенных одним вероисповедованием языком, интерпретирующим

это вероисповедование и корректирующим мысленную речь восточных славян. Известны три редакции «Русской правды»: краткая, пространная и сокращенная. Особый интерес представляет краткая редакция, в целом восходящая к XI в. Древнейшая часть краткой редакции относится ко времени Ярослава, т.е. первой половине XI в.; эта древнейшая часть краткой редакции была дополнена при сыновьях Ярослава во второй половине XI в. [Якубинский, 1952, с. 290–291].

В X в. древнейшим государственным языком киевских канцелярий, языком государственных актов был церковнославянский язык. С XI в. государственные акты стали составляться на древнерусском языке (стали писаться по-древнерусски). Однако, как считает Л.П. Якубинский, это было не постепенное развитие, а замена одного языка другим. Древнейший из известных нам записанный по-древнерусски документ «Русская правда» сразу дает стройную систему древнерусского языка, в которой отдельные церковнославянизмы имеют совершенно случайный характер. Явление замены одного языка другим можно отчетливо проиллюстрировать на сравнительном анализе синтаксических конструкций в договорах X в., с одной стороны, в «русской правде» и древнерусских грамотах – с другой [Якубинский, 1952, с. 294–295].

Замена системы церковнославянского языка системой древнерусского языка позволяет сделать предположение о специфике существования системы обозначения (письменности) и эволюции познавательного мышления «гражданина» России, адаптации восточных славян к принципам государственного (читай, цивилизационного) обустройства своей жизнедеятельности. Это неизбежно должно происходить в силу уже того, что они являются частью индоевропейского языкового союза, связана с двумя процессами – заимствования и замещения, причем заимствовать означает перенять, т.е. подражая кому-то, усвоить, взять ненадолго «взаймы». Художественные образцы другой когнитивной культуры, в таком случае, используются в двух целях: а) в качестве образца собственного продукта духовной и материальной культуры (прежде всего материальной); б) для характеристики артефактов мысленной речи, не имеющих адекватного означивания в собственной языковой системе. Это свидетельствует о факте использования лингвоэтнически образованием общего семантического фонда индоевропейского языкового союза.

Процессы «перенятия» и замещения аналогичны семантическим процессам, которые Е.С. Копорская выделяет, рассматривая семантическую историю славянизмов в русском литературном языке нового времени. Сущность процесса семантического заражения, по мнению исследователя, составляет влияние синтагматических связей на определение границ и содержание значения слова [Копорская, 1986]. Это означает, что устойчивые, типизированные связи слова, которые возникают у слова в процессе функционирования, начинают осознаваться как самостоятельные значения слова. Процесс семантического стяжения является разновидностью общего процесса семантического заражения; он действует в тех случаях, когда среди синтагматических связей слова возникают отдельные фразеологизированные словосочетания и доминантное слово такого словосочетания может начать употребляться одиночно в значении, свойственном всему сочетанию.

Процедура заимствования – обязательная составляющая как коммуникативной истории восточных славян, так и процесса коммуникации с другими культурными общностями, поскольку перенятие элементов других аксиологических систем позволяет на основе процесса заражения выявить устойчивые, типизированные связи в собственной аксиологической системе, значимые для данного периода существования социально-языковой общности, и целевую субстанцию. По определению Я. Качалы [Качала, 1974], целевая субстанция – это та субстанция, на которую переходит или направляется глагольное действие, которое, в нашем случае, мыслительное действие охватывает. Целевая субстанция выделяется Я. Качалой наравне с исходной субстанцией, которая служит в пространстве точкой опоры для глагольного действия, из которой исходит глагольное действие.

Для книжной культуры такой исходной субстанцией является Логос, целевой субстанцией, в таком случае, будет проявление Логоса, его словесное воплощение, которое зависит от контекстных условий взаимодействия Сущего и его актуализации – человека Ориентация на целевую субстанцию христианско-государственной общности (не государства) «гарантирует» ей правила существования как системы символической, которой присуща, по утверждению П. Рикера, следующая особенность: благодаря своей способности структурироваться в совокупности значений, символическая система имеет строение, сопоставимое со строе-

нием текста [Рикер, 1995]. В процессе становления социально-лингвистической общности «Киевская Русь», восточные славяне как часть индоевропейского союза взяли на себя функцию такой символической системы, опосредующей мыслительное действие, которая выполняет определенную нормативную функцию, отождествимую с «социальным» кодом. Подобный код К. Герц, по словам П. Рикера, сравнивает с генетическими кодами в животном мире, которые существуют лишь в той мере, в какой они возникают на своих собственных руинах» [Рикер, 1995, с. 12].

Таким образом, процесс заимствования является обязательной составляющей аксиологии христианско-языкового союза территорий, который характеризуется разными типами мыслительной речи и мыслительного действия, являющегося исходной субстанцией для локального речевого действия (речения, наречия). «Ценности, входящие в некоторую аксиологию, – отмечает А.Ж. Греймас и Ж. Курте, – являются виртуальными и возникают в результате семиотического членения коллективного семантического мира (универсума); тем самым принадлежат к уровню глубинных семиотических структур. Выступая как содержание идеологической модели, они актуализируются и берутся на вооружение субъектом – индивидуальным или коллективным, – который модализируется (термин «модализация» в системе авторов данного словаря означает процесс придания модальности в отличие от модальности как результата; таким образом, высказывание-результат характеризуется «модальностью», а высказывание-процесс (акт высказывания) – «модализацией» как «хотеть-быть», а затем как «хотеть-делать» [Греймас, Курте, 1983, с. 496]. Возможно предположить, что христианско-языковой союз «Киевская Русь» должен был позволить индоевропейскому языковому союзу модализироваться в отношении «делать так, как мыслить», т.е. способствовать выявлению принципов соответствия (пропорционирования) между мысль-слово-природным объектом (целевая субстанция) и слово-мысль-действием (исходная субстанция).

Процедура заимствования тематически мотивирована необходимостью понятийной дистрибуции какого-либо актуального в данный момент семантического узла аксиологической системы (или системы «узлов» в случае с византийской культурой и культурой южных и восточных славян). Исчерпание ресурса семантического заражения – достижение предела семантического запол-

нения «открывшейся в аксиологии «пустотности» – может привести к замещению в целом всей семиотической системы (в случае с «Русской правдой»). Г. Хенигсвальд различает несколько «моделей замещения». Лингвистические изменения трактуются им как смена окружения фонем, морфем и их значений; они попадают в новые окружения, расширяя свою дистрибуцию, или утрачивают старую [Расторгуева, 1989, с. 19]. Возможно предположить, что фонемы, морфемы, обеспечивающие жизнедеятельность индоевропейского языка, будучи переведенными в семиотический код церковнославянского, или древнецерковно-славянского, языка были размещены в новых окружениях с целью расширения, или комбинаторных возможностей. Так был создан защитный пояс культурного ядра индоевропейского языкового союза социолингвистическая общность «Киевская Русь».

Защитный пояс культурного ядра, как считает Н.С. Розов, – это форма предоставления данных, т.е. структура, которая позволяет а) упорядочивать имеющиеся, либо в принципе доступные релевантные эмпирические данные; б) представлять следствия из теоретических положений [Розов, 1992]. Для индоевропейского языкового союза «Киевская Русь», будучи формой предоставления данных, в качестве нормативно-христианской языковой общности стала главной частью познавательных конструкций, совокупность которых составляет основу идеологии индоевропейского союза (потенциальных возможностей семиотических процессов формируемой в результате эмпирических исследований символической системы «Киевская Русь»).

Основной целью эмпирических исследований христианско-языкового союза вплоть до XVI в. было историческое познание мироизменения: процессов семантического заражения и стяжения, сопровождающих трансформацию индоевропейского языкового союза в самостоятельное социальное образование – европейская цивилизация (XVIII в.). Историческое познание Г.Г. Шпет в «Философских этюдах» определял как познание, оперирующее понятием в его семасиологическом качестве, тождественным в своей динамике живому организму [Шпет, 1994]. Логика подобного познания принципиально всеобъемлющая, поскольку сознание в рефлексии (понятии) особым способом, постигает свою сущность. «Сознание в рефлексии на самого себя «видит» свою сущность не через посредство образов или «репродукций», как мы

знаем, а безусловно презентативно, т.е. сущность сознания налична рефлексии, в ней «находится, или еще иначе, имманентна своему сознанию» [Шпет, 1994, с. 290]. Понятие выступает при создании уменьшенной модели, по мнению К. Леви-Строса, в качестве оператора для открытия целостной совокупности, с которой работают [Леви-Строс, 1999]. «В каждом понятии таким образом – все связи и отношения того, что есть. Эта особенность понятия, как логического, которое, как указано, покрывает собою все сознание...» [Шпет, 1994, с. 304]. Язык символической системы «Киевская Русь» – защитного пояса культурного ядра индоевропейского языкового союза – по сути был языком интерпретации понятийных категорий (в некоторых тождественных категориям аксиологически).

Исследование формы языка коммуникации членов индоевропейского союза в аспекте его становления и развития осуществлялось с помощью сравнительно-исторического метода, целью которого являлось воссоздание модели праязыковых состояний отдельных семей и групп родственных языков мира, их последующего развития и членения на самостоятельные языки, а также построение сравнительно-исторических описаний грамматик и языков, входящих в ту или иную генетическую общность. Таким образом, основными приемами сравнительно-исторического метода были моделирование истории языковой форма и создание адекватного метаязыка построения подобного описания. Обращалось внимание на существование одной и той формы в семантических континуумах различных этносов и объем (количество) этого континуума, который ставился в соответствие корневному морфу, основному строевому элементу языка и мышления. Корневому морфу, в таком случае, приписывался особый «организационный» статус: он организовывал систему понятий как некоторое семантическое множество, за счет которого происходит «сквозное» объединение моделей спецификации свойств мира, отличающих тот или иной тип этнического семиотического поведения. При подобном отношении к корневному морфу возможно усмотреть в нем черты культурной формы – совокупности наблюдаемых признаков и черт всякого культурного объекта (явления), отражающих его утилитарные и символические функции, на основании которых производится его идентификация и дистрибуция [Флиер, 1995].

Интерференционный метод, или голография, – это способ восстановления трехмерного изображения по его нефокусированной дифракционной картине [Кольер, Беркхарт, Лан, 1973], который позволяет определить степень пространственного распределения интенсивности семантического мира, характеризующую культурную форму. Процесс генезиса культурной формы обусловлен законами духовной жизни, представляющими феноменальную структуру мира. Воспроизведение и описание подобной структуры возможно осуществить с привлечением метода классического, феноменального реализма. «Классический, феноменальный реализм – это зрелая философско-художественная форма, предполагающая умение не только верно воспроизвести человека как конкретно-историческую индивидуальность в ее связи с окружающей средой, но и освоить эту взаимосвязь в системе целого, в судьбе всего человечества, в общей картине мира и эволюции. Этот метод находится в специфических отношениях с философией. Всегда метод возводили к философии, классическое же, феноменальное мироощущение сложилось сначала в литературе, затем в XX в., воспринятое из литературы, появилось в философии» [Федоров, 1989, с. 31].

Метод феноменального реализма, выявляя уровень семантической напряженности среды обитания человека, предполагает активизацию «сознания-сопоставления» [Евзлин, 1993] в виде интерференционной картины, воспроизводящей пространственное распределение интенсивности семантической Вселенной в синхронный наблюдателю момент времени. Излучения, которые начинают эманировать природные и социальные объекты, «собираются в архетипической «точке», эманлирующей, в свою очередь, новую реальность (или точку) – *сознание*. Сознание, таким образом, можно рассматривать как синтез тройной эманации, активизирующей, когда все три точки вступают во взаимодействие. Сами по себе точки статичны и по отдельности активизироваться не могут. Они динамизируются (вступают во взаимодействие) в результате некоего «совпадения», реализуемого при посредстве «архетипа-ритуала» [Евзлин, 1993, с. 200–201], или формы языка.

Форма языка, составленная из взятой во всей совокупности своих связей и систематичности способность народа через языковые единицы и правила их согласования выражать мысли и чув-

ства [Гумбольдт, 1984], восстанавливается В.М. Шукшиным в «Трех грациях»¹ с использованием интерференционного метода. Форма русского языка, по В.М. Шукшину, – это метод хранения разнородной информации: а) детерминированный внутренним языковым сознанием, разнообразием психической жизни и законами индивидуации; б) обеспечивающий генезис культуры.

Интерференционный метод регистрирует: 1) принципы систематизации ценностей в конкретный исторический период – абстрактный способ измерения мира; 2) форму записи деятельности «абстрактного сознания» – особой формы движения материи, приводящей к целесообразной деятельности [Вотяков, 1998]; в качестве подобной формы выступает таксон – тип преобразования информации, базирующийся на понимании текста, во-первых, как материального носителя объективированных способов и приемов человеческой деятельности [Угринович, 1987], во-вторых, как образец системной организации «языка культуры» [Багдасьян, 1994; Хомский, 1972]; 3) степень свободы, или объем сознания [Евзлин, 1993], характеризующий время порождения художественного произведения в аспекте реализации воли эволюции. «Объем информации соответствует «объему» сознания, которое, в свою очередь, является необходимым условием свободы. А посему свобода может быть определена как информация, синтезированная сознанием» [Евзлин, 1993, с. 206]; 4) характер и значение языковой единицы в аспекте необходимости, которая возникает в качестве динамического взаимодействия элементов, образующих структуру формы языка и внутреннего языкового сознания. «Необходимость» здесь является тем, что необходимо для функционирования системы, иными словами, не система есть следствие абстрактной необходимости, но необходимость есть выражение конкретной нужды системы, которая равнозначна условиям, при которых система может функционировать (существовать, развиваться). Это значит, что «необходимость» испытывается существующей системой, которая при изменившихся обстоятельствах генерирует («активизирует») новые элементы, т.е. развивается» [Евзлин, 1993, с. 208]; 5) классификационные черты цивилизации, ее речемыслительные функции и интеллектуальные/духовные возможности. Текст следует рассматривать как

---

¹ Шукшин В. Рассказы. Омск, 1999.

величину, единицу счисления цивилизации, ее альтернативный проект – проект организации пространства мира, обстоятельств, способствующий восстановлению на качественно ином уровне, чем в исходной исторической и языковой ситуациях, нарушенных психических и духовных балансов, установлению эмоционального равновесия и приданию дальнейшему развитию цивилизации устойчивого характера [Бестужев-Лада, 1998].

При характеристике формы русского языка особое значение имеет процедура регистрации деятельности абстрактного сознания, которая раскрывает принципы владения понятием в конкретный исторический период. По мнению Л.С. Выготского, владеть понятием – значит: 1) уметь выделить в предметах существенные признаки; 2) проводить классификацию предметов на основании этих признаков; 3) обозначать выделенную группу предметов некоторым словом (словом-обобщением) [Выготский, 1982], т.е. владеть методом организации знания, или классификационной схемой, предполагающей существование человека в режиме коррелятивного мышления.

Классификационная схема, или таксон, выявляющий форму русского языка, по В.М. Шукшину, включает следующие составляющие: 1) терминосистему; 2) этнический языковой образец; 3) внутреннее языковое сознание.

Терминосистема описывает структуры повседневной реальности, согласуя их с феноменальной структурой мира и маркируя принципы понимания и актуализации законов духовной жизни в конкретный временной отрезок истории. «...язык представляется нам в виде огромной коллекции многогранных светящихся предметов (т.е. терминов), вращающихся в нем и оборачивающих к нашему умственному взору различные грани, в которых искрится, отражается и переливается бесконечное разнообразие психической жизни и внешнего быта» [Хохряков, 1889, с. 5].

Этнический языковой образец, фиксируя законы существования сообщества в языке и их отражение в речемыслительной деятельности, демонстрирует особенности соотношения «словесно-лингвистического и эмоционального интеллекта» [Гелб, 2000], наличие которого является показателем естественного состояния человека в определенный исторический период. «Все вещи стремятся пребывать в своем естественном состоянии. Поэтому течение воды стремится сохранить свое движение в меру мощности

своей причины и, если находит противостоящую преграду, заканчивает прямую линию начатого течения круговым и изогнутым движением» [Винчи, 1999, с. 177]. Изменение этнического языкового образца свидетельствует об изменении принципа фиксации феноменальной структуры мира и степени участия эмоционального интеллекта в этом процессе.

«Внутреннее языковое сознание – это принцип, объемлющий язык изнутри, придающий всему изначальному импульс... В языке, в той мере, в какой он является реальным достоянием человека, различают *два конститутивных принципа*: внутреннее языковое сознание (под которым я понимаю всю совокупность духовных способностей относительно к *образованию и употреблению языка*, т.е. лишь направлению) и звук, – поскольку он зависит от свойств органов и основывается на уже усвоенном» [Гумбольдт, 1984, с. 227].

Означенный таксон представляет смысловой скелет речевого действия, результатом которого становится создание в словах данной личной истории, где «в слове историческое событие возведено до степени самосознания» [Гумбольдт, 1984, с. 151]. «Слово есть не только понята, но и понявшая себя сама природа, понимаемая и понимающая природа. Слово, значит, есть орган самоорганизации личности, форма исторического бытия личности» [Лосев, 1994, с. 150]. Слова об исторических фактах, повествование о жизни личностей должно дать мифическое сознание, охватывающее в мифе вещественно-телесные и всякие умные формы. «Личность берется в мифе *исторически*, а из ее истории берется вся *словесная* стихия. Это и есть разъяснение того, как личность проявляет себя в мифе. Кратко: *миф есть в словах данная личная история* [Гумбольдт, 1984, с. 151].

«Личность, история и слово – диалектическая триада в недрах самой мифологии. Это – диалектическое строение самой мифологии, структура самого мифа. Вот почему всякая реальная мифология содержит в себе 1) учение о первозданном светлом бытии, или просто о первозданной сущности, 2) теогонический и вообще исторический процесс и, наконец, 3) дошедшую до степени самосознания себя в инобытии первозданную сущность» [Гумбольдт, 1994, с. 193].

В «Трех грациях» В.М. Шукшин создает образец реальной мифологии неархаического типа, в фундаменте которой размеща-

ется концепция «конца истории» [Вотьяков, 1998]. Возникновение неоархаического искусства обусловлено прежде всего «технологией изменения восприятия» («perception-altering technologies»), характеризующейся переносом акцента с произведения искусства на его восприятие и признанием в качестве объекта искусства не «текста», а «читателя», сводящим задачи художника к одному – оркестровке эмоций [Вотьяков, 1998]. Основным мотивом, обусловившем произошедшую переакцентировку, следует признать обращение умного взора человечества к особенностям функционирования эмоционального интеллекта, требующего концентрации на реальности, а не на ее культурных репрезентациях, на процессе со-общительности.

В.М. Шукшин конструирует праксиноскопический миф – особую текстопорождающую систему «полярный комплекс» [Угринович, 1987] на основе геометризации формы русского языка, реконструирующий эпистемическую ситуацию [Котюрова, 1998] создания текста.

Тип мифа определяется по характеру пластического воспроизведения феноменальной структуры мира через создание динамического аналога. Праксиноскоп представлял собой ящик красного дерева, с окошком в стенке, за которым размещалась театральная сцена, при вращении рукоятки начинавшая двигаться вместе с системой зеркал при подсветке с помощью свечи, а также вмещающий в себе диск с фазами – похожими друг на друга, но немного разными картинками и формирующими действие на сцене [Маевский, 1995], – или системой, порождающей тексты.

Особенность подобной системы состоит в том, что она является полярным мифологическим комплексом, в котором «противоположные по смыслу элементы никак не случайны, но в силу именно общей их художественной идеи даны сразу и во всей своей противоположности, и во всем своем тождестве» [Лосев, 1996, с. 35]. Геометризация формы русского языка семантически гармонизируется с разлагающим методом познания Г. Галилея, следящим за простейшими, допускающими математическое определение процессами движения [Виндельбанд, 1997]. «Мы в состоянии познать лишь те предметы, которые мы можем построить, благодаря чему, все дальнейшие выводы мы можем обосновать на нашей собственной операции» [Виндельбанд, 1997, с. 328].

В «Трех грациях» В.М. Шукшин использует четыре варианта геометризации, или шкалирования среды со-общительности

человека, формируя теорию измерений эмоционального интеллекта. Сущность процесса геометризации может быть определена следующим образом: мощные граненые объемы как бы плотно раскладываются на поверхности холста, образуя подобие рельефа, выделяя отдельные грани предмета, что одновременно и усиливает, и дробит объем [Лифшиц, Гейнгард, 1990]. Геометризация форм подчеркивает устойчивость, предметность мира повседневной реальности, зеркально отражающих геометрию духовной жизни. Они оформляются в соответствии с соотношением конкретно-исторической реальности с законами ноосферы [Федоров, 1989]. «Ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой. Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше, перед ним открываются все более и более широкие возможности» [Вернадский, 1997, с. 367]. Реконструкция области своей жизни связана с поиском способов заполнения «разрывов» между «соборностью» и «киберпейсом».

«Дух ощущает разрывы и пытается их заполнить. Дух имеет дело не с умеренным количеством внутренне определенных величин, а с необъятным множеством величин, не имеющих прочной связи. Дух не в состоянии действовать с одинаковой быстротой и мастерством и испытывать одинаковое удовлетворение, свободно сочетая конкретные понятия с более общими при помощи наиболее приемлемых языковых форм, отвечающих его законам» [Гумбольдт, 1984, с. 346].

Способ заполнения «разрывов» – отыскание линкующего элемента, линка, т.е. указаний на другие фрагменты текста, «привязанные» ко всему текущему фрагменту или к какому-нибудь его конкретному месту» [Визель, 1995, с. 171]. Процедура семантического заполнения объемных пустот пространства со-общительности зависит от уровня владения понятием, или классификационной схемой.

Действие классификационной схемы репрезентируется через геометризацию, представляющую уровни измерения среды со-общительности с позиций эмоционального интеллекта.

«Любое измерение есть приписывание чисел объектам, или определение букв индивидуального семантического (понятийного) алфавита личности, по определенным правилам. Для того

чтобы осуществить операцию измерения, следует знать: во-первых, правила приписывания чисел объектам, т.е. правила шкалирования, и, во-вторых, математические операции, разрешенные над приписанными числами. В соответствии с этим в теории измерений выделяются четыре типа шкал, или четыре уровня измерений, к которым относятся: 1) шкала наименований (номинативная шкала); 2) шкала порядка (ординальная шкала); 3) шкала интервалов; 4) шкала отношений (пропорциональная шкала)» [Кантер, 1988, с. 55].

На шкале наименований происходит расчленение реального объема на геометризованные тела, сдвинутые, пересекающие друг друга, воспринятые с разных точек зрения [Лифшиц, Гейнгард, 1990]. Построение и использование шкалы наименований предполагает классификацию данных, т.е. их распределение в определенное число классов с указанием на то, что какой-то объект отличается от ряда других:

«Воскресенье. Сегодня в течение дня буду ненавидеть. Мес-сяца два, как я переехал на новую квартиру, и каждое воскресен-ье весь день напролет ненавижу. (1)

Это происходит так.

С утра, часов в девять, на скамейку под моим балконом са-дятся три граци и беседуют. Обо всем: о чужих мужьях, о по-литике, о прохожих... Я выставляю на балкон кресло, курю, слу-шаю этих трех и ненавижу. Все человечество. Даже устаю к вечеру. (2)

Как-то будет сегодня? Погода славная (раза два в воскресен-ье шел дождь, их не было, я не знал, куда деваться от тоски); сегодня они должны хорошо поговорить. (3)

Итак, заготовил пачку сигарет, бутылку хорошего вина (бу-ду пропускать по рюмочке, когда кому-нибудь из этих трех уда-стся особенно больно уесть прохожего, или если выяснится, что у товароведа из 27-й квартиры крупная недостача или что он рогоносец). (4)

Шкала наименований (номинативная шкала) характеризует принцип представления классификационной схемы, или виды речи, с помощью которых выявляются параметры эмоционально-го интеллекта: 1) лаконическая речь, характеризующаяся воз-можной краткостью и полнотой выражения, имеющая своим предметом только важные и разительные мысли [Зеленецкий,

1849]; 2) афористическая речь, удерживающая внимание читателя в постоянном напряжении на одном существенном; 3) соразмерная речь, отличающаяся безыскусностью и свободой выражения, не напрягающая внимания, близко соответствующая естественному разбиению мысли (самый употребительный способ изложения мыслей); 4) периодическая речь, употребляющаяся в тех случаях, «когда спокойно одним умственным взором мы обнимаем несколько мыслей, связанных между собою и сосредоточенных около одной главной... в речи этого рода каждая мысль, со всеми своими оттенками и изгибами, выражается в одном художественном целом» [Зеленецкий, 1849, с. 66, 67].

Языковыми средствами воспроизводится иероглиф реальности (1), образ реальности (2), спектакль реальности (3), реальность как зрелище (4) – классификационные черты цивилизации, ее интеллектуальные возможности.

Шкала порядка (ординальная шкала), связанная со вторым принципом геометризации, измеряет предмет через раздробление его на мелкие грани, которые четко отделяются друг от друга: предмет как бы распластывается на холсте.

На шкале порядка происходит различение объектов, их упорядочение по рангам в определенном отношении, т.е. выстраивание в ряд относительно измеряемого свойства, что означает: для любых двух объектов можно указать, какой из них в большей (или меньшей) степени обладает данным свойством:

«Сперва коротко опишу их.

Номер один. Тихая с виду, в очках, коротконогая. Лет тридцать с гаком. Говорит негромко, мне приходится наклоняться, чтобы хорошенько расслышать ее. Одинокая, но заявляет, что «они от меня никуда не уйдут». Будем называть ее Тихушница.

Номер два. За сорок. Крупная, с вишневой бородавкой на шее. Говорит громко, уверенно. Часто сморкается, после чего негромко несколько раз делает так: «Кхм, кхм, кхм». Эта три раза обронила: «Все сейчас никуда не годятся». Будем называть ее Деятель.

Номер три. Рыжеволосая. Тоже за сорок. Необычайно подвижная, легкая на ногу. Стремительная в мыслях, мастер замочных скважин. Тоже, как я, ждет не дожидается воскресенья – приходит на скамеечку раньше подружек, трещит без умолку, но авторитетом в коллективе не пользуется: суждения ее не

глубоки. Будем называть ее Летящая по волнам. Можно просто Рыжая».

Представлена классификационная схема разбиения объекта на составляющие по признаку: а) возраст (по внешнему виду); б) тональность (регистр голоса – высота звуков эмоционального лада); в) владение понятием – *приходится наклоняться, чтобы хорошенько расслышать; кхм, кхм, кхм; стремительная в мыслях (Летящая по волнам)*; г) языковой образец, демонстрирующий связь словесно-лингвистического и эмоционального интеллектов. Подобная схема представляет собой языковой оттиск, языковую изокефалию, придающую композиции «Трех граций» ритмически-декоративную цельность и упорядоченность.

Шкала интервалов, связанная с третьим принципом геометризации, позволяет установить, каково расстояние или различие между двумя объектами в каком-либо отношении, и выявить таким образом полемичность объекта реальности. В результате создаются рельефные материальные построения в реальном пространстве; побеждает декоративное начало.

На шкале интервалов происходит упорядочивание объектов и соотнесение их с точки зрения измеряемого свойства с некоторым числом, определяемым с точностью до такого интервала:

«– Сегодня так плохо спала ночь, так плохо спала! – Это Рыжая. – У этих собака внизу... гадина! Всю ночь... «гав-гав-гав».

– А меня этот паровоз все ночь донимал, – сказал Деятель. – Всю ночь. – «ту-у! ту-у! ту-у/у». Какого черта гудеть? Ночью же на путях детей нету.

– Маневровый, – пояснила Тихушница.

– А?

– Маневровый. Он своим сотрудникам гудит, чтобы его перевели на другие рельсы. А у меня голова что-то всю ночь болела...»

Данная классификационная схема представляет «смысловый скелет действия» [Лосев, 1993] эмоционального интеллекта по формированию объема понятия, или множества предметов, каждый из которых обладает признаками, зафиксированными в содержании понятия [Мельников, 1989].

«Под множеством понимается класс, совокупность, собрание различаемых между собой предметов, безразлично какой природы. Согласно определению, которое дал основоположник теории множеств Г. Кантор, *множество* есть любое собрание опреде-

ленных и различимых между собой объектов нашей интуиции или интеллекта, мыслимое как единое целое. Здесь существенно прежде всего то, что собрание предметов само рассматривается как один предмет (мыслится как единое целое) ... они (эти предметы) становятся неразличимыми (ибо мы приписываем им одни и те же признаки), отличие же их друг от друга определяется теперь уже не по свойствам и по отношениям, а по их именам» [Мельников, 1989, с. 5].

Понятие *ночь* в «Трех грациях» есть множество объектов эмоционального интеллекта: *плохо спала, так плохо спала; гав-гав-гав; «ту-у! ту-у! ту-у!»*, *донимал*. Формируемое понятие является тем измеряемым свойством, с точки зрения которого происходит упорядочивание объектов; *всю ночь* имеет статус интервала, определяющего различие между объектами, схемы смыслового действия эмоционального интеллекта. Функцию числа, с которым происходит сопоставление с точки зрения измеряемого свойства объектов, а соответственно их упорядочивание на его основе, выполняет линк *маневровый*, предполагающий, как и любой линк, неожиданное перемещение позиции читателя=пользователя через «материализовавшуюся» коннотацию в иную коммуникативную плоскость [Визель, 1995]. Именно этот линк задает вероятностную меру на семантическом поле и открывает доступ к феноменальной структуре мира через создание континуальной логики, «порождающей с необходимостью размытые на континууме, вероятностно взвешенные утверждения, исходя из размытых посылок» [Налимов, Дрогалина, 1984, с. 121]:

(1) *Какого черта гудеть?*

(2) *А?*

(3) *Он своим сотрудникам гудит, чтобы его перевели на другие рельсы.*

Шкала отношений (пропорциональная шкала), связанная с четвертым принципом геометризации, фиксирует сдвиги форм, особенности пространственных построений на плоскости, принципы создания структур из неоднородных материалов, что ведет к выработке современного лаконичного экспрессивного художественного языка, стремящегося к адекватному отражению деятельности эмоционального интеллекта.

Шкала пропорциональная – это шкала высшего порядка, которая, помимо того, что упорядочивает объекты, еще и совершенно точно соотносит каждый из них с некоторым числом, которым структурируется семантическая вселенная:

«Я налил рюмочку – за мотоциклистов. Вообще за наш славный спорт. Хороши они сегодня, мои грации!.. Мои лапочки. Ворочают пласты – от коллективизации до мотопробега. Сердце радуется! Маленько старичок их смутил. Но это... так, ерунда. Они ему тоже бубну выбили: будет знать, как стрелять из-за угла и воровать колоски. Кулацкая морда. Да еще Георгиевским крестом хвастался! Ясно: какого-нибудь пролетария свалил. Пень дремучий. Дупло. Я выпил еще рюмочку».

Приведенный образец единицы текстопорождающей системы, представляет собой силлогисмос [Лосев, 1993], или сравнивающее, комбинирующее рассуждение, полученное при помощи созерцания и подражания. «Необходимо все время мысленно комбинировать воспринимаемое, сравнивая его с прообразом; удовольствие, получаемое от этого соответствия между образом и прообразом и устанавливаемое мыслью, и есть удовольствие от художественного подражания» [Лосев, 1993, с. 722]. Подражание является третьей ступенью истины в нисходящем порядке, воспроизводящей воплощения и подобия вечных эйдосов – реальные, чувственные вещи. Природа человека «не может подражать многому сразу, оставаясь на своей высоте. А подражать всегда единому – значит подражать всегда одинаково, неизменным образом, одной и той же гармонией, одним и тем же ритмом» [Лосев, 1993, с. 717], одной и той же пропорцией. Прообраз и ритм, или пропорция комбинирования мысленных объектов, определяется таксоном *мои грации* (три грации), характеризующим проявление семантики мира в форме текстопорождающей системы пракиноскопического мифа.

«Всякий миф есть такое построение, в котором сконденсировано и дано в виде одной напряженной равнодействующей силы целое множество самых разнообразных исторических продуктов и образований. Мы понимаем миф как результат целого ряда эпох и орудие развития и борьбы» [Лосев, 1996, с. 24]. «Три грации» В.М. Шукшина – фермент мифа о пире богов (фермент мифа указывает на будущее развитие мифа, свидетельствуя об его движущих силах [Лосев, 1996], а также и классификационная схема по определению этого фермента (*золотое яблоко*)).

Яблоко так же, как роза, мирт и игральные кости, является атрибутом трех граций – Аглаи, Ефросимы, Талии, в искусстве являющимися служанками Венеры [Холл, 1997]. Сенека представляет трех граций как лучезарных девушек, олицетворяющих тройственный аспект щедрости: оказание благодеяния, получение благодеяния и оплата благодеяния [Холл, 1997]. При подобном определении функционального статуса граций в конструировании континуально-образной системы оценок атрибут «яблоко» (золотое как показатель их со-общительности с Венерой) является символом золотого века, основанного на пропорции *оказание – получение – оплата*. Необходимо учитывать, что золотые яблоки представляют собой атрибут персонифицированной бдительности. Таким образом, праксиноскопический миф В.М. Шукшина обнаруживает центральное ядро, мифа о пире богов – «узел, и порой весьма сложный, разнообразных отношений» [Лосев, 1996, с. 24] – «персонифицированная бдительность».

Основным атрибутом трех граций и символическим узлом феноменальной структуры мира, по В.М. Шукшину, в контексте конца второго тысячелетия являются игральные кости, представляющие символ Страстей, поскольку воины разыгрывали тунику Христа, бросая кости. «Когда Христа распяли, воины разделили его одежды на четыре части – «каждому воину по части». О хитоне, скроенном из единого куска ткани, они сказали: «Не станем раздирать его, а бросим о нем жребий» (Ин., 719:24). Воинов можно видеть расположившимися либо у основания креста, либо в углу картины. Один из них бросает кости, другие наблюдают. Иначе: они в ссоре, у одного из них нож, которым он готов вот-вот разрезать хитон, другой тем временем пытается примирить их. Количество воинов может быть различным, в частности, их может быть трое» (Персонажи вокруг креста. 4. Воины, бросающие жребий) [Холл, 1997, с. 471].

Феноменальная структура русского мира, приобретая концептуальные очертания к концу второго тысячелетия, формировалась на базе семиотической системы церковнославянского посредством развития функций лингвистического разума, начиная с X в. Как считают Ю. Фримен и Г. Сколимовский, лингвистический разум – это человеческий разум, структура которого и его концептуальное устройство «отражают структуру и ограничения знания, сформировавшего их» [Фримен, Сколимовский, 2006,

с. 263]. В контексте русской культуры коммуникации концептуальное устройство лингвистического разума определяется развитием знаньеовой структуры «книжный язык».

Общая концепция единства и непрерывности развития русского языка от X до XVI в., по мнению Б.А. Ларина, исходила из двух позиций: 1) концепции языка Москвы; 2) точки зрения, что высокие достижения Киевской Руси были сохранены в северо-восточных княжествах – Новгородском, Ростов-Суздальском, Тверском, – а затем приумножены в Москве, когда этот город подчинил себе все остальные феодальные княжества [Ларин, 1975]. Если исходить из того, что процесс заимствования и завершающий его процесс замещения аксиомы языкового существования христианско-государственной общности, использующей для обустройства в коммуникативном процессе истории русский язык, то следует подобную концепцию единства и непрерывности развития русского языка от X до XVI в. поддержать, однако на других основаниях. К XVI в. оказываются исчерпанными ресурсы семиотической системы «древнерусский язык», поддерживающей и обеспечивающей функционирование символической системы «Киевская Русь», текстовой по своей сути, и выполнявшей функции защитного пояса культурного ядра индоевропейского языкового союза.

С 1243 по 1480 г. – время вторжения номадической (жестко не структурированной системы) системы коммуникации монголо-татар в семиотическое пространство церковнославянского языка. Этот период характеризуется изменением семиологических структур – объема вмещающей полости и прототипических форм развивающегося интеллекта. Происходит процедура замещения, актуализируется в своей разновидности слияние и расщепление языковых форм и языковых содержаний. Возможно предположить, что имело место слияние омонимичных планов выражения и содержания; специфическое проявление процесса заражения, когда знак начинает употребляться в совершенно не свойственных его прежней семантической системе значениях. Создаются новые принципы понятийной дистрибуции мира, не характерной для мировидения, ориентированного церковнославянским языком и византийской культурой, что в качестве одного из последствий в XXI в. имеет некодифицированные единицы – обязательный элемент повседневной коммуникации, светских мероприятий и языка литературы.

Восстановление утраченного начинается всем славянским миром, действие которого направляется старославянским языком, в XIV–XV вв. получает наименование «второго югославянского влияния». Это югославянское влияние сыграло большую роль в развитии русского языка после потрясений татарского ига, — замечает В.В. Виноградов. — В новых центрах северо-восточной Руси на великорусской этнографической основе складывается новая система общерусского литературного языка. Она сохранила преемство с литературным языком Киевской Руси и восприняла его достижения. Однако в организации этой новой системы общерусского литературного языка Московского государства еще значительнее и активнее была роль народных среднерусских и севернорусских элементов, а также «второго югославянского влияния». Писательские силы, прилившие сюда в конце XIV и в начале XV в. из Сербии и Болгарии, принимали живое участие в выработке орфографических, лексико-фразеологических и стилистических норм русского литературного языка XV–XVI вв. [Виноградов, 1945, с. 48].

Второе югославянское влияние должно было справиться с последствиями языковыми татаро-монгольского ига и прежде всего обнаружить повреждения в символической системе «Киевская Русь» (как показала история, эти повреждения стали очевидны только в XXI в. благодаря осуществившейся померанцевой революции, которая, видимо, ознаменовала процесс заимствования для семиотической системы «украинский язык» как речевой реализации символической системы «церковнославянский язык» аксиологических структур западнохристианского мира) и осуществить процедуру стяжения языковых семантических функций русского литературного языка в его исторической актуализации древнерусский язык. Однако деформации, которые претерпела символическая система «Киевская Русь» и язык, обеспечивающий ее жизнедеятельность, в XIII–XIV вв., были значительными и старославянский язык, видимо, уже не мог быть «более чистым и свободным проводником античных понятий, чем средневековая латынь» [Виноградов, 1945, с. 44] и средством воплощения Логоса. Поскольку процесс заимствования, как мы констатировали ранее, является обязательной составляющей аксиологии христианско-языкового союза территорий, то век XIV в истории русского литературного языка, предваренный истощением ресурса

старославянской аксиологической системы, модифицированной в древнерусском языке, предполагал начало нового цикла процессов заимствования и замещения (о новой системе общерусского литературного языка говорит в работе «Великий русский язык» В.В. Виноградов). В XVI в. активизируется процесс заимствования единиц из латинского языка, что означает прежде всего приобщение русских территорий к европейской (университетской) системе образованности, вычленение в когерентном славянском дискурсе оппозиции «свое – чужое», культурного ядра и защитного пояса культуры.

Неизбежность оформления культурного ядра – системы образцов, ценностей, стилей мышления и поведения, фундирующих большинство остальных образцов в данной культуре и цивилизации [Розов, 2002], или территориального единства Русь, совпала с вычленением оптимального локального обустройства жизнедеятельности христианско-языковой общности, коим стала в силу исторических обстоятельств Москва. «Московское княжество было более всего удалено от мест военных действий на северо-западе, – пишет Б.А. Ларин, – а также от мест наиболее частых столкновений с монголо-татарами, волны нашествия часто не доходили дальше юго-восточных окраин, т.е. земель северских, рязанских, нижегородских» [Ларин, 1975, с. 227]. Господствующим классом в Москве были бояре, по происхождению в основном северяне. Однако в XVI–XVII вв. в Москве были и бояре ростово-суздальские, и бояре тверские и новгородские, и бояре муромские и рязанские, и бояре – выходцы из Польши, Литвы и Украины; господствующее положение сохранило ростовско-суздальское боярство. В XIV в. произошло окончательное перенесение центра духовного управления всей Руси в Москву (по словам Б.А. Ларина, московские князья очень дальновидно сумели заключить союз с главой русской церкви и переманить его к себе в Москву). «Для этого периода церковная письменность имеет исключительно большое значение, так как единство религии было последней опорой будущего национального, а тогда еще народного единства раздробленной Руси. Это время блестящего расцвета церковной литературы. Церковники разрабатывают отнюдь не только богословские, догматические, религиозные вопросы; они занимаются и вопросами политики, и вопросами экономики, и вопросами науки. В их руках просвещение и почти вся государственная переписка...» [Ларин, 1975, с. 221–222].

Церковная письменность, таким образом, в XIV в. становится знаковой системой, социальным кодом, который обеспечивает оформление русского космогонического сознания, отличного от исторического сознания, оформление которого являлось основной задачей символической системы «Киевская Русь» как защитного пояса индоевропейского языкового союза. «Космогоническое сознание между тем, – замечает Б.А. Успенский, – предполагает соотнесение событий с каким-то первоначальным, исходным состоянием, которое как бы никогда не исчезает – в том смысле, что его эманация продолжает ощущаться во все времена» [Успенский, 2002, с. 27].

Значимым становится не столько объективный смысл истории, сколько то, как эти события читаются, т.е. воспринимаются. Отсюда очевидна значимость книжного языка, приписывающего событиям определенное значение. Происходит размывание границ между реальной действительностью и художественной реальностью (точнее, литературной); литературное пространство, или пространство, создаваемое церковной письменностью, становится реальной действительностью. Культурно-исторический процесс замещения локальных центров христианско-территориальной аксиологии обусловил замещение языковой семантической функции процесса ментальной функцией реорганизации системы ментальных состояний, отличающих ту или иную территорию. Преобразование семантической функции процесса в понятийную категорию в процессе знаковой коммуникации, а затем в функцию семиотическую свидетельствует, что язык начинает осуществлять отбор значимых для лингвистического разума образов. Понятие языка в таком случае, в соответствии с концепцией Б.А. Успенского, предстает «как производное – семиотический статус того или иного явления определяется прежде всего местом в системе (языка), его отношением к другим единицам того же языка» [Успенский, 2002, с. 14].

Определяющая роль церковного языка в жизнедеятельности Москвы XIV в. была тождественна роли латинского языка в организации духовной ситуации в Европе в средние века: вся духовная жизнь средневековья была подчинена интересам церкви. Ф. Коплстон указывает, что одной из особенностей средневекового мышления является господство христианской теологии. В качестве границ периода средневековья Р. Хэррис и Т. Тейлор

указывают 410 (падение Рима) и 1492 г. (открытие Америки) [Боронникова, Левицкий, 2002]. Первая дата, как считают Н.В. Боронникова и Ю.А. Левицкий, связана с изменением лингвистической карты Европы, вторая же – с изменением лингвистической карты мира. Выделяются два периода: раннее средневековье, завершившееся примерно к 1100 г., подразделяется еще на два периода, границей между которыми является Кароголингский Ренессанс (около 800 г.) и позднее средневековье 1000–1492 гг.

Период III–IV вв. в плане духовной жизни Европы представляет своего рода переходный период от античности к средневековью. В жизнедеятельности русской языковой общности аналогичный переход от системы античных понятий, упорядоченной в структурах старославянского языка, к качественным формам осмысления мира происходит в период с 1243 по 1480 г. Завершение периода раннего средневековья в Европе совпадает с возникновением потенциального центра объединения земель русских и оформлением нового типа языкового существования представителя славянской ветви индоевропейского языкового союза – Москвы.

История средневековой науки начинается с зарождения так называемой патристики (вторая половина II в. н.э.) – учения ранних христианских теологов. В философско-теологических трактатах III–IX вв. вопросы о природе языка, о соотношении языка и мышления были предметом пристального рассмотрения, что не могло не повлиять на характер подхода к языку – научный, однако это не влияло на характер грамматики того времени. Бозцием была разработана система средневекового образования – «семь свободных искусств». Кассиод, ученик Бозция, разделил семь искусств на две группы: тривиум («трехпутье»: грамматика, риторика, диалектика) и квадривиум, («четырепутье»: арифметика, геометрия, музыка и астрономия).

Первое место в системе средневекового образования как «врата учености» занимала латинская грамматика, т.е. искусство правильно говорить и писать по-латыни. Ведущим аспектом в грамматических исследованиях был аспект педагогический, методический: унаследовав от античности грамматическую теорию без каких-либо существенных изменений, раннее средневековье ограничило себя составлением пространственных комментариев, составлением глосс, примечаний и составлением грамматик так на-

зываемых «новых» европейских языков. К числу самых больших достижений раннего средневековья следует отнести создание специального славянского алфавита. По замечанию Л.П. Якубинского, этот алфавит представляет собой непревзойденный образец в истории новых европейских алфавитов и является результатом необычайно тонкого понимания составителем, Константином, фонетической системы того языка, для которого он был составлен [Якубинский 1953].

Поводом для создания новой языковой и книжной культуры (точнее, книжно-языковой культуры) послужили не объективные процессы эволюции языковых систем и этнических аксиологий, а обстоятельства повседневной реальности, состояние здесь-бытия. В 863 г. моравский князь Ростислав прислал посольство к византийскому императору Михаилу, обращаясь с просьбой о представлении моравским славянам (одних из предков современной чешской нации) византийского протектората, поскольку в IX в. моравские славяне, как и другие западные славяне, постоянно находились под ударами немецких рыцарей, использовавших в качестве одного из средств своего порабощения и латинский язык (латинскую культуру). Ростислав, понимая, что одним из основных средств сопротивления является распространение просвещения на доступном населению языке (языке, не противоречащем биоритмической организации и аксиологической системе этноса), обращается «к византийскому правительству с просьбой прислать в Моравию людей, которые могли бы распространять христианское просвещение на славянском языке» [Якубинский, 1953, с. 81]. Хотя всегдашнее отношение официальных византийских кругов к славянам было недоброжелательным, поскольку Византия в них видела сильных и опасных врагов, византийское правительство пошло навстречу Ростиславу, потому что этот шаг позволил бы ему расширить свое влияние в центральной Европе. К этому времени еще не произошло полного разрыва между западной (римской, католической) и восточной (византийской, православной) церквями, однако Рим и Константинополь уже соперничали и враждовали.

В 60-х гг. IX в. римский папа распространил свое влияние в Болгарии, что «явилось также поводом для положительного отклика на просьбу Ростислава византийского правительства. Положительный ответ со стороны византийского патриарха был

обусловлен еще и тем, что восточная церковная традиция состояла в том, чтобы в тех областях, где господствовала византийская церковь, богослужение непременно совершалось на одном языке; она допускала также перевод библии на местные языки» [Якубинский, 1953, с. 82]. Возникновение старославянского языка представляло собой значительное событие в мировой истории: на путь цивилизации вступили новые народности, использовавшие старославянский язык как орудие подъема своей культуры и укрепления своей государственности, а также противопоставления собственной культуры культуре латинской, упорядоченной, в том числе и грамматической теорией античности.

Античная грамматическая теория и философия языка, разрабатываемая в теологических трактатах, были основными теоретическими постулатами, которые составили базу для создания нового славянского алфавита. Необходимо отметить, что к IX в. были созданы переводы Библии на коптский и готский (IV в.), армянский (V в.), ирландский (VII в.), древнеанглийский и древневерхнемецкий (VIII в.) языки. Проблемы философии языка полностью находились в ведении теологии. Язык в средневековых теориях языка понимался как исключительно человеческое достояние, он не отчуждался от мира вещей, не обожествлялся, поскольку все слова созданы по *потребности человека* и существуют постольку, поскольку существует то, что этим словом именуется. Особо выделялась внутренняя речь, которая понималась либо как *впечатление души, не выражаемое* голосом, либо как аналог звучащей речи.

Уместно также вспомнить суждения Платона и Аристотеля, касающиеся речи, звукосочетаний, речений, высказывающейся речи – виртуальных посылов для создания любой грамматической теории и качественно новой системы письмен. По Платону, речь (logos) – звук, воспроизводимый в письме и обозначающий каждую существующую вещь; говорение (dialectos), состоящее из имен и глаголов без напевности; речение (dialectos) – человеческий голос, воспроизводимый в письме, и некий общий толковательный знак, без напевности [Платон, 1986, с. 432–433].

Аристотель в трактате «Об истолковании» обращает внимание на звукосочетания, истинность и ложность высказываний, высказывающую речь (мы выделим именно эти семантические узлы трактата, поскольку они, на наш взгляд, наиболее значимы

для грамматической теории Кирилла и Мефодия): 1) *высказывающая речь*: «лишь та, в которой содержится истинность или ложность чего-либо» (выступает в качестве естественного орудия); «речь есть такое смысловое звуко сочетание, части которого в отдельности что-то обозначают как сказывание, но не как утверждение или отрицание» [Аристотель, 1978, с. 95]; 2) *истинное и ложное*: «имеются при связывании и соединении» [Аристотель, 1978, с. 93] (истинной или ложной может быть, строго говоря, только мысль, но допуская вольность речи, можно говорить об истинности или ложности звуко сочетаний, являющихся знаками мысли – из комментариев к трактату П.С. Попова и Н.И. Стяжкина [Попов, Стяжкин, 1974]); 3) *звуко сочетания*: «то, что в звуко сочетаниях, – это знаки представлений в душе, а письма – знаки того, что в звуко сочетаниях. Подобно тому как письма не одни и те же у всех [людей], так и звуко сочетания не одни и те же» [Аристотель, 1978, с. 93].

Если попытаться реконструировать теоретические позиции (основные положения теоретической базы) Кирилла и Мефодия, то возможно предположить, что исходным будет положение, касающееся звуко сочетаний: письма должны быть различны, поскольку различны звуко сочетания. Также утверждается, что не только звуко сочетания, но и письма могут быть знаками представлений в душе (2); письма, будучи подобно звуко сочетаниям знаками мысли, могут быть истинными и ложными – представляющими (воплощающими) Логос и не воплощающими его. Воплощающими Логос являются письма, записывающие мыслительность славян (истина); не воплощающими Логос являются знаки, представляющие мысленную речь индоевропейского языкового союза (ложь) (3), должна быть создана знаковая система (письма) для высказывающей речи (4); в письме должно воспроизводиться речение (человеческий голос), т.е. его тембр. Тональность, интонация – то, что делает человека подобным природе, речь же, будучи, согласно Платону, звуком, обозначающим каждую существующую вещь, открывает человеку его антропидную природу, особенности божественного замысла, функциональную нагрузку в космогонической модели Вселенной.

Можно предположить, что в славянском алфавите были синтетизированы позиции Аристотеля и Платона, касающиеся означивания особенностей мыслительной деятельности как функции

гражданина Земли и человеческой природы как функции Вселенной. Общие концептуальные допущения, в которых, по мнению Дж. Стюарта, сходятся Платон и Аристотель суть предложения, характеризующие все семиотические подходы к языку, и заключаются они в следующем: (а) существует языковой мир, который каким-то образом отличен от (в) неязыкового мира, (с) существует отношение репрезентации между (а) и (в). Эти три допущения, как считает исследователь, составляют символическую модель языка: язык – система символов (знаков) для репрезентации чего-то иного [Стюарт, 1990].

Возвращаясь в границы XIV в. после путешествия в средневековую Европу и к истокам грамматико-теоретическим славянского алфавита, мы можем констатировать, что Москва, избирая церковный язык в качестве основного средства обеспечения своей жизнедеятельности и социального кода прочтения событий повседневной реальности: 1) создала предпосылки, реконструируя духовную ситуацию средневековой Европы, для прихода латинской культуры (особого типа рациональности, не тождественного «рациональности» впечатлений души); 2) приход латинской культуры провоцировал возобновление противостоянию римской и византийской ветвей христианства, ситуации предшествовавшей возникновению славянской письменности; 3) латинизированная системность (античный космос) должен был заместить (заменить) татаро-монгольский «Хаос» (подобно тому, как система древнерусского языка «заместила» в культурном обиходе Руси старославянский язык); 4) процесс замещения, однако, должен был быть предварен процедурой селекции: что в языковом конгломерате Руси, формировавшемся с 1243 по 1480 г., было истинным, фиксировавшем мыследеятельность славян и мысленную речь индоевропейского союза, а что ложным, фиксировавшем мысленную речь индоевропейского союза, т.е. к первому не относящемся. Смещаются «весы» истинности/ложности, заложенные первоначально в славянский алфавит: истинной может быть не только речь высказывающая, но и речь невысказанная, т.е. речь мысленная, свойственная индоевропейскому союзу (и записанная, в том числе и латинскими письменами). Отсюда необходима знаковая система, содержащая в себе знаки (письмена) для высказывающей речи и знаки для речи потенциальной.

В XIV в. книжный язык в государственно-политической культуре Руси начинает принимать активное участие в формиро-

вании динамических стратегий – устойчивых комплексов поведения индивидов и групп в коммуникативном пространстве, среди которых особое место отводится культурным стратегиям. Последние подразделяются, как считает Н.С. Розов, на экстенсивные (стратегии культурной экспансии) и интенсивные (стратегии культурного развития) [Розов, 2002]. Экстенсивные стратегии предполагают систематическое распространение культурных образцов на новые территории и новые сообщества (новая система общерусского литературного языка и представляла в XIV в. подобный тип дискурсивной стратегии). Интенсивные стратегии – это заимствование, совершенствование любого рода образцов деятельности, мышления, общения, которое прямо не направлено на рост материального выхода, но удовлетворяет социокультурные потребности субъектов в духовных ценностях (принцип взаимодействия с индоевропейским языковым союзом Руси, начиная с XVI в.).

Следы системного влияния когерентного дискурса культур, использующих латинский язык для исследования грамматического строя этнического языка, обнаруживают себя в XVI в. В течение XIV–XVII столетий научная жизнь на Руси начинается, по наблюдениям В.В. Виноградова, приобщаться к разным типам и элементам развития западноевропейской, а через нее и общечеловеческой культуре [Виноградов, 1945]. С конца XIV – начала XVII в. с юго-запада в Россию из Украины и Белоруссии направляется поток ученых, художников и ремесленников, которые несут с собой общие навыки научного языка и мышления, а также профессиональную терминологию. В среде московской знати и интеллигенции распространяется наметившийся еще в XV в. интерес к изучению латинского и польского языков, что происходит не без украинского влияния.

XVII в. отличается для России усилением польского влияния на русский язык и русскую культуру, преимущественно на дворянское сословие. Близкие отношения с польским языком в XVI в., особенно в XVII в. и в самом начале XVIII в., проявились в культурном посредничестве польского языка между русским языком и западноевропейскими языками. Хотя, как обращает внимание В.В. Виноградов, с XIV в., со времени Литовско-Русского государства, большинство народонаселения Польского государства было русским по происхождению. Русский язык, перенесенный литовским великим князем Ягайлом в Краков, употреблялся при

польском дворе в XIV – первой половине XV в. Он также был дипломатическим языком Литовско-Польско-Русского государства. Со второй половины XV в. утверждается польский язык вместо прежних латинского, немецкого, чешского, русского.

XV–XVI вв. – это время формирования социолингвистической компетенции языковой общности, исторически восходящей к символической системе «Киевская Русь» и использующей для записи высказывающей речи старославянский язык. Социолингвистическая компетенция, согласно Д. Хаймсу, включает словесный репертуар, языковые шаблоны, или обычаи (представление о типах организации различных по жанру текстов, о правилах общения двух или более говорящих и пр.) и области языкового поведения, более широко, области коммуникативного поведения [Hymes, 1972]. Это период подготовки к национально-культурному владению языком – подготовка коннотационного фона русской языковой культуры, по которому можно судить об особенностях интерпретации структур природного и социального устройства, т.е. культурной специфике общности, являющейся частью славянского союза, индоевропейского союза, но выделяющейся особыми чертами, особым знанием сцепления случайностей (вероятностей) в события и закономерности.

В XVII в. происходит формирование нового концептуального пространства – коллективного семантического мира, в котором недифференцированно представлены все семиосферы российской государственно-языковой общности, создан проект последующей концептуальной реализации аксиологии (или новой символической системы «русский народ») в процессе смены различных систем литературного языка.

XVII в. отличается также активным взаимодействием с украинским языком: киевская традиция книжно-славянского языка возобладала над московской. Первые попытки писать рифмованные стихи (вирши) были сделаны украинскими литераторами. Эта виршевая украинская и белорусская поэзия оказала значительное влияние на русский стихотворный язык XVII и начала XVIII вв. Украинские ученые риторы и проповедники в значительной степени определили путь развития русской риторики, т.е. теории высокого слога с его славянизмами, в речевой культуре XVIII в. В XVII в. преимущественно через Киев шло на Москву западноевропейское схоластическое образование, которое на Ук-

раине восторжествовало над восточно-византийским просвещением. Развитие книжной русской драмы, формирование стилей русской драматической речи также не обошлось без помощи украинской литературно-речевой культуры. В.И. Ламанский говорил о русском литературном языке: «По своему происхождению и образованию он есть общее достояние Великой, Малой и Белой Руси» [Ламанский, 1864, с. 167]. А.С. Будилович писал: «Правда, количество вкладов в общий язык, сделанных с XVII в., разноречиями великорусским, несравненно больше, чем со стороны разноречий малорусских (украинских), благодаря чему и самый тип нашего языка значительно ближе к первым, чем последним. Но эта близость не доходит до тождества и не исключает важности услуг, оказанных общему языку белорусами и украинцами. Они имеют вследствие того полное право называть этот язык плодом и своих усилий на поприще общественно-литературном» [Будилович, 1892, с. 250].

XVII в. – это время освоения мира славянского слова, точнее восточнославянского слова, это энциклопедический уровень овладения русским языком как правопреемником старославянского языка. Знание «мира» слова, напомним, проявляется в правильном представлении о родовидовых отношениях между вещами и понятиями. Оформляется онтологическое пространство (по Н.С. Розову) восточных славян, обобщение возможных параметрических пространств изменений социальных целостностей во времени, т.е. Украина, Белоруссия, Россия становятся параметрическими пространствами изменений христианско-языкового союза «Киевская Русь» (иначе: с позиций языкового существования они все уравниваются в правопреемстве аксиологии Киевской Руси). При этом русский язык выступает в роли языка интерпретации понятийных категорий восточного славянства, но, в отличие от старославянского языка, доминирующим в нем становится мыслительно-языковой (а не мыслительно-речевой) аспект. Мыслительно-языковой аспект предполагает языковую переработку понятийных категорий, результат которой закрепляется в системе и норме языка через свойственное данному языку соответствие понятийных категорий и возможных вариантов их передачи различными языковыми средствами.

XVIII в. в плане процесса заимствований характеризуется аксиологической классификацией семантического мира, опреде-

ляемого как русский мир, чему должна была предшествовать дифференциация по линии «свое–чужое» мира славянского. Это век национально-культурного осмысления статуса русского языка и соответствующего уровня овладения им, т.е. оформление знания коннотаций русского слова. По определению Р. Барта, коннотация – это усредняющий критерий; позволяющий зачерпнуть главную (определенную) порцию информации; это способ ассоциирования, осуществляемый текст-субъектом в границах собственной системы [Барт, 2002]. Коннотативное значение же представляет собой, согласно Р. Барту, вторичное значение, означающее которого само представляет собой какой-либо знак, или первичную – денотативно-знаковую систему. Для формирования способа ассоциирования новой государственной формации, семантический остов которой составляет символическая система «русский народ», избирается германская ветвь индоевропейского языкового союза (немецкий язык).

Первичной денотативно-знаковой системой для системы коннотативных значений государственной формации «Российская империя» избирается рациональная экономика (или коммуникативная рациональность). Применяя системный анализ, Иммануил Валлерстайн, выявил ядро европейской экономики на Западе и ее зависимую «периферию на востоке». Он считает, что ядром, центральным регионом были Англия, Нидерланды, северная Франция и Западная Германия. В XV в. у них были лишь небольшие преимущества, «но они смогли воспользоваться выгодами в торговле и создать такие условия, которые превратили феодальное дворянство Восточной Европы в класс капиталистических землевладельцев. Свою растущую экономическую власть они смогли распространить и на Новый Свет» [Дэвис, 2004, с. 29]. В восточноевропейском сельском хозяйстве воцарился «принудительный капитализм, навязывавший товарное сельскохозяйственное производство. Ориентация на рациональную экономику предполагала необходимость оформления новой рациональности – коммуникативной, призванной заменить рациональность «впечатлений души» во имя которой и ради которой был создан славянский алфавит.

Размывы и затеки, расшатавшие формулы контекстного сцепления форм церковнославянского языка, были созданы в XVII в., что подготовило почву для семантического заражения, внедрения

иной аксиологии «коммуникативная рациональность». Как утверждает Ю. Хабермас, коммуникативная рациональность: 1) связывает парадигмы жизненного мира и системы; 2) открывает доступ к тематическим комплексам; 3) подчиняет структурированные области жизни формально организованным системам действий; определяет повседневную практику как практику достижения согласия; способствует возвращению к единству разума (разум многообразно реализуется в коммуникативном действии) [Habermas, 1972] (что особенно актуально после 1230–1480 гг.). Но подобный тип рациональности не совместим с космогоническим сознанием и историческим познанием, свойственными и доступными представителю символической системы «русский народ». Необходимо формирование представления о новых формах существования – нового жизненного мира, или горизонтного сознания, по Э. Гуссерлю [Гуссерль, 1996]. Горизонтное сознание указывает на дальнейшее, находящееся вне опыта, признаки объекта; вовлекает в многообразие, которое указывает на возможные новые восприятия и осуществляет себя в серии образов и представлений.

Для формирования исторической модели времени, в соответствии с которой как утверждает Б.А. Успенский, семиотический статус происходящих событий (событий настоящего) обусловлен тем, что они рассматриваются как *п р и ч и н ы* – поскольку они предопределяют, по нашим представлениям, дальнейшее развитие событий» [Успенский, 2002, с. 27–28], осуществляется возвращение (в самой стратегии оформления и построения новой культуры) к периоду тесного взаимодействия славянского и германского тезаурусов, которое было непрерывным с V в. до н.э. до V в. н.э., как утверждает В.В. Мартынов [Мартынов, 1963]. Вероятность славяно-германского лексического взаимопроникновения древнейшей поры предполагает вероятность висло-одрской локализации прародины славян (или ее западной части), что в аксиологическом плане для России XVIII в. означает обнаружение оптимальной формы порядка и связи – «племя», т.е. определение статуса символической системы «русский народ» в родовидовой стратификации этносов и определение характера русской мыслительной культуры.

Специфические черты символической системы и мыслительной культуры могут быть использованы как потенциальные возможности семиотических процессов, или, по А.Ж. Греймасу и

Ж. Курте, идеологии – ценностные таксономии, выступающие в качестве потенциальных возможностей семиотических процессов и противопоставленные аксиологиям [Греймас, Курте, 1983]. Политический компас Петра I исчислил две ценностные таксономии: Германия и Америка. Германия, поскольку язык основавших ее некогда племен уже проникал в символическую систему культуры славян, в некотором роде это была ориентация на «генетическое» прошлое. Америка, поскольку для России XVIII в. капиталистическое землевладение и Америка представляли некоторое синтезированное целое, которого нужно было достичь, смешения мысленной речи индоевропейского языкового союза (романские и германские языки) и древнейших наречий (речений) славянских (все еще) «аборигенов» европейского континента.

За две недели до смерти Петра I составляют инструкцию к действию историческому сознанию нового государства – новой социально-экономической формации «Земли Новоевропейской» с центром в граде Святого Петра – центре «материального царства земной действительности» [Исаев, 1998]. Значимость событий для исторического сознания определяется, согласно позиции Б.А. Успенского, их проекцией на будущее, т.е. восприятием в перспективе моделируемого будущего (Петр I – Берингу, 1725)²:

«1. Надлежит на Камчатке, или в другом там месте, сделать один или два бота с палубами. 2. На оных ботах возле земли, которая идет на Норд и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки. 3. И для того искать, где она сошлась с Америкою; и чтоб доехать до какого города европейских владений; или ежели увидят какой корабль европейский, – проведать от него, как оной куст³ называют и взять на письме и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и, поставя на карту, – приезжать сюды».

Мысленное обустройство государства Российского в перспективе социально-экономической формации – сетевой инфраструктуры – осуществляется через столетие, в 1827 г., при построении концептуального моста между Россией и ее «районом», центром Кабинетских Земель – Барнаулом.

---

² Текст дается в редакции, предложенной в «Очерках русской культуры XVIII века» (Ч. 3 : Общественная мысль. М., 1988).

³ Морской берег.

Одной из практических реализаций закона организации внутреннего пространства России 30-х гг. XIX в. является построение концептуального моста между культурным ядром, или системой образцов (ценностей, стилей мышления и поведения), фундирующих большинство остальных образцов в данной культуре и всей цивилизации [Розов, 1992] – Москвой, и «тонкой физиологической деталью системы» [Анохин, 1996] Российской империи – Барнаулом.

Вообще смысл процедуры построения концептуального моста, считает П.К. Анохин, состоит в том, чтобы система объединила непрерывной детерминистической логикой целое и отдаленное «одно», что дает возможность «осязать» тот район целой системы, в котором ведутся тончайшие аналитические исследования.

В «Отечественных записках» 1827 г., в «Любопытном письме из Сибири, Барнаул, 8 сентября 1826 г.»⁴ создается мнемосхема *объекта пространства-времени Барнаул*. Мнемосхема – это условное изображение управляемого объекта (машины, процесса, системы) при помощи символов и индикаторов, размещенных на панели управления и наглядно показывающих состояние объектов и ход процессов [НСИС, 2006]. При оформлении мнемосхемы используется некоторый внутренний язык, «который должен единообразно описывать как свойства ситуаций и события, информация о которых получается с помощью органов чувств и соответствует определенным областям пространства-времени, так и результаты их обобщения» [Вайнцвайг, Полякова, 2008, с. 282]. Это язык представления знаний, который позиционирует конкретный *объект пространства-времени Барнаул* в его связи с моментом времени t – временем существования России.

Формирование выражений языка представлений знаний, как считают М.Н. Вайнцвайг и М.П. Полякова [Вайнцвайг, Полякова, 2008], предполагает наличие согласованности механизмов входной информации с ее представлением и обработкой внутри ассоциативной памяти. Таким образом, создаются предпосылки для закрепления *объекта пространства-времени Барнаул* в семанти-

---

⁴ Текст приводится по изданию: Алтайский сборник. Вып. XVIII / Ком. адм. Алт. края по культуре и туризму, Алт. гос. краевед. музей, Алт. отдзние Российского фонда культуры, Алт. краевед. ассоц. [Редкол.: Скубневский В.А. (отв. ред. и др.)]. Барнаул, 1997.

ческом множестве «Россия» и ментальном пространстве представителя русской культуры. В романе Л.П. Блюммера «Около золота», опубликованного в 1885 г. под названием «На Алтае», локализация объекта Барнаул в ментальном пространстве гражданина Российской империи осуществляется через базовую политико-организационную дихотомию «Москва-провинция» и активизацию бифуркационной модели семантической организации имперского мышления в России XIX в.:

«Про великорусские города, когда желают их похвалить, говорят обыкновенно, что «городок — Москвы уголок». К Бабулу такая льстивая кличка вовсе не подходит: слишком далек он от белокаменной, да и вообще представляет собой слишком мало сторон московской общественной жизни и внешности. Прежде всего он вовсе не «дистанция огромного размера», а напротив, щеголяет уютностью и сжатостью. Его каменные здания, выстроенные на кабинетские деньги, отзываются несколько и казенным вкусом, приведением всех частей к единому нивелирующему знаменателю».

В «Отечественных записках» объект Барнаул рассматривается как способ характеристики и спецификации некоторой связанной и ограниченной области мира, с позиций языка представления знаний сводимый к символьной идентификации P , которой в соответствии ставится система связей, или $P = P(R, W, r, Q)$. Нарративное наполнение этой схемы и создает мнемосхему. При чем в нашем случае R — радиус области мира, или визуальная модель объекта, W — интегральные характеристики Кабинетских земель (Музей), r — канонический пространственно-временной базис объекта (начало которого для определенности считается совпадающим с центром области), или Q — набор подобъектов Q_i (если они есть), вместе с линейными преобразованиями $V_i(r)$ базиса r .

Объект Барнаул (P) = Объект Барнаул (P) (Первичное восприятие Барнаула (R), площади и строения, заводские устройства (W), завод (r), лазарет, аптека, ботанический сад (Q), музей($V_i(r)$)).

Первичное восприятие объекта Барнаул: «На последних двух верстах к оному дорога, между сыпучими песками, отделена наподобие шоссе и обсажена по обе стороны деревьями. Правильные улицы, на которых видна совершенная чистота, несколько окрашенных домов и надолбов подле оных, составляют первое отличие сего города. Берег величественной Оби обнесен красивою решеткою; по главной улице, по которой должно въезжать в город, сделан бульвар, усаженный тополями; прекрасное

строение дома полиции с каланчою и навесом для пожарных орудий встречается первым при въезде в город».

Первичное восприятие *объекта Барнаул* строится из совокупности реальностей, связанных между собой, однако не вытекающих друг из друга. Подобные реальности в контексте концепции пространства-времени Д.И. Блохинцева рассматриваются как события или звезды, описываемые через импульсы входящих и выходящих частиц [Блохинцев, 1970]:

Решетка (берег величественной Оби) – бульвар (главная улица) – дом полиции с каланчою и навесом для пожарных орудий (въезд в город)

Красивая – посаженный тополями – прекрасное строение – встречается первым

Интегральные характеристики области мира «Кабинетские земли»

Существенное достоинство Барнаула составляют *заводские устройства*: длинная плотина, длинная чугунная решетка на гранитном цоколе, посаженная аллея; дерн, одевающий скат, на котором поставлена решетка; дорожки, извивающиеся между зеленым дерном. Особо значимыми при описании интегральной характеристики «заводские устройства» становятся языковые формы, фиксирующие, согласно учению Аристотеля о предельных сказуемых [Войшвилло, 1967], логическую категорию качества:

Длинная – длинная чугунная – посаженная – одевающий – извивающиеся между

Ядерная структура *объекта Барнаул – Завод* позволяет составить представление о тех соответствиях, которые при построении концептуального моста, устанавливаются между категориями, согласно которым обобщаются и упорядочиваются впечатления о реальности в центре России, и формами бытия ее семантического подмножества – *объекта Барнаул*: плотина, скаты которой покрыты дерном, подобно крепостному валу; плавильная каменная фабрика с колоннами и аттиками; еще одна каменная фабрика старинной архитектуры и меньше первой; несколько других каменных зданий.

Дифференциальные признаки *объекта Барнаул*, выделенные автором «Любопытного письма» свидетельствуют о том, что проектирование и возведение этого артефакта осуществлялось по законам универсальной европейской культуры градостроения (скаты – крепостной вал) с элементами античного и римского декора (колонны с аттиками – стенками, расположенными над кар-

низом, венчающим сооружение; часто украшенными рельефами и надписями и обычно завершающими триумфальную арку):

*Плотина

Скаты покрыты дерном – подобно крепостному валу

*Плавильная фабрика

Каменная

с колоннами и аттиками

Проектирование объекта пространства-времени Барнаул сопровождается в «Отечественных записках» созданием классифицирующей системы, формирующей правила поведения в ментальном пространстве «Барнаул». Адаптивное поведение (Adaptive Behavior) связывается В.Г. Редько [Редько, 2006] с исследованием искусственной жизни (Artificial Life или ALife) сконструированных «организмов», способных приспосабливаться к внешней среде. Исследование искусственной жизни анимата – объекта Барнаул – возможно с помощью метода классифицирующей системы, выявляющего правила и собственно анимата, и той системы, которая помещается в пространство-время анимата (носителя русской мыслительно-коммуникативной культуры, фундированной риторикой и грамматикой XVIII в.). Правила поведения постигающего особенности искусственной жизни объекта Барнаул в «Любопытном письме» следующие:

(i) каждая вещь, предмет представляет собой реальность, которая обладает своей пространственной областью, определяемой свойствами вещи, предмета:

*Стропила

Смелость, с которой сделаны на 10-саженной ширине

*Машина

Цилиндрическая

*Устройство

Для бумаги

(ii) принципы функционирования анимата (особенности искусственной жизни) зависят от архитектуры-свойства подобъекта объекта Барнаул (лазарет, аптека, ботанический сад)

АЛАЗАРЕТ

АПТЕКА

БОТАНИЧЕСКИЙ САД

Порядок чистота

Устройство образцовое

Порядок

Образцово устройство

Собрание всех растений здешнего округа

Линейные преобразования базиса объекта Барнаул представлены в описании музея, который состоит из залов I и II, комнат 1, 2, 3, прочих комнат, библиотеки, собрания физических и

математических инструментов и проч. Типы подобных преобразований, предлагаемых автором «Любопытного письма», можно свести к двум разновидностям «модель» и «факт». «Модель» по своим свойствам подобна знакам реальных предметов, которые, согласно позиции У. Оккама [Лукаевич, 1959], входят в систему естественных знаков (первичная интенция). Естественный знак объективного бытия есть «умственное предложение» (*proposition mentalis*), суждение, лишенное всяких словесных представлений, всяких речевых элементов: *орел, тенета*. Однако в искусственной жизни объекта Барнаул функцию естественных знаков могут выполнять и знаки, по У. Оккаму, искусственные – словесные: *Воскресенская, Преображенская* (рудоподъемные машины).

Модель рудной массы Змеиногорского рудника I

Орел с распростертыми крылами, посаженный на вершине сего миниатюрного изображения величайшего подземного колосса, держит в носу стрелу, на которой накинута надпись, содержащая описание сего рудника в географическом и геогностическом положении, и заключающаяся следующим исключением количества рудных пород и извлеченного из них серебра с 1747 по 1825 год: первых заключалось 97463 кубических сажени, весом же 231, 228, 521 пудов, серебра с золотом выплавлено 41092 пудов.

Модель рудной массы Змеиногорского рудника II

Со всеми внутренними выработками, которых столь много и столь они перепутаны, что модель походит на тенета.

Особое значение при характеристике естественного знака, имеет место, год создания и «автор»:

Модель рудоподъемной машина «Патер-Ностер» (изобретена в Змеевском руднике)

Модель паровой машин (построена в Барнауле в 1764 природным сибиряком, шихтмейстером Ползуновым)

Модель паровой машины (Модель венгерской водостолбовой машины) (изобретена Ярославцевым в 1822)

Линейное преобразование базиса объекта Барнаул типа «факт» по своим характеристикам ближе к простому контекстуальному объему У. Оккама (*suppositio simplex*), или общему понятию, по которым можно составить представление о плотности интеллигибельного пространства территории:

Suppositio simplex I. Чучела зверей

Наиболее примечательные: бобер, выдра, россомаха, песцы белый и голубой, уйсити (Hapale jacchus), армадил, барсуки (Le Ratel) из южной Африки, белки из Сенегала, летающий опоссум (Petaurus macroura).

Suppositio simplex II. Собрание птиц и насекомых

Коллибри и многие другие прелестные птицы безмолвствуют вместе с беркутами и другими северными пернатыми, в крик более удивительно разнообразие нежели красота, особенно между водяными. Тут же поставлено несколько столов с иностранными и сибирскими насекомыми.

Suppositio simplex III. Орудия, изделия и другие вещи азиатских народов

Костюмы сибирских кочевых жителей и шаманов (устроены так же, как в С.-Петербургской Кунсткамере)

Вещи, найденные в древних Сибирских курганах

Музыкальные инструменты, употребляемые далайламайцами в богослужении

Ловушки для зверей

Изделия жителей Алеутских и других островов восточного океана

Suppositio simplex IV. Минеральный кабинет

Искупаемые гор Уральского и Алтайского хребтов

Плафон, изображающий Вознесение Господне

Плафон сей был в церкви Кабинета, и из оногo, назад тому третий год, отдан для Храма, который назначено устроить в Барнауле для отставных горных и заводских служителей.

Библиотека, большая часть книг принадлежит к горным наукам (хорошая)

Собрание физических и математических инструментов (отличное)

Прочее

Построение концептуального моста между центром России и городом Барнаулом, осуществляемое автором «Любопытного письма», представляет мысленный переход системы *Россия* из субъективной ситуации S^1 (имперская культура) в субъективную ситуацию S^2 (локальная культура). М.Н. Вайнцвайг и М.П. Полякова считают, что мысленный переход системы из субъективной ситуации S^1 в субъективную ситуацию S^2 «соответствует линейному преобразованию базиса S (во времени – переносу, в пространстве – переносу и/или повороту). Реально такой переход всегда происходит по некоторому *пути*, характеризующему последовательностью *событий*, и может включать в себя действия системы, затраты ресурса на выполнение которых определяют *сложность пути*» [Вайнцвайг, Полякова, 2006, с. 281].

Путь перехода в ментальное пространство *объекта Барнаул*, согласно анализу язык представления знания «Любопытного письма» включает следующие этапы: *идентификация реально-*

сти: *определение* импульсов реальности; *категоризация* реальности (идентификация локальной ассоциативной памяти – одновременно места хранения поступающей структурированной информации и распределенного устройства, занимающегося параллельной (ассоциативной) обработкой); *соотнесение* локальной категории и архитектурной формы семантического бытия; *выявление* локального базиса сущности; *установление* пространственной области локальной вещи, предмета; *максимизация* ресурса жизнеобеспеченности объекта пространства-времени.

В основе процедур принятия решений и обобщения, как утверждают М.Н. Вайнцвайг и М.П. Полякова, лежит операция ассоциации – сопоставления входного и хранящегося в памяти описаний. При определении особенностей ментальной актуализации жителя Алтайского края, видимо, следует опираться и на описания XIX в., в которых (а) вычисляется *величина ассоциаций* – определяется мера близости описаний.

Задача мысленного обустройства «материального царства земной действительности» и перехода в ментальное пространство объекта *Новая Русская Земля* решалась с помощью заимствований из немецкого языка, что позволяет в XVIII в. дифференцировать прежде всего материальную культуру, мыслимую и создаваемую в соответствии с конвенциями немецкого (германского) семантического мира. Привносится особый вариант дифференциации признаков над семантическим полем русского эйдоса – «шпилевой», символизирующий устремленность духа в горни выси, новый тип духовного – экзистенциально-персонального – сосредоточения и последующей коммуникации с Абсолютом, приходящим на смену триединой целостности и полагающим мутации тринитарного сознания в направлении унитарного.

Иная дистрибуция обстановки повседневной реальности влечет с неизбежностью модификацию мирозерцания представителя «русского народа», что должно содействовать, согласно логике исторического прогресса, овладению им мышления по системе «русский народ». Полученный же опыт должен связать парадигмы жизненного мира и системы концептуального (согласно церковнославянской книжной диалектике) построения «мостов» между сегментами ментального мира. Отсюда так важно культивировать повседневную практику высказывающей речи и Логоса непроявленного, т.е. формировать у гражданина будущей империи «чувство» коммуникативной рациональности.

Итак, в XVIII в. процесс заимствования, точнее, проникновения в систему русского языка германских языков определил особый статус русского языка как функции символической системы «русский народ», функции порядка и связи. Концентрация внимания осуществлялась не на «русской величине» – душе (вспомним, что славянский алфавит учитывал и впечатления души), а «русской мере» – русском духе. Мера вообще указывает предел, за которым изменение количества влечет за собой изменение качества объекта; русский дух определяет границы, в рамках которых количественные характеристики объекта «русский народ» могут меняться за счет изменения порядка, связи элементов, степени развития объекта «*Язык Руской Земли*». Язык русского народа как форма реализации *Языка Руской Земли* должен обеспечивать универсальное изображение возможных видов связи.

Процессы заимствования в XIX в. призваны были привлечь иные символические системы (семиотические процессы в которых в какой-то степени тождественны процессам, характеризующим становление и развитие «русский народ») для формирования аксиологических стратегий и определения адекватных форм политического дискурса. Взаимодействие семиотических систем «французский язык» и «русский язык», «английский язык» и «русский язык» по модели «проникновение» возможно определить как экспериментальное, в том понимании, которое приписывается эксперименту в комбинаторике – эксперимент указывает путь от истины понятий к действительности. Наблюдение при этом заполняет пробел, оставленный чисто логическим исследованием, и ведет от многозначных форм пространства геометрии византийско-славяно-русского мира к означенному пространству физических предметов «русского духа».

Немецкий язык позволяет освоить конвенции европейского мира, французский язык помогает обнаружить в русском литературном языке принципы поименования комплексов впечатлений (впечатлений души), ощутить полихромность окружающей действительности, освоить принципы лессировки мира в языковой форме и культивировать это в русской коммуникативной культуре, особенно при сегментировании универсума мысли. Английский язык как посланник индоевропейского языкового союза, способствует формированию у представителя «русского народа» способности изображать истину, отождествимую с впечатлением

духа и положением дел. Все это способствовало созданию особого – семантического, коннотативного – алфавита изображения истины, узреваемой посредством символической системой «русский народ».

В конце XIX – начале XX в. актуальным становится ситуативный уровень владения русским языком, предполагающий умение применять знания и способности как собственно лингвистические, так и относящиеся к национально-культурному и энциклопедическому уровням в соответствии с коммуникативной ситуацией. В XX в. оформляется идеология русского языка. Идеология в данном случае понимается, вслед за Э. Вероном [СФС, 1996], как система семантических правил производства сообщений, которая передается посредством коммуникативного измерения коннотации. Процесс заимствования в XX в. также функционален: в его задачи входит актуализация (вербализация) виртуальных аксиологий, заложенных в морфологическую систему социума в XVIII в. Кроме того, в XX в. происходит проникновение во внутреннюю форму русского литературного языка американского способа нахождения истины, определявшего жизнеспособность союза американских штатов с XVIII в.

Процессы заимствования в XX в. также обусловлены процессом интеграции социума и его членов, что подразумевает оформление зон взаимопроникновения социальной и личностной систем, жесткой иерархизированной структурой власти (дискурса власти) и ризоморфной среды, аструктурной и нелинейно организованной целостности. В таком случае литературный язык выступает в качестве ризоморфной среды, согласно номадологической концепции Делеза-Гваттари, основными принципами бытия которой являются: принцип множественности, принцип незначущего разрыва, принцип связи, принцип гетерогенности, принцип картографирования, принцип декалькомании. Единицей означивания предстает текст, который характеризуется как 1) сеть генерализации значений без цели и центра; 2) наличие источников и влияний, из исторической суммы которых складывается произведение; 3) динамический, смысловой горизонт (анонимный текст) для всех институционализовавшихся в печатной форме текстов; 4) множественность смысла, принципиальная открытость, незавершенность значений, не поддающихся определению и иерархизации со стороны властных структур (или конституирующая пер-

вичный уровень власти) и отсылающая к сфере желания, нетематизированной пограничной области культуры.

Таким образом, рубеж тысячелетий в истории русского литературного языка, поддерживающего жизнедеятельность христианско-языкового союза территорий, обязательной составляющей которого являлся процесс заимствования, становится знаковым: обиходная форма русского литературного языка, используемая в электронной коммуникации, полагает возможным так же, как и рекламная коммуникация, замещение знаков кириллической системы на знаки латинской графики, что вновь создает размывы и затеки, но только уже в мыслительной речи (использовать в высказывающей речи разные графические системы означает не обладать способностью дифференцировать истинное ложное, и как крайнюю форму – способностью мыслить. Это есть показатель исчерпывания ресурса семантического заражения, что в итоге может привести к замещению всей символической системы «русский язык» новым знаковым комбинационным образованием и, как следствие (если этого уже не произошло), символической системы «русский народ».

Неизбежно проникновение элементов ислама, буддизма в коммуникативную рациональность представителя символической системы «русский народ» как элементов для проектов преобразования ментальной рефлексии русскоговорящего представителя современного человечества, что влечет за собой появление видов связей, свойственных семитским языкам (арабский язык), алтайским языкам (японский язык). Постепенное усвоение идеологий языков приведет к усвоению их аксиологий, с последующим их встраиванием не только во внешние структуры, но и внутреннюю форму литературного языка, т.е. внесению корректив в изображение Логоса и искажению символа сокровенного – «Книги», утрате связи с сущим.

Глава 4

ПОДСИСТЕМЫ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ ЦЕЛОСТНОСТЬ СИМВОЛИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ «РУССКИЙ НАРОД»

Испанский исследователь Ф. Маркос Марина, отталкиваясь от определения языка как системы знаков, приходит к выводу о существовании множественности систем внутри каждого исторического языка (термин «исторический язык» Ф. Маркос Марина заимствует из работ Э. Косериу). Эти системы не являются четко дифференцированными, они накладываются друг на друга в рамках языковой компетенции каждого говорящего/слушающего, который иногда производит выбор языковых средств в соответствии с социолингвистическими переменными, а иногда не способен произвести адекватный выбор. Концепция языка как множественности систем означает: 1) в нем есть архаичные, эмбриональные, побеждающие, географические, социальные и прочие системы; 2) одновременное наличие нескольких систем есть конститутивное свойство языка, который необходимо изменяется не в направлении к единственной системе (что было бы языковым тоталитаризмом), а к новым сосуществующим системам [Marcos Marina, 1979].

К концу XIX – началу XX в. при рассмотрении русского языка возможно говорить как о нем как множественности систем. Множество систем (индоевропейский языковой союз, церковнославянский язык, система древнерусского языка; система диалектов русского языка, обеспечивающая повседневную коммуникации в пределах российских локальных культур и пр.) участвует в оформлении русского языка в качестве самостоятельной семиотической системы (1); в объединении подмножества «индоевропейский языковой союз», ориентирующегося аксиологиями восточнохристианского мира в когерентный дискурс «восточные славяне» (2), репрезентирующий цивилизационный статус символической системы «русский народ» (с вытекающей возможностью констатации факта существования «российской цивилизации») (3).

Учение о цивилизации возникло в эпоху Просвещения. Со временем, как считает А.В. Гордон, из термина с ограниченно-дидактическим значением цивилизация превращается в важнейший компонент проекта Нового времени, мировоззренческую парадигму решительного поворота в человеческой истории. Изначально это учение преследовало воспитательные цели в типичные для Нового времени, которое в мире общечеловеческой культуры определяло себя также по возникшей в XVII в. дихотомии «древние–современные» [Гордон, 1998]. З. Бауман, профессор университета из Лидса (Англия), указывает на широкое распространение во французском языке XVIII в. слов, оканчивающихся на *-iser*: *centraliser*, *municipaliser*, *naturaliser*, *utiliser* etc.

И означающих стремление придать объекту воздействия «желаемый стандарт». И вместо *civilisation* (цивилизация) вначале предпочитали *civiliser* (цивилизованность), поскольку делом мыслителей и политиков XVIII в. «считалось не созерцание мира в его сотворенном виде, а созидание его таким, каким ему надлежало быть», т.е. «подъем человеческих существ на новый уровень бытия» [Fate of modernity, 1985, с. 7–8].

«Исходное «*civiliser*» было производным от «*civility*», восходившего к XVII в. и означавшего искусство изысканными манерами скрывать истинные чувства, сдерживать нормами этикета опасные в общественной среде инстинкты. В предреволюционные десятилетия, после 1760 г., «*civiliser*» вытеснило «*policer*», выражавшее обязанность правителей добиваться «организованного, предсказуемого, прозрачного» общества, «в котором царствует закон и порядок». В результате существующий строй начал восприниматься в «образе девственной природы, которая ждет заботливой, но твердой руки садовника, чтобы превратиться в пригодное для человечества место проживания». Говоря словами Р. Коллингвуда, понятие «цивилизация» стало означать в XVIII в. «приближение к идеальному состоянию *civility*» и одновременно «удаление от состояния варварства». Полный смысл понятию придает, следовательно, его антитеза. Новая эпоха, самоощущение которой в наиболее общем виде передает понятие «цивилизация», посвящает себя искоренению «варварства» [Гордон, 1998, с. 53].

Японский ученый Ито Сунтаро предлагает выделить 23 большие цивилизации: Вавилонская, Египетская, Эгейская, Ки-

тайская, Индийская, Греческая. Римская, Мирийская, Персидская, Центрально-американская, Андская, Африканская, Византийская, Арабская, Европейская, Корейская, Тибетская, Юговосточно-азиатская, Японская, Турецкая, Русская, Американская и Латиноамериканская [Гордон, 1998, с. 53]. Ученый считает, что все цивилизации проходят через несколько общих великих мутаций: «Все культурные ареалы раньше или позже, первыми или последующими (т.е. самостоятельно или под влиянием других ареалов), подвергались пяти великим цивилизационным революциям: происхождение человека, сельскохозяйственная, урбанистическая, осевая и научная. При каждой мутации оказывалось несколько ареалов-пионеров, которые распространили свое влияние на других, выталкивая их на общий путь преобразования. По убеждению Ито Сунтаро, последняя мутация – научная революция, в отличие от предыдущих, имела лишь один очаг – Западная Европа.

Взаимодействие с западноевропейской цивилизацией, т.е. Европейской цивилизацией в мутации «научная революция», по Ито Сунтаро, в XVIII в. для России было определено созданием национального русского научного языка, «располагающего необходимым фондом интернациональной терминологии, но имеющего под собой широкую базу живой народной речи» [Виноградов, 1945, с. 119]. Как отмечал академик М.И. Сухомлинов в «Истории Российской академии», введение родного языка в область науки в литературе всех просвещенных народов признается эпохой [Сухомлинов, 1847, с. 5].

В процессе формирования национальной русской терминологии, отвлеченной лексики, общественно-бытового и социально-политического словаря большую роль сыграл французский язык, по словам А.С. Пушкина, язык мысли, ясный и точный язык прозы.

В истории европейской буржуазной культуры французскому языку, отмечает В.В. Виноградов, была уготована особая миссия: «выработать значительно большую, сравнительно с другими западноевропейскими языками, сумму идей, понятий и представлений, в среде которых двигалась и развивалась жизнь европейца» [Виноградов, 1945, с. 121]. Дэниел Дефо в «Опыте о проектах» определял французский язык как универсальный, но при этом он отмечал, что статус такой французский язык приобрел только благодаря усилиям Парижской Академии, знаменитейшей акаде-

мии в Европе, гордости французов, блеском своим во многом обязанной покровительству, которое ей оказывали короли [Дефо, 1987, с. 82–87].

«Галлолюбие или французомания, – писал П.А. Вяземский, – не враждебны правильному развитию русской речи. Французский язык, своею точностью, ясностью, логическими оборотами речи, может служить хорошим курсом и преподаванием для правильного образования слога и на другом языке. Влияние немецкого языка и немецкой фразеологии там, где оно у нас встречается, оказывается временным. Немцы любят бродить и отыскивать себе дорогу в тумане и в извилинах перепутанного лабиринта. Темная фраза для немца находка, головоломная гимнастика вообще немцу понутру. Французы любят и любили ясный день и прямую, большую дорогу. Русской речи также нужны ясность и столбовая дорога» [Виноградов, 1945].

В конце XVIII – начале XIX в. русский язык, по мнению В.В. Виноградова, в процессе взаимодействия речевых культур не столько пополнил лексический, фразеологический и терминологический фонд, сколько воспринял метод ограничения и дифференцирования понятий и оттенков.

Самостоятельность в доработке этого метода, видимо, заключается в том, что для метрического пространства мультикультурности (цивилизации), универсальным языком описания и презентации которой был французский язык (это своеобразный метаязык цивилизации), русский литературный язык (литературно-языковая культура) создал семиотические модели сегментирования пространства информационных потоков. Модельно-семиотическая дифференциация пространства коммуникации в своих истоках восходит к способам существования индоевропейского языкового союза (основного его параметра) – мысленной речи. На момент XIX в. предрасположенность русской речевой культуры к семиотическому моделированию становится основанием для замены сети синаптических связей, посредством которых в границах индоевропейского языкового союза осуществлялась передача сигналов, артикулирующих вспышки интеллектуальной активности при коммуникации с европейским ландшафтно-географическим комплексом в индоевропейском языковом союзе, на сетевую систему языковых программ русской коммуникативной общности.

Семиотические модели сегментирования информационных потоков, или языковые программы, основаны на сенсорно-моторном управлении состоянием представителя русской литературно-речевой культуры в метрическом пространстве мультикультуры.

Термин «мультикультура» появился только в 70-х гг. XX столетия в культурном дискурсе Запада, однако существование этого явления-состояния общества, находящегося в преддверии информационной революции, оказалось уловленным и понятым в русской литературно-речевой культуре XIX в.

Мультикультура связывается прежде всего с процессом глобализации в становлении человечества в XX веке, который, по мнению Т.Г. Киселевой, сжимает мировое пространство и время, стимулируя углубление «языковой, экономической, политической и другой унификации культуры на основе некоей базовой модели» [Киселева, 2003, с. 19–21]. Специфика коммуникативной рациональности в ситуации глобализации обусловлена тем, что «развивавшиеся до сих пор независимо друг от друга формы мышления и опыта проникают в одно и то же сознание и заставляют интеллект обнаруживать непримиримость противоречивых концепций мира» [Мангейм, 1994, с. 13].

В истории развития русского литературного языка разные формы мышления в XIX в. получают свои варианты семиотического оформления, которые до 1917 г. составляли единое целое – универсальный язык описания и презентации символической системы «русский народ».

Управление состоянием в метрическом пространстве мультикультуры осуществляется посредством фиксированного правила, являющегося функцией состояния коммуницирующих культур. Фиксированное правило мотивирует семиотическое поведение, ответственное за переход рассеивающихся когнитивных структур из некоторого начального состояния в конечное, закрепленное некоторым импульсом. Динамические модели сегментирования информационного потока, дифференцирующие этническую идентичность, описывают изменение событий во времени, осуществляя арифметизацию точек пространства-времени этноса и координируя события в отношениях причины-следствия, определяющие особенности состояния «цивилизованности». Координация событий в терминах причины-следствия требует одновре-

менно и пространственно-временной локализации микросистем и достаточной определенности их энергии и импульса [Блохинцев, 1980]. Под микросистемами в условиях макрокоммуникации (глобализации) следует понимать языковые комплексы, рассматриваемые как символические входы в информационную этническую программу (фразеосхемы, ландшафтно-географические обозначения, мифологемы). Каждая семиотическая модель сегментирования информационного потока обладает своим набором, или своим типом языковых комплексов.

Термин «языковая программа» Б.А. Успенский [Успенский, 1994] использует в качестве единицы измерения процесса становления нового русского языка: он говорит о языковых программах Адодурова-Тредиаковского, Ломоносова, Карамзина, Шишкова, Пушкина, языковой программе зрелого Тредиаковского. Языковые программы писателей и литераторов – это опыты создания нового литературного языка и, как следствие, новой жанрово-текстовой стратификации и русской литературы, и «славянско-православного мира», предпринимающего попытку возвращения к единству восточнохристианского и западнохристианского миров, последний из которых в своем функционировании опирался на тривиум «логика-грамматика-риторика».

В данной работе понятие «языковая программа» характеризует варианты функционально-системного использования кириллической графической системы и языковых содержаний, за ней закрепленных, множествами носителей русского языка. Носители русского языка объединяются в множества-сообщества на основании их отношения к русскому литературному языку как способу их жизнедеятельности и самоосуществления. Принципы использования языковых ресурсов, установления соответствия между означающим и означаемым демонстрируют приверженность тому или иному варианту актуализации семиосемантической рациональности – лингвистических конвенций, в некоторой степени демонстрирующих фундаментальную интенциональность сознания. «Наши значимые интенции, – пишет К.О. Апель, – зависят от лингвистических конвенций не только в отношении фактической репрезентации лингвистическими пропозициями, но также в отношении лингвистических конвенций, определяющих иллюкутивную силу речевых актов, которая выражима в частных перформативных предложениях как условие intersубъективной

обоснованности значения. Короче говоря, можно сделать вывод, что понятие *интерсубъективно обоснованного значения* можно было бы определить с точки зрения *перформативно-пропозициональной «двойной структуры»* лингвистически выразимого значения, как говорит Хабермас» [Апель, 2002, с. 218]. Таким образом, в языковой программе соединяются лингвистические конвенции, интерсубъективная обоснованность значения и принципы лингвистической выразимости значения, которые мотивированы фактической репрезентацией лингвистическими пропозициями соотношения структур Логоса и Эйдоса, составляющего семантическую базу как русской когнитивной культуры, так и русского литературного языка. Тип рациональности, приписываемый каждой языковой программе, соотносит скорее всего с фактической репрезентацией соотношения структур Логоса и Эйдоса, метода рационального осмысления конструкции Мира и его образного воплощения.

В русской литературно-речевой культуре возможно говорить о нескольких семиотических моделях, или языковых программах: «дворянской», «крестьянской», «чиновничьей», «городской», «демократической». Семиотические модели сегментирования информационных потоков задают иной, не классовой, зияющий на общественно-экономических формациях как моделях обобщения аксиологии и идеологии социума, принцип дифференциации общества, а стратумный, более согласующийся с идеями (концепцией) М. Вебера.

Структура формации представляет систему взаимосвязанных сторон, системообразующей основой которой выступают отношения экономические (вспомним, что одной из составляющих контента символической системы «русский народ» в петровскую эпоху являлся особый тип рациональности, связанный с капиталистическим сельским хозяйством). В марксистской науке вычленяется пять типов общественно-экономических формаций: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая. Существенными признаками общественно-экономической формации большинством авторов признается материалистический характер объяснения жизни, обязательное описание (характеристика) структуры формации, указание на диалектичность исторического процесса [Семенов, 1978; Ефременко, 1978; Теория общественно-экономической формации, 1982].

В плане языковом особый интерес представляет, конечно же, первый признак. Чтобы лучше разобраться с тем, что может значить материалистическое объяснение жизни, необходимо выяснить, что есть материалистический и определиться с тем, что собой представляет материалистический вариант, или мутация литературного языка, призванный/способный создать материалистическое объяснение жизни. Начнем с образца такого языка (Панова В. *Спутник*. Повесть удостоена Сталинской премии Первой степени за 1946 г.¹):

«Самый поезд еще не вышел из ремонтного завода. Ждали начальника поезда, чтобы принял состав. Военврач Супругов, ординатор, отказался взять на себя такую ответственность.

– Я маленький работник, товарищи, – сказал он.

Был он вежлив, смеялся всякой шутке, навязчиво угощал папиросомами. Чувствовалось в нем беспокойство, – видно было, что душа в этом щуплом штатском теле тоскует, не находит себе места.

Обедать и ночевать Данилов ходил домой. Жена встречала его с молчаливой растерянностью. Ему не хотелось ни о чем ей рассказывать. Она видела, что он уже без остатка принадлежит новому своему делу. Так было с совхозом, потом с трестом. Теперь с санитарным поездом. Эта душа не жила дома, пропащая душа. Дома для нее существовал только сын. Жена молча подавала Данилову еду, стелила постель. Лицо ее за эти три дня осунулось, стало некрасивым. По ночам она не выдерживала, начинала шептать:

– Меркулову дали бронь, главному бухгалтеру дали, даже Григорьеву – и тому дали...

– Ну? – спрашивал он с притворным хладнокровием, подавляя злость. – Ну, дали, и прекрасно, что дальше?

– Тебе никого не жалко. Ни меня, ни Ванюшки, никого.

Он отворачивался.

– Довольно, я спать хочу.

Он почти не вспоминал о тресте, захваченный новой работой. 26-го выдалось два часа свободных, он пошел сдавать черную доску с золотой надписью: «Республиканский трест молочных совхозов». Правый нижний угол доски был надтреснут еще

---

¹ Панова В. Спутники. Кружилиха. Ясный берег. М.; Л., 1951.

тогда, когда Данилов пришел сюда принимать дела. Знакомая лестница, щелкают счеты в бухгалтерии, трещит арифмометр. Дверь налево, обитая черной клеенкой... Его дверь. Его трест.

Передав Меркулову дела, он обошел комнаты и попрощался со всеми. Старуха-кассириша заплакала. Ему было приятно, что она плачет».

Философией, которая мотивирует принципы использования лексического фонда в соответствующих идеологическим установкам синтаксических конструкциях, является диалектический материализм – философия марксизма-ленинизма, наука о наиболее общих законах движения и развития общества, мышления. Эта наука исходит из признания материи единственной основой мира, рассматривая сознание как свойство высокоорганизованной формы материи, функцию человеческого мозга, отражение объективного мира. Диалектичность этого философского учения обусловлена тем, что в нем признается всеобщая взаимосвязь предметов и явлений мира, движение же и развитие мира ставится в зависимость от действующих в нем самом внутренних противоречий. Использование литературного языка в качестве языка популяризации и, впоследствии языка-основы, алгоритма неизбежного приятия и одобрения принципов государственного обустройства, ориентировано философским понятием материи и представлением повседневной реальности «противоречие» (конфликт), обусловленным асимметрией между одним свободным локусом и несколькими претендентами на него (внутренне мотивировано оппозицией «свое» – «чужое»). Отсюда движение и развитие мира происходит в соответствии с моделью замещения, которой в лингвистической области соответствует смена окружений фонем, морфем и их значений: они попадают в новые окружения, в связи с чем они либо расширяют свою дистрибуцию, либо утрачивают прежнюю, наделяя носителя языка опытом лингвистической экзистенции – существования в языке и проживания языкового времени.

Экзистенциальный опыт человечества, приобретенный в постижении сущностных взаимосвязей природы, порождает две противоположные системы природы, как считает А. Бергсон, – механицизм и динамизм [Бергсон, 1992]. Этим двум системам соответствуют две формы языкового самоосуществления: языковой материализм и языковой реализм.

Механицизм предполагает подчинение составных частей необходимым законам, замкнутость в круге необходимости. Динамизм, в свою очередь, проистекает из идеи произвольной активности сознания, что предполагает существование, с одной стороны, свободной силы, с другой – материи, управляемой законами. Означенные теории мироздания содержат две разные гипотезы об отношении между законом и управляемым им фактом; с точки зрения динамизма, факт есть абсолютная, доминирующая реальность. Посредством физического детерминизма человек постигает пространство своего бытия, среду своего осуществления через квантование действительности, информации о ней. Кинетические теории материи сводятся к тому, что Вселенная есть скопление материи, которую наше воображение разлагает на молекулы и атомы. Среда индивидуального осуществления разлагается на ряд эпистемологических ситуаций новыми образованиями – лексемами, предложениями.

В подобных эпистемологических ситуациях фиксируются показания органов чувств порознь, сообщающих лишь об отдельных явлениях, дающих знание поверхностное, «физическое» [Дешан, 1973].

Достоверное знание, базирующееся на «чувствах согласованности и гармонии», представляет собой взаимно согласованные показания органов чувств, образующие организованную систему. Однако возможен и другой вариант оформления достоверного знания – в произведениях художественной культуры вообще и произведениях словесного творчества в частности. «Чувство организованности и гармонии» может воспитываться через литературный язык, а организованная система согласования показаний органов чувств, или достоверное знание, может создаваться лексическими единицами и их синтаксическими связями.

Выражение чувства организованности и гармонии

чувствовалось в нем беспокойство – | потому что | – душа тоскует | то есть | – не находит себе места (1)

никого тебе не жалко, ни меня, ни Ванюшки, никого (2)

без остатка принадлежит новому (своему) делу, так было с совхозом потом с трестом теперь с санитарным поездом (3)

дверь налево, обитая черной клеенкой... Его дверь. Его трест (4)

Представление формы достоверного знания

<i>Обедать и ночевать Жена встречала с молчаливой растерянностью</i>	<i>Данилов ходил домой стелила постель</i>
<i>Жена молчаливо подавала еду</i>	<i>не выдерживала, начинала шептать</i>
<i>Не хотелось ни о чем ей рас- сказывать</i>	<i>спрашивал с притворным хлад- нокровием, подавляя злость</i>
	<i>отворачивался</i>

Достоверное знание содействует познанию человеком своей природы и детерминационных зависимостей вовне, объяснению мироздания, кроме того, оно способствует установлению различия между множественностью рядоположения и множественностью взаимопроникновения. «Всякое чувство, всякая идея содержат в себе бесконечное множество фактов сознания, но эта множественность обнаруживается только путем особого рода развертывания в той однородной среде, которую иногда называют длительностью, тогда как на самом деле она является пространством» [Бергсон, 1992, с. 121].

В XX в. русский литературный язык использовался как универсальный язык описания деятельности новой общественно-экономической (Союз Советских Социалистических Республик) и собственно социально-этической формации человека (советский человек – модификация социального статуса «гражданин империи», прообразом которого создавался в XVIII в.). Русский литературный язык был избран в качестве среды, в которой происходит развертывание коммунистической идеологии. Таким образом, русский литературный язык превращается в пространство, в котором и только в пределах которого может функционировать сознание. Иначе: множество фактов сознания определяется языковыми содержаниями, находящимися в коммуникативном обращении социума и влияющими как на его коммуникативную рациональность, так и на особенности коммуникативной компетентности – законы *linguistic performance*.

Итак, материалистическое объяснение жизни содержит высокую философскую абстракцию жизни, характеризуемую как

материя (в теории языкового существования такому пониманию жизни соответствует термин *сейкацу*), сущностным параметром который признается закон борьбы и единства противоположностей – противоречие. Материалистическое объяснение избирает в качестве пространства функционирования сознания секвенции художественных произведений, которые, с одной стороны, построены на логическом дифференцировании содержаний опыта, с другой – сами дифференцируют содержания опыта. Логическое дифференцирование содержаний опыта и их включение в расчлененную систему зависимостей, утверждает Э. Кассирер, и образует настоящее ядро действительности [Кассирер, 1912]. Изменения, которым был подвергнут русский литературный язык и русская литературно-речевая культура после 1917 г., и прежде всего логическому дифференцированию были обусловлены необходимостью обоснования новой общественно-экономической мутации – Союза Советских Социалистических Республик.

Философия подобного языка – языка новой революционной цивилизации – основывается скорее всего на античной атомистике, в которой образы вещей, как утверждает Э. Кассирер, сообщающие о бытии вещей, «сами тоже мыслятся как **вещественные составные части**, которые отделяются от них и подвергаются на пути к нашим чувственным органам многообразным физическим изменениям. В чувственном восприятии в нас проникает и сливается с нашим собственным бытием – хотя и в уменьшенном масштабе – действительная субстанция тел» [Кассирер, 1912, с. 364]. Вещественные составляющие части образа вещи должны быть сформированы в художественном произведении. В произведении социалистического реализма должны быть сформулированы принципы канонического понимания и восприятия вещи, обстоятельств мира. «Все содержание «имматериальных родов», посредством которых мы постигаем бытие вещей, всецело поглощается теперь актом? представления. Мы не познаем никаких отдельных определений самих родов, а познаем лишь **посредством** них отношения внешних вещей: «*cognosimus non ipsam speciem impressam, sed per speciem*». «Сходство» между знаком и обозначаемым, существование которого мы должны принять, не нужно, поэтому теперь понимать, как будто оба принадлежат одной и той же логической категории. Роды ни в одном **вещественном** отдельном **признаке** не совпадают с предметом, на который они указывают, так как их отличительным свойством

является именно лишь сама эта операция указания, а не какие-нибудь вещественные свойства, в которых они могли бы быть «сходны» с другими вещами» [Кассирер, 1912, с. 364–365].

Русский литературный язык в статусе языка революционной формации, подвергшись операции логического дифференцирования, которой предшествовала стилевая дифференциация XIX в., утратил способность быть символической системой, содействующей самоидентификации совокупности морфолого-когнитивных структур «русский народ» и средством упорядочения впечатлений души соответственно онтологической системе «русский дух». Русский язык в период существования социалистического лагеря не использовался для создания высказывающей речи (что было одной из функции славянского алфавита), т.е. дифференциации оппозиции «истина-ложь», и семиотического обеспечения мысленной речи, координирующей существование индоевропейского языкового союза.

Конкурирующая, но не победившая марксову концепцию социального развития общества, концепция М. Вебера, как уже отмечалось выше, имела в русском литературном языке свои аналоги в виде языковых программ. М. Вебер исследует различные социокультурные типы рациональности, сопоставляя более или менее развитые «картины мира». «Картины мира создаются, – комментируя М. Вебера, отмечает Н.Ю. Давыдов, – в ходе логического саморазвития основополагающих религиозных идей, которые воспринимаются мирянами как системы координат, позволяющие определить основные направления жизнедеятельности. Так, через деятельность мирян, руководствующихся идеями и представлениями, рационально упорядочиваемыми в «картинах мира», рациональность проникает в творимый ими – рукотворный, человеческий, исторический мир – смысловым образом организованый мир культуры. Человеческий мир является миром культуры именно потому, что он организован смысловым образом» [Давыдов, 1990, с. 749].

Социокультурные типы рациональности, характерные для русской литературной речевой культуры накануне XX в. – века информационных технологий и, как следствие, новой цивилизационной мутации «информационная революция», – обнаруживают себя в виде семиотических моделей сегментирования информационных потоков (потоков культурных для XIX в.), или языко-

вых программах. В языковой программе, если ее приводить в соответствие с «картиной мира» М. Вебера, мир синтезируется, истолковывается под углом зрения определенной оценки, которая обуславливает определенное отношение к миру, задает соответствующий способ языкового действования и семиотического (языко-речевого) поведения в этом мире. В языке (с помощью языковых конструкций) создается сверхэмпирический мир, который позволяет взглянуть на «земной мир», чтобы его оценить и получить возможность его увидеть, составив себе «картину увиденного».

«Картина увиденного» через призму кириллической графики и восточнохристианский текст-сообщение складывается из различных типов использования знаковой кириллической системы для описания бытования народа, населяющего *Рускую Землю* – своеобразных клейм, обрамляющих текстовую реальность церковнославянской книжности. Интерпретируя особенности русской культуры коммуникации посредством языковых программ, нам удастся воссоздать иконографию русской мыслительной и словесной культуры, центральное место в которой отводится каноническому церковнославянскому тексту (или текстовой реальности), а в функции клейм выступают языковые программы, в которых разворачиваются различные, актуализированные до 90-х гг., сюжеты языкового существования социальной общности «русский народ». Таких сюжетов можно условно вычлениить: крестьянский, дворянский, городской, чиновничий, демократический (может быть установлена ассоциативная корреляция с общественно-экономическими формациями, избираемыми К. Марксом для описания социально-экономического развития человечества в социальном пространстве).

Крестьянский (христианский) сюжет в жизни восточных славян был связан не только с принятием новой системы ценностей, но и освоением новой модели семиотического поведения, включающего в себя и сакральную, и профанную компоненты. Городской (полисный) сюжет должен быть придать европеизированную – государственную статусность – повседневному существованию славянской общины. Дворянский (императивный) сюжет расширил временные границы обязанностей члена общины: он существует в модальности «должен» не только «здесь-и-сейчас» и в вечности, он ответственен не только перед членами общины,

но и перед вечностью за каждое свое действие. Чиновничий (ранжировочный) сюжет иерархизирует отношения на основе прагматических правил коммуникации, предполагает освоение навыков существования в мире в стержне языка другого. Демократический (энтропийный) сюжет нивелирует систему различий, которая необходима идентификации лингвистически интендированного объекта и функций интенционального сознания.

Крестьянский тип рациональности и соответствующая ему семиотическая модель сегментирования информационных потоков (языковая программа) основывается на кристаллизации мысли, потребности любому житейскому эпизоду придать форму нравственного образца, любое суждение облекать в форму сентенции. Возможно предположить при соотнесении с теоретическими реконструированными позициями составителей славянского алфавита, что этот тип рациональности характеризуется тем, что звукосочетания и письма могут быть знаками представленного мира в душе.

Подобная языковая программа способствует созданию единого образа, соединяющего опыт и этику разных времен и разных сфер жизни – образа «русский народ». Доминантным в определении особенностей семиотической модели «русский народ» в истории российской государственности следует признать XVIII в.

Цель этой языковой программы – реализация потребности обособления каждой идеи, оформления ее как сущности; соединение одних идей с другими в иерархические сочетания. Опосредованно через данный тип программы выявляется семантическая ось русского языка, и как следствие, осевое время русской литературно-речевой культуры отождествляемое с оппозицией А – не-А, актуализирующейся в онтических формах, или формах, согласно Г.Г. Шпету, предметно подразумеваемого содержания (номинативная функция языка, слова) [Шпет, 1994]. Согласно позиции К. Яспера, осевое время – период времени (примерно с 800 по 200 г. до н.э.), когда возникает единое духовное движение, имеющее значение для всего человечества и сформировавшее тот тип человека, который существует и поныне [Яспер, 1994]. Единое духовное движение складывается из локальных духовных движений в Китае (Конфуций, Лао-цзы), в Индии (мыслители Упанишад и Будды), в Иране (Заратустра), в Палестине (пророки), в Греции (философы и трагики). Осевое время,

в соответствии с концепцией К. Ясперса, – это период, с которого берет свое начало общая история человечества, обусловленная изменениями в человеческом бытии, которые, в свою очередь, связаны с одухотворением человечества – поисками смысла человеческого существования, обнаруживающими себя в языке. В общую историю человечества христианско-языковой союз «Киевская Русь» «включается» в X–XI вв., настраиваясь в основном на два локальных духовных движения в Палестине и Греции и сочетая, таким образом, в себе преклонение перед Библией как письменно фиксированным «словом Божиим» и любовь к знанию, изяществу письма и слога.

В рамках этой семантической модели оформляется классификация отношений в языке, ориентированная на книжную культуру (доминируют отношения «противоречие», «противоположность», «дополнительность») и создается матрица языкового (речевого) поведения и матрица согласования разных коммуникативных контекстов (преобладают отношения «позитивная схема», «негативная схема», «позитивное указание»).

Дидактическая направленность данной языковой программы состоит в обучении «табличному чтению», т.е. процедуре преодоления аллотопных разрывов в тексте русской (христианско-языковой) культуре при ее освоении посредством интерпретации фрагментов, которые обеспечивают единство понимания текста. При этом под аллотопией имеется в виду [Дюбуа и др., 2006] нарушение семантической связности, реконструкция единств есть табличное чтение.

Слово в крестьянской языковой программе представляет собой комплекс чувственных дат, трансформируемых в суждение, некий чувственный комплекс. Культура представлена в виде архитектурного идеализма, или реализма.

В качестве иллюстрации реализации «крестьянской» семиотической модели поведения, или крестьянской языковой программы, можно привести образец лингвистического перформанса (linguistic performance)² А. Платонова в тексте «Эфирный тракт»³:

---

² Под лингвистическим перформансом (linguistic performance) мы понимаем, вслед за Н. Хомским, оперирование языком в повседневной практике. В свою очередь обязательным аспектом повседневной практики является, согласно нашей концепции, тип рациональности, влияющий на принципы словесной аранжировки мысли.

«Он знал одно: устройство эфирного тракта поможет ему опытным путем открыть эфир как генеральное тело мира, все из себя производящее и все в себя воспринимающее. Он тогда технически, то есть единственно истинно, разъяснит и завоеует всю сферу вселенной и даст себе и людям горячий ведущий смысл жизни. Это старинное дело, но мучительны старые раны. Только людские ублюдки кричат: нет и не может быть смысла жизни – питайся, трудись и молчи. Нет, а если мозг уже вырос и так же страстно ищет своего пропитания, как ищет его тело? Тогда как? Тогда – труба, выкручивайся сам, в этом мало люди помогают.

Вот именно! Найдите вы человека, который живет не евши! Кирпичиков же вошел в эпоху, когда мозг неотложно требовал своего питания, и это стало такой же горячей воющей жаждой, как голод желудка, как страсть пола!

Может быть, человек, незаметно для себя, рождал из своих же недр новое великолепное существо, командующим чувством которого было интеллектуальное сознание, и ничто иное! Наверно, так. И первым мучеником и представителем этого существа – был Кирпичиков.

Кирпичиков пошел на вокзал, сел в поезд и поехал на свою забытую, заросшую забвением родину – Гробовск».

Дворянский тип рациональности и соответствующая ему семиотическая модель сегментирования информационных потоков представляет собой результат нормативистского мыслительного творчества, оперирующего смысловыми структурами, тождественными структурам знания. При соотнесении с теоретическими позициями Кирилла и Мефодия можно сделать вывод о письменах, воплощающих Логос, или записывающих мыследеятельность славян знаках, и письменах, не воплощающих Логос, или представляющих мысленную речь индоевропейского языкового союза.

Нормативистское мыслительное творчество есть философия, соответствующая, по утверждению С.С. Аверинцева, риторическому состоянию литературной культуры, которая поднимается и падает вместе с риторикой. Всякое риторическое обсуждение представляет собой прежде всего акт познания, т.е. акт подведе-

---

³ Платонов А. Собр. соч.: В 3-х т. М., 1984. Т. 1.

ния единичного явления (поступка) под общие категории (нормы закона) [Гаспаров, 1991, с. 30], которые структурированы по сетевому принципу и охватывают в категориальном плане действительность.

Цель «дворянской» языковой программы – зрительное (наглядно-чувственное) представление о логической организации семантических категорий русской культуры как основании славянского союза и индоевропейского языкового союза, составляющих в совокупности семантическую базу культуры, христианско-языковой по сути. Семантические категории обусловлены изотопией (или «родством»), которая может быть в них выявлена. Под изотопией, согласно позиции группы μ , понимается избыточное множество семантических категорий, которое делает возможным прочтение текста и которое возникает после разрешения двусмысленности в частичных прочтениях высказываний; иначе, изотопия – это семантическая связность текста [Дюбуа и др., 2006]. Изотопия относительно дворянской программы истолковывается как семантическая связность текста-бытия русской православной культуры, ориентированной на букву, животворящую дух, фундаментальным поэтическим принципом ранневизантийской литературы «параболы». «Парабола», – в соответствии с пояснениями С.С. Аверинцева, – по буквальному значению – *«возле-брошенное-слово»*: слово не устремленное к своему предмету, но блуждающее, витающее, описывающее свои круги «возле» него; не называющее вещь, а скорее *загадывающее* эту вещь [Аверинцев, 1997, с. 152].

Изотопное восприятие текста зависит от: 1) общей семантики языка, внутри которой функционирует данный текст; 2) эпистемологических предпосылок, свойственных определенному социальному слою в определенную эпоху [Безменова, 1991].

Дворянская языковая программа содержит в себе матрицу сопряжения процессов семантического заражения и стяжения, а также замещения семантических систем и моделей функционирования сознания, адекватно семантическим мутациям человечества. Доминантным в определении особенностей этой семиотической модели в истории российской государственности следует признать XII–XIII вв., а также первую треть XIX в. Дидактическая направленность данной языковой программы – выработка системы языковых связей, условных знаков, обозначающих взаи-

модействие между конструктивными элементами – логическими формами языка, которые представляют собой формы идеального смысла, выражаемого и сообщаемого.

Слово, организующее дворянский тип рациональности, есть архетип культуры. Культура представлена ориентацией на культ деконструкции наличествующей на определенный момент исторического развития семантической когерентности.

Образец реализации дворянской семиотической модели сегментирования информационных потоков:

ГРАФУ П.А. СТРОГАНОВУ

*За чекмень, подаренный им мне во время войны 1810 года
в Турции*

*Блаженной памяти мой предок Чингизхан,
Грабитель, озорник, с аршинными усами,
На ухарском коне, как вихрь перед громами,
В блестящем панцире влетал во вражий стан
И мощно рассекал татарскою рукою
Всё, что противилось могущему герою.
Почтенный пращур мой, такой же грубиян,
Как дедушка его, нахальный Чингизхан,
В чекмене легоньком, среди мечей разящих,
Ордами управлял в полях, войной гремящих.
Я тем же пламенем, как Чингизхан, горю;
Как пращур мой Батый, готов на бранну прю.
Но мне ль, любезный граф, в французском одеянье
Явиться в авангард, как франту на гулянье,
Завязывать жабо, прическу поправлять
И усачам себя Линдором показать!
Потомка бедного ты пожалей Батый
И за чекмень прими его стихи дурные!*

1810

Д.В. Давыдов⁴

Городской тип рациональности и соответствующий ему тип языковой программы определяет и выявляет метатермины, а также категории функционирующей социальной модели. Языковой обмен между отдельными социальными стратами ведет к выра-

---

⁴ Давыдов Д.В. Стихи и проза. М., 1984.

ботке определенного единообразия языковой структуры при сохранении своеобразия речи каждого социального слоя, тем самым открываются модели унификации литературно-речевой культуры. При соотнесении программы с теоретическими позициями создателей славянской азбуки можно сделать вывод о том, что этот тип сегментирования информационных потоков направлен на создание азбуки для высказывания речи, той речи, в которой содержится истинность или ложность чего-либо.

Подобная языковая программа способствует определению принципа объединения, или сетевой организации, различных мыслительных культур, солидаризированных в христианско-языковой союз. Доминантным в определении особенностей этой семиотической модели следует признать XIV в., время «настраивания» православной теологии на католическую, или, если следовать мнению славянофилов об ориентации католической идеологии на аристотелианство, а православной теологии – на платонизм, то XIV в. – это время окончательного оформления символической языковой модели, синтезирующей в себя языковедческие установки Аристотеля и Платона.

Ядром русской городской культуры является *московский Web* – в информационной культуре XX в. трактуется как совокупность документов, шрифтовые границы которых делают эти документы в некотором смысле гипертекстовыми эквивалентами работы (при определении сущностного содержания термина *Web* мы опираемся на трактовку Дж. П. Ландоу [Landow, 1991]). *Московский Web* – это сеть языковых формаций, конструирующих «московскую среду» – объем коммуникативного сообщества («число коммуникативных границ») и динамическую плотность коммуникативного сообщества («степень концентрации речевой массы»). Под плотностью коммуникативного сообщества, если работать с концепцией Э. Дюркгейма о морфологической структуре социума в режиме интенционального изоморфизма [Дюркгейм, 1991], следует понимать информационную скорость вхождения признака (предиката), сегмента информационного потока в содержание мысли (в локально-духовном обустройении Московской Руси актуальным становится содержание мысли и ее взаимодействие с семантической (виртуальной) средой существования человека).

Московский Web включает в себя следующие узлы (сеть языковых формаций восстанавливается с опорой на типы литературного языка Московской Руси (XIV–XVII вв.), выделенные Б.А. Лариным [Ларин, 1978]: 1) московская формация русского языка (XII – конец XIV вв.) – сближение русских диалектов, образование более крупных по территории распространения и по количеству носителей диалектов, взаимовлияние живого и литературного языков; 2) язык Московской Руси (XV–XVI и начала XVII в.) – образование национального языка (жития, переводная литература), характерными чертами которого становятся сложные предложения с подчинением первой и второй степени, использование описательных конструкций демонстрируют возвращение к традициям древнейшего облика русского литературного языка с целью укрепления мысли о независимости и самостоятельности прежде всего русской церкви; 3) литературный язык Москвы середины и второй половины XVI в. – противопоставление литературных жанров по языку, следовательно, формирование более четкого представления о конструкции произведения, зрительном и речевом ракурсе передачи содержания, движение «мыслительного содержания» [Брандес, 1988]; 4) деловая письменность Московского государства XV–XVII вв. – система устойчивых элементов, формульная рамка экзистенциальной эквивалентности русского языка как языка коммуникации или системы описания «реальности чувственного опыта», при этом чувственная реальность – в отличие от реальности духовной – локализована в пространстве и времени» [Успенский, 2002] (экзистенциальная эквивалентность характеризует мысли в том случае, если они имеют одинаковый объем [Карнап, 2007]; выявляются контуры интеллигибельной (умопостигаемой, постигаемой мыслью) среды Москвы, или «плотность» мысли, достаточная для установления форм действия; 5) посадская письменность XVII в. – первая фиксация русского национального языка, получившая отражение в новых литературных жанрах, «записывающих» язык разговорный. При подобной записи соблюдается более сильное требование к эквивалентности мыслей – интенциональный изоморфизм: два выражения интенционально изоморфны, если они образованы одинаковым способом, так что составляющие их части (десигнаторы), соответствующие друг другу, логически эквивалентны [Карнап, 2007]. Положение интенцио-

нального изоморфизма формирует логику российской речевой культуры типа.

В городском типе рациональности происходит преодоление языком своих пределов, т.е., согласно М. Фуко, язык открывает свое бытие [Фуко, 1970]. В *Московском Web* открываются особые свойства символической системы «русский язык», языка-объекта, в котором проявляется бытие живой языковой среды: 1) упорядочение речи (звуков, обозначающих каждую вещь, а, следовательно, и восприятия «вещной» реальности относительно однозначно) общности людей, подчиняющихся правилам существования христианско-языкового союза; 2) выявление наддиалектной гиперречевой структуры, фактически новой идеологии, или единой системы упорядочения мыслительной деятельности территорий (обнаружение линка согласующего в единую композицию узоров различных областей); 3) уяснение статуса текста как единицы, регламентирующей мыслительную деятельность и придающей целостность и связность впечатлениям души; 4) вычленение самостоятельной семиотической системы – *деловая письменность*, – регулирующей функционирование морфологических структур единого социального устройства (города, государства) и «государственную» (нацеленную, центрированную) мыследеятельность носителя языка; 5) создание самостоятельной системы записи предложения – *посадская письменность*; предложение следует истолковывать в соответствии с платоновским пониманием – это человеческий голос; то, что делает человека подобным природе. Для русской культуры: подобным не природе вообще, а конкретно русской природе.

Цель городской языковой программы – иерархизация языковых отношений для отражения иерархии семиотической социальной системы; обнаружение новых отношений в семиотическом континууме языковой общности (*ложности/истинности, тайны/обмана, неочевидного/явного*).

Дидактическая направленность данной языковой программы сводится к обучению «приноравливания» идиолектов к определенным нормам, облегчающим общение представителей разных мыслительных и образных типов восприятия/интерпретации мира.

Слово в городской семиотической модели сегментирования информационных потоков представляет собой не только явление природы, но принцип культуры. Культура определяется как способ восприятия естественной вещи.

В качестве образца реализации семиотической модели городской рациональности можно представить лингвистический перформанс (linguistic performance) в историческом романе М.Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году»⁵:

«Домашний простонародный быт тогдашнего времени почти ничем не отличался от нынешнего; внутреннее устройство крестьянской избы было то же самое: та же огромная печь, те же полаты, большой стол, лавки и передний угол, украшенный иконами святых угодников. В течение двух столетий изменились только некоторые мелкие подробности: в наше время в хорошей белой избе обыкновенно кладется печь с трубою, а стены украшаются иногда картинками, представляющими «Шемякин суд» или «Мамаево побоище»; в семнадцатом веке эта Роскошь была известна одним боярам и богатым купцам гостиной сотни. Следовательно, читателям нетрудно будет представить себе внутренность постоялого двора, в котором за большим дубовым столом сидело несколько проезжих. Пук горячей лучины, воткнутый в светец, изливал довольно яркий свет на все общество; по остаткам хлеба и пустым деревянным чашам можно было догадаться, что они только что отужинали и вместо десерта запивали гречневую кашу брагою, которая в большой медной ендове стояла посреди стола. Вдоль стены на лавке сидели трое проезжих; один из них, одетый в лисью шубу, говорил с большим жаром, не забывая, однако же, подливать беспрестанно из ендовы в свою дорожную кружку. Оба его соседа, казалось, слушали его с большим вниманием и с почтением отодвигались каждый раз, когда оратор, приходя в восторг, начинал размахивать руками. С первого взгляда можно было отгадать, что человек в лисьей шубе – зажиточный купец, а оба внимательные слушатели его работники. Насупротив их сидел в красном кафтане, с привешенною к кушаку саблю, стрелец; шапка с остроконечною тульею лежала подле него на столе; он также с большим вниманием, но вместе с тем и с приметным неудовольствием слушал купца, рассказ которого, казалось, производил совершенно противное действие на соседа его – человека среднего роста, с рыжей бородой и отвратительным лицом».

---

⁵ Загоскин М.Н. Избранное. М., 1989.

Чиновничий тип рациональности и соответствующая ему семиотическая модель сегментирования информационных потоков предполагает переход от абстрактных определений бытия к учету, освоению его многообразия, т.е. к использованию различных научных и обыденных знаний, к работе философских понятий в составе конкретных – духовных и практических – человеческих деятельностей. Относительно этого типа программы при соотнесении ее с теоретическими позициями создателей алфавита для славян можно сказать, что обстоятельства оформления этого типа рациональности совпадают с экстралингвистическими обстоятельствами возникновения кириллицы. С одной стороны, кириллический тип письменности должен был решить задачу придания полной самостоятельности славянской ветви индоевропейского языкового союза; с другой – знаково дифференцировать католическую и православную теологии взаимодействия церкви и государства. Приемлемой для православной теологии оказалась идея абсолютной нерасторжимости понятий «государство» и «власть», и как следствие – слитность языковой и государственной политики.

Цель данной языковой программы – сформировать систему языковых знаков, моделирующую коммуникативную функцию языка как функцию взаимного использования пространства коммуникантами. Необходимая составная часть метода моделирования реальности, события–текста – семантический метаязык, т.е. язык, который используется для обработки информации в интеллектуальных системах.

Дидактическая направленность подобной программы – способствовать осуществлению перехода от пассивного ощущения к активности суждения, в котором обнаруживается адекватное выражение понятия «логической связи» и понятия «логической истины».

Культура принимается в качестве программы действий, которые нужно совершить с речевым отрезком, включающим заданную языковую единицу. В контексте этой культуры предусмотрен базовый язык структурной репрезентации.

Совокупность слов образует процедуру построения семантического вывода, позволяющего восстановить редуцированные фрагменты текста как репрезентанта культуры мыследятельности и получить новую информацию о состоянии вещей в материальном и мыслимом мирах.

«Чиновничья» семиотическая модель сегментирования информационных потоков представляет собой семантический метаязык интерпретации знания через понятия связности – локальной и глобальной. Локальная связность описывает такую ситуацию, когда адресат по возможности эффективно производит поиск потенциальных связей между фактами, обозначенными предложениями [Dijk, Kintsch, 1983; Hobbs, 1982]. Глобально связанными (тематически связанными) признаются тексты, каждое предложение которых что-то вносит в интерпретацию другого предложения [Dijk, Kintsch, 1983; Hobbs, 1982]. Тематическая связанность в какой-то степени означает истинность/ложность предложения: употребление более чем в одном тексте маркирует его приближение к истинности, а следовательно, возможность быть формой воплощения Логоса.

В качестве образец реализации семантической модели чиновничьей рациональности можно привести образец лингвистического перформанса К.М. Станюковича в тексте «Картинки общественной жизни»⁶:

«Совокупность взаимных отношений, являющихся как результат данного строя, и вытекающие из него так называемые «мелкие явления» общественной жизни, которыми полны корреспонденции, печатные и непечатные, о которых слышишь и которые видишь на каждом шагу, несмотря на свою «мелочь», тем не менее преследуют и давят вас, и это давление, конечно, еще более ощутительно в провинции, чем в столице, так как там оно проявляется в форме несравненно более откровенной. Если в столице городской деликатно шепнет вам: «господин, уйдите», то где-нибудь в Ельце он непременно скажет: «проваливай к чертям». Если вы придете в столичное присутственное место и будете ждать пришествия Христова до получения справки, то вы все-таки услышите более или менее вежливое «потрудитесь подождать», но в маленьком городке, если вы попадете к чиновнику в дурную минуту, то вы рискуете получить такой комплимент, который долго останется в вашей памяти. И так, конечно, во всем. Я убежден, например, что каждый наш столичный пристав, если б даже и не знал, кто такой был Франклин, то, во

---

⁶ Полное собрание сочинений К.М. Станюковича. Издание А.Ф. Маркса. С-Петербург, 1907. Т. 7.

всяком случае, получив предписание об его разыскании, первым делом произвел бы надлежащие справки, в каком он чине, для уяснения себе вопроса, следует ли его по отысканию «пригласить» или просто-напросто «взять».

Демократический тип рациональности и соответствующая ему семиотическая модель сегментирования информационных потоков отражает смещения и изменения дистрибуции языка как структуры, обслуживающей сферу социального общения. Рассматриваемая семиотическая модель представляет собой результат нормативистского словесного творчества, базирующегося на общих понятиях, которые являются констатацией объективной структуры бытия. При соотношении с теоретическими позициями Кирилла и Мефодия следует большее внимание обратить на теории Аристотеля и Платона, прежде всего Аристотеля. В частности, его суждения, касающегося истинности и ложности, в интерпретации П.С. Попова и Н.И. Стяжкина [Попов, Стяжкин, 1974], приобретающего следующий вид: истинной или ложной может быть только мысль, но, видимо, можно говорить об истинности или ложности звукосочетаний, являющихся знаками мысли. Смещения и изменения дистрибуции языка свидетельствуют об изменениях, происходящих при осмыслении событий мира, о мутациях «картины мира», которая оказывается единством когнитивного (чисто познавательного) и нормативно-оценочного аспектов; истолкования отношения человека к миру, взятому как космос естественных и смысловых связей [Давыдов, 1990].

Подобная языковая программа позволяет отслеживать «колебательные» движения коллективного бессознательного и корректировать социальные векторы освоения исторического пространства (пространства истории) с помощью текстов-событий. Доминантными в определении особенностей этой семиотической модели в истории российской государственности следует признать XIII, XV, XVI вв.

Цель данного типа рациональности – создать метаязык, описывающий сферу социального общения – совокупность коммуникативных событий, которые представляют собой комбинацию социокультурных переменных. Для описания подобной совокупности событий требуется особый язык.

Дидактическая направленность данной языковой программы состоит в том, чтобы выделить комплексные единицы языка

(а также нейтральные), которые отвечают двум условиям: 1) являются результатом установления отношений «и...и» между противоположными культурными явлениями (объектами); 2) являются составными (элементами) сети отношений, которая организует семантические категории языка как элемента культуры.

Слово в семиотической модели демократической рациональности есть сообщение. Культура понимается в качестве прикладного руководства человеческим поведением; дидактическая подсистема общества, определяющая особенности функционирования социальных групп (культ потребности).

В качестве образца реализации семиотической модели демократической сегментирования информационных потоков можно привести образец лингвистического перформанса В.С. Высоцкого:

*Люблю тебя сейчас, не тайно – напоказ, –
Не после и не до в лучах твоих сгораю;
Навзрыд или смеясь,
но я люблю сейчас,
А в прошлом – не хочу, а в будущем – не знаю.
В прошедшем – «я любил» –*

печальнее могил,

*Все нежное во мне бескрылит и стреножит. –
Хотя поэт поэтов говорил:
«Я вас любил: любовь еще быть может...»*

*Так говорят о брошенном, отцветшем,
И в этом жалость есть и снисходительность,
Как к свергнутому с трона королю,
Есть в этом сожаленье об ушедшем,
Стремленье, где утеряна стремительность,
И как бы недоверие к «я люблю».
Люблю тебя теперь –*

без пятен, без потерь.

*Мой век стоит сейчас – я вен не перережу!
Во время, в продолжение, теперь –
Я прошлым не дышу и будущим не брежу.
Приду и вброд и вплавь*

к тебе – хоть обезглавь! –

*С цепями на ногах и с гирями по пуду, –
Ты только по ошибке не заставь,
Чтоб после «я любил» добавил я «и буду».*

*Есть горечь в этом «буду», как ни странно,
Подделанная подпись, червоточина
И лаз для отступленья про запас,
Бесцветный яд на самом дне стакана
И, словно настоящему пощечина, –
Сомненье в том, что «я люблю» сейчас.*

Смотрю французский сон

с обилием времен,

Где в будущем – не так, и в прошлом – по-другому,

К позорному столбу я пригвожден,

К барьеру вызван я – языковому.

Ах, разность в языках, –

не положенье – крах!

Но выход мы вдвоём ищем – и обрящем.

Люблю тебя и в сложных временах –

И в будущем, и в прошлом настоящем.

1972⁷

Семиотические модели сегментации информационных потоков в совокупности представляют язык цивилизованности символической системы «русский народ», в котором представлены разные методы разграничения и дифференцирования понятий и их оттенков, типов мысленной речи, характерных для христианско-языкового союза «Киевская Русь» в его состоянии на момент XIX в. М. Вебер считал возможным выделить три самых общих типа рациональности, три способа отношения к миру, предопределяющих направленность жизнедеятельности людей, вектор их социальных действий: 1) приспособление к миру (конфуцианство, даосизм); 2) бегство от мира (индуизм, буддизм); 3) овладение миром (иудаизм, христианство, возникшее на Ближнем Востоке и распространившееся в Европе) [Вебер, 1990]. В каждом из способов заключены соответствующие образ и стиль жизни, т.е. этически определенные формы существования. Языковые программы сопрягают философский, этический и поэтический аспекты бытия и повседневной реальности в целостной языковой форме, которая выступает не только в качестве языкового знака, но в качестве знака, маркирующего разные плоскости существования

---

⁷ Vladimir Vysotsky: Hamlet with a Guitar / Сост. Ю.А. Андреев. М.: Progress Publishers, 1990.

социального тела человека и уровни реализации *психе* (души), своеобразные типы ее «воплощения».

Создается своеобразная множественность систем или множественность системной реализации Логоса, явленности сокровенного, «божественной истины».

В XIX в. создается особая философия языка, предпосылками для возникновения которой и стало общее состояние литературно-речевой культуры России. А.С. Хомяков в «Семирамиде» (Записках по всемирной истории) [Хомяков, 1994] замечает, что язык составляет неперемнное условие существования и развития духовности народа. И.В. Киреевский в «Обзрении современного состояния литературы» [Киреевский, 1911] пишет, что «должно существовать «живое соприращение» языка как выражения природной логики народа и умственной жизни общества. «Неосознанная мысль, выработанная историей, выстраданная жизнью, потемненная ее многосложными отношениями и равнопорядковыми интересами, восходит силой литературной деятельности по лестнице умственного развития от низших слоев общества до высших кругов его, от безотчетных влечений до последних ступеней сознания, и в этом виде является она уже не остроумною истиною, но упражнением в искусстве риторики или диалектики, но внутренним делом самосознания более или менее ясного, более или менее правильного, но во всяком случае существенно значительного» [Киреевский, 1911, с. 147].

В.В. Киреевский также особо отмечает, что в живом соприращении происходит соединение природной логики народа, его убеждений с передовыми идеями общества, того, что характеризует так называемую национальную идентичность, внутреннюю форму культуры, совокупность этических правил существования народа и общечеловеческие принципы самоосуществления человечества в коммуникационном историческом процессе в его конкретной фазе. И.В. Киреевский полагал, что умственная жизнь народа и литература (фактически читай литературный язык) должны иметь общий язык. Этот общий язык должен быть условием использования языка в качестве средства просвещения. В этой позиции В.И. Киреевский созвучен установкам, которые отличают время, предшествующее созданию собственного алфавита для славянской ветви индоевропейского языкового союза. Но тождественность исторических обстоятельств не означает тождественности проблем.

Проблема IX в.: соответствие «картины мира» как принципа истолкования отношения человека к миру семиотической системы, которая облегчает это истолкование и обеспечивает единство когнитивного, нормативно-оценочного и графически-языкового аспектов. Проблема XIX в.: умственная жизнь символической системы «русский народ» осуществляется по иной алгоритмической модели, чем то предуказано книжной культурой, русским литературным языком, включающим в себя аспекты воплощения/проявления Логоса, толкования божественного откровения. Использование языка как средства просвещения в XIX в. представляет собой по сути возвращение «русского народа» на путь собственный – путь верности и служения верховной истине: обращение его умозрения к собственной «картине мира», сверхэмпирическому миру, в котором становится очевидным сверхпринцип человеческого земного существования.

В 1832 г. И.В. Киреевский в своей работе «Несколько слов о слоге Вильмена» [Киреевский, 1911] приходит к выводу, что русскому языку не хватает философичности. Для придания русскому языку этого свойства в нем нужно культивировать два свойства: во-первых, синтетический характер слова; во-вторых, интеллектуально-логическое начало в слове. Синтетический характер слова позволяет соединить в нем воедино духовное и практическое; логическое в слове способствует ясности, которая есть последняя степень обдуманности. Таким образом, определяются и причины отсутствия философичности как у языка, так и у языковой общности «русский народ», которая этим языком пользуется: а) не свойственна обдуманность в выборе слова, и, как следствие, в самом слове размыты границы истинного и ложного; б) значительно отстояние духовного и практического: ни звукосочетания, ни письма для русского народа не являются знаками представлений в душе; в) утрачена способность внутренней речи, понимаемой как впечатление души; г) утрачена «номинативная» потребность русского человека – потребность управления миром (согласно конфуцианской философии, кто дает имена, тот управляет миром), подтверждением чему становится XX в. и начало XXI в., когда носитель русского языка предпочитает изучению номинативных возможностей собственного языка заимствование из других семиотических систем; д) в силу необходимости активного использования предана забвению аксиологическая система,

для означивания которой и создавалась кириллическая графическая система.

Выявление синтетической и интеллектуально-логической сторон в природе русского языка послужило основанием для вывода о двух видах образованности, связанных с этими языковыми формами. На внутреннее обустройство духа человека и общества направлена православно-словенская образованность. Формальное развитие разума и внешних познаний представлено логико-технической образованностью.

Православно-словенская образованность, по И.В. Киреевскому, определяет порядок внутреннего бытия людей и внешние формы его проявления, характер частных, семейных и общественных отношений, является начальной пружиной их мышления, господствующим звуком их душевных движений, краскою языка, причиной сознательных предпочтений и бессознательных пристрастий, основой нравов и обычаев, смыслом их истории. Логико-техническая образованность подчинена накоплению умственной собственности человеческого рода [Киреевский, 1911].

Типы образованности И.В. Киреевского сопоставимы с существом рационализации, которая согласно В. Шлюхтеру, представляет собой попытку справиться с иррациональностью «мира», с расколом «мира» на посю- и потусторонний, реальный и идеальный, греховный и безгрешный [Давыдов, 1990]. Н.Ю. Давыдов определяет рационализацию как форму развития, осуществляемого как в пределах картины мира, так и за ее пределами, т.е. в самом «мире», формулируемом по ее образу и подобию [Давыдов, 1990]. В русской картине мира имеют место две формы развития – «государственная рационализация» (логико-техническая образованность) и логостическая рационализация (православно-словенская образованность), однако это асимметрично аспектам русского слова, коих вычленяется три – философский, этический и поэтический. В этом также обнаруживается специфичность семиотической системы «русский язык» – двумерность, которая порождает трехмерность «русского слова».

Государственная рационализация – это лингвистическая форма развития государственности и человека в «мире», формируемом по образу и подобию русской картины мира. Проблема состоит, видимо, в том, что русская картина мира как картина мира самостоятельной людской общности, номинируемой «рус-

ский народ»: разноплеменной, обладающий разными типами мыследеятельности, – оформилась в 30-е гг. XIX столетия. Государственная рационализация представляла собой до означенного момента форму развития в «мире», в семиотическом континууме человечества, некой виртуальной структуры, которую можно определить как множество, совокупность потенциалов, альтернатив выбора пути – вектора, направляющего социальные действия общности. Логостическая рационализация выполняла, с одной стороны, обрамляющую функцию, ограничивая пределы, в которых может конструироваться русская картина мира; с другой – функцию поддержания связи с византийским космосом естественных и смысловых связей.

Государственная и логостическая попытки русского народа справиться с «миром» в какой-то мере предопределили две формы языкового существования символической системы русский народ – язык государственный и язык национальный. Язык государственный, или язык государственно-политической системы, централизованной вокруг символической системы «русский народ», восходит к деловой письменности Московской Руси, ориентирован логико-технической образованностью, логически дифференцирован в XIX в. в виде системы стилей; в своей завершающей стадии обретает форму языка революционной цивилизации. Язык национальный, или русский язык, восходит к поэтической речи славян и византийской образности (мыслеобразам), ориентирован православно-словенской образованностью, связанной с освоением (ознакомлением) с семиотическими моделями сегментирования информационных потоков, которые в совокупности и представляют русскую цивилизацию. Таким образом, русский язык на момент XIX в. представлял собой главный вклад русского народа в развитие общечеловеческой цивилизации: русская литературно-речевая культура представляла собой сетевую систему (матрицу) адаптации носителя естественно языка к сетевому обществу, созданному фактически в соответствии с толстовским роевым/сотовым обустройством русской общины.

В качестве характерных свойств языка К.С. Аксаков в работе «О грамматике вообще (по поводу грамматики г. Белинского (1675))» [Аксаков, 1875] рассматривает свободу, бытийность, существование в пространстве и времени. По отношению к русскому языку, он, в первую очередь, указывает на внутренне прису-

щую ему свободу как существеннейшее свойство языка русского, которое обусловлено самой сущностью русского народа. Это свойство мотивировано собственно идеей развития: непрекращающаяся работа мысли придает языку динамизм, совершенствует его формы. Вечное движение языка, считает К.С. Аксаков, подтверждаемое историей языка, невозможно вне свободы духа, развитие обуславливает свободу, а свобода невозможна без развития. Состояние свободы русского языка (при сопоставлении с немецким и французским) – это всесторонняя развитость форм разговорного и письменного языка, соединяющая в себе достоинства того и другого.

К.С. Аксаков, таким образом, выделяет третий тип рационализации русской картины мира: всестороннее развитие мысленной речи на основе свободы русского языка. Всесторонняя развитость мысленной речи и оптимальность знаковой кириллической системы обеспечивает стабильную, т.е. соответствующую требованиям цивилизованности, и непротиворечащую генетическому социальному коду (заложенному в систему русского языка через славянский алфавит) деятельность сознания представителя христианско-языкового союза «Киевская Русь» в его перевоплощении в символическую систему «русский народ».

В языке, по мнению К.С. Аксакова, нам вторично дан весь мир в иной форме. Этот второй мир создал дух на почве сознания, поэтому слово обладает не природным существованием, но «прозрачной объективностью», через него в нем «просвечивает мысль», дух. Прозрачная объективность слова позволяет рассматривать его не только как знак «мира», таким образом, но и знак «картины мира» – высшего состояния свободы, которое есть великий предел и достигается через восхождение к Единому. Пребывая в Постоянстве, человек воплощает единство двух вселенских потенций – творчества и исполнения [Григорьева, 1992] – через создание текста как вещи самоценной, функционирующей в качестве символа.

Среда общительности человека с миром моделируется философией «вечно вьющейся нити», или «сети вещей», которая несет в себе предельную определенность бытия. Именно подобная «сеть вещей»; открывающая существо русской картины мира, и создается в XIX в. семиотическими моделями сегментирования информационных потоков. Сплетается вселенский узел жизни,

тем самым создается указание на неизменно конкретное, неисчислимое, не знающее вакуумной пустоты пространство предельности существования.

Как утверждал К.С. Аксаков, бытие слова, языка – это особый мир, со своими законами, где сознание, разум как бы уравнились с бытием природы. Мир языка, как и природы, живет и развивается в двух формах своего существования – в пространстве и во времени. Только последовательное уяснение смысла слова во времени позволяет установить подлинное значение слова. В русском слове, благодаря его свободе и прозрачности объективности, запечатлевается становление русской цивилизации как мира третьего, по К. Попперу, мира умопостигаемых сущностей, мира возможных предметов мысли, теорий в себе, аргументов «в себе» и проблемных ситуаций «в себе» [Поппер, 2002].

«Время от времени человечество, или вернее, отдельные его цивилизации чувствуют себя стесненными в старых политических рамках. Под влиянием новых культурных потребностей старые общества-государства вступают в новые высшие соединения. Греко-римские городские общины сливаются в Империи, феодальные княжества – в национальные государства. Процесс тяжелый и мучительный» [Федотов, 1992, с. 238], процесс поиска социальной модели, дающей удобный способ одновременного установления и разрешения проблемы соотношения ума и тела. Однако попытка обнаружения уже готовой (удобной) модели, подобной «готовому слову» церковнославянской риторической культуры, происходит в потоке сырых ощущений, ментальных образов и мыслей. «Они рассматриваются как некоторый невещественный поток сознания, невидимо и неосвязаемо бегущий через расщелины мозга; такое предположение делается, вероятно, по той причине, что так естественнее считать их вещами, а не состояниями вещей» [Рорти, 1997, с. 49]. Аспектами реальности в подобном случае являются материя и сознание; сущность мира – трансперсональное сознание, благодаря которому физическая субстанция, согласно Плотину [Адо, 1991], обретает свое место в иерархии реальностей, распространяющейся от высшего уровня, Бога, до предельного – материи. Великим пределом, высшим состоянием свободы, является в таком случае «прозрачная объективность», составляющая высказывающей речи – русское слово.

Русское слово, будучи единицей русского литературного (книжного) языка, представляющего собой совокупность семиотических моделей сегментирования информационных потоков, исчисляет невещественный поток сознания – сырые ощущения, ментальные образы и мысли – позволяет отыскать верные пропорции при изображении материи (перенесении ее на лист в виде графических знаков, т.е. ее словесном картографировании) через расположение ее сегментов в проекциях; русское слово – это своеобразный «изменитель» материи. Уместно при рассуждении о русском слове как изменителе материи обратиться к рассуждению о последнем А. Дюрера: «И действие этого изменителя распространяется на два понятия – большое и малое. С помощью такого изменителя каждая вещь, имеющая бесконечное число частей, может быть превращена в большую или меньшую такой же формы» [Дюрер, 2000, с. 267]. Русское слово способствует сопричастности творящего сознания многим языкам, что становится наиболее очевидно в момент существенной исторической смены языков, когда эти языки примеряются друг к другу, когда в них начинают ощущаться грани времени, культур, когда можно стать вне своего языка [Бахтин, 1990].

Положение «вне своего языка» допускает бесчисленное множество миров, предоставляет всему быть тем, что оно есть. Реальность в подобном случае – это бесконечное разнообразие без начала и конца, мир оказывается подобным раскинутой сети без начала, бездонному ущелью, наполненному немолчным эхом [Малявин, 1995], в котором существует среда-середина, реально организуемая имперской идеей. Имперская идея предполагает умение видеть вещественный мир, дополняя физическое зрение духовным. Она связана с усилием мысленного зрения проникать сквозь материальную оболочку вещей и «прочитывать невидимую глазу формулу, находящую воплощение в их материальности» [Bergson, 1946, p. 258].

Имперская идея – это взгляд на мир «в свете Хаоса» в сокровенном свете всеобщей предельности, обеспечивающей знаковое определение пространства со-общительности, пространства пределов человеческого опыта [Малявин, 1995]. Имперская идея как составляющая аксиологии русской цивилизации, моделируемой прежде всего русским словом, свою дистрибуцию получает в русском литературном языке, мир которого, согласно К.С. Ак-

сакову, как и мир природы, развивается в двух формах – «пространство» и «время».

Н.П. Некрасов [Некрасов, 1865] и К.С. Аксаков утверждали, что пространство языка существует в строго определенном времени, что позволяет языку быть адекватной формой выражения бытия народного духа. Обращается внимание также на специфичность восприятия времени на Руси: древнерусскому сознанию свойственно нелинейное представление о времени, в соответствии с которым каждое событие сменяется не последующим, а продолжает существовать в своей реальности вечно. Каждое новое событие лишь представляет собой обновление и рост вечного события, оно не есть нечто отдельное от его прообраза. Такое восприятие времени влияет на особенности мыслительности, обращая мысль не к концу или результату, т.е. не в будущее, а к его истокам, т.е. в прошлое. Отсюда русское слово – это еще и знак, изменитель исторического процесса и «улавливатель» мутаций мысли, возникновение которого обусловлено вполне определенным словесным знаком – набором букв славянского алфавита, или ансамблем логограмм.

Особые принципы конфигурирования ансамблей логограмм в тексты русской литературно-речевой культуры и представляет собой существо русской картины существования в «миру», сопряженного и обусловленного взглядом на мир в сокровенном свете всеобщей предельности, великого предела – высшего состояния свободы, которое достигается через восхождение к Единому. Земным воплощением Единого, его земной интерпретацией является образование «Российская империя» (XVIII в.), идеологической составляющей русской цивилизации. «Плоть России есть та хозяйственно-политическая ткань, вне которой нет бытия народного, нет и русской культуры. Плоть России есть государство русское», – утверждает известный публицист русского зарубежья Г.П. Федотов [Федотов, 1991, с. 46]. «Великую душу России необходимо облечь плотью, но это можно сделать только в том случае, – как считает Г.П. Федотов, – если будет любовь к лицу России, без любви же вообще не мыслится ни одно общество, без нее высвобождается хаос противоречивых стремлений групп и личностей, начинается процесс распада» [Федотов, 1991, с. 42], только любовь делает возможным государство.

Напомним, что иудаизм и вслед за ним ислам [Аверинцев, 1991] разрабатывают доктрину о предвечном бытии сакрального

текста как довременной нормы для еще не сотворенного мира, в христианстве место этой доктрины занимает учение о предвечном и довременном бытии Логоса, притом понятого как личность. Человеческое лицо Христа – лик воплощенного Логоса, узрение которого, как утверждает один из византийских теологов, означает спасение души. Концепция Г.П. Федотова о «лице России», если ее рассматривать в качестве, с одной стороны, логического развития в XX в. учения о Логосе, и, с другой стороны, в качестве попытки поиска довременной нормы для еще не сотворенного мира на рубеже II и III тысячелетий, представляет собой своего рода учение о человеческом лике христианской цивилизации на рубеже Великого предела, высшего состояния свободы, которое достигается лишь через восхождение к Единому и довременной норме новой мутации цивилизации, предполагающей поиск нового типа рациональности и качественно иной картины мира (т.е. религии) – «раскинутой сети без начала», подобной той, которая в IX в. легла в основу христианско-языкового союза «Киевская Русь».

От падения в омут страстей, приходит к выводу Г.П. Федотов, будет спасать нас всегда хранимое, всегда любимое – небесная путеводительница – лицо России. *«Лицо России не может открыться в одном поколении, современном нам. Оно в живой связи всех отживших родов, как музыкальная мелодия в чередовании умирающих звуков. Падение, оскудение одной эпохи – пусть нашей эпохи – только гримаса, на мгновение исказившая прекрасное лицо, если будущее сомкнется с прошлым в живую цепь.*

Как же ответим мы на вопрос, где лицо России?

Оно в золотых колосьях ее нив, в печальной глубине ее лесов.

Оно в краткой мудрости души народной.

Оно в звуках Глинки и Римского-Корсакова, в поэмах Пушкина, в эпопеях Толстого.

В сияющей новгородской иконе, в синих глазах угличских церквей.

В «Слове о Полку Игореве» и в «Житии протопопа Авкума».

Оно в природной языческой мудрости славянской песни, сказки и обряда.

В пышном блеске Киева, в буйных подвигах дружинных витязей, «боронивших Русь от поганых».

В труде и поте великоросса, поднимавшего лесную целину и вынесшего на своих плечах «тягло государево».

В воле Великого Новгорода и художественном подвиге его.

В одиноком, трудовом послушании и «умной» молитве отшельника-пахаря, пролагавшего в глухой чаще пути для христианской цивилизации.

В дикой воле казачества, раздвинувшего межи для крестьянской сохи до Тихого океана.

В гении Петра и нечеловеческом труде его, со всей семьей орлов восемнадцатого века, создавших из царства Московского державу Российскую.

В молчаливом и смиренном героизме русского солдата-мученика, убелившего своими костями Европу и Азию ради прихоти своих владык, но и ради целостности и силы родной земли.

Оно в бесчисленных мучениках, павших за свободу, от Радищева и декабристов, до безымянных святых могил 23 марта 1917.

Оно везде вокруг нас, в настоящем и прошлом – скажем твердо: и в будущем.

В минуту величайших всенародных унижений мы созерцаем образ нетленной красоты и древней славы: лицо России.

Пусть для других звучат насмешкой слова о ее славе. Пусть озлобленные малoverы ругаются над Россией как страной без будущего, без чести и самосознания. Мы знаем, мы помним. Она была Великая Россия. И она будет!⁸

Норма «лицо России» как норма новой мутации цивилизации подготовлена и будет поддерживаться совокупностью семиотических моделей сегментирования информационных потоков, которые образуют функциональный спектр социальной российской общности. Функциональный спектр социальной общности строится определенной степенью равновесия между пониманием роли языка как средства коммуникации и как символа идентичности, языковой лояльностью, языковым образом.

Функциональный спектр социальной общности является результатом контактов между человеком и окружающей средой. Он

---

⁸ Федотов Г.П. Лицо России (1918) // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х т. / Сост. В.Ф. Бойкова. СПб.; София, 1991. Т. 1. С. 42–46.

представляет собой переработку первичной информации с помощью знаковых средств, на основе чего происходит своеобразное удвоение: появляется образ мира, который находит свое воплощение в различных фактах поведения и результатах деятельности. Суть этого удвоения заключается в расподоблении биологического и социального, сопровождающегося формированием искусственной программы поведения, в основе которой лежат образцы, модели (следование им является обязательной частью жизни коллектива).

Подобная программа поведения включает в себя в качестве составляющей форму языкового существования общности, в которой язык понимается как средство аккумуляции информации. Объем информации, в соответствии с концепцией М. Евзлина, соответствует объему сознания, которое является необходимым условием «свободы»; свобода же может быть определена как информация, синтезированная сознанием [Евзлин, 1993]. Язык берет на себя функции по обустройству жизнедеятельности социальной общности и ее места в коммуникационном процессе истории (своеобразной локализации социальной общности в пространстве–времени истории). П. Гарвин [Garvin, 1956] предлагает выделять несколько функций языка в обществе: унифицирующую и дифференцирующую (the unifying and the separatist function), престижную (the prestige function), партиципальную (the participatory function), функцию обрамляющую (the frame-of-reference function). Эта типология разработана с учетом функций литературного языка.

Унифицирующая функция языка состоит в объединении и сплочении общности, т.е. функции идентичности. Идентичность позволяет отличить одну общность от другой – в этом проявляется дифференцирующая функция языка, которая связывается П. Гарвином с языковой лояльностью. При разговоре о языковой лояльности речь идет о континууме, на одном конце которого находится прагматическое сознание полезности и целесообразности использования одного языка в качестве средства, облегчающего коммуникацию, на другом конце континуума располагается сильное эмоциональное отношение к своему собственному языку как национальному сокровищу, достоянию (the “national treasure attitude”).

Престижная функция языка и соответствующее ей осознание значимости языка, гордости за него (the attitude of pride) имеют

два аспекта: социальный и индивидуальный. Социальный аспект престижной функции языка означает важность для языковой общности культивирования собственного языкового образа (the self image of speech community), причем не только в своих глазах, но и в глазах всех остальных людей (its image in the eyes of others). Индивидуальный аспект престижной функции языка и соответствующее ему отношение к языку заключается в том, что член языкового коллектива сознательно стремится к культивированию национального варианта языка (культивированный вариант национального языка).

Под партиципальной функцией имеется в виду способность языка обеспечить участие в мировом, культурном, научном, производственном, торговом, политическом процессах, т.е. в интеллектуальной деятельности в широком смысле слова.

Обрамляющая функция языка заключается в том, что она регламентирует языковую и речевую деятельность носителей языка, накладывая некую рамку на коммуникативный процесс – общепринятую норму, принимаемую, осознаваемую всеми носителями языка, имеющими к ней определенное отношение.

Каждой функции языка в соответствие приводится модель сегментирования информационных потоков пространства русской литературно-речевой культуры: крестьянскому типу рациональности приводится в соответствие унифицирующая социальная функция языка; дворянскому типу рациональности – партиципальная; чиновничьему типу рациональности – престижная; городскому типу рациональности – дифференцирующая; демократическому типу рациональности – обрамляющая социальная функция языка. Анализ русского литературного языка с позиций «языковой программы» позволяет сделать вывод о том, что в процессе лингвистического перформанса создается особая функциональная дифференциация русского литературного языка, предполагающая согласование лингвистических конвенций, интерсубъективной обоснованности значения и принципов лингвистической выразимости значения. Описание подобной функциональной дифференциации уместнее проводить на основе привлечения понятия «семиотические системы русского литературного языка», которые более адекватно, чем функциональные стили, демонстрируют специфику жанрово-текстового разнообразия русского литературного пространства (Literary Space).

Глава 5

СЕМИОТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Семиотические системы русского литературного языка (система стилей) представляют собой системы сигнификации, в которых семантический базис языка (семантическая база) взаимодействует, с одной стороны, с социальным, с другой – с лингвистическим. Семантическое, согласно М.А. Халлидею, расположено между общими социальными употреблениями («вход») и общими лингвистическими формами («выход») [Halliday, 1979]. Принципы денотации семантического зависят от особенностей исторического сознания, расширяющего с помощью знания пределы исторической ситуации до общей социальной ситуации. К. Ясперс определяет историческую ситуацию соединением фактов в законы, представляющих изменения знания действительности [Ясперс, 1994]. Общая социальная ситуация истолковывается как универсальная коммуникация, которая может единообразно определить духовную ситуацию людей одной эпохи. Духовная ситуация предполагает становление человека через противопоставление человеческому бытию, моделирование будущего и его осуществление. Духовная ситуация, согласно концепции К. Ясперса, включает следующие составляющие: 1) обстоятельства, в которых находит себя отдельный человек; 2) фактическое существование; 3) возможная ясность знания; 4) апеллирующее к своей вере самобытие [Ясперс, 1994].

Историческое сознание, организующее события в причинно-следственный ряд [Успенский, 2002], создает систему значений, которая определяет и конституирует культуру. Подобная система значений, согласно М.А. Халлидею [Halliday, 1979], является социальной семиотикой, одним из способов реализации которой как системы значений выступает языковая система. Социальная семиотика рассматривается как система потенциальных значений, реализующихся энергетическим воздействием контекста. Всякая «форма» является результатом социализации значения; посредством процесса социализации индивид включается в сферу коммуникативной функции.

В XVIII в. М.В. Ломоносов создает особую русскую социальную семиотику, или социальную семиотику для государства

русского, систему значений, которая должна конституировать культуру имперской России. Семиотические системы М.В. Ломоносова (стили русского языка) мотивированы экономией языковых средств, предполагающей интенсификацию понятийного объема каждого словесного знака, увеличение его семантической нагрузки в процессе языкового мирозидания. Каждый стиль, по М.В. Ломоносову, отличается своим принципом комбинирования речений, а следовательно, принципом построения этического ряда и уровнем деривационной активности носителя языка, обусловленной тем, что «во всяком естественном языке наблюдается две противоположные тенденции: 1) к повышению информационной избыточности (удлинению текста) и 2) к экономии языковых средств (сжатию текста)» [Кобков, 1971, с. 234]. Этический ряд, как считает Р.Б. Каспранский, представляет собой то, что передается от одного партнера к другому в процессе общения [Каспранский, 1973].

В основу трехчастной дифференциации стилей русского языка М.В. Ломоносовым кладется классификация лексического фонда русского литературного языка, т.е. мыслительного содержания языка. Под языковым содержанием Лео Вайсгербер понимает духовную сторону звукосодержательных единиц, выявляемую при их описании [Weisgerber, 1973]. Языковые (духовные) содержания образуют понятийную основу и имеют идиоэтнический десигнативный компонент. В концепции Л. Вайсгербера языковые содержания выявляются в ходе путешествия по изучению мыслительного содержания немецкого языка: от лексических полей через поля словообразовательных форм, синтаксические поля (части) речи к структурным планам содержания и образуемыми сходными планами полей.

Система стилей М.В. Ломоносова – система изложения новой концепции мироустройства (укрепление значимости государственной власти). М.В. Ломоносов строит свою теорию стилей, утверждает Б.А. Успенский [Успенский, 1994], выделяя в русском литературном языке три рода речений (т.е. слов): 1) славяно-русские, т.е. слова, употребительные в церковнославянском и русском наречии – *Бог, слава, рука, ныне, почитаю*; 2) славянские, т.е. церковнославянские слова, но употребительные в разговорной речи, понятные «всем грамотным людям»: *отвержаю, Господень, насажденный, взываю*; 3) российские просто-

народные, т.е. слова, которых нет в церковнославянском языке и которые употребляются лишь в разговорной речи: *говорю, ручей, который, пока, лишь*.

На основании этой классификации лексики Ломоносов выделяет три стиля: высокий; низкий; средний (или посредственный). Высокий стиль состоит из речений I и II рода, т.е. славяно-русских и славянских слов, не допускаются речения III рода, т.е. российские слова. Форма выражения мысли: *героические поэмы, оды, речи о важных материях*. Низкий стиль состоит из речений I и III рода, т.е. славяно-русских и российских слов; не допускаются речения II рода, т.е. славянские слова. Низким стилем пишутся *комедии, увеселительные эпиграммы, песни, прозаические дружеские письма, описание обыкновенных дел*. Средний стиль объединяет все роды речений – I, II, III, иначе говоря: славяно-русские, славянские и российские слова. Средним стилем пишутся все *театральные сочинения* (кроме комедий), *стихотворные дружеские письма, сатиры, эклоги, элегии, прозаические описания «дел достопамятных и учений благородных»*.

Б.А. Успенский считает, что средний стиль М.В. Ломоносова – это стиль идеальный, не существующий, смоделированный по принципу объединения разговорного материала, что способствует макароничности этого стиля. В нем заложены перспективы развития литературного языка, определенные Ломоносовым с опорой на реальную языковую практику. Задача Ломоносова сводилась к формированию стилистической однородности не языка, а текста: литературный язык у него гетерогенен по своему составу, но в пределах текста (или жанра как открытого корпуса текстов) может осуществляться стилистическое выравнивание.

Стили русского литературного языка, описанные Ломоносовым, являются, по мнению А.И. Ефимова [Ефимов, 1957], преобразованием типов языка древней Руси, выделенных В.В. Виноградовым [Виноградов, 1956]: I. Письменный язык делового типа (договоры с греками, Мстислава грамота и др.) в основе восточнославянский – деловая переписка. II. Церковно-религиозный язык, основанный на старославянском языке (церковнославянский, русифицированный старославянский – потребности культа и церковно-религиозной литературы). III. Язык художественной литературы – вмещавший элементы главным образом живой восточнославянской народно-поэтической речи и славянизмы, осо-

бенно при соответствующей стилистической мотивировке. Применялся в таких видах литературного творчества, где доминировали элементы художественного.

Система Ломоносова базируется на знаках семиотической системы «русский литературный язык», обслуживающей культурные потребности восточнославянского ответвления (дискурсивной ветви) индоевропейского языкового союза. Социальная семиотика Ломоносова разрабатывалась для идентификации культурного пространства «русский народ» и символической структуры, его обслуживающей – «русский язык». Как считает М. Савилле-Троике, когнитивная система культуры распадается на модели и символы (или системы в системе); язык с позиций «этнографии коммуникативности» представляет собой одну из подобных систем усвоения языка как символа культуры – когнитивной системы культуры [Saville-Troike, 1982]. Лингвистическая концепция М.В. Ломоносова нацелена на усвоение языка, обеспечивающего создание духовной ситуации русского народа, как когнитивной системы новой российской культуры – культуры коммуникативных действий.

Тематика условий коммуникативных действий определяется с учетом участников процесса коммуникации с учетом особенностей существующих сфер речевых действий в рамках представленной культуры. Факторы, определяющие эти сферы, включают ролевые функции участников коммуникативного акта и внешние условия культурной среды [Fishman, 1972]. В XVIII в. ролевые функции участников коммуникативного процесса М.В. Ломоносовым определяется типом интеллектуальной активности, уровневой по своей сути. Так, коммуникация в «высоком стиле» предполагает употребление форм высказывающей речи, т.е. форм, в которых содержится истинность или ложность чего-либо. Эти формы моделируют процесс «русской» коммуникации по византийскому образцу/стандарту – имперскому, устанавливающему главенство сильного правителя над светскими и религиозными структурами обеспечения жизнедеятельности народа. Приемлемым в высоком стиле признается употребление славянских слов, которые позволяют идентифицировать специфику славянской коммуникативной общности. Последствия подобного употребления для европейской цивилизации видятся в обеспечении вновь создающейся интеллектуальной формации «европейская

цивилизация» формами высказывающей речи, необходимыми для дальнейшего формовозобновляющего и формообразующего движения. Условно этот тип лингвоинтеллектуальной активности можно обозначить как «глобализационный».

Коммуникация в «низком стиле» исключает славянские слова из союза церковнославянских и российских речений (обращаем внимание не русских, а российских), тем самым устанавливая непосредственное правопреемство российского слова от византийского Логоса. Уместно напомнить себе, что античный литературный вкус, как замечает С.С. Аверинцев [Аверинцев, 1997], различал высокую дидактику и низменную дидактику, подчиняя дело словесного учительства эстетическим категориям «уместного» и «возвышенного». Церковнославянские речения уместны в российской действительности, поскольку они позволяют установить ясную границу «между посильным и непосильным, между необходимым и тем, что сверх нужды», ту границу, которая «есть успокоительная гарантия того, что задачи человека можно сообразовать с его наличными силами». «Чрез меру трудного для тебя не ищи, и что свыше сил твоих, того не испытывай» [Аверинцев, 1997, с. 164]. Приводимая С.С. Аверинцевым цитата принадлежит перу ученого-книжника, жившего около 190 г. до н.э. в Палестине, Йешуа Бен-Сира, который создал сборник сентенций и афоризмов, впоследствии переведенный его внуком на греческий язык. Йешуа Бен-Сира призывает своего читателя приготовить душу к испытанию, управить сердце, быть твердым, и не смущаться в час тяготы. Он убежден, что все в руках человека, ибо воля его свободна: «Бог от начала сотворил человека и предоставил его решениям собственной воли» [Аверинцев, 1997, с. 163]. Российские речения представляют собой звуко сочетания – знаки представлений в душе россиянина, качественно иной человеческой формации по сравнению с человеком Древней Руси, руководствуемым и руководствующимся в жизнедеятельности истинами «Русской Правды».

Общение в «среднем стиле» предполагает сочетание славяно-российских, славянских и российских речений – мысленной речи славянского языкового союза, узрение лица воплощенного Логоса (церковнославянского речения) и деривационных моделей организации семантического, характерных для государства российского (его новой формы актуализации – российской Импе-

рии). К организации общественной жизни, отличной от общинной, М.В. Ломоносов приступает, вооружаясь знаковой системой (ансамблями письмен) для оформления высказывающей речи и энграммами русского языка. Ансамбли письмен определяет этический кодекс речевого поведения гражданина Российской Империи, энграммами демонстрируют свойства русского языка как языка, обеспечивающего коммуникации в определенных европейских территориях («формами следа памяти»). Использование всех типов речений закладывает в какой-то мере ориентиры на функции языка, которые актуализируются в коммуникативном акте. М.А.К. Халлидей [Halliday, 1979] выделяет три макрофункции языка: идеационную (когнитивную, оценочную, аффективную), межличностную (индексальную и регулятивную) и текстуальная (структурирование речевого акта – выбор грамматически уместных предложений, логическая последовательность).

Высокий стиль определяет идеационную функцию русского языка, структурирующую имперскую идеологию, низкий стиль – межличностную функцию, средний стиль – текстуальную функцию языка при организации языкового пространства существования гражданина Российской Империи.

Стиль представляет собой семиотическую систему, базирующуюся на предметно-содержательной системе, обеспечивающей личную сопричастность знанию. Это способ употребления языка во всевозможных социально дифференцированных коммуникативных ситуациях и как результат – система употребления единиц языковой системы (элементов языкового содержания) в словесном произведении с целью оказания аксиологического (субъективно-оценочного) воздействия. Такова социальная семиотика, создаваемая М.В. Ломоносовым. Она является системой значений, открывающей через посредство языка структурные альтернативы культуры вообще и культуры мышления в частности. Будучи системой значений, социальная семиотика определяет и констатирует культуру. Языковая система при этом выступает одним из способов реализации этих значений. Социальная семиотика Ломоносова позволяла «уловить» потенциальные значения в языковом перформансе носителя новой русской – российской – культуры. Потенциальные значения реализовывались энергетическим воздействием контекста «империя». Подобная социальная семиотика (система стилей) способствовала успешно-

сти деятельности исторического сознания, которая направлена на решение задачи: узнать посредством овладения судьбой свою историческую связанность.

Основная ситуация исторического сознания, по К. Ясперсу, состоит в том, что историческое сознание заключено в рамки некой полярности: а) в одном случае в истории открывается нечто противоположное, в ее целостности, в ее основных мнениях и особенных явлениях; б) в другом случае – полное погружение в наступающее в его целостности, в данное мгновение, в глубинах которого история становится для человека настоящим, тем, что есть она сама. Черты исторического сознания открываются в его становлении: *всесторонность, точность исследовательских методов, осмысление бесконечного переплетения каузальных факторов, объективация в некаузальных категориях, а именно, в морфологических структурах, в закономерностях, в идеальнотопических построениях.* Современный человек находится внутри не завершенной, а лишь возможной, постоянно распадающейся исторической целостности.

Среда реализации исторического сознания – общественная жизнь, которая в XVIII в. созируется в лингвистических формах. Общественная жизнь, в соответствии с теорией К. Ясперса, характеризуется: 1) горизонтом возможного – регламентируются границы возможного; происходящее зависит от того, кто осуществляет процесс познания, кто господствует над исторической ситуацией (осуществляет борьбу воли за бытие); 2) решением в выборе совместного жизненного пути. Решение зависит от характера общества, его склада, или равнозначно, от преобладающего типа людей. Общественная жизнь в конкретной исторической ситуации маркируется возможностью самобытия, которое состоит в узнавании посредством овладения судьбой своей исторической связности.

Характер общественной жизни определяют тип начальных условий становления новых экзистенциональных связей – экспериментальная наука, промышленность (что объединяется в понятие техника) и либеральная демократия. В России XVIII в. характер общественной жизни, особой среды нового человека «россиянина», определяла экспериментальная наука, капиталистическое сельское хозяйство, промышленность и имперская идея. Общественная жизнь характеризуется определенной «величиной

переживания народности и национальности» [Шпет, 1980]. Подобное переживание Г.Г. Шпет определяет как духовный уклад. Переживание народности и национальности получает отражение в значениях второго порядка, непосредственный ряд реакций на происходящие события фиксируется в значениях первого порядка. Эти значения фиксируются только через связывание с развертывающимися перед субъектом событиями, в итоге получается группировка содержаний под «объективными» заголовками: язык, миф, рыцарство, эпоха Возрождения, культ, война и пр.

«Эти заголовки суть указания на «идеи», объединяющие не только «объективированное содержание», но и на *психологическую* реакцию на него. Это суть истинные и действительные единства коллективной душевной жизни и отнюдь не сходство психофизических организмов народов, или групп населения... Как бы наблюдатели ни были индивидуально различны по отношению к определенному событию или порядку событий, можно найти общее в их реакции на него. Это общее мы составляем по признакам, принадлежащим разным индивидам, но по отношению к данной сфере событий – языковых, религиозных, политических и пр. – каждый из них является репрезентантом всей реагирующей группы. И каждый отражает в себе коллективность самой группы, так как с каждым членом ее он находится в более или менее близком контакте, испытывает на себе его влияние, внушение, подражает ему, сочувствует и т.п.; мало того, каждый член группы, опять в большей или меньшей степени, носит в себе духовную коллективность, известную под названием традиций, преданий, которые также можно рассматривать как систему духовных сил, определяющих настоящие переживания, впечатления и реакции индивида» [Шпет, 1980, с. 564].

Социальная семиотика М.В. Ломоносова созидает новый духовный уклад, задает начало этому историческому процессу оформления нового типа коллективности для России, структурированной по принципу информационных потоков, каждому из которых приписывается свой принцип/тип изображения истины (воплощения Логоса), тождественный жанровой принадлежности текста. Кроме того, каждому стилю: семиотической системе = «информационному потоку», – в соответствие ставится функция русского литературного – обеспечение истинностной (общение с Абсолютом и истинным знанием), деловой (общение государст-

ва и гражданина) и обыденной (общение гражданина и гражданина) коммуникации. Для каждого стиля определяется функция, понимаемая как выражение зависимости одних переменных величин от других, в нашем случае, духовного уклада от коммуникативных процессов истории.

Таким образом, система стилей для русской литературно-речевой культуры представляла систему, позволяющую настраиваться христианско-языковому союзу на изменения коммуникативного процесса истории и координировать свои реакции, «впечатления души», составляя различные комбинации из букв славянского алфавита, к перебору, пересчету. Особо значимыми в таком случае являются функциональные группы – группы морфем (слова в предложении текста-события), определяющие тип реакций, в которые вступает высказывание-предложение. Причем тип реакции детерминируется теорией духовного уклада, социальной по своему характеру и для России XVIII в связанной с конструированием централизованного государства типа «империя». В функциональных группах осуществляется цикличность обращений семантической базы языка.

Семантической базой естественного языка, по Я. Корженскому [Корженский, 1974], признается множество комплексных семантических формул, которые при помощи определенных правил конструируются из основных формул и минимальных элементов. Формулы семантической базы – это формулы превращения при помощи правил грамматических и словообразовательных реализаций. Я. Корженский определяет систему реализаций семантической базы, в которую входят словообразовательная, синтагматическая и предложенческая реализация формул семантической базы. «Семантическая интерпретация любой языковой реляции в теоретическом смысле исчерпывается тогда, когда все переменные принимают значения субстанции и все семантические черты объяснены в смысле отношений» [Корженский, 1974, с. 142].

Минимальным семантическим элементом семантической базы является субстанция, которая понимается как семантически пустое обозначение предмета в наивысшей степени обобщения, который обязательно определен пространственно-временными координатами и факультативно (только тогда, когда вступает в определенные отношения) – отношениями качества, обстоятельства и действия. Семантические отношения понимаются

в смысле разных ступеней абстракции. Превращение более абстрактных формул в менее абстрактные называется спецификацией формул, обратная операция определяется как абстрагирование формул.

Спецификация формул семантической базы русского языка, семиотически и информационно упорядоченного М.В. Ломоносовым, происходит в локальных культурах (ландшафтно-географических комплексах), которые формируют вторичные значения духовного русского уклада, поскольку представляют собой территории, заселенные «выходцами» из среднерусских территорий, Центральночерноземного района (региона) России. К таким территориям относится Алтайский край.

Природа, замечает Им. Кант, специфицирует себя самое согласно некоторому принципу (или идее системы), аналогично спецификации у правоведов грубых материй с учетом того, что аристотелевская школа называет родом материй, а специфическое отличие – формой. «...природа специфицирует даже свои трансцендентальные законы по какому-то принципу. Этот принцип может быть только принципом соответствия с умением самой способности суждения находить в безмерном многообразии вещей достаточное родство их, согласно возможным эмпирическим законам, дабы иметь возможность подводить эти вещи под эмпирические законы (высшие роды) и доходить таким образом до эмпирической системы природы» [Кант, 1999, с. 965].

Постижение в природных вещах эмпирических законов и сообразных с ними специфических форм осуществляется через сенсорный процесс, транскрибируемый в когнитивной этнической культуре (в локальной культуре раскрывается семантика высказывающей речи, социальным кодом которой являлся алфавит, созданный Кириллом и Мефодием; предварительная/промежуточная интерпретация славянского алфавита была осуществлена социальной семиотикой М.В. Ломоносова). В рамках когнитивной этнической культуры язык обретает статус процесса, позволяющего человеку приспособлять свое поведение к окружающей среде (в качестве подобной окружающей среды для человека XVIII в. выступала европейская цивилизация). Ситуация рубежа тысячелетий и XVIII в. аналогичны по функциональной нагрузке языковой системы в обеспечении поддержания стабильного состояния умственных способностей человечества вообще и чело-

века России в частности. В контексте жизнедеятельности человека нарративная функция языка обнаруживает тенденцию преобразования в функцию репродуктивную, демонстрируя тем самым участие языка в формировании стратегий реальности.

Особый интерес к когнитивной этнической культуре, видимо, обусловлен тем, что по сути своей она представляет конструирование чувственных объектов с помощью языка. В свое время метод логических конструкций Б. Рассела имел целью прояснить сложные соотношения между абстракциями, или теоретическими объектами, и чувственным опытом, при этом следует подчеркнуть значимость последнего как подлинной основы всякого знания [Рассел, 2000]. Когнитивная этническая культура создается методом интуитивных конструкций, который открывает принципы природных спецификаций для способности суждения человека. «Следовательно, отличительный принцип суждения таков: природа специфицирует для способности суждения свои всеобщие законы в эмпирические сообразно с формой логической системы» [Кант, 1999, с. 966]. Метод интуитивных конструкций способствует выявлению вероятностной формы логической системы Вселенной, предполагая оперирование «неосознаваемыми умозаключениями».

В когнитивной этнической культуре осуществляется спецификация спецификаций природы: через неосознаваемые умозаключения вероятно восстанавливается идея системы, принцип, в соответствии с которым природа специфицирует самое себя, доходя до своей эмпирической системы. Главенствующей в процессе подобной спецификации становится эмпирическая логика, или логика веры, конструируемая, в соответствии с концепцией Ж. Делеза, сингулярностями [Делез, 1995]. (И, таким образом, становится очевидным тот логический принцип упорядочения впечатлений души, который был избран создателями славянского алфавита в качестве принципа упорядочения семантической вселенной, или коллективного бессознательного, а также переживания народности и национальности восточными славянами).

Для характеристики «номалических сингулярностей», по мнению Ж. Делеза, наиболее подходит понятие Ф. Ницше «воля к власти», противостоящее жесткой репрезентационной структуре объекта, представляющее собой принцип, который реализует отбор, отрицает отрицание, утверждает случай, продуцирует мно-

гообразии [Делез, 1995]. Смысл спецификации в подобном случае сводится к свободному конструированию и оперированию понятиями, обозначающими то, что еще не вошло в объективный строй мироздания. Означенный принцип конструирования тождествен принципу, в соответствии с которым природа человека специфицирует самое себя с целью обнаружения идеи системы. Существо спецификации обнаруживает себя в конструировании чувственных объектов с помощью языка, т.е. в когнитивной этнической культуре.

Когнитивная этническая культура связана прежде всего с деятельностью репрезентационного мышления, в задачи которого входит установление сходства, симметрии между областями этого мышления – субъектом, понятием, объектом. Именно соотношение этих областей формирует этнический духовный уклад, т.е. переживание, которое «складывается из присвоения себе известных исторических и социальных взаимоотношений» [Шпет, 1980, с. 573]. При этом язык, наряду с мифом, представляет истинное и действительное единство коллективной душевной жизни. Кроме того, отождествляясь в контексте душевной жизни с мифом, язык обретает несвойственные ему ипостаси: согласно концепции К. Леви-Строса [Леви-Строс, 1985], значение мифа заключено не в его содержании, а в его структуре, поскольку именно она воспроизводит универсальные принципы деятельности разума. Язык, аналогично воспроизводя принципы деятельности разума, специфицирует эмпирическую систему природы человека, выявляя тем самым вероятностный вариант идеи системы природы, который, будучи реконструированным в языке опосредованно через чувственные формы, моделирует образ «духа времени». Последний же идеологически закрепляется в форме мировоззрения, характеризующего (означивающего) определенный исторический срез эпохи.

Особый интерес в эволюционировании эмпирической системы человека представляет мировоззрение Срединного государства, в котором динамические формы природного смысла определяют пространственные и временные формы социальной реализации человека (для Срединного государства характерно коррелятивное мышление, замещение схем которого осуществилось в XVIII веке в Европе. Основной семиотической системой, обслуживающей этот переход был язык французский (XVII–XVIII вв.) –

именно он выработал значительную сумму идей, понятий и представлений, в среде которых двигалась и развивалась жизнь европейца [Виноградов, 1945]). Цель формирования «срединного» мировоззрения является создание этнического образа – идеала, мотивирующего собственный поведенческий стереотип. Этнический стереотип порождается особым видом традиции, в которой знание образца – основа трансляции [Этноязыковые функции культуры, 1991].

Новый тип традиции, новый для Барнаула (Алтайский край, Сибирь, Россия, начало XXI в.), но для японского этноса насчитывающей в истории своего существования десять веков, начал формироваться в ходе конкурса «Хокку Барнаульского Хоккайдо», проведенного РО АК ПП Союз Правых Сил осенью 2003 г. Результат конкурса – множество хайку (хокку) – представляет собой не что иное, как синтез дзока-докуэй (первое – стихотворный обмен песнями, второе – стихотворения, сложенные в одиночестве). Сплетение песен, или «песенная плетенка» [Штейнер, 1989], символически воплощает связь влюбленных (или шире – человеческие связи), а также предваряет и скрепляет их союз. В храмовых церемониях поэмы подобного типа, включающие в себя сто песен, служили *хоно* (*жертвоприношением*) в обрядах *хораку* (*ублажением*). Сложение подобных языково-ритмических единств представляло собой деятельность, «направленную на преодоление единичности, причем не только отдельного стиха высказывания, но и обособленность сознания. Высказывание каждого участника служит частью общего композиционного плана или – на другом уровне – элементом коллективно моделируемой картины мира» [Штейнер, 1989, с. 182]. Так, главным чувственным объектом, обуславливающим языковое конструирование понятий в Барнаульском утагаки («плетенка из песен»), определяется Барнаул:

*Осень встречает сердцу родной Барнаул.
Новые краски и звуки наполняют твои аллеи...
Душа моя полна твоей красотой* (И. Молодцова)

*Как соя пробилась сквозь землю,
Я бьюсь в искушении чуда.
Барнаул мое имя продлит...* (Р. Ларионцев)

*Я над картою края сочиняю хокку,
Шамбала бровей лежит востоку,
А левее столица мира – Барнаул* (А. Польшкин)

*Барнаул красив
руками человека,
Охранявшими его по часам* (А. Кузькина)

Обособленное сознание, реализуя отбор языковых средств, продуцирует особую рациональную систему, способствующую нахождению понятийных средств, адекватно выражающих силовое многообразие и подвижность жизни. Подобная система осуществляет ритуальное воспроизведение циклического миропорядка и человеческих взаимоотношений, включенных в природный континуум, кроме того, соответствуя своим средневековым аналогам, она связывает не только человека с человеком, но и человека с богами, поскольку, являясь инструментом ритуального моделирования космоса, включает человека в циклический континуум природы, а также обеспечивает гармонизацию миропорядка.

Гармонизация миропорядка на современном этапе социального дрейфа человечества состоит в приобщении через душевное переживание связей, в которые циклически втягивается человек (выборные кампании, рекламные кампании, референдумы, стихийные бедствия естественного и искусственного порядка, к последним следует причислить террористические акции и спланированные гуманитарные катастрофы), к эмпирической системе природы. Душевное переживание, неизбежное при творении неосознаваемого умозаключения, открывает доступ к идее системы, т.е. тому принципу, согласно которому природа, в том числе и человеческая, специфицирует самое себя.

Процесс спецификации тождественен процессу выделения духа из природно-родового тела, создающему устойчивый путь движения префилософских идей в обществе. Подобные идеи организуются в соответствии с аксиомами локального бытия и в дальнейшем начинают выступать в качестве голоса «сознающего разума, данного свыше» [Аксаков, 1875а]. Слово – это новый мир, вознесшийся над миром, утверждал К.С. Аксаков, в своей работе «Опыт русской грамматики», что познание общего, существенного, по его мнению, происходит в сфере коллективного

разума не посредством откровения, а с помощью языка, который является удобным средством удерживать мысль, где только слово «дает чувствовать мысль, его переступающую, где слово все проникнуто сквозящею сквозь него мыслью, где слово, по-видимому, становится орудием» [Аксаков, 18756].

Языковым конденсатором идеи системы является семиотический объект «мобильник», альтернативный символ современного репрезентационного мышления, устанавливающего симметрию между историческим субъектом (властью), историческим объектом (волей, силой) и понятием – неосознаваемым умозаключением. Неосознаваемое умозаключение связывает расстояние до предмета в семантическом континууме с его размером в сознании и одновременно со знанием о действительном размере предмета в природе и соответственно его местом в эмпирической системе. Исторический субъект, характерный для русского сибирского города России начала XXI в. «Барнаул», последовательно вбирает в себя семемы: Мария Ракшина, Евдокимов, Ползунов, Ворсин, Баварин, Сахаров, Кучук, Ермак, Ленин, «Союз правых сил», «Песнохорки», Николай, Владимир Рыжков, «Матрица». Исторический объект структурируется специфическими отличиями (по Аристотелю, формой) – «мобильник журчит, как горный ручей, хрусталам по камням рассыпаясь», «как письмо, глаза распечатала. А конверт мятый», «барнаульский хокк», «ребенок стучит по земле», «в памяти пух проспект укрывает», «трамвай забыл уснуть», «был бы весь мир барнаулообразен», «шамбала бровей лежит к востоку», «ритмичный скрип этажей» и пр.

Понятие, продуцируемое репрезентационным мышлением, представляет проекцию эмпирической системы жителя Барнаула, который может восприниматься в качестве идентификатора изменений российского коммуникативного сообщества с позиций модификации когнитивной эмпирической культуры. Образцы понятий, или неосознаваемых умозаключений:

*На безбожно заманчивом небе
Растекаются реки заката.
Я прозрел с тобой, город, родной.*

***

*Для мира на небе и землях,
Баланса спокойного света
Был город построен один (Р. Ларионцев).*

Неосознаваемое умозаключение не контролируемо с точки зрения объема его содержания, поскольку при его построении автор ориентирован прежде всего на спецификацию – форму, которая должна, будучи матричной структурой другой культуры, согласно закону резонансного взаимодействия, «подыскать» в чужеродной культуре соответствующие ей, т.е. не разрушающие ее, языковые сегменты.

Продуцирующее понятие сознание способствует созданию единого образа, соединяющего опыт и этику разных времен и разных сфер жизни. Именно оно реализует потребности обособления каждой идеи, оформляя ее как сущность, соединяя одни идеи с другими в иерархические сочетания, служащие базисом эмпирической системы природы человека в синхронный исторический момент.

«Язык, – как отмечает М. Фуко, – заставляет выстроиться в линейный порядок представленные вразброс элементы» [Фуко, 1977, с. 313]. При этом язык выступает в качестве процесса, позволяющего человеку соответствовать циклическим преобразованиям природы и изменению идеи ее эмпирической системы. При посредстве языка производится подстановка семантических множеств, дифференцирующих особенности когнитивной этнической культуры и состояние умственных способностей ее носителей. Подстановка множеств позволяет выявить познавательную функцию мнения – степени явленности эйдоса духа в душевной структуре этноса. «Мнение как переживание, – отмечает Г.Г. Шпет, – только тогда выполняет познавательную функцию, когда оно то, что нам эмпирически дано, начинает перерабатывать, т.е. обобщает его, объясняет, воспринимает, дополняет догадками, гипотезами, теориями и т.д. В таком виде переживание не только «доставляет» материал для знания, но и само выступает на фоне других переживаний как познающее сознание» [Шпет, 1995, с. 273].

Познающее сознание представителя локальной культуры России в начале III тыс. обрабатывает эмпирические данные в форме *касыды*, или дидактического стихотворения, посвященного какому-либо лицу или событию. Образцы, формально тождественные *касыде*, т.е. аналогичным образом осуществляющие спецификацию эмпирической системы природы:

*Учитель, ты всегда гонишься за прожиточным минимумом,
А деятели от власти все не ослаблять заботу обещают.*

Знай, барнаулец, – «Союз правых сил» эту лашу с ушей снимает!

Обещалкины, прочь с дороги! (С. Козлов).

«Касыда» обретает статус силы, которая пластически заполняет семантическое пространство ограниченное/специфицированное хайку. Заполнение пространства предполагает приобщение к исламской системе знаний, центрированной верой в слово услышанное и записанное. Слово, принимаемое как комплекс чувственных дат, трансформируемых в суждение (учение), включает индивидуальную эмпирическую систему в контекст нормированных и непосредственных форм смысла.

Когнитивная этническая культура, соотносимая прежде всего с репрезентационным мышлением коллектива, использует языковую систему для распознавания образов другой культуры. Улавливая с помощью семиотической системы «язык» резонансные взаимодействия разума с семантическим контекстом, она в сознании представителя этнической культуры «повторяет предмет» как элемент эмпирической системы природы. Тем самым когнитивная этническая культура осуществляет спецификацию умственных способностей человека как формализацию душевного переживания, противостояния духа самому себе. Спецификация возможна через функциональные группы, в которых происходит преобразование функций языка, в частности дескриптивной функции языка, главной регулятивной идеей которой, по К. Попперу, является истинность [Поппер, 2002]. Резонансные взаимодействия разума с семантическим контекстом детерминируют области определения исторического сознания. В свою очередь последние зависят также: а) от доминирующего стиля – семиотической системы – в тот или иной период этноса; б) характеристик исторического сознания.

Стиль объясняет функции исторического сознания, в тот или иной период семиозиса доминирующей является одна из черт исторического сознания:

XV в. – точность исследовательских методов, деловой стиль;

XVI в. – осмысление бесконечного переплетения каузальных факторов; публицистика;

XVII в. – всесторонность, объективация содержаний мира в идеально-типичных построениях; научный стиль;

XI в. – объективация содержаний сознания в некаузальных категориях – морфологических структурах (Остромирово евангелие 1056–1067), художественный стиль.

Семиотические системы в истории русского литературного языка целесообразно выделять начиная с XVIII в., что обусловле-

но «европейском дрейфом» в истории российской цивилизации. Первый тип объединения семиотических систем – семиотический тривиум, или социальная семиотика М.В. Ломоносова, должен был конституировать мыслительно-поточные особенности новой России, обеспечивающие ей, с одной стороны, возможность реконструкции имперской идеологии, с другой – возможности сохранения связи со структурами мысленной речи индоевропейского языкового сознания. Социальная семиотика становится первой областью определения исторического сознания представителя российской когнитивной культуры.

Второй тип организации семиотических систем в единую моносистему, иерархизированную по форме квадрата – научный, деловой, публицистический и художественный стили, – оформляется в 60-е гг. XIX в. и транспонируется в культуру символической искусственной системы «СССР» в качестве семантической базы ее государственности. Подобная моносистема объединяет различные формы языкового существования Руси и России – восточнославянскую народно-поэтическую речь (художественный стиль, X–XII в., *Киевская Русь*), публицистику (публицистический стиль, XVI в., *Московская Русь*), посадскую письменность (деловой стиль, XVII в., *Московское государство*), терминографирование когнитивной карты (научный стиль, XVIII в., *Россия, Российская Империя*). Функции языка в русской общине «перерастают» в самостоятельные семиотические системы, обеспечивая ей стабильное существование в пространстве информационных потоков. Моносистема «система функциональных стилей» становится второй областью определения исторического сознания представителя российской когнитивной культуры.

Третий тип осмысления семиотических систем русского литературного языка в аспекте качества речи, функционально-коммуникативной оптимальности характеризует существование русского литературного языка и его пользователя в XX в.. Речевой поступок с позиций культуры речи, занимающейся исследованием и обеспечением качества речи, оказывается неотрывным от качества содержания речи, от качества коммуникативных намерений субъекта [Васильева, 1990]. Функционально-коммуникативная оптимальность предполагает достижение оптимального коммуникативного состояния, которое, в свою очередь, будучи разновидностью оптимального состояния вообще, связано с принципом поиска противоположностей. Из принципа взаимного

перехода противоположностей друг в друга, как считают Б.В. Ахлибинский и Н.И. Храленко [Ахлибинский, Храленко, 1989], следует, что одно предполагает другое и если в данной ситуации какое-то свойство максимизируется, то в другой ситуации оно может оказаться при тех же условиях минимальным: единица высокого стиля может стать единицей текста низкого стиля, и наоборот; а средний стиль, имеющий виртуальную форму бытования, может стать языковой реальностью, лишив тем самым высокий или низкий стиль права на «обслуживание» реальной действительности. Функционально-коммуникативная оптимальность становится первой областью определения исторического сознания представителя советской когнитивной культуры в XX в. и третьей областью определения исторического сознания представителя российской когнитивной культуры.

Четвертый тип осмысления особенностей семиотических систем русского языка обусловлен семиотической реорганизацией пространства коммуникации на рубеже II и III тысячелетий и появлением новой формы виртуальной коммуникации – рекламы. Реклама стимулирует человеческую деятельность, базируясь на свойстве генетической инициативности человека (способности к самостоятельным активным действиям), определяющей возможность и направления эволюции человека как микрокосма. Реклама задает интеллигентные схемы действия, основывающиеся на интеллигентной матрице продуктивного воображения, что позволяет охарактеризовать ее как модель принятия интуитивного решения. Реклама выступает в качестве промежуточного момента между предпониманием мира и трансфигурацией реальности под воздействием вымысла. Задача рекламного текста – испытать способность самого языка к отбору и организации, когда он выстраивается в дискурсивные единства. Рекламный текст является средством обретения опыта о функционировании общества, динамических процессах истории и жизни. Данные опыта представлены в виде связанных комплексов, поскольку объект рекламы представляет собой член некоторого ряда, побуждающего связывать определенным образом многообразие содержания воззрения, согласно закону координирования [Кассирер, 1912]. Функционально-коммуникативная оптимальность, или качество речи, рано как и социальный статус знака, определяется успешностью реализации артефакта, семиотическая деконструкция и лингвистическая реконструкция

которого были предприняты в рекламном тексте. Рекламная семиотика становится второй областью определения исторического сознания представителя советской когнитивной культуры и четвертой областью определения исторического сознания представителя российской когнитивной культуры. Актуальным для последнего является то, что мышление в рекламе, управляемое законом координирования, сопровождается представлением образов, пространственное передвижение которых создает рисунок бытия объекта, его формы. Художественная форма рекламы позволяет выходить за пределы вещественности, чтобы увидеть форму предметов. Уметь видеть вещественный мир – значит «дополнять физическое зрение духовным зрением, значит мощным усилением мысленного зрения проникать сквозь материальную оболочку вещей и прочитывать невидимую глазу формулу, находящую воплощение в их материальности» [Лосев, 1995, с. 33]

Первая попытка искусственной стилевой унификации языковых содержаний русской литературно-речевой культуры предпринимается М.В. Ломоносовым в его социальной семиотике «учение о трех штилях». Естественная системная стилевая самоорганизация русского книжного языка происходит в середине XIX в., что является показателем модификации основной для России ситуации исторического сознания: 1) происходит концентрация коллективного переживания в области полюса «открытие в истории некоего противоположного начала»; 2) происходит ограничение новых культурных императивов, которые в области книжной культуры можно определить переходом от «речения» – единицы актуализации семантической базы русского языка – к наречию – единице языковой реализации геополитического единства Россия.

Термин «наречие» используется В.И. Далем для номинации говоров России XIX в., ее локально-языковой дифференциации; при этом происходит, с одной стороны, понятийное замещение: термин «наречие» в это время употребляется в значении 'язык' (в частности, для обозначения языка славянской ветви индоевропейского союза). С другой стороны, локальный вариант разговорного русского языка обретает статус самостоятельного языка, обслуживающего коммуникативные потребности представителей русской когнитивной культуры, компактно проживающих на одной из территорий России, отличающейся своим природным

ландшафтом, а следовательно, и особенностями высказывающей речи (индоевропейский языковой союз обнаруживает себя в союзе наречий Российской империи).

В XX в. исследователи предлагают выделить новый стиль – рекламный стиль [Лукьянова, 2000]. Задача рекламного текста – испытать способности самого языка к отбору и организации, когда он выстраивается в дискурсивном единстве [Риккер, 1995]. Реклама позволяет приводить в движение систему языка для детерминированного воздействия на социальную систему. Мир рекламного текста неизбежно вступает в коллизию с реальным миром, чтобы его «переделать» либо утвердить, либо подвергнуть отрицанию. В рекламной формуле получаем общие правила, позволяющие проследить, каким образом и по какому закону данный объект переходит в другой объект: рекламная формула включает в себе не только форму его существования, но и всю совокупность его пространственно-временных фаз. Рекламная формула – это особая функциональная группа, осуществляющая модификацию семантической базы языка, в частности, минимального семантического компонента, его пространственно-временных координат и отношений качества, обстоятельства и действия, т.е. пустого обозначения предмета, предмета в наивысшей степени обобщения, принимаемого в русскую когнитивную культуру и обращающегося в мысленной речи ее представителя.

Рекламный текст формулирует сигнификат (понятие) какого-либо объекта посредством задания его структурной формулы, в которой он рассматривается как особое частное явление, в своем особом строении. Отсюда рекламный стиль позволяет получить последние инварианты, образующие необходимые и конститутивные факторы всего опытного суждения.

Динамичный характер позволяет обозначить ту различную силу, с которой опытные суждения выдерживают испытание посредством практической языковой реализации. Интеллигибельный характер, присущий семантическим инновациям рекламы создает своеобразный вид предпонимания. Понимать – в данном случае означает проделывать лежащую в основе семантической инновации дискурсивную операцию. «Акт понимания, который в этой области можно соотнести с умением проследивать историю, состоит в постижении той семантической динамики, в результате которой в метафорическом выражении из руин семанти-

ческой несовместимости, бросающейся в глаза при буквальном прочтении фразы, возникает новое семантическое пространство» [Кассирер, 1912, с. 18]. Дискурсивная операция, задаваемая рекламой, предполагает не только объединение чувственных восприятий, но и присутствие акта логического дополнения. Семантическая инновация в рекламном тексте основана на работе с языком, состоящей в усвоении логическим субъектом ранее не соединимых с артефактом – составляющей физической реальности – предикатов.

Семантические инновации рекламного текста являются наглядным подтверждением действия человеческих сил, которые заявляют о себе в «разрывах» между различными физическими (в том числе и нефизическими) системами, структурируемыми разными типами реальности. Однако только языковой материал – слово – не может гарантировать безупречное понимание текста. Следует искать опору вне слова – во фразе, в контексте (вербальном и невербальном), в определенных знаниях о создателе текста и аудитории, т.е. располагать сведениями о целеустановках, вызвавших факт создания текста как элемента социальной интеллектуальной структуры [Безменова, 1991]. Знания последствий речи, согласно Т. Гоббсу, дифференцируются как знания: а) в возвышении, поношении (*поэзия*); б) в убеждении (*риторика*); в) в рассуждении (*логика*); г) в заключении договоров (*наука о справедливом и несправедливом*) [Гоббс, 1964].

Рекламный стиль для русской литературно-речевой культуры представляет собой особую функциональную группу, в которой осуществляется актуализация особенностей художественного мышления восточных славян. Это система фиксации впечатлений души в содержаниях сознания. В этом стиле в XX–XXI вв. осуществляется обращение объективированных в XI в. в художественном стиле (семиотической системе «художественный стиль» Остромирово евангелие) содержаниях сознания представителя христианско-языкового союза «Киевская Русь». Объективация содержаниях сознания происходила в некаузальных связях – морфологических структурах, тех структурах, которые затем составили идеологический базис русской литературно-речевой культуры – коммуникативное исчисление мира. Образец оснований коммуникативного исчисления мира русской литературно-речевой культуры:

- 1 Слава тебѣ ги цю несъныи . яко съподо
 ви ма . написати ѿдне се . почахъ же е
 писати . въ аѣ [с] . ф . ѡа . А оконьча
 хъ е въ аѣ . [с] . ф . ѡе . Написахъ же еѣ
- 5 лне се . равоу бжино нареченоу сжцоу
 въ крщении носифъ . а мирьскы остро
 миръ . близокоу сжцоу изаславоу кьна
 зоу . изаславоу же кьназоу тогда
 прѣдръжцоу овѣ власти . и оца свое
 го ярослава . и врата своего володимира .
 самъ же изаславъ кьназь . правлаа
 ше стоаъ оца своего ярослава кыевѣ .
 А врата своего стоаъ поржчи правити .
 близокоу своему остромироу новѣ
- 15 городѣ .

Открываются особенности русского языка как особого орга-
 низма, живого тела, что подобный взгляд на русский язык восхо-
 дит к теологическим языковым концепциям средневековья, в ко-
 торых устройство языка уподоблялось строению человека: язык
 анатомично сопрягает в себе «тело» и «душу». Как говорится
 в теологических трактатах: «когда ум рождает слово, то вместе
 с тем явным делается для слышащих через живое слово, или че-
 рез письмена, и желание души, как общее обоим, и уму, и слову,
 и три сия – ум, слово и душа – не сливаются в едино и не рассе-
 каются на три, но все три вместе и каждое слово зрится в единой
 сущности» [Боронникова, Левицкий, 2002]. Н.П. Гиляров-Плато-
 нов, представитель русской религиозной метафизики, в своих
 работах «Рационалистическое движение философии новых вре-
 мен» (1846) [Гиляров-Платонов, 1899], «Экскурсии в русскую
 грамматику» (1883) [Гиляров-Платонов, 1904] рассматривает
 язык как среду, через которую сообщается мысль одного с мыс-

лью другого как посредник, а никак не орудие. «Слово, обращенное к другому лицу только возбуждает чужую мысль, и не то, что передает мою, – замечает Н.П. Гиляров-Платонов, – она и не может по существу быть передана; она остается во мне; и я не имею силы её выложить». Мысль высказанная (вспоминаем о высказывающей речи) станет достоянием другого человека только в том случае, если другой умственно и духовно пережил то же, что и субъект мысли. Русский язык как организм представляет собой систему синаптических связей между общающимися сознаниями, для которой не значима пространственная и временная отстраненность (дистанцированность) коммуницирующих физических субстанций. Ему присуща интуиция, или, по образному выражению Майкла Дж. Гебла, искусство вслушивания ушами вашей души в мелодии и ритмы той музыки, которую поминутно рождает ваше собственное тело» [Гебл, 2000, с. 158].

Кендес Перт также в своей книге «Молекулы эмоций» размышляет об умственных способностях человеческого тела: «на молекулярном уровне ваш мозг составляет единое целое с остальными частями вашего тела, и притом до такой степени, что для адекватного описания психосоматической сети, по которой интеллектуальная информация перетекает из одной системы в другую, лучше всего подошел бы термин «*мобильный мозг*» [Гебл, 2000]. Русский язык, будучи сам «организмом», представляет еще и мобильный мозг русской когнитивной культуры.

Язык, по утверждению Н.П. Гилярова-Платонова, есть воплощение целого, всеобщее тождественного мирозерцания. Он подчиняет себе мысль и сознание, представляя саморазвивающуюся среду, жившую по своим собственным законам на протяжении тысяч лет и обнимающую собой миллиарды живых существ, живущих и живших. Язык – это форма бытия. Сам язык образует тот закон, которому следует речь человека, состоящая из системы звуков и соединенных с ним представлений.

Для русского книжного языка этот тезис Гилярова-Платонова особо актуален, поскольку постепенно речь звучащая «выравнивалась» в соответствии с законами произнесения букв славянского алфавита и озвучивания Логоса – звукового изображения его, таким образом, происходит модификация и представлений, и минимального семантического элемента – предмета в наивысшей степени обобщения. Онтологической основой, из которой выводится вся система категорий, утверждает Гиля-

ров-Платонов, необходимых человеку для восприятия мира и ориентации в нем, является язык. В результате длительного процесса в языке вырабатываются слова и грамматические формы, необходимые для «классификации видимых и осязаемых явлений, а затем явлений мыслимых, а затем и отношение мысли самой по себе, или категорий, – понятий о бытии, необходимости, возможности, существенности, случайности и т.д.» [Гиляров-Платонов, 1899].

Русский язык, видимо, представляет собой и мобильный мозг славянской ветви индоевропейского языкового союза, и среду, в которой раскрывается «сообщение» славянского алфавита/славянской азбуки. Сообщение, по Р. Барту, – это форма, которую история заполняет с течением времени [Барт, 1994]. Как считает У. Эко, сообщение становится «располагаемым» по мере включения в сеть массовой коммуникации; это некая пустая форма, которой могут быть приписаны самые разнообразные значения [Эко, 1995].

Формами воплощения славянской мысли как артефакта являются синтаксические формации «предложение» и «высказывание»; определяющие особенности функционирования славянской художественной культуры в европейском контексте, которое тождественно жизнедеятельности живого организма. «Жизнедеятельность каждого организма, – считает Н.А. Бернштейн, – есть не уравновешивание его со средой и с падающим на него потоком стимулирующих воздействий, а активное преодоление среды» [Берштайн, 1966, с. 314]. По словам В.А. Энгельгардта, главным свойством живого является способность к самовоспроизведению [Энгельгардт, 1984], под которым понимается способность системы при определенных условиях окружающей среды, включающих приток свободной энергии (и соответственно экспорт энтропии) получать копии исходной системы. Славянская азбука создавалась в соответствии с законами живой природы; приток свободной энергии – художественной культуры славян, или эстетического идиолекта славян, т.е. правила, кода, в соответствии с которым происходит расшатывание основного кода – кода европейского союза, кода римской имперской идеологии, – реализовал ее способность к самовоспроизводству и созданию копии исходной системы. В русском литературном языке подобной копией является особая форма синтезирующей речевой и мыслительной деятельности – период. Образец периода:

Что бедственнее случиться может человеку, как лишенному быть света и сидеть во мраке? Что радостнее узнику, заключенному в мрачной темнице, как выйти на свет солнца и ощутить живительную теплоту его? Но тьма телесная не отягощает души просвещенные, и свет солнечный не умножает светлости непорочного сердца; а когда помрачен непроницаемую тьмой чей разум, и когда чья воля заблуждается в гнуснейшем мраке страстей; то сей узник несчастнее всех темничных заключников, и ему-то нужно духовное солнце, озаряющее мысли его и согревающее охладившую к добру волю его; или, паче сказать, ему-то нужно не одно озарение сия солнцем, но и отверстие собственных очес его ибо он не токмо окружен тьмою, но и слепствует сам по себе (Амвросий Митрополит Новгородский) (1, XIX в.)¹.

И Вогулов, не сознавая, родясь таким, развив себя неимоверной титанической работой, был воплощением того сознания – тверже и упорнее, – которое одно способно взорвать вселенную в хаос и из хаоса сотворить иную вселенную – без звезд и солнца, – одно ликующее, ослепительное всемогущее сознание, освобождающее все формы и строящее лучшие земли, если хочет того, если радостно ему его творчество (А. Платонов. Эфирный тракт) (2, XX в.)².

По определению XVIII в. (Логика и Риторика, 1790), период – это речь, современный и полный смысл выражающая. Согласно определению начала XIX в. [Толмачев, 1815], простой период есть речь, имеющая полный и круглый смысл, и заключающая в себе одну истину; всякая истина требует наличия двух вещей – доказательства, или пояснения. Согласно определению середины XIX в. [Зеленецкий, 1849], период – это словесная форма умозаключения – такой формы мысли, в которой на основании каких-то данных положений или суждений, выводится следствие, т.е. утверждение или отрицание чего-либо. Период – это форма высказывающей речи, содержащей или строящейся из истинных звуко-сочетаний, являющихся знаками мысли=представлений в душе внутренних связей мира человеческого и мира природного (согласование Царства земного и Царства природного является семантической базой для построения, конструирования Царства небесного).

---

¹ Текст представлен в редакции К. Зеленецкого (Курс русской словесности для учащихся: В 2-х ч. Ч. 1: Общая риторика. Одесса, 1849).

² Платонов А. Собр.соч.: В 3-х т. М., 1984.

Периоды составляются из предложений, предложения – из речений, заключает К. Зеленецкий, а ткань речи – или из одних предложений, или из периодов, или из предложений и из периодов в равной мере. Отсюда и самая речь, в отношении к своему внешнему составу, разделяется на периодическую, соразмерную и афористическую, или отрывистую. Форма периода употребляется в тех случаях, когда необходимо одним умственным воззрением объединить несколько мыслей, связанных между собой и сосредоточенных около одной главной. Употребляется исключительно в речах, произносимых торжественно перед публикой и в рассуждениях. (Описаниям, рассказам и легкому роду сочинений она почти не свойственна). С особым искусством, отмечает К. Зеленецкий, периодической речью владели древние греки и по их образцу римляне. «Греки обязаны были этим своему врожденному чувству изящного, стремящемуся округлить слововыражение, далее частым случаям говорить публично, и преимущественно наконец духу своего языка, богатого причастиями и благозвучными окончаниями. Из новых народов речь периодическая чаще встречается у немецких писателей, потому что язык немецкий склонен к построению периодов. В русском языке периоды также могут быть составляемы с окончательным совершенством, хотя речь наша вообще не терпит исключительности периода» [Зеленецкий, 1849, с. 68].

Речь соразмерная, или речь прозаическая, как отмечает К. Зеленецкий, в равной мере составляется из периодов и предложений, отличается свободой выражения, является на момент середины XIX в. самым употребительным способом изложения мыслей. Русскому языку речь соразмерная в особенности свойственна; она имеет все выходы свободного течения; кроме полноты и округленности, которые она заимствует из речи периодической, и кроме простоты и очевидности речи афористической она имеет третье, неотъемлемое преимущество – совершенную естественность состава и близкое соответствие последнего последовательному развитию мысли. В качестве образца этой речи К. Зеленецкий приводит пример из И. Давыдова: «Жизнь человеческая проявляется в переходах одного возраста в др. Душевные способности, равно как и силы телесные, развиваются последовательно, в известном и определенном порядке возникают, цветут, зреют, В дитяти, как в семени, хранятся начала всех способностей;

юноша представляет собою время цветения, состояния духа нашего обнаруживаются в трех главных его стихиях: чувстве, уме и воле; они-то проходят все степени развития по предначертанному Создателем закону. Умственное приобретение знаний, нравственное облагородствование воли и образование вкуса совершаются в различных возрастах жизни. На первой степени развития, в лоне матери пробуждаются способности; здесь в особенности образуется чувство. Второй возраст – юность, посвящается раскрытию и обогащению ума, под руководством отца или наставника. Переход в возраст мужества предназначен образованию воли – ее самобытности. В это время, при благословении Провидения, закон внешний, или общественный, и внутренний, или нравственный, бывают ангелом хранителем человека»³.

Отличительный характер речи, как утверждает К. Зеленецкий, афористической состоит в прерывности, т.е. в малом числе союзов и местоимений относительных, обыкновенно связывающих части периода. В полном напряжении удерживать внимание читателя афористической речи позволяет краткость, ясность, выразительность и прерывистость. Употребляется в сочинениях небольшого объема и содержания, преимущественно тогда, когда необходимо сосредоточить мысли читателя и обратить их на нечто существенное. Это необходимо в тех случаях, когда предмет изложения являются сильные чувствования или важные и возвышенные мысли, требующие особой ясности и силы выражения. Существенным отличием этого вида речи является то, что «побочные» мысли не относятся к главным в виде вставочных предложений, а выражаются наравне с ними, в форме особых предложений. Довольно редко этот вид речи встречается (на момент середины XIX в.) в чистом виде, т.е. без дополнения главных предложений вставочными. Образец речи прерывистой:

«Между тем все церкви Московские были отверсты с утра до глубокой ночи. Народ лил слезы пред алтарями и постился. Митрополит учил его и вельмож христианским добродетелям, торжествующим в бедствиях. Но слабые трепетали» (Карамзин)⁴.

---

³ Зеленецкий К. Курс русской словесности для учащихся: В 2-х ч. Ч. 1: Общая риторика. Одесса, 1849.

⁴ Зеленецкий К. Курс лекций по русской словесности: В 2-х ч. Ч. 1: Общая риторика. Одесса, 1849.

«Есть светлая сторона. Мы ее не знаем, но верим, что она есть. И сия вера подобна действию начинающегося утра на затворенные очи спящего юноши, когда еще играют над ним сновидения ночи. В сей стороне обитают первенцы любви Божьей. Их бытие для нас непостижимо. Они блаженствуют в созерцании ясного для них Создателя. Однажды, посреди великолепного создания, один из сих обитателей света, стоял преклоняя взоры, в задумчивом размышлении. Что с тобою, брат мой? спросил подлетевший к нему товарищ блаженства. На лице твоём что-то не здешнее. Какое видение наполняет и как будто тревожит твою душу?» (Жуковский)⁵.

Отрывистую форму имеет также так называемая лаконическая речь. Лакедомоняне признавали одним из первых условий общежития – скромность в словах и выражениях, что являлось также предметом преподавания. Предметом отрывистой речи служат только важные и разительные мысли. К образцам этой разновидности речи отрывистой К. Зеленецкий относит следующие: *Пришел, увидел, победил* (донесение Юлия Цезаря Римскому сенату о победах в Галии); *Прага у ног Вашего Величества. Ура!* (донесение Суворова Императрице Екатерине об одерживаемых им победах. Ответ Екатерины на это донесение: «*Ура, фельдмаршал Суворов!*» – так Суворов был произведен в фельдмаршалы).

Рассматриваемые синтаксические формации следует расценивать как акратические копии славянской культуры, обеспечивающие ее эпистемическое воспроизводство. Напомним, что под эпистемой понимается исторически изменяющаяся структура, которая определяет условия возможности образования сознания и культуры в конкретный исторический период [Фуко, 1977]. Подобные синтаксические формации характеризуют ход эволюции славянской культуры, обретая статус особых семиотических систем оформляющих мысленную речь (ее типы) и варианты соответствующего семиотического поведения. «Ход эволюции, – отмечает П.В. Серебровский, – есть постепенное освобождение от власти среды. Спускаясь в глубь времени, мы видим, все большую и большую зависимость от среды. На протяжении этой линии лежит наименьшая автономность организма, а еще дальше – единство живого и мертвого» [Серебровский, 1931].

---

⁵ Зеленецкий К. Курс лекций по русской словесности. Одесса, 1849. Ч. 1.

Будучи новым вариантом актуализации социальной семиотики М.В. Ломоносова в XIX в., виды речи в русском книжном языке представляют собой особые вычислительные структуры (вычислительные для семантики русской мыслительной культуры), моделирующие двигательную сторону жизни «внутреннего языкового сознания» [Гумбольдт, 1984].

Особенностью жизни внутреннего языкового сознания является присутствие пустого знака, фиксирующего в контексте постмодернистской философии парадигмальную презумпцию на восприятие символических сред самодостаточной реальности. Присутствие пустого знака определяет программную открытость значения, зависящую, в свою очередь, от множественности его культурных интерпретаций. Именно внетекстовое «трансцендентальное означаемое» – мысль – становится объективной реальностью, абсолютно предшествующей всякой работе означивания, семантическим содержанием или формой присутствия, гарантирующей извне движение общего текста [Kristeva, 1969].

Программная открытость значения интерпретируема с позиций онтологической модели структуры лексического значения. В рамках заявленной модели, в соответствии с концепцией М.Н. Янценецкой, фиксируется место слова в онтологии языка, в разного вида лексических и тематических парадигмах, передающих представление человека об онтологии окружающего мира [Янценецкая, 1991]. «Репрезентируя онтологическую модель лексического значения, слово предстает как классификационная единица, отражающая место называемого явления (объекта) в онтологической картине материального и духовного мира» [Янценецкая, 1991, с. 30]. Онтологическая модель лексического значения лежит в основе умственного обладания языком, о котором говорил в XIX в. Гиляров-Платонов, которое, по его мнению, суммировало современные формы бытия слов и их историю. Умственное обладание языком позволяет приблизиться к постижению форм бытия и закона, которому следует речь человека, состоящая из системы звуков и соединенных с ними представлений – впечатлений души.

Внутренняя активность славянской культуры как автономной системы обусловлена активностью (жизнедеятельностью) внутреннего языкового сознания, сочетательная рефлексивность которого концептуализируется в онтологической модели лексического значения, получающей плоскостную развертку в тексте славянской художественной культуры в виде иерархизированной

пропозиции, отвечающей принципу максимального многообразия [Халина, 2004], действующего на духовном уровне.

Образец славянской художественной культуры (речь Митрополита Филарета):

Благодатию всесвятого и всеосвящающего духа совершилась ныне священное обновление сего храма, созданного прежде нас в честь и память явления Пресвятой Владычицы нашей Богородицы Преподобному и Богоносному Отцу нашему Сергию, чему очевидным свидетелем был и Преподобный Михай, во благоухании святыни здесь почивающей. Праведно было память сего благодатного события почтить освященным храмом, хотя впрочем и вся обитель сия есть памятников сего чудного посещения, потому что вся судьба ся в продолжении веков есть исполнение обетования небесной Посетительницы: неотступна буду от места сего.

Но если памятнику свойственно возвращать мысль ко временам и предметам: то, прости мне, великая Лавра Сергиева, мысль моя с особенным желанием устремляется в древнюю пустыню Сергиеву. Что и в красующихся ныне храмах твоих дела Святых, обиталище Святыни, свидетелей праотеческого современнического благочестия; люблю чин твоих богослужений, и ныне с непосредственным благословением. Преподобного Сергия совершаемых, с уважением взираю на твои столпостены, непоколебавшиеся и тогда, когда поколебалась было Россия; знаю, что и Лавра Сергиева и пустыня Сергиева есть одна и та же, и тем же богата сокровищем, т.е. Божию благодатию, которая обитала в Преподобном Сергии в его пустыне: и еще обитает в нем и его мощах, в его Лавре: но при всем том желал бы узреть пустыню, которая обрела и стяжала сокровище, наследованное потом Лаврою. Кто покажет мне малый деревянный храм, на котором в первый раз наречено здесь имя Пресвятой Троицы? Вошел бы я в него на всеношное бдение, когда в нем с треском и дымом горящая лучина светит чтению и пению, но (когда) сердце молящихся горит тише и яснее свечи, и пламень их достигает до неба и Ангелы восходят и нисходят в пламени их жертвы духовной. Отворите мне дверь тесной келии, чтобы я мог вздохнуть ее воздухом, который трепетя от гласа молитв и воздыханий Преподобного Сергия, который орошен дождем слез его, в котором впечатлено столько глаголов духовных,

пророчесственных, чудодейственных. Дайте мне облобызать праг ее сеней, который истерт Ногами Святых, и через который однажды переступили стопы Царицы Небесная. Укажите мне еще другие сени другой келии, которые в один день своими руками построил Преподобный Сергей, и, в нагрузку за труд дня и за глад нескольких дней, получил укрухъ согнившего хлеба. Посмотрел бы я, как позже других наслаждений в сей пустыне, Преподобный Никон спешно растет и созревает до готовности быть преемником Преподобного Сергия. Послушал бы молчание Исаакиевы, которое без сомнения поучительнее моего слова. Взглянув бы на благоразумного архимандрита Симона, который довольно рано понял, что полезнее быть послушником у Преподобного Сергия, нежели начальником в другом месте. Ведь это все здесь только закрыто временем, или заключено в сих величественных зданиях, как высокой цены сокровище в великолепном ковчеге; покажите сокровище; – оно непохитимо и неистоцимо; из него без ущерба его, можно заимствовать благо потребное, например безмолвие молитвы, простоту жизни, смирение мудрования.

Иль это вам кажется только мечтанием воображения? О, если бы мы достойны были более очищенным оком ума созерцать сие в более существенных явлениях света духовного, а не в представлениях только собственного воображения. Но, мне кажется, лучше хотя мечтать таким образом, нежели любопытствовать противным сему образом.

Братия сей обители! Вы пришли сюда, когда пустыня уже облечена некоторым образом в подобие града обительного: но не града же искать пришли вы сюда; следственно пришли вы искать пустыни. Если она несколько закрыта: тем внимательнее надлежит ее искать. Если шум житейской молвы не вдалеке слышен: тем нужнее заграждать от него слух. Если образы суетного мира движутся пред лицом пустыни, тем ревностнее должно нам преднаписывать себе пред очами образ чистого пустынножительства и постоянно на него взирать и с ним сообразовать житие наше»⁶.

Синтаксические формации в славянской культуре представляют языковое изображение резонансного взаимодействия внешних впечатлений (реальных) и впечатлений прошлых (виртуаль-

---

⁶ Зеленецкий К. Курс лекций по русской словесности: В 2-х ч. Одесса, 1849. Ч. 1.

ных), оставивших след. Существо подобных взаимодействий, с опорой на концепцию Ф. Капры [Сарга, 1975], можно объяснить через цикличность вращения вокруг объекта созерцания и формирование многомерного впечатления путем наложения единичных впечатлений. Получаемая в результате цикличности вращения мысли концептуальная система тождественна системе предикатов славянской праксеологии, или логической системе топосной концептуализации, отвечающей за преобразование топоса. Топос, по мысли известного японского философа К. Куроды [Куроода, 2001], означает живую реальную действительность, или действительное место в истории, т.е. в материальном мире, который содержит в себе и Природу человека (*natura naturata*), и определяемое исторически общественное существование, и внешнюю Природу (*natura naturans*), которая противостоит человеческим существам.

В речи митрополита Филарета представлена «линеаризация» славянской культуры как живой системы, характеризующейся наличием двух потребностей: 1) потребности сегментации мира и систематизации впечатлений в форме языковых событий; 2) потребности «процветание», открытости. Живые системы, по замечанию В.А. Энгельгардта, являются системами открытыми, существующими в принципиально неравновесных средах; системы процветающие в неравновесных средах получили название диссипативных [Энгельгардт, 1984]. Открытые диссипативные системы характеризуются непрерывным обменом веществ, энергией и информацией с окружающей средой, что для славянской культуры фиксируется в синтаксических формациях (видах) речи. Реализации этой потребности предшествует линеаризация – определение линии разрыва речевой ткани, т.е. перехода ризоморфной среды в иное состояние, когда ядерным компонентам языковых событий приписывается новый признак-функция.

Ризоморфная среда, или в нашем случае, славянская культура, в соответствии с концепцией ризоморфной среды Ж. Делеза и Ф. Гваттари [Deleuze, Guattari, 1976], состоит из неоднородных тем, различных дат и уровней (текст сосредоточен на одной из тем составляющих духовное содержание славянской культуры – пустынножительстве). В речи митрополита Филарета представлен синтаксис славянской мысли, которая оценивается как особого рода артефакт, т.е. произведение искусства. Происходит ус-

ложение семантических структур через введение дополнительных лексико-морфологических структур, свидетельствующих об эволюционировании семантических структур, возрастающем разнообразии, которое характеризуется внутренней устойчивостью. Порождаемое разнообразие в рамках целого, считает Ю.В. Сачков, можно рассматривать как порождение новых специализаций, повышающих функциональную деятельность системы [Сачков, 2002], для славянской культуры – прежде всего деятельность экспрессивно-интеллектуальную. Новый признак-функция славянской культуры, который «отрабатывается» в символической системе «русский язык», – коммуникативное мышление, результатом деятельности которого (результатом актуализации этой функции) становится отыскание новых форм непрерывности, т.е. определенной формы связи, обеспечивающей смысловые приращения на уровне макротекста – исторического процесса. Подобной формой связи является иерархизованная пропозиция, демонстрирующая прагматическую ценность мира, сводимую к положению о том, что «все вещи связаны и соединены друг с другом каким-нибудь образом и что практический мир существует в виде ряда сетей и сцеплений, делающих из него некоторую непрерывность и «цельность» [Джеймс, 1997, с. 260].

Глава 6

ПРОЦЕСС НОРМАТИВАЦИИ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Испанский исследователь Л. Арасил [Araçil, 1982] выделяет два аспекта или направления нормативации: 1) фиксация языка, установление наддиалектного варианта, который не совпадает полностью с каким-либо диалектным вариантом; 2) культивация, разработка, обогащение языка, развитие его внутренней структуры и увеличение функционального разнообразия. Нормативация, или стандартизация, языка, его фиксация – это не просто упорядочение в эстетических целях, а в высшей степени оперативная и функциональная адаптация его к новой совокупности сфер узуса.

Если языковой репертуар, по Л. Арасилу, – это языковое разнообразие, существующее в определенной социокультурной сфере, то языковые варианты репертуара, специализированные в функциональном отношении, являются «стилями», «регистрами», или «жанрами». К таким функциональным разновидностям Л. Арасил относит и стандартный язык, который является стилем в данном смысле.

Процесс нормативации в русском литературном языке следует прежде всего соотносить с XVI в., когда появляется особая функциональный регистр, жанр в русской литературно-речевой культуре – публицистика. Публицистика оформляется «на фоне» существовавших в XIV–XV вв. агиографии, исторического повествования, повести (в XVI в. эти жанровые разновидности повторяются).

XVI век – время окончательного складывания и укрепления Русского централизованного государства. Хотя в этот период продолжает развиваться русская архитектура, живопись, возникает книгопечатание, как отмечает Я.С. Лурье, основной доминантной чертой этого периода становится жестокая централизация культуры и литературы – разнообразные летописные своды сменяет единая общерусская великокняжеская (потом царская) летопись, создается единый свод церковной и частично светской литературы – «Великие Минеи Четьи» (т.е. месячные тома для чтения – материал для чтения, расположенный по месяцам) [Лурье, 1980]. Разгромленное в начале XVI в. еретическое движение в середине XVI в. возникает вновь после крупных народных вос-

станий 40-х гг. Антифеодальным движениям противостоит официальная идеология, складывание которой прослеживается уже с первых десятилетий XVI в. В начале 20-х гг. XVI в. появляются два важнейших идеологических памятника: «Послание о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы и «Послание на звездочетцев» псковского старца Филофея.

В «Послании о Мономаховом венце» излагалась легенда о происхождении правящей на Руси великокняжеской династии от римского императора – «Августа-кесаря» и о подтверждении ее династических прав «Мономаховым венцом», якобы полученным киевским князем Владимиром Мономахом от византийского императора. Эта легенда сыграла важнейшую роль, по мнению Я.С. Лурье, в развитии официальной идеологии самодержавного государства [Лурье, 1980, с. 287–333].

Около 1524 г. было написано «Послание на звездочетцев» старцем (старшим монахом) Псковско-Печерского монастыря Филофеем. Оно было адресовано дьяку Мисюрю Мунехину и направлено против служившего при дворе Василия III, немецкого врача и философа, латинянина (католика) Николая Булева (Бюлова), распространившего на Руси немецкий альманах с астрономическими и астрологическими предсказаниями. Филофею принадлежит создание теории «Москва – третий Рим»: «Два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти». Эта теория опиралась на идеи, высказанные еще в XV в. и связанные с завоеванием Царьграда турками. Византийский император и патриарх, незадолго до завоевания Константинополя турками, с целью получить помощь с Запада, согласились на соединение Греко-православной церкви с латинской, православной с католической. Однако церковная уния не спасла Константинополь, и в 1453 г. он был завоеван турками. В России отказ от православия Царьграда рассматривался как наказание завоеванием турками, завоевание это было карой божьей. В 1492 г. митрополит Зосима, близкий к еретикам, заявил, что на смену «первым» – грекам – приходят «последние» – русские, и назвал Москву «новым градом Константина». Филофей был противником еретических движений, но идее «Москва – новый город Константинополя» он придает еще большую широту, объявляя Москву духовным центром всего христианского мира.

В 1551 г. в Москве проходил церковный собор, утвердивший сложившийся на Руси церковный культ как незыблемый и окончательный и направленный против любых реформационно-

еретических учений. Постановления собора были изданы в особой книге, состоящей из царских вопросов и соборных ответов на эти вопросы. В этой книге было 100 глав, по количеству которых была названа и сама эта книга и собор, ее выпустивший, – Стоглав и Стоглавый собор. С официальной идеологической политикой Ивана Грозного в период Стоглавого собора, отмечает Я.С. Лурье, связан ряд обобщающих литературных мероприятий XVI в.: собственно составление «Стоглава», создание «Великих Миней Четьи» и «Домостроя».

Особый интерес представляет «Стоглав», базирующийся на идее диалога: царские вопросы и соборные ответы. Свое название сборник и сам собор – Стоглавый – получили по количеству глав с вопросами царя Ивана IV о церковном устройстве, обрядности, языческих и иных верованиях и ответах на них церковно-земского собора, который проходил в Москве в 1551 г. Этот собор ограничил владения церкви в городах, ее финансовые привилегии, осудил реформационно-еретические учения, отверг секуляризационные планы государства, утвердился сложившийся ранее на Руси церковный культ. Постановления собора были собраны в сборнике «Стоглав», представляющем также образец русской эротетической (вопросно-ответной) логики.

Вопро^с · к^т ·

- 200 Да дѣти бога р'ские и лю^{ди} бо
 цар'ские · и всѣкіе браѣи
 ки зерню играю^т · и про
 пиваютсѧ ни слоужать
 ни промышляю^т · и ѿ ни^с | |
- 205 всѣкое зло чинитсѧ · крадоу^т
 и розбиваю^т · и дѣши гоубать
 и то бы зло искоренити ·
И ш томъ ѿвѣтъ ·
 Бл̄гочиво^моу ц̄рю въ цр̄твѣ
- 210 ющемъ граде москвѣ · и по
 всѣмъ градомъ свою цр̄скѣю
 заповѣ^ди оучинити · чтобы
 дѣти бога р'ские и лю^{ди} бога р'ские
 и всѣкіе браж'ники зерню

215 не играли · и по корч`мамъ
не пили · и прочего зла не
творили · и жили бы пш
кртіаньски · и были бы
довол`ны своими шброки ·

По сути своей этот диалог между Царем и Собором более соответствует современному – феноменологическому – пониманию диалога, чем классическому логическому. В логическом диалоге гарантом понимания является полнота перевоплощения в речевого субъекта, оборачивающаяся репрессией индивидуального (связь осуществляется через сферу общезначимого, через речь (логос)). В феноменологическом диалоге происходит непосредственный обмен и перевод между персональными мирами, сохраняющими свои особенности. Полнота понимания обеспечивается только знанием языка Другого во всей его специфике.

Диалог «Стоглава» обустроивает взаимодействие между двумя типами языков, характерных для мыслительной деятельности человека христианского мира XVI в.: первичным языком образного мышления (вопросы Царя) и языком умозрения (ответы Собора). Первичный язык образного мышления представляет диссоциацию сознания – сознания, в котором индивидуум утрачивает функцию выделения себя из среды как субъекта познания реальности. Это предопределяет, с одной стороны, не критичность к содержанию создаваемых и транслируемых текстов, с другой стороны, – расценивается как способ восстановления эмоционального равновесия. Первичный язык образного мышления следует определить для России XVI в. как стандартный язык, по Л. Арасилу, специализированный на обслуживание особой сферы узуса российской действительности – среды актуализации ЭГО – среды формирования личностного смысла и меры его счисления (комментирование, дискурсивное мышление, план членения и понимания мысли) – сферы альтернативных идей. Личностный смысл раскрывает особенности внутреннего Логоса как предиката сущего. Формирование предиката сущего – процедура двусторонняя, актуализирующая две ипостаси «другого»: «другое» – состояние ЭГО – и «другой» – участник коммуникации и формирования среды актуализации ЭГО. (ЭГО – сфера личности, характеризующаяся внутренним сознанием ее самой себя и подготовкой адаптации личности к реальности). Стандарт-

ный язык Ивана Грозного есть языковая альтернатива языку умозрения, заявленного в ответах Собора, альтернатива Логосу проявленному – идеальному отражению цельности сущего в разделенности бытия.

Язык умозрения основывается на вероятностном представлении, которое определяет функцию распределения – описания поведения случайной величины – знания, отраженного в мысли. Это язык, с помощью которого представлено ядро метафизической схемы всеединства, или латентное содержание языка личности – «языка другого» как самостоятельной системы, располагающей не только единицами, но и правилами их согласования. Тип записи подобного языка – текст суждений, который является логическим конструктом Мира, иерархии Мира. Непротиворечивое описание Мира служит основанием для конкретизации объема функций распределения семантического, в византийской культуре, воплощенной в слове (Логосе) древнеславянского языка. Объем функций распределения задается параметрами *красота*, *цельность*, *совершенство* (это параметры изображения истины, в том числе и в высказывающейся речи).

Процесс нормативации в литературно-речевой культуре XVI в., когда разрабатывается внутренняя структура русского языка и происходит увеличение его функционального разнообразия не в плане функционально-стилистическом (хотя и это имело место – оформляется как самостоятельное явление русской языковой и культурной жизни жанр публицистики, прежде всего жанр мыслительности, ориентированный на «другого»), но в плане функционального разнообразия русской когнитивной культуры, способной изображать истину в стилистическом и синтаксическом построении (поэтический рисунок) (что получит отражение в разных видах речи – период, афористическая и соразмерная речь). Стилистическое и синтаксическое изображение истины отличается от византийского способа воплощения Логоса: иное воплощение мысленной речи, мотивированной христианским каноном, в русском слове.

В диалоговой форме определяются границы собственного бытия. Преодоление этих границ возможно с помощью знаний Другого, что тождественно по своей сути материальной структуре складки – понятию классической философии и философии XX в., термина «различающего подхода». М. Фуко считает, что складка

в качестве философского знания способствует сохранению индивидом собственной идентичности [Фуко, 1977]. «Складывание» позволяет адекватно описать, а следовательно, сохранить Память людей в ипостаси «абсолютной памяти внешнего», «зафиксировать» настоящее имя отношения индивида к себе, в контексте XVI в. в России «зафиксировать» отношения «русского народа» к себе как составляющей коммуникационного информационного процесса.

Складка Старого Света, будучи элементом философского, т.е. прежде всего логического, знания Европы в XVI–XVII вв. осуществляет свое приближение второго порядка (первое приближение, видимо, имело место в работах Аристотеля, Пифагора, Платона) к азиатскому перцептуальному потенциалу через русское православие. Складка, по утверждению К. Видала, всегда находится «между» двумя дугами складки, не соотносясь ни с одной координатой в том месте, где касательная встречается с кривой. Движение материи в таком случае происходит по касательной, в результате чего формируется бесконечно пористая и изобилующая пустотами структура, без каких то ни было пробелов, мир, детерминированный такого рода движением материи, устроен подобно пчелиному улью с неправильными проходами, в которых обнаруживает себя процесс свертывания-завертывания, деградации-развития, а не сжатия-разжатия, сокращения-расширения.

Складка Старого Света находится в виртуальной коммуникации, определяемой, с одной стороны, системой правил общения восточных цивилизаций, коммуникативной компетенцией Нового Света, с другой стороны, восточной когнитивной культурой и американским способом нахождения истины (Америка открыта для доступа европейцев 1492 г.).

В «Письме царя Ивана IV Васильевича опричному думному дворянину Вас. Григ. Грязному, захваченному в плен крымскими татарами» (1574 г.)¹ намечается процесс формирования социального квазисубъекта, или оформления идеи общности, – отношений, в соответствии с позицией Ю. Хабермаса [Habermas, 1971], возникших еще в античном полисе.

---

¹ Текст дается в редакции составителей «Хрестоматии по истории русского языка» 1938 (составители С.П. Обнорский, С.Г. Бархударов), переизданной в 1999 г.

«От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии Василью Григорьевичю Грязному Ильину. Что писал еси, что по грехом взяли тебя в полон – ино было, Васюшка, без путя среди крымских улусов не заезжати; а уж заехано – ино было не по об'езному спати: ты чаял, что в об'езд приехал с собаками за заицы – ажно крымцы самого тебя в торок вязали. Али ты чаял, что таково ж в Крыму, как у меня стоячи за кушеньем шутити?..

...И тебя, вед, на Дивея выменити не для крестьянства на крестьянство: ты один свободен будешь да приехав по своему увечью лежать станешь, а Дивеи приехав учнет воевати да несколько сот крестьян лутчи тебя пленит, что в том будет прибыток? Коли еси сулил мену не по себе и писал и что не в меру, и то как дати? То крестьянству не пособити – разорить крестьянство, что неподобною мерою сделать. А что будет по твоей мере мена или окуп и мы тебя тем пожалуем. А будет станешь за гордость на крестьянство – ино Христос тебе противник».

Идея Общественности основывается на агональном типе взаимодействия равных с равными в сфере свободы, оформление которого правомерно связывать с возникновением современного государства и отделенной от него сферой гражданского общества. Социальный квазисубъект – «общественность» – руководствуется ориентацией на коммуникативное поведение, полагающее другого в качестве самодостаточной ценности и рассматривающейся в качестве самодостаточной процессуальности, имеющей своей целью акт самоосуществления. Язык, в таком случае, определяется как метаинструкция, от которой зависят все общественные институты. Сам же язык детерминирован общественными процессами, дающими о себе знать через выбор синтаксических конструкций, которые маркируют процедуру овладения внешней природой. Так, подобными синтаксическими конструкциями в «Письме Ивана IV Васильевича» являются: *без путя среди не заезжати, а уж заехано; а помянул бы ти свое величество; и мы того не запираемся, что ты у нас в приближенье был; и мы для приближенья твоего; ты один свободен будешь да приехав по своему увечью лежать станешь; коли еси сулил мену не по себе; и что не в меру, и то как дати.*

Данные синтаксические конструкции представляют собой ритмическую артикуляцию дискурса современного государства,

начало радикального процесса поворота Старого Света (Христианского мира) к свободе, обретшего вербальную артикуляцию в *The History of Hamlet, Prince of Denmark* by W. Shakspeare:

*To be or not to be: that is the question:
Whether 'tis nobler in the mind to suffer
The slings and arrows of outrageous fortune,
Or to take arms against a sea of troubles,
And by opposing end them?*²

Языковая метаинструкция модернового государства схематически может быть представлена следующим образом: **вопрос** (коммуникативное действие, порожденное общественными процессами и позволяющее перевести собственно общественный процесс в статус процесса исторического) → **действие** (выбор из множества семантических величин той, которая позволит признать обстоятельства повседневной жизни событием) → **ответ** (система логического обоснования возможности недействия, базирующаяся на замене оппозиции субъект-объект бинарной оппозицией $A \rightarrow \text{не-}A$).

Формулирование вопроса предваряется «маятнично-челночным» обустройством языкового пространства обитания модернового государства, предпринимаемым автором «Письма», или ориентацией на импликационный принцип формирования суждения о мире как события, что повторяет, по сути, языковую идеологию построения мира, разрабатываемую в «Русской правде».

Импликационное обустройство среды обитания этноса предопределяет радикальный поворот к свободе, означающий прежде всего перенос акцентов в культуре с отношения «субъект-объект» на сферу межличностных коммуникаций, моделируемых в диалоговом режиме. Причем для России диалогичность коммуникации обусловлена явлением диномии, которое Ч. Фергюссон [Ferguson, 1959] трактует как использование двух культур в рамках одного общества, при доминировании одной над другой. Подобное превалирование в рамках модернового государства, подкрепленное диглоссией, становится предпосылкой для оформления системы связей, ориентированной на трансцендентального субъекта, который аксиологически симметричен социальному квазисубъ-

---

² Shakespeare W. *Two Tragedies (The Tragical Histori of Hamlet, Prince of Denmark; Macbeth)*. Moscow, 1985.

екту. Переживание системы связей современного государства, ее места в структуре общественных процессов человечества осуществляется в процессе сжатия-разжатия мира, которое происходит при формировании социальным субъектом собственного эйдоса истории, создании индивидуальной теории исторического бытия:

Remember thee?

Yea, from the table of my memory

I'll wipe away all trivial fond records,

All saws of books, all forms, all pressures past,

That youth and observation copied there;

And thy commandment all alone shall live

Whithin the book and volume of my brain,

Unmix'd with baser matter: yes, by heaven!

(The Tragical History of Hamlet, Prince of Denmark)³

Государство современного типа деклассирует симметрию и одновременно асимметрию: *table of my memory* → *volume of my brain*; *А что сказываешь(я) великий человек* → *ино что по грехом моим учинилос(ь) и нам того как утаили; и мы для приближенья твоего тысячи две рублей дадим* → *а доселева таким по пятидесят рублей бывали*.

Некоординированное существование семантических сингулярностей, согласно позиции Ж. Делеза [Делез, 1999], определяющих субъекта в начальной страте современного государства в «Письме», перерастает в интеграционный процесс в *The Tragical History* – «спящие смыслы» социального квазисубъекта – общественности – «пробуждаются» под воздействием радикального типа свободы – *freedom of my mind*.

Процесс конституирования субъективности предстает в качестве процесса взаимостимуляции внешнего и внутреннего Старого Света, или их кросс-каталического взаимодействия; складка внешнего (*The Tragical History*) конституирует его самость, самое же внешнее («Письмо») формирует соответствующее внутреннее, которое «разжимается» в *Holly Sonets, Resurrection, Ascension* by D. Donn.

В произведениях Дж.Донна происходит раскрытие глубины социального квазисубъекта современного общества, его внутрен-

---

³ Shakespeare W. Two Tragedies (*The Tragical History of Hamlet, Prince of Denmark; Macbeth*). Moscow, 1985.

него – отношения субъекта и трансцендентального субъекта, потенциально дифференцированного в «Письме».

В ходе распрямления складки синхронный исторический мир приближается к символической реальности *par excellence*. Подобной символической реальностью для Христианского мира XIV–XVI вв. был христианско-языковой союз «Киевская Русь», находящейся в переходном состоянии к символической системе «русский народ». «Эта реальность, – отмечает В.В. Малявин, – есть «принцип утонченности» (мяо ли), саморазличающееся различие, бесконечная конечность, которая обуславливает неразличение вещей. Такова природа самоестественности бытия...» [Малявин, 2003, с. 286].

Самоестественность современного государства, контурно намеченная в «Письме», в произведениях Дж. Донна определяется сентенциями:

(1) *I again risen may*

*Salute the last, and everlasting day (Resurrection)*⁴

(1) *Bright Touch, which shin'st, that I the way may see,*

Oh, with thy own blood quench thy own just wrath.

And if thy holy Spirit, my Muse did raise.

*Deing at my hands this crown of prayer and praise (Ascention)*⁵

(2) *As due by many titles I resign*

My self to Thee, o God; first I was made

By Thee, and for Thee, and when I was decayed

*Thy blood bought that, the which before was Thine (As due by many titles I resign)*⁶

В приведенных поэтических сегментах присутствует складка внутри складки: современное государство есть складка в складке Старого Света. В складке современного государства существует «складка Бога», предполагающая способность мыслить определенным образом – в Божественном пределе, всеми [НФС, 2003]. Подобная мыслительная деятельность основывается на способности понимания главных трансцендентальных свойств образа Мира. В таком случае говорят о предданности облика, схемы и смысла универсального типа связи любых составляющих универ-

---

⁴ Donne J. La Corona // WWW. luminarium.org/sevenlit/donne/index.html

⁵ Там же.

⁶ Donne J. Holly Sonets // WWW. luminarium. org/sevenlit/donne/index.html

сума мировой линии линий, линии внешнего. Через отношение к «сгибанию» выявляются свойства души и материи: первая нестигаема, неизбывно имеет форму, может сгибать материю и самое себя, противостоять; вторая подвержена воздействию извне, результатится в виде складки, перманентно обретает и теряет форму.

Контуры формы души – сгибы – субъекта, коммуницирующего с трансцендентальным субъектом, определяется Дж. Донном таким образом: *everlasting day, Holy Spirit, this crown of prayer and praise; first I was made by thee and for thee*. В процессе взаимодействия реконструируется трансцендентальный квазисубъект, который является внутренним социального квазисубъекта модернового государства, формирующим бинарную структуру *Holy Democracy – Public Society. Holy Democracy* характеризуется тем, что при ней *all-healing grace and spirit revive again what law and letter kill (Father, part of his double interest, those are my best days, when I shake with fear (Oh, to vex me, contraries meet in one)*. Силы сгибания материи, которые направляются принципом предусмотренной гармонии, в произведениях Дж. Донна – *two Wills which the Legacy of his and thy kingdom do thy Sons invest*. Они ориентированы на восстановление полного состояния первоначально го покоя формы, или *profane love* и *constant habit*.

Когнитивное моделирование Ивана Грозного, осуществляемое в семиотической системе русского языка, выявляет пустоты, споспешествующие целенаправленной коммуникативной активности жителя Старого Света по созиданию модернового государства. Подобное моделирование обусловлено *the book and volume of my mind* и в завершении своем созидает *the table of my memory*, импликационно заполняемую ритмически соответствующими мыслительной деятельности социального субъекта языковыми структурами. Тем самым происходит ритмоимпликационное обустройство модернового государства (см. табл. 1).

Символом □ в таблице обозначены пустоты (прерывности) в траектории движения мысли представителя индоевропейского союза, выявляемые логико-грамматической категорией каузальности – характерологической категорией системы древнерусского языка, отличающей его как от церковнославянского языка, так и от греческого базиса. Символ ■ маркирует деятельность практического интеллекта, использующего графическую систему для отыскания оптимального способа адаптации к условиям обита-

ния, их изменения или выбора другой среды. В целом сочетание *the book of my mind* и *the volume of my mind* открывает технику самовозрождения синтагмы, основывающуюся на самовозрождающихся потенциях синтагмы, которые отражают предрасположенность возможности восходить к действительному бытию.

Таблица 1

Ритмоимпликационное обустройство современного государства

<i>The book of my mind</i>	<i>The volume of my mind</i>
<p>Что писал еси, что по грехом взяли тебя в полон ☐ а уж заехано – ино было не по об'езному спати: ты чаял, что в об'езд приехал с собаками – за заицы – ажно крымцы самого тебя в торок взяли</p>	<p>■ ино было, Васюшка, без путя среди крымских улусов не заезжати</p>
<p>☐ ино таковы и в станицах ежживали, а ты в станице у Пенинского был мало что не в охотникех с собаками, и прежние твои были у ростовских владык служили</p>	<p>■ А помянул бы ти свое величество и отца своего в Олексине</p>
<p>И мы того не запираемся, что ☐</p>	<p>■ ты у нас в приближенье был</p>
<p>☐ тысячи две рублей дадим, а доселева такие по пятидесять рублей бывали; а ста тысяч</p>	<p>И мы для приближенья твоего ■ ■ опричь государей ни на ком окупы не емлют, а опричь государей таких окупов ни на ком не дают</p>
<p>☐ да приехав по своему увечью лежать станешь, а Дивей приехав учнет воевати да несколько сот крестьян лутчи тебя пленит, что в том будет прибыльок?</p>	<p>И тебя, вед, на Дивей выменити не для крестьянства на крестьянство: ты один свободен будешь ■</p>
<p>Коли еси сулил мену не по себе и писал и что не в меру, и то как дати? ☐</p>	<p>■ То крестьянству не пособити – разорить крестьянство, что неподобною мерою сделать. А что будет по твоей мере мена или откуп и мы тебя тем пожалуем. А будет станешь за гордость на крестьянство – ино Христос тебе противник.</p>

«Складывание», являющееся базисной логической операцией при ритмоимпликационном обустройстве мира, позволяет сохранить «абсолютную память внешнего» [Фуко 1977], зафиксировать «настоящее» имя отношения представителя Старого Света к себе, а, следовательно, сохранить идентичность в процессах коммуникации внутри индоевропейского языкового союза.

Когерентность дискурса мысленной речи индоевропейского языкового союза в XVI в. способствует временному восстановлению единства этого союза с целью селекции когнитивных структур и семиотических систем его составляющих в преддверии перехода Христианского мира в новое состояние. Это состояние обусловлено, с одной стороны, эволюцией знаниевых и понятийных структур, характерных для европейских территорий, с другой стороны, географическими открытиями XV–XVI вв., открытием Нового Света, новых языковых систем, обнаруживающих иные «стороны Света» и, как следствие, законы организации его. Кроме того, в XVI в. на уровне внутренней формы структурируется качественно иной вариант существования христианско-языкового союза «Киевская Русь», обусловленной его долгосрочной коммуникацией с татаро-монгольской военно-политической системой.

Культивация, обогащение русского языка в XVI в., увеличение его внутреннего функционального разнообразия принципиально значимо для увеличения функционального разнообразия мысленной речи в ее разновидности «высказывающая речь», которой признается, согласно Аристотелю, лишь та речь, в которой содержится истинность или ложность чего-либо (однако констатируется, что истинной или ложной может быть только мысль). Проверка на истинность/ложность позволяет определить тот мысленный проект связей (принцип соединения объектов реального мира в некоторый ансамбль), удовлетворяющий материальную потребность человека и непротиворечащий реальному состоянию дел (событию) в Мире Форм и отношений (мировом пространстве), доступном познающему субъекту в повседневном контактирующем восприятии, но не постигаемом на уровне сущности, экзистенции. Экзистенциальное бытие – это бытие в языковой форме, построенной по законам пропорционирования, вероятно, воспроизводящим законы архитектуры мира. Поэтому актуальной становится диалоговая форма взаимодействия,

в элементарном виде воспроизводящая обстоятельства мира, обретающие статус событий лишь в языковом коммуникационном процессе. Последний в свою очередь, с одной стороны, является аналоговой реконструкцией мыслительного процесса, с другой – обеспечивает непрерывность человеческой истории, преемственность «цивилизаций», отвечающих за «новые повороты в истории человечества».

Л. Арасил, заимствуя схему А. Бадии Маргарита, предлагает различать три уровня письменного языка: 1) литературный язык – язык художественной литературы (поэзия, роман, драматургия, очерк и т.д.); 2) письменный культурный язык (научная литература, историография, публицистика); 3) «вульгарный», или «оказионный» письменный язык (Случайные записи, информационные материалы, рекламные тексты). Для России XVI в. значимость обретает трихотомия «литературный язык», «письменный культурный язык» и «вульгарный письменный язык». Таким образом, сопоставляются язык книжный, фиксирующий и воспроизводящий византийско-православную традицию, записывающий «славянскую истину» (мыследеятельность) (1), язык, синтезирующий собственный культурный язык, (2) и язык публицистики и писем. Письменный русский культурный язык должен был «прописать», т.е. изобразить русский Логос, или русскую правду, не противоречащую онтологическим категориям русского книжного языка, однако и абсолютно не тождественную им. Русская правда тяготеет более к «правде-справедливости», а не к «правде-истине», при этом, как отмечает А.В. Гордон [Гордон, 1998], этическая благотворность, соответствие религиозно-философским канонам и искания Бога отступает перед вопросом об истинности-доказательности, формируя традиции «неразделимости гносеологического и нравственного абсолюта, Истины и Веры. В таком случае все события имеют дискурсивные корни, т.е. они могут быть связаны с определенными дискурсивными положениями дел, конкретизации которых они представляют [Jäger, 1993].

В качестве дискурсивных событий возможно понимать такие события, которые политически и по всем правилам (особенно через средства массовой информации вообще и, в частности, через жанр публицистики, могут создаваться как таковые). События могут влиять на направление и качество ветви дискурса к кото-

рой они принадлежат. Дискурс при этом понимается в качестве потока знаний или социальных запасов знаний через время, который определяет индивидуальные и коллективные действия и формы [Jäger, 1993]. Дискурсы осуществляют власть как носители знания и представляют собой фактор власти. Они образовались и обособились как результаты исторических процессов. При анализе дискурса речь идет об анализе «производства действительности посредством действующих лиц. Дискурс представляет собственную действительность, которая по отношению к «действительной действительности» имеет собственную материальность и «питается» из прошлых или настоящих (виртуальных) дискурсов. Ветви дискурса имеют прошлое, настоящее и будущее.

XVI в. – это период в европейской истории (истории Европы), когда оформляется русский дискурс (не Россия как самостоятельное государственное образование) – *иное* по отношению к жизненной модели и системе семиотического поведения европейских территорий и *иное* по отношению к византийской православной модели/схеме концептуального мира и впечатлений души (т.е. иное по отношению к реальной действительности, все еще подпитывающей себя из византийского дискурса). Русский дискурс на момент XVI в. являлся «настоящим» индоевропейского языкового союза, «прошлым» для современного государства (а также российской цивилизации) и «будущим» для Нового времени Европы.

Русский дискурс – исторически определенная ступень в развитии коммуникативного (языкового) человеческого общества, строящего свои отношения с учетом построения языковой формы, т.е. совокупность свойственных коммуницирующему на данной исторической ступени отношений между людьми, занятыми в производстве (производством) действительности; строй дискурсивных процессов и практик, экономическая и языковая жизнь общества. Основу русского дискурса составляет его прагматическая структура – способы языкового действия с точки зрения его эффективности (результативность, продуктивность, правильность, чистота, надежность, целесообразность), свойственная данному обществу система словопроизводственных отношений.

Дискурсивная мысль и проекция Логоса рассматривается как конструктивные элементы русского дискурса, выражение той предметности которого представлено в романе Л.Н. Толстого

«Война и мир». Описание конструктивных элементов русского дискурса по его проекции в романе «Война и мир» производится на основе анализа перевода романа, сделанного Richard Pevear и Larissa Volokhonsky в 2007 г. [Tolstoy L., 2007]. Авторы перевода живут в Париже, трижды номинировались на the PEN-Book-of-the-Month Club Translation Prize, дважды побеждали.

В качестве базового текста для перевода ими был избран вариант оригинального текста, представленный в 4–7 томах Собрания сочинений Л.Н. Толстого (М.: Гослитиздат, 1962). Первая публикация перевода романа была осуществлена в Соединенных Штатах Альфредом Кнопфом в 2007 г., первая публикация перевода романа в Великобритании – издательством Vintage (Random House, 20 Vauxhall Bridge Road, London SW1V 2SA) в 2007 г. “Stunningly translated with remarkable fidelity to the all-important tone of Tolstoy’s original, and including an introduction, notes, a chapter summary and an index of historical figures, this edition of *War and Peace* is destined to become the definitive English translation for our time”, – заметили авторы перевода относительно результата своей работы.

Презентация кириллической семиотической системы, стратифицированный в форме русского дискурса «Война и мир», в семиотическом коде западно-христианского мира, формально представленного латинской графикой, а в плане содержания – унифицированными содержаниями семиотической системы «английский язык», осуществляется в переводе Richard Pevear и Larissa Volokhonsky в форме дискурса, ветвями которого являются: *маркетинговое цитирование*, создающее формально-коммуникативную оболочку *War & Peace* (переплетенная крышка книги, бумажный сегмент на переплетенной крышке, форзац); *диглоссная идеология* (*Introduction, Principal Characters, Notes to pages, Historical Index, Summary*); *перевод Tolstoy’s signature style*; *комментарий A Few Words Apropos of the Book War and Peace by Count Leo Tolstoy*.

Дискурсивная презентация романа Л.Н. Толстого в современном англоязычном мире позволяет обнаружить особенности русской дискурсивной мысли и характерные черты толстовской реализации русского Логоса, актуальные для конфигураций страстей современного человечества. «Что касается конфигураций страсти, – замечают А.Ж. Греймас и Ж. Фантаний, – то они ока-

зываются помещенными на перекрестке всех инстанций, поскольку для своего выражения привлекают некоторые условия и предпосылки эпистемологического рода, некоторые определенные операции высказывания и, наконец, культурные «решетки», которые представляются или как уже интегрированные в виде примитивов, или в ходе интеграции в социолект или идиолект» [Греймас, Фонтаний, 2007, с. 23].

Образцы marketing цитирования: 'It is hard to imagine how this translation could be superseded' (Сложно представить как можно не принимать во внимание этот перевод) (Vladimir E. Alexandrov, Professor of Literature of Yale University) (вклейка в переплетную крышку); 'There is a good argument to say that any decent library must make room for *War & Peace*' (Independent of Sunday), 'The greatest of all novelists' (Virginia Woolf), 'It is simply the greatest novel ever written. All human life in it' (Andrew Marr) (бумажный сегмент, имитирующий формально-коммуникативную оболочку книги как материального и духовного артефакта).

Эти цитаты осуществляют процедуру формализации «чувственного» русского артефакта изнутри для представителя англоязычной культуры, что можно сделать путем дискурсивизации: приглашения в дискурс англоязычной культуры через высказывание, фрагментарный комментарий русского дискурса «Война и мир», семиотические универсалии русской культуры (*Principal Characters, Historical Index, Tolstoy's signature style*). «Дискурсивизация и есть осуществление этого «приглашения» со стороны высказывания, – пишут французские семиологии А.Ж. Греймас и Ж. Фонтаний, – но в то же время она есть нечто большее: не ограничиваясь простым употреблением составляющих эпистемологического измерения и будучи исторической и культурной практикой (т.е. практикой социолектальной и, в определенной мере, индивидуально-идеолектальной), она сама порождает формы, которые затем застывают, превращаются в стереотипы и выходят «наверх», чтобы интегрироваться в «язык» [Греймас, Фонтаний, 2007, с. 23].

На форзаце книги размещены сообщение «From the award-winning translators of *Crime and Punishment*» и информация об авторах оригинала (Leo Tolstoy) и перевода (Richard Pevear and Larissa Volokhonsky), представляющие собой реализацию стратегии диглоссной идеологии.

Диглоссная идеология, по мнению автора концепции Р. Ниньо-лиса [Крючкова, Нарумов, 1991], представляет собой совокупность оценочных установок, с помощью которых происходит закрепление определенной иерархии «конфликтующих» языков. В целях примирения конфликтующих сторон или восстановления равновесия диглоссная идеология должна выработать инвертированную модель, основывающуюся на практическом (*Introduction, Notes to page, Historical Index*) и компенсаторном (*Principal Characters, Summary*) типах отношений. Компенсаторная идеализация языка Л.Н. Толстого, производимая языком авторов перевода романа «Война и мир», не мешает в действительности автором перевода солидаризироваться со своими собственными ценностями и поддерживать суждение относительно ценностей языка автора оригинального текста.

Introduction, составленное Richard Pevear, включает три компонента: цитату И. Бабеля (*If the world could write by itself, it would write like Tolstoy*), комментарий к роману Л.Н. Толстого, санкционирующий возможность создания особого перевода, или комментария; описание некоторых особенностей предлагаемого вниманию перевода. Идеология перевода Pevear-Volokhonsky основывается на концепции комментария [Фуко, 1977] как особого рода перевода-речи, представленного серией дискурсивных повторов, в которых речь может бесконечно подменяться сама же самой. Комментарий отталкивается от первичного текста и одновременно отталкивает этот текст, тем самым он означает (различает) инкорпорацию первоначального смысла и свою инаковость («вне-находимость») по отношению к нему. Процесс комментирования предполагает признание избытка означаемых над означающими, т.е. неизбежное наличие не сформулированного остатка мысли, который оставляет вне зоны «видимости» читающего.

Возможность предлагаемого перевода мотивирована прежде всего тем, что Л.Н. Толстой создал особую художественную форму, особый Tolstoy's signature style, который включает periodic structures, emphatic repetitions, epic similes (периоды, повторы, сравнения). Эта художественная форма открывается через «просвечивание» одного через другое: “shining of the one work through the other – an effect achieved by artistic means of an unusual sort” (эффект лессировки). Переводчик, выступающий в качестве транслятора этой художественной формы, должен располагать

правом на свой собственный язык, чтобы быть как можно ближе к оригиналу.

Промежуточную позицию между комментариями к переводу и собственно переводом занимает *Principal Characters*, содержащий перечень лиц, которые заняли особое место в построении событийного ряда истории в русском дискурсе «Война и мир», согласно видению Л.Н. Толстого.

В *комментарии* гр. Льва Толстого (статья в журнале «Русский архив», март 1868) выделяется шесть позиций: 1) что собой представляет «Война и мир» (это не роман, еще меньше эпическая поэма; еще меньше историческая хроника); 2) характер времени; 3) использование французского в русском произведении; 4) фамилии героев имеют сходство с хорошо известными русскими фамилиями; 5) соотношение между авторскими описаниями исторических событий и выводами историков; 6) небольшая значимость, которую имеет в историческом событии так называемый великий человек.

Исторический указатель (*Historical Index*) включает информацию о тех личностях, благодаря которым ход истории принял направление, приведшее к процессам деконструкции русского дискурса (русской дискурсивной мысли и конструкции русского логоса) в 10-е гг. XX в.

Summary по своему жанру близко либретто – краткому сюжетному изложению содержания балета, оперы и пр. (или словесный текст большого музыкально-вокального сочинения). Образец:

VOLUME II

Par One

I. Nikolai brings Denisov home to Moscow on leave.

II. Count Ilya Andreevich arranges a banquet for Bagration at the English Club.

III. The festivities begin. Bagration arrives.

IV. Pierre challenges Dolochov to a duel.

V. The duel.

VI. Pierre's rumination. He breaks with Helène and leaves for Petersburg.

VII. At Bald Hills two months after Austerlitz. Prince Andrei presumed dead.

VIII–IX. The little princess goes into labour. Prince Andrei arrives. Lise dies giving birth to a son. Lise is buried and Prince Nikolai Andreevich is baptized.

X–XII. Dolokhov recovers in Moscow. The Rostovs come from the country for the winter season. Denisov and Dolokhov frequent the house. Courtships at Christmatime. The young people's ball at logel's.

XIII–XIV. Card plaling at Dolokhov's. Nikolai loses heavily.

XV–XVI. Nikolai returns home. The party. Natasha sings. Nikolai's talk with his father. Denisov proposes to Natasha. Nikolai rejoins his regiment in Poland.

Самый лаконичный фрагмент *Summary*:

EPILOGUE

Part Two

I–XII. Reflections on history and historians, greatness and power, freedom and necessity.

Главные характеры организуются по основаниям множественности «семья» (русское основание) и единичности «персонность» (*a*-русское основание, но оформленное по русской традиции: “Russian names are composed of first name, patronic (from the farther's first name), and family name”): Bezúkhov, Bolkónsky, Rostóv, Kurágin, Drubetskóy, *Akhrosímov Márya Dmítrievna, Alpátych (Yákov), Bazdéev ósip Alexéevich, Berg Alphónse, Bourié-nne, Denisov, Kuragin Julie, Karatáev Platón, Lavrúshka, Schérer Anna Pávlovna, Tikhon, Túshin, Willárski.*

Возращение к историческому прошлому России, отмеченному в коммуникационном процессе истории и «множественностью», и «единичностью», предпринимается Л.Н. Толстым в 60-е гг. XIX в. “Tolstoy write, – отмечает один из авторов перевода романа Л.Н. Толстого Richard Pevear, – that he “spent five years of ceaseless and exclusive labour, under the best conditions of life”, working on *War and Peace*. Those were the years from 1863 to 1868”. R. Pevear также обращает внимание на особенности формальной структуры романа «Война и мир»: “The formal structure of *War and Peace* and the texture of its indeed strange... Tolstoy was trying to express something which, to his mind, had never been expressed before, and which therefore required a new form that could only define itself as he worked. By excluding the known forms of extended narrative, he lives an empty place in which an as yet unknown form, indefinable and unnameable, may appear”.

Особое внимание переводчиков обращает на себя такое свойство стиля Л.Н. Толстого как стилистическая компактность (stylistic compactness), которая выражается прежде всего в том,

что в самом произведении представлен особый способ осмысления художественного материала, что придает особые качества стилю, позволяющие дифференцировать его как *толстовский* стиль. Кроме того, компактность стиля характеризуется короткими предложениями, обладающими особой лирической насыщенностью и сигнификативностью: *Kápli kápli (Drops dripped)*.

Свойством толстовского стиля признается также смешение высказываемого и соединение результата с галлицизмами, германизмами и вовлеченными в построение романа иностранными словами, организующими язык романа и обеспечивающими логическое маркирование событий, а также индексирование действующих лиц. В качестве особых черт, присущих стилю Л.Н. Толстого, отмечаются риторическая сила, острая ирония и изумляющая утонченность (изысканность, изящество) высказывания.

Рассматривая «Войну и мир» в качестве модели русского дискурса, возможно выделить его строевые элементы – русскую дискурсивную мысль и реализацию – *толстовскую* – русского Логоса. Русская дискурсивная мысль обладает следующими чертами: риторическая сила, ирония, интеллектуальная изысканность, стилистическая компактность.

Реализация русского Логоса в романе «Война и мир» позволяет говорить о таких его свойствах, как смешение высказываемого, т.е. предельных сказуемых (в теории предикации Аристотеля предельное сказуемое трактуется как высказываемое). «Бытийное» (онтологическое) значение «предельных сказуемых» («высказываемых») устанавливается в *Summary*.

Отличительной чертой русского дискурса становится дискурсивная мысль, которая, согласно метафизической концепции Е.Н. Трубецкого, представляет собой проверку, осознание интуиции, осознание ее содержания, вычленение некоторых критериев познания, освобождение интуиции от всяких посторонних примесей через определенные понятия, сопоставление с предложенным (избранным) критерием [Трубецкой, 1917].

Языком, способным воплотить, т.е. материализовать дискурсивную мысль, является язык референциальный – язык, служащий, по Г.О. Винокуру [Винокур, 1991], моделью для других вариантов языка, предлагающего образцы для подражания. Образец референциального языка XVIII в., посредством которого Иван Семенович Пересветов в иносказательной форме излагает проект

политических преобразований для России, представлен в его сочинении «Сказание о Магмете-салтане»:

(1) *Велможы царевы до возрасту царева богатѣли от нечистого своего собранія; на возрастѣ царевѣ и царь почал презривитися от юности своея почал приходити к великой мудрости воинской к приращенію своему царьскому.*

(2) *А язъ вамъ о томъ реку мудрымъ философомъ: поберегите меня во всемъ, чтобы намъ бога не разгнѣвити ни в чем.*

(3) *Да приказаль судьямъ: не дружитесь с неправдою, держитесь правды; что богъ любит. Да послал по городомъ судьи свои, паши вѣрныя і кадьи, і шубаши, і амини, велѣл судити прямо, и рекъ такъ: братія моя любимая І вѣрная, судите прямо. Да по малѣ времени обыскаль царь судей своихъ, как они судятъ, і на нихъ довели пред царемъ злоемство, что они по посуломъ судятъ. І царь имъ вины в том не учинил, только ихъ велѣтъ живых одрати да рекъ такъ: есть ли онѣ обростутъ тѣломъ опять, то и вина отдается. І кожи ихъ велѣл продѣлати, і велѣл бумаги набити, і в судебняхъ велѣл железнымъ гвоздіемъ прибити, і написати велѣл на кожахъ ихъ: Без таковыя грозы правды в царство не мочно ввести. Правда въвести царю в царство свое, іно любимаго не пощадити, нашедши виноватаго. Какъ конь под царемъ без узды, так царство без грозы⁷.*

Новая система общественных связей в тексте И.С. Пересветова закладывается ритмически, это та историческая ритмика, о которой говорил В.В. Виноградов [Виноградов, 1978], отражающая и изображающая историю господствующих в данном литературном языке ритмических, интонационных и интеллектуальных схем: *во всем – ни в чем* (мотив, который в нужное время разовьется в более сложную формулу – кто был ничем, тот станет всем – изменив порядок следования компонентом формулы); *дружитесь – держитесь* (дружина – держава, смена этических эталонов силы и опоры нерушимости/несокрушимости «русского духа»), *вины в том не учинил, только велел живых одрати* (нарушение причинно следственных отношений, с другой стороны, констатация новой/особой ценностной иерархии: духовное пре-

---

⁷ Текст дается в редакции, которая представлена в переиздании 1999 г. «Хрестоматии по истории русского языка», составленной С.П. Обнорским и С.Г. Бархударовым в 1938 г.

выше материального; духовного ущерба причинено не было, они нанесли ущерб духовным основам – основам царства земного: поколебав таким образом веру в истины царствия небесного; царь же наносит ущерб материальному, следовательно, он не колеблет «духовного», сохраняя в неизменности законы небесные; царь должен блюсти законы небесные).

Фактически двойная импликация «Русской правды» (*если, и только если*) превращается в четырехчастную коннекцию (*есть ли, то; как, так: любимого не пощадити, нашедши виноватого*), централизующей и систематизирующей последовательность действий не в плане установления причинно-следственной связи между событием, поступком, мнением и его последствиями, сколько в плане констатации идеи (переход от идеологии-аксиологии собственно к идеологии как основы общественного порядка и государственного устройства). Сложная союзная связка скрепляет по принципу периода, не только синтаксические фрагменты в нечто целостное, но и формирует дискурсивность русской мысли. Происходит придание разуму представителя русской национальной культуры XVI в. статуса компонента реального мира, а не только виртуального – мира художественных форм, созданного и описанного книжным языком. Переход разума из бытия потенциального в бытие реальное происходит через импульс, идущий от внешнего мира и придающий движение процессу понимания. Процесс понимания, по мнению В.В. Розанова слагается из соединения идущего от разума с идущим от природы, «а само **понимание**, как результат этого процесса, **возникает через соприкосновение чувственных впечатлений**, получаемых в опыте от мира вещей, **с абстрактной сущностью самого разума**, пробуждающуюся к жизни в умозрении» [Розанов, 1996, с. 63]. После первого импульса процесс понимания движется по определенному плану к конкретным целям, следуя не природе вещей, но природе разума.

В XVI в. процесс нормативации обусловлен не только обустройством пространства жизнедеятельности русского народа через развитие внутренней структуры литературно-речевой русской культуры, но и обустройством новой сферы узуса – космической, или русского космоса, с одной стороны, производного от «византийского», с другой – обретшего в процессе «делания действительности» свое разумение о мироустройстве. В.В. Розанов ут-

верждает, что ранее чувственного опыта и соприкосновения с миром в разуме человека лежат уже схемы идей, готовых обнять собою мир; и тот факт, что мир этот, существующий независимо от человеческого разума и ранее его, действительно вступает в эту схему идей, раз соприкосновение между ними произошло, невольно заставляет видеть и в разуме нечто космическое, и в космосе нечто разумное. Разум есть как бы мир, выраженный в символах, – мир есть как бы разум, выраженный в вещах; и только поэтому возможно познание мира разумом, возможно понимание, возникающее о мире в разуме, – возможен мир идей, отличных от этих соотносительных начал, не из них возникающий, но через их соприкосновение» [Розанов, 1996, с. 61].

Схемы понимания, присущие разуму и обнимающие стороны космоса обнаруживают скрытую в них жизненность, которая раскрывается в чистом стремлении и в чистой способности воспринять содержание, соответствующее природе и назначению каждой из них в отдельности, т.е. образовать идею, обнимающую какую-либо сторону космоса, и представление, соответствующее стороне единичного наблюдаемого предмета в нем» [Розанов, 1996, с. 61–62]. Подобных схем В.В. Розанов выделяет шесть: 1) схема природы; 2) схема атрибутов «каково все?»; 3) схема причинности «почему все?»; 4) схема целесообразности «для чего все?»; 5) схема сходства и различия; 6) схема чисел, обнимающая количественную сторону космоса. Разум в таком случае – это «потенция, слагающаяся из потенции идеи существования, состоящей в чистой способности образовывать эту идею, из сходящихся к ней, как к центру, схем понимания, представляющих собою потенции, обладающие скрытой жизненностью, которая пробуждается с принятием первого впечатления этим центром и обнаруживается в чистом стремлении и в чистой способности образовывать идеи, соответствующие сторонам существующего и в своем сочетании содержащее полное понимание его» [Розанов, 1996, с. 62].

Схемы понимания в русском литературном языке XVI в. получают выражение в языковых образцах, которые и составляют язык референциальный: 1) почал трезвиться от юности своея (схема природы); 2) поберегите меня во всемъ, чтобы намъ бога не разгнѣвити ни в чемъ (схема атрибутов); 3) не дружитесь с неправдою, держитесь правды (схема целесообразности); 5) имь

вины в том не учинил, толко ихъ велѣль живыхъ одрати (схема сродства и различия); 4) схема чисел – 4i. Единицами референциального языка являются семантико-ритмические комплексы, в которых происходит соприкосновение разума как мира, выраженного в символах, и мира как разума, выраженного в вещах. Референциальный язык – это язык, «обслуживающий» русскую дискурсивную мысль, и изображающий космичность русского разума: с его помощью создается в русской литературно-речевой культуре аналог античного космоса, что идеологически подкрепляет концепцию «Москва – третий Рим» старца Филофея.

Ф. Вальверду [Vallverdú, 1980] разводит понятия литературного и стандартного языка следующим образом: литературный язык – это литературная норма для творческих видов языковой деятельности; стандартный язык – это норма устного языка для радио, телевидения, кино и формального общения, и норма письменного языка для периодики, рекламы коммерческой корреспонденции и переписки вообще. В литературно-речевой культуре Руси XVI в. очевиден тривиум: *литературный язык* (система оформления целостности и связи между различными состояниями мысленной речи, система поддерживающая единство во времени изменяющегося христианско-языкового союза «Киевская Русь»), *стандартный язык* (язык нового вида литературы – сочинения, посвященные острым вопросам политической жизни, или публицистика; язык, возникающий на основе реального узуса, особая норма письменного языка, отличная от нормы собственно литературного (книжного) языка; в нем фиксируется функциональная адаптация языка к новой совокупности сфер узуса; *референциальный язык* (язык, реконструирующий в русской мыслительной культуре систему познавательных установок античности, демонстрирующих системность русской мыслительной культуры, «космичность» русского разума и, как следствие, русской дискурсивной мысли, русского космоса и русского дискурса).

XIII в. для истории русского литературного языка ознаменован сменой языковых систем: в «Русской правде» система церковнославянского языка заменяется/замещается системой древнерусского языка, XVI в. – век осмысления произошедшего в русской мыслительной и языковой культуре после контактирования с 1243 по 1480 г. с монголо-татарской культурой, располагающей иными схемами понимания мира вещей и мира разума, чем христианский мир в его восточной и западной ветвях.

Референциальный язык позволил сохранить внутреннюю форму христианско-языкового союза «Киевская Русь» и из его семантического континуума выделить набор схем, которые способствуют определению точек соприкосновения окружающей реальности и разума. В референциальном языке появляются посредствующие звенья между внешней формой языка (литературный книжный язык) и языковыми содержаниями синхронной действительности (стандартный язык). Для него, подобно языку поэтическому, характерна ежеминутная готовность стать внутренней формой. Эта готовность есть отличительная черта языка как системы, как естественного языка. Референциальный язык отражает вариант толкования природы вещей, свойственный языковой общности «русский народ».

Референциальный язык – язык в жанре публицистики – создает предпосылки для обнаружения индивидуальной формы славянской литературно-речевой культуры. Индивидуальной формой языка, согласно позициям В. фон Гумбольдта, должна быть та, которая более всего подходит для общей направленности человеческого духа своей оптимальной упорядоченной деятельностью способствует его росту, облегчает соотносительную согласованность всех его устремлений, оживляет эту деятельность посредством обратного воздействия. «При наблюдении языка как такового должна быть вскрыта форма, которая среди всех мыслимых форм более всего соответствует задачам языка, недостатки и преимущества которой нужно уметь оценивать по степени приближения к этой единственной форме. Способность же придавать особое расположение строю мысли и чувств составляет достоинство языка, определяет его влияние на духовное развитие, опирается на совокупность заложенных в языке начал, органичность его строя, развитость его индивидуальной формы» [Гумбольдт, 1984, с. 228].

Становление индивидуальной формы русского языка определяется двумя условиями – связью с византийской культурой, приобщающей территории Руси к цивилизационной парадигме человечества в ее интерпретационном греко-римском варианте, и генетическим резонансным взаимодействием с славянской ветвью индоевропейского языкового союза. Отсюда обязательными условиями культурного существования становится ориентация на внешний образец, что позволяет определять уровень собственно-

го развития относительно Другого и классифицировать свое положение в коммуникационном процессе истории, а также сохранить «родовые» признаки принадлежности к славянскому «племени», его внутренней речи.

Первая фаза становления индивидуальной формы русского языка определяется XI–XIII вв., связана с адаптацией византийской традиции к территориям Руси. Для византийской православной традиции Киевская Русь выступает в качестве новой сферы узуса, а языковой репертуар, который записывается и определяется славянской азбукой становится стилем, призванным «цивилизационно» корректировать мыслительную речь вновь осваиваемых территорий. Собственно для русских территорий Киевская Русь предстает в качестве семантической категории, определяющей нормы жизнедеятельности «русского пространства», превращающегося в особое геополитическое пространство. Русский язык в своей изначальной форме – церковнославянского языка – выступает в качестве знаковой системы, перелагающей истины известные другим народам, знание которых является признаком цивилизованности.

X–XIII вв. являются временем оформления новой культуры общения для восточно-славянских племен, обеспечивающей единство этнической культуры этноса и его самовоспроизводство. В этот период складывается система характерных для русского народа средств коммуникативной (знаковой) деятельности – православная культура общения, зиждущаяся на учении о Логосе. Таким образом, первая фаза становления индивидуальной формы русского языка связана с усвоением принципов логостического (основанного на Логосе) понимания и интерпретации мира.

Русский литературный язык в X–XIII вв. можно определить, основываясь на «Философии имени» А.Ф. Лосева [Лосев, 1993а], как предметное обстояние дел, обстояние смысловое, выразительное, символическое. Это язык, на котором сущность говорит с окружающей средой, это энергия сущности. Всякий символ есть языковое явление, для русского языка – всякое языковое явление есть символ. Это язык воплощения и проявления Логоса (по мере утраты надобности воплощения Логоса – изображения Истины – утрачивает значимость семиотическая система за это ответственная и ее материальный носитель, в данном случае – «русский народ»), хранитель тайны Логоса, тайны его перевоплощения). Два

основных типа текста в этот период определяют литературно-культурную коммуникацию «евангелие» – связь с христианским миром, и «грамота» (договорная грамота) – коммуникации внутри территории, внешне ограненной православными ценностями (православной этикой).

Логос, определяющий особенности построения текста «евангелие» прежде всего, сложен, по утверждению А.Ф. Лосева, он получает свое значение только как соединение и объединение многих моментов; его значение заключается в том, чтобы по порядку и в отдельности перечислить то, что совокупно и как единый организм дано в эйдосе. Логос не видится мыслью, но полагается ею, «не осязается умом, но сам есть шупальцы, которыми ум пробегает по предмету; не созерцается интеллектуально, а есть лишь задание, заданный метод, закон, чистая возможность интеллектуального созерцания» [Лосев, 1993а, с. 707]. Эйдос является как картина смысла, видится мыслью, осязается умом; созерцается интеллектуально, есть смысловое изваяние сущности. Эйдос – живое целое, в котором обоснование связи признаков, сама эта связь дана как жизнь; эйдос сам себя обосновывает, он смысловая и цельная картина живого предмета. Цельная картина живого предмета «русский народ» запечатлена в «Слове о полку Игореве», или эйдос «русского народа». (Памятник по сложению XII в., сохранившийся в единственном списке XVI в.):

«Прысну море полуночи; идутъ сморци мъглами. Игореву князю Богъ путь кажеть изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорь спитъ, Игорь бдитъ. Игорь мыслю поля мѣритъ отъ Великаго Дону до Малаго Донца. Комонъ въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою – велить князю разумѣти: князю Игорю не быть! Кликну, стукну земля, въшумѣ трава, вежи ся половецкии подвизаша. А Игорь князь поскочи горностаемъ къ тростию, и бѣлымъ гоголемъ на воду възврѣжеса на брѣзь комонъ, и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мъглами, избивая гуси и лебеди завтроку, и обѣду, и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ потече, труся собою студеную росу; претръгоста бо своя брѣзая комоня».

---

⁸ Текст приводится в редакции составителей «Хрестоматии по истории русского языка». М., 1990. (Авт.-сост. В.В. Иванов, Т.А. Сумникова, Н.П. Панкратова).

Сферой бытования эйдоса русского языка, его социальным узусом становится государство (княжество) Московское XII–XVI вв. Для индивидуальной формы русского литературного языка это время дифференциации сфер коммуникации, или сфер речи, означавших дифференциацию внутренней речи, следовательно, дифференциацию истинности и ложности в русском литературном языке, принципов их языковой идентификации. «*Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влурь влькомъ потече, труся собою студеную росу*» (Если X уподобится А, то Y уподобится В, причем при этом (в этом образе) он будет осуществлять определенные действия). Языковые сферы частично совпадают с социальными сферами (социокультурными сферами), т.е. становятся тождественными социокультурным переменным. Особой формой существования этнического духа становится языковое существование как особая форма человеческого существования, оживляющая проект общественных связей «Киевская Русь». Языковое существование в «русских» территориях означает способность мысленного узрения пространственной безграничности/беспредельности. Закладывается особый системный принцип описания мира, подобный овидиевскому, предполагающий трактовку предметов как алфавита для описания особого мира, что требует соединения византийского Логоса и славянского Эйдоса.

Особой фазой в становлении/актуализации индивидуальной формы русского литературного языка является «новгородская фаза» XV–XVI вв.

ПОСТАВЛЕНИЕ

царя Иоанна Васильевича

Того же лета 7056/1548 вѣнчанъ бысть на царство Московское государь царь и великий князь Иоанн Васильевичъ, всея Росіи самодержецъ, генваря въ 16-й день и помазаша святымъ миромъ, и вѣнчанъ бысть святыми бармами и вѣнцемъ Мономаховымъ, по древнему закону царскому, якоже Римстии и Гречистии царии и православнии и поставляхуся; и наречеся царь и великий князь всея великии и Росіи самодержецъ великий показася, и страхъ его обдержаше всея языческия страны, и бысть вельми премудръ, и храбросердъ, и крепкорукъ и силенъ тѣломъ и легокъ ногами, аки пардусъ подобенъ дѣду своему великому князю Иоанну Васильевичу: прежде бо его никто отъ прадѣду его царемъ словяще въ Росіи, не смѣяше от нихъ никійждо поставитися ца-

ремь, и зватися тѣмъ новымъ именемъ, блюдущая зависти и возстанія на нихъ поганыхъ царей и невѣрныхъ...

*Новгородская 3-я летопись
(1548)*

(Редакция издания П.В. Быкова)⁹

В новгородской фазе актуализации индивидуальной формы русского литературного языка происходит меонизация сущего одного или пребывание сущего в ином. Меон не существует, по определению А.Ф. Лосева, сам по себе, он существует лишь в качестве соответствующего момента сущего, устойчиво-различно-рационального. Постоянное становление изменения непрерывно и неизменно расслаивает сущее, отодвигает границы и размывает отверделую форму, превращает его в беспредельное. «Это – беспредельно становящийся предел и предельно оформленная беспредельность становления» [Лосев, 1993а, с. 133]. Это третье достижение, в котором обретается диалектическая формула мысли: одно (славянский эйдос), сущее одно (Логос в церковнославянском языке) и становящееся одно (меонизация сущего одного), или – «одно, образ, или предел (ибо раздельность и расчлененность), и становление, становящаяся беспредельность, или – моменты генологический, эйдетический (в узусном смысле) и идеально-временной [Лосев, 1993а, с. 133].

Сопоставим особенности лингвистического перформанса, формирующие особенности словесной аранжировки «московской» и «новгородской» ветвей дискурса «Государство»:

Московская ветвь дискурса «Государство» (Система порядка «Обиход»)

*Домострой*¹⁰

49. Мужу з женою советовати, как ключнику приказати о столовом обиходе о поварне и о хлебе.

По вся дни и по вся вечера, исправя си долг душевнии, и во уирии встати по звону и после пения мужу з женою советовати

---

⁹ Текст приводится в редакции, предложенной Л.А. Меем в Примечаниях автора к драме «Царская невеста» (Полное собрание сочинений Л.А. Мея въ двухъ томахъ. Издание Т-ва А.Ф. Марксъ, С.-Петербургъ, 1911. Томъ второй. Драматическія произведения и рассказы).

¹⁰ Текст приводится в редакции, предложенной в издании «Домострой». (Сильвестровская редакция. Томск, 2005)

о устройении домовном на ком что положено, и кому которое дело приказано ведати и тому наказати что коли устроити ести и питии про гостя, или про себя или ключник по государеву приказу прикажет что купити на обиход и купив что принесут то смети, и правды смотрити, а повару отдает что варити, и хлебнику, и на приспехи на всякие, по тому же отдаст, а всегды бы то было в памяти, что государю сказати, а в поварню, ества мясная и рыбьяная и печь и варити отдавати в число колко государь велит, и на колко блюд да испечено и съварено но у повара взяти в число же и на стол всякая яства ставити по государеву наказу по гостем смотря, а хлебной приспех по тому же дати в число, и взяти в число же, и всякой ествы что у стола останетца, и цело и едено, и ух и приспеху всякого, а целую еству перебрати а початое о себе. И мясное и рыбное и покласти, в суды, в чистые, и в твердые и покрыть и в леду засечь, а початая ества и всякие **остатки давати на обиход**, как по пригожу а **целое блюсти про государя и про государыню и про гостя** а питье в стол давати по приказу, по гостем смотря и без гостей, а государыне брага или кваса суды бы всякие столовые и поваренные всегды после стола в горячей воде перемыть и переполоскать и перетереть и высушить и все собрав счесть и **устроити з замком где что живет** и у ково что на руках, а столовые суды оловянки и братины и ковши и судки столовые всегда беречи и укусницы перешницы росолники и солоницы лошки блюда ставцы, скатерти и фаты, всегда бы было чисто и готово на стол, и стол бы был чист и скамьи и лавки, и избы, и образы на стене уставлены а изба метена и устроена, а укус и огуречный росол, и лимонной, и сливной все было бы цежено в ситце, и огурцы и лимоны и сливы также бы очищено и перебрано и на столе бы было чисто и скусно а рыба прутовая и всякая вялая, и всякая студень, посная, или мясная, и икра и капуста, очищено, и по блюдам раскладено до стола изготовлено, а питье бы всякое чисто в ситце бы цежено, а ключники бы и повары, и хлебники и всякиестряпчие сами бы к столу при людех устроилися чистенко, а руки бы были мыты чисто во всякостряпчи а всякие суды и всякая порядня у ключника и у всехстряпчих все бы было мыто и чисто и бережно и у государыни и у ее слуг по тому же. А ества и питие на стол понести осмотря чтобы то судно было чисто в чем несешь и ества или питие чисто же бес пороха, и бес при-

гарины осмотра ставить, а поставя еству или питие да тут ни кашлять ни сморкать отшед на сторону вычистить нос, или выкашляется ино не скаредно и вежливо.

Система порядка «Обиход» включает в себя: 1) совокупность аксиом, в соответствии с которыми «прокладывается русло повседневной (профанной) жизни» человека, использующего для коммуникации кириллическую графическую систему: *на ком что положено, каму которое дело приказано ведати, дати в число, взятии в число, остатки давати на обиход, целое блюсти про государя, государыню, гость; устроити з замком где что живет;* 2) перечень артефактов, из совокупность которых как деталей складывается целостный объем, в котором, с одной стороны, размещается человек, с другой стороны, который разделяет/отделяет человека профанного от божественной истины, христианской аксиологии и собственно от его иной ипостаси – человека сакрального, в котором творится реальная действительность: *стол, суды, мясное, рыбное, оловянки, ковши, судки, братины, уксусницы, перешиницы, росолники, солонцы, блюда, ставцы, скатерти, фаты*¹¹; 3) перечень того, что поддерживает (обеспечивает) существование профанного человека (обиход): *уксус, огуречный росол, оимонной, сливной, огурцы, лимоны, сливы. Рыба прutowая, рыба всякая вялая, всякая студень (посная, или мяс-*

---

¹¹ В какой-то степени это тождественно принципам заполнения пространства, которые использует Д. Хармс в процессе лингвистического перформанса в стихотворении, датированным 1 июня 1929 г.

Откуда я?

Зачем я тут стою?

Что я вижу?

Где же я?

Ну попробую по пальцам

все предметы перечесть.

(считает по пальцам).

Табуретка столик бочка

ведро сундук рубашка

мяч кузница букашка

дверь на петле

четыре кисточки на платке

восемь кнопок на потолке

ная), *укра, капуста*; 4) профанная истина: *на столе бы было чисто и вкусно*; 5) профанные аксиомы, касающиеся обеспечения существования профанного человека: *цецежено в ситце, очищено, перебрано, до стола изготовлено, по блюдам раскладено*; 5) люди, поддерживающие профанное существование, или наделенные профанной компетентностью: *ключники, повары, хлебники, всякиестряпчие*; 6) правила обиходного (профанного) поведения: *мыто, чисто, бережно, понести осмотра, осмотра ставить, ни...ни, отшед на сторону, не скаредно и вежливо*.

Новгородская ветвь дискурса «Государство» (Системная вероятность)

Поставление

и наречеса царь и великий князь всея великия Росіи и самодержеца великий показася, и страхъ его обдержаше всея языческия страны, и бысть вельми премудръ, и храбросердъ, и крепкорукъ и силенъ тѣломъ и легкокъ ногами, аки пардусъ подобенъ дѣду своему великому князю Юанну Васильевичу

Нелинейные динамические процессы в системе «Русь», согласно описанию, представленному в Новгородской летописи, привели к возникновению странного аттрактора – особого линейного подмножества фазовых траекторий движения динамических систем *Русь Приднепровская (вельми премудръ), Русь Верхне-Волжская (храбросердъ), Московская Русь (крепкорукъ), Господин Великий Новгород (силенъ теломъ) и Псков (легокъ ногами)*. «Чисто качественно для возникновения в динамической системе странного аттрактора, – как отмечает И.А. Акчурина [Акчурина, 2002, с. 48–49], – необходимо, чтобы, с одной стороны, все ее фазовые траектории, проходящие в некоторой окрестности данной области фазового пространства, должны в эту область входить, с другой стороны, внутри этой области почти все соседние аттракторы должны «разбегаться» друг от друга». Странный аттрактор становится реальностью в трехмерном фазовом пространстве: в одной двумерной плоскости траектории «разбегаются» друг от друга, а входят обратно (возвращаются) через «перпендикулярное» к ней измерение. С позиции «новгородского» представления особенностей российского семиозиса «поставление» Иоанна Васильевича знаменует возникновение качественно нового измерения в двумерно-уровневой плоскости российской

действительности (Русь Приднепровская – Русь Верхне-Волжская; княжество (княжеская власть) – феодальная республика (народоправство)).

В московской ветви дискурса, или московской актуализации индивидуальной формы русского языка, союз «и» создает секвенции предметов, организующих повседневное пространство представителя культуры, и секвенции действий, мотивированных пространством повседневной реальности. В новгородской ветви русского дискурса, или новгородской актуализации индивидуальной формы русского языка союз *и*, объединяя в одном порядке предложения, субстантивы с атрибутами и признаки одного предмета, создает некий момент сущего – устойчиво-различно-рациональный – меон русской культуры, тождественный овидиевскому миру, миру катаклизмов.

Элементарной составляющей в этом мире, по утверждению Ю. Щеглова, является мутация – преобразование в рамках одного отдельного параметра. Мутация есть замена в объекте *A* типичного для него, «своего» значения («*A*-значения») параметра *P* на нетипичное для него, «чужое» значение того же параметра, последний может быть нулевым и/или типичным для какого-то другого объекта *B* («*B*-значением») [Щеглов, 2002, с. 85]). В новгородской ветви дискурса представлен протокол метаморфоз – описание процесса метаморфозы, который почти никогда не состоит из одних мутаций. В нем наряду с мутациями находят место и изображение результирующего объекта: *аки пардусь подобень дѣду своему великому князю Иоанну Васильевичу: прежде бо его никто отъ прадѣды его царемъ словяще въ Росіи*. Изображение результирующего объекта, выполненное в соответствующих для того исторического момента «научных» терминах, по параметрам в составе картины превращения, как считает Ю. Щеглов, можно было бы назвать *виртуально-процессными дескрипциями* ввиду их эквивалентности, в контексте данного протокола, формулировке соответствующих мутаций: *и зватися тѣмъ новымъ именемъ блюдущая зависти и возстанія на нихъ поганыхъ царей и невѣрныхъ...*

В новгородской ветви дискурса происходит дистрибуция высвобождающей, или спонтанной функции русского литературного языка. Коммуникативный статус спонтанной функция языка, выделенной К. Бюлером, состоит в содействии осуществления

коммуникативного акта через воздействие на приемника. Комментируя основные черты функций языка, выделенные К. Бюлером, К. Поппер замечает, что для осуществления коммуникативного, или языкового акта, «необходимо наличие не только организма, производящего знаки, или «передатчика», но и организма, реагирующего на эти знаки, т.е. «приемника». Симптоматическое *самовыражение первого* организма, «передатчика», высвобождает, вызывает, стимулирует или запускает реакцию второго организма, *отвечающего* за поведение передатчика, преобразуя его тем самым в сигнал» [Поппер, 2002, с. 227].

XVII в. в истории становления индивидуальной формы русского литературного языка отмечен объединением московской традиции с киевской. Логоса с эйдосом русской культуры, и созданием универсальной структуры, первоалфавита, посредством которого человек *Земли Руской* вступает в коммуникацию с обществом и общество коммуницирует посредством этого алфавита само с собой. Этот двунаправленный акт коммуникации человек—общество → общество порождает особую коммуникативную рациональность, которая представляет собой нечто иное, как форму государственности «всяя Русия».

Особенности коммуникативной рациональности России XVII в. могут быть выделены при анализе грамоты царя Алексея Михайловича томским воеводам Волынскому, Коковинскому и дьяку Ключареву¹²:

Грамота царя Алексея Михайловича томским воеводам Волынскому М.П., Коковинскому Б.А. и дьяку Ключареву М., от 20 октября 1649 года о проведении следствия по итогам послования В. Бурнашева «с товарищи» у телеутского князя Коки Абакова.

«От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси в Сибирь/ в Томской, воеводам нашим Михаилу Петровичю Волынскому да Богдану Андреевичю Коковинскому да дьяку нашему Михаилу Ключареву.

В нынешнем, во 158-м году сентября во 29 день писали к нам ис Томского воевода Иль/ья Бунаков: в прошлом, во 157-м году

---

¹² Текст документа приводится в редакции А.П. Уманского, представленной в его статье «Некоторые документы о «Затейке» Томского воеводы Ильи Бунакова против воеводы князя Осипа Щербатова в 1649 году», которая опубликована в сборнике «Алтайский сборник ([отв. ред. В.А. Скубневский]. Барнаул, 1997. Вып. XVIII).

апреля в 10 день посылал он ис Томского томских служилых людей Вась/ку Бурнашева да Якушка Булгакова, Неудачку Федорова да чацкого служилого мурзу Тасмаметка Енбагичева в белые калмаки, ко князю Коке Абакову и к брате ево и к улусным людям для проводыванья калмацких вестей // И в том же де, во 157-м году маяя во 8 день, приехав ис калмаков в Томской, Вась/ка Бурнашев с товарищи подали ему в съезжей избе статейной список за своими руками и за Кокиным знаменем и брата ево, Кокина родного, Суртая за рукой. И он Ил/ья, с того статейного списка прислал к нам, к Москве подпискою своею список (списка А) в том списку написа/но/ ... (3) ведомо.

И с того статейного списка послан к вам в Томской список же под сею нашею грамотою за дьячею припись/ю.

И как к вам ся наша грамота придет, и вы б тотчас велели сыскати тех томских служилых людей, которых в прошлом, во 157-м году посылал ис Томского воево(да) Ил/ья Бунаков в белые калмаки, х Коке Абакову для калмацких вестей – Вась/ку Бурнашева, Якушка Булгакова, Неудачку Федорова, чатукого служилого // мурзу Тасмаметка Енбагичева (4). А, сыскав, спросили их порознь у пытки против их статейного списка про все стать/и».

Коммуникативная рациональность «всяя Руси» оформляется с помощью нарратива, фиксирующего запись «сказанного» в речи. Под «сказанным» в речи К. Гирц понимает «сознательное словесное оформление существенного для цели дискурса, благодаря чему изреченное (sagen) стремится стать высказанным (Aus-sagen). Короче говоря, то, что мы записываем есть поста (мысль; содержание, суть) речения. Это смысл акта речи, но не сам акт речи» [Гирц, 1997, с. 124]. Создается так называемое «насыщенное описание» [Гирц, 1997], замещающее сложноизобразительную форму византийской культуры, избранной в качестве внутренней формы славянской азбуки, и как следствие, русского литературного языка в его первоначальном виде.

Лингвистические знаки церковнославянского языка должны были симптоматически и экспрессивно выразить состояние «православного» организма. Отсюда актуализация индивидуальной формы русского языка в XVII столетии может быть обозначена как «не-Византия». Насыщенное описание, или записывание, определяет значения, которые имеют определенные социальные действия для самих действующих лиц: *проведывание калмацких*

вестей, статейный список за своими руками и за Кокиным знаменем и брата ево; с того статейного списка прислал к нам, к Москве подпискою своею список, с того статейного списка послан к вам в Томской список же. Задача русского литературного языка в этот период – обеспечить синтаксический «словарь» – принципы соотношения единиц языка при описании последовательности событий и составляющих события с языковой системой – представителя русской культуры, который помог бы превратить действие-событие, поддающееся прочтению, в «квазитекст» [Рикер, 1995]. Как считает П. Рикер, «агенты, вовлеченные в социальные взаимодействия, располагают в отношении самих себя описательной компетенцией... то, что наделенный речью и разумом агент может говорить о своем действии, свидетельствует о его способности со знанием дела пользоваться общей концептуальной сетью, отделяющей в структурном плане действие от простого физического движения и даже от поведения животного. Говорить о действии – о своем собственном действии или о действии других – значит сопоставлять такие термины, как цель (проект), агент, мотив, обстоятельства, препятствия, пройденный путь, соперничество, помощь, благоприятный повод, удобный случай, вмешательство или проявление инициативы, желательные или нежелательные результаты» [Рикер, 1995, с. 13].

«Насыщенное описание» в XVIII в. сменяется «спецификацией» в истории становления индивидуальной формы русского языка, констатацией того, что дает знание, основанное на установлении значений, которые имеют определенные социальные действия для самих действующих лиц. Почерпнутое таким образом знание является знанием об обществе, в котором, по утверждению К. Гиртца [Гирц, 1997], оно почерпнуто, и об общественной жизни в целом.

В первых двух третях XVIII в. создаются предпосылки для оформления в русской культуре эстетического суждения, и как следствие, русской художественной культуры. Эстетическим суждением, Им. Кант называет такое суждение, предикат которого никогда не может быть познанием, т.е. понятием об объекте, хотя может содержать в себе субъективные условия познания [Кант, 1999]. Определяющим основанием эстетического суждения является ощущение, которое вызывает в субъекте гармоническую игру обеих познавательных способностей: способности схватыва-

ния одного (рассудка) и способности изображения (воображения). Под эстетическими суждениями понимаются лишь суждения рефлексии, соотносящейся с некоторым принципом способности суждения как высшей познавательной способности.

В эстетическом суждении рефлексии рассудок и воображение согласуются между собой, в результате чего предмет рассматривается как целесообразный лишь для способности суждения; сама целесообразность рассматривается только как субъективная. Таким образом, эстетическое суждение, создаваемое в России XVIII в., согласуя познавательные способности носителя русской литературно-речевой культуры, оформляет мысленные предметы, целесообразные лишь для способности суждения этого носителя, а целесообразность создаваемого предмета предстает лишь только как «русская», т.е. для внутреннего пользования, для «экспорта» не предназначенная, что влечет за собой расширение пространства, окружающего культурное ядро, и спецификацию горизонтального сознания, или жизненного мира.

Возможность эстетического суждения, по Им. Канту, т.е. возможность суждения вкуса, обязательно нуждается в критике способности суждения как способности, имеющей отличительные трансцендентальные принципы; критика вкуса используется для упрочения самого вкуса. В качестве образцов языкового вкуса приведем фрагменты из газеты «Ведомости» 1708 г., редактируемой на тот момент известным ученым и издателем Ф. Поликарповым¹³:

(1) *Когда наша армия возбрания королю шведскому насъ чрез рѣку Сожу под Чириковымъ и Кричевым и видя его неприятелское обращение ко Мстиславию, переправясь паки Сожу и упрядя неприятеля, стало на посажѣ, на рѣчке, имянуемой Бѣлой Навѣ, разставясь по оной по постирунком, дабы неприятелю ту посажу диспутовать.*

(2) *Донской казакъ воръ и богоотступникъ Кондрашка Булавинъ умыслилъ во украинскихъ город..хъ и въ донскихъ казакахъ учинить бунтъ. Собралъ к себ.. н..сколько воровъ и единомыслениковъ и посылалъ прелестные писма во многие города и села.*

---

¹³ Образцы текстов приводятся по материалам, представленным учебном пособии для филологических специальностей университетов и педагогических институтов Б.А. Ларина (Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). М., 1975).

В XVII в. в русском языке должны быть обнаружены те свойства, которые способствовали бы оформлению суждения вкуса, не принимающего во внимание применения и цели предмета, но определяющем то, чему чувство в представлении предмета придает вселенскую сообщаемость без посредства понятия. В это время оформляется сама категория вкуса как таковая и как обязательная составляющая жизнедеятельности российского общества, подобного в некоторых своих аспектах обществу европейскому.

Вкус представляет собой в этот момент развития коммуникационного процесса истории России некоторый вид общего чувства, мысленно принимающего во внимание способ представления каждого другого: собственное суждение считается с совокупным человеческим разумом и тем самым избегает субъективных иллюзий. Суждение вкуса, по Им. Канту, должно основываться на ощущении того, что воображение, в своей свободе, и рассудок, со своей закономерностью, оживляют друг друга.

Обеспечение коммуникации рассудка и воображение – вот главная задача русского литературного языка на начало XVIII в., что и обнаруживает себя в приведенных пробах из русского языка этого периода (фрагментах из «Ведомостей», 1708). Как отмечает Б.А. Ларин [Ларин, 1975], язык в «Ведомостях» становится почти общедоступным (2), вводятся в коммуникативный обиход элементы терминосистемы (военная лексика), слова общеупотребительные заменяются иностранными (1). Языковые нововведения призваны обучить представителя русской культуры умению сообщать друг другу свои мысли.

«Умение сообщать друг другу свои мысли также требует, – как считает Им. Кант, – такого соотношения воображения и рассудка, чтобы к понятиям присоединились созерцания, а к созерцаниям – понятия, которые сливаются в некоторое познание; но тогда согласование обеих душевных сил *закон[омер]но* [и происходит] под давлением определенных понятий» [Кант, 1999, с. 1155].

Индивидуальная форма русского литературного языка, как становится очевидно в XVIII в., обладает особым потенциалом, который способствует тому, что воображение в своей свободе пробуждает рассудок, а рассудок без посредства понятий придает игре воображения правильность. При этом представление сообщается другим не как мысль, а как внутреннее чувство целесооб-

разного состояния души. Что также становится очевидным, индивидуальная форма русского языка (например, в отличие от немецкого языка) более способствует словесному проявлению души, чем духа, субстанции столь же абстрактной, но более неизученной, а потому малопонятной.

Раскрытие способностей души в русском слове и отыскание соответствующего языка представления через комбинацию означаемых и означающих русского литературного языка в XIX в. стало главной задачей индивидуальной формы русского языка XIX век в этом плане – это век поиска адекватной формы сообщения о свойствах русской души и поиск эстетического сообщения, которое можно было бы представить в качестве функции души. (Можно также говорить о начале оформления латентной оппозиции Запад–Россия, как оппозиции дух–душа, рациональное–иррациональное, логическое–семантическое/бессознательное). С XVIII в. в индивидуальной формы русского литературного языка намечается переход от поиска средств обучения умению эстетического суждения (оформлению с помощью языковых знаков эстетического суждения) и к поиску принципов конструирования эстетического сообщения. Подобное сообщение представляет собой, с одной стороны, функцию души, своеобразный показатель ее жизнедеятельности, с другой стороны, является свидетельством практической деятельности художественного сознания, свидетельством существования особого мировидения, мирозерцания человека, использующего для означивания мира в его разнообразных проявлениях систему церковнославянского языка.

Способности души, выделяемые Им. Кантом: 1) способность познания; 2) чувство удовольствия и неудовольствия; 3) способность желания. Способности души соотносятся с высшими познавательными способностями, которые содержат в себе отличительные априорные принципы (основания возможности форм, природа, искусство, нравственность). Особенности всех способностей души открываются, по убеждению Им. Канта, через критику вкуса. Вкус в России XIX в. предстает уже как способность судить о прекрасном, предмете удовольствия, свободного от всякого интереса: чтобы быть судьей в вопросах вкуса, нельзя быть заинтересованным в существовании вещи (нужно быть безразличным). В XIX в. русский язык также становится предметом удовольствия, происходит его использование, свободное от необ-

ходимости параллельного социального конструирования (хотя это положение не действует относительно взглядов на русский язык русской натуральной школы). Русский язык – это самоорганизующаяся система, средой функционирования которой является человек как особая интеллектуальная система, а) руководствующаяся лингвистическими конвенциями; б) признающая intersубъективную обоснованность значения; в) обладающая принципами лингвистической выразимости значения. Образец особого – «свободного» – отношения к русскому языку находим в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»¹⁴:

«Старец уселся на кожаный красного дерева диванчик, очень старинной постройки, а гостей, кроме обоих иеромонахов, поместил у противоположной стены, всех четырех рядышком, на четырех красного дерева обитых черною сильно протершеюся кожей стульях. Иеромонахи уселись по сторонам, один у дверей, другой у окна. Семинарист, Алеша и послушник остались стоя. Вся келья была очень необширна и какого-то вялого вида. Вещи и мебель были грубые, бедные и самые лишь необходимые. Два горшка цветов на окне, а в углу много икон – одна из них богородицы, огромного размера и писанная, вероятно, еще задолго до раскола. Пред ней теплилась лампадка. Около нее две другие иконы в сияющих ризах, затем около них деланные херувимчики, фарфоровые яички, католический крест из слоновой кости с обнимающею его Mater dolorosa¹⁵ и несколько заграничных гравюр с великих итальянских художников прошлых столетий. Подле этих изящных и дорогих гравюрных изображений красовалось несколько листов самых простонароднейших русских литографий святых, мучеников, святителей и пр., продающихся за копейки на всех ярмарках. Было несколько литографических портретов русских современных и прежних архиереев, но уже по другим стенам. Миусов бегло окинул всю эту «казеницину» и пристальным взглядом уперся в старца. Он уважал свой взгляд, имел эту слабость, во всяком случае в нем простительную, приняв в соображение, что было ему уже пятьдесят лет – возраст, в который умный светский и обеспеченный человек

---

¹⁴ Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 15-ти т. Т. 9: Братья Карамазовы. Л., 1991.

¹⁵ Скорбящей богоматерью (лат.).

всегда становится к себе почтительнее, иногда даже поневоле (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы).

Вкус есть способность суждения о предмете по отношению к *свободной закономерности* воображения. Как свободное изображение, согласно Им. Канту, рассматривается в том случае, если оно берется не как репродуктивное изображение, подчиняющееся законам ассоциации, а как продуктивное и самодеятельное, т.е. как создатель произвольных форм возможных созерцаний: *кожаный красного дерева диванчик, очень старинной постройки; четыре иеромонаха, четыре рядышком на четырех красного дерева обитых черною сильно потершеюся кожей стульях; келья необширна и вялого вида; два горшка цветов на окне, в углу много икон – одна из них богородицы; около нее две другие иконы в сияющих ризах; около них деланные херувимчики, фарфоровые яички и несколько заграничных гравюр с итальянских художников прошлых столетий.*

Прообраз вкуса, который основывается на неопределенной идее разума о некоем максимуме, но может быть представлен посредством понятий (т.е. не как результат работы духа), а только в единичном изображении (как результат практической деятельности души) Им. Кант рекомендует именовать идеалом прекрасного. Идеал – это представление о единичной сущности, адекватной какой-либо идее. Идея, таким образом, характеризуется как высший образец, прообраз вкуса. Каждый должен, по Им. Канту, создать ее в самом себе и по ней судить обо всем, что может быть объектом вкуса: русская идея – уважение своего взгляда (точки зрения) и почтительное отношение к себе (иногда даже поневоле) как результат эволюционирования человека в коммуникационном процессе истории. Вкус как субъективная способность суждения содержит в себе некий принцип подведения способности к созерцаниям или изображениям (т.е. воображения) под способность понятия (т.е. под рассудок). Определяется в эстетическом суждении и через суждение вкуса новая форма целесообразности предмета, постижимая только через способности души, красота (эта форма целесообразности, а не только утилитарной ценности предмета), должна спасти рассудок человечества, его техническую способность, способность суждения, основанную на восприятии целесообразности, рефлектирующей о данном объекте.

В XIX в. индивидуальная форма русского литературного языка раскрывает особенности «жизнедеятельности», практиче-

ской деятельности души человека, способной воспринимать особую форму целесообразности предмета – красоту. Познавательные способности души открываются в суждении вкуса, которое основывается на чувстве, позволяющем судить о предмете по целесообразности представления для поощрения познавательных способностей в их свободной игре.

Естественный вкус в Энциклопедии Дидро и Даламбера связывается с естественными наслаждениями души, которые дают ей любознательность, идеи величия и своих совершенств, мысль о своем существовании, противостоящую ощущению мрака, удовольствие от возможности объять все с помощью общей идеи, от возможности наблюдать большое число вещей, от возможности сравнивать идеи, соединять и разделять их [Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера, 1994]. Пытаясь воссоздать особенности вкуса, прежде всего языкового, мы создаем набросок души, познаваемой, по мнению авторов Энциклопедии, с помощью мыслей и чувств, благодаря которым она получает наслаждение.

История души европейского человека конца второго тысячелетия непосредственно соотносится с историей мысли, в XIX в. характеризуемой, с точки зрения русского философа и психолога П.Е. Астафьева, смещением форм, в которых прежнее человечество мыслило о предметах. Задачей для мысли человечества до XIX в., считает автор, представлялось или познание форм и законов явлений природы, жизни, истории; или выяснение идеалов, которыми должна руководствоваться сознательная деятельность, мысль, воля и чувства в определении своих задач и оценке своих чувств; или рассмотрение всякого факта, представляемого действительностью, как произведения творческой, деятельной силы, восстанавливающей единство между двумя большими областями мысли: мыслью о сущем, реальном, и мыслью о долженствующем быть, идеальном [Астафьев, 2000].

XIX в. для европейского общества, по мнению П.Е. Астафьева, отмечен обретением поучительнейшего и грандиознейшего опыта, когда-либо предпринятого историей: опыта удовлетворения желания, удовлетворения, которое только развивает потребность, делает ее еще труднее удовлетворимой. «Таким образом, живя одним желанием и лишь с его точки зрения признавая и ценя все то, что есть (действительность), и все то, что должно быть (идеалы), человек рано или поздно, но неизбежно утрачивает не только всякий след веры, надежды и любви, не только энергию

воли и свежесть чувства, не только признание какой-либо ценности и за окружающей действительностью, и за собственной жизнью, но и самое счастье, возможность того личного благополучия, на котором он сосредоточил все свои помыслы и стремления» [Астафьев, 2000, с. 159–160].

Естественный вкус человека XX в., особенно в его завершающей трети, измеряется категорией текста, который, вслед за Ю. Кристевой [Kristeva, 1966], уместнее определить как способ трансформирования реальности, транслингвистический аппарат перераспределяющий порядок языка; ритмическое чередование парных категорий, прохождение инстинктивных ритмов через определенные положения, производящее значение, всегда избыточное по отношению к существующему.

Особенно актуальной становится проблема осуществления с помощью текста субъектом своей воли, или власти. В работах Ж. Делеза и Ф. Гваттари [Deleuze, Guattari, 1976] власть, или способность осуществлять свою волю, рассматривается как субпродукт «производства желания», представленный в виде дискурсивной стратегии и определяющий первичный уровень принуждения. Согласно концепции Р. Барта, между властными, волевыми, и языковыми структурами возможны либо кооперативные (сотрудничество), либо оппозиционные (противоборство) отношения [Барт, 1994]. Первый вариант взаимодействия скрепляется энкратическими языками, второй поддерживается акратическими. Энкратический язык характеризуется как язык массовой культуры, язык всепроникающий («липкий»), создающий иллюзорное ощущение естественности своего использования-употребления. Это язык доксы (расхожих мнений), что содействует естественному и натуральному восприятию его сознанием: он выглядит как «природный».

В истории русского литературного языка в XX в. таким языком был язык соцреалистической литературы. Ю.Б. Боров [Боров, 2002] в сфере художественной культуры отводит место социалистическому реализму в эпохе реализма, эре хронотопа – пространственно-временного художественного мышления. Это (эра хронотопа) стадия утраченных иллюзий: а может быть, не удалось творенье? всемирный замысел истории не сбьлся? что изменить: Природу? Человека? Бога? или все дело в обществе пророков?

В эпохе реализма, в которую человек страдает, несет потери, но выстаивает, Ю. Боров выделяет два периода: период традиционного реализма (критический реализм XIX в.; социалистический реализм; крестьянский реализм (деревенская проза) и период модернизированного реализма (неореализм) магический (фантастический, волшебный) реализм, психологический реализм, интеллектуальный реализм. В социалистическом реализме личность социально активна и включена в творение истории насильственными средствами. Одним из «средств насилия» предстает и язык – энкратический язык, «липкий», всепроникающий язык массовой культуры строителя коммунизма.

Энкратическая форма русского литературного языка в XX в. предполагает особый способ реализации структуры общающихся субъектов – ритуальные образцы (нормы, правила, концепции). ЭГО реализуется через «ритуальную модель» [Goffmann, 1983], что мешает обыденному сознанию схватывать диспозиционные свойства личности. Как утверждает П.В. Зернецкий [Зернецкий, 1988], ритуальный план организации речевой деятельности – это реализация этикетных и этноспецифических особенностей речевого общения. В XX в. в СССР в речевом общении реализовывался ритуальную модель «советский человек», что мешало дифференцировать с помощью принципов лингвистической выразимости значения диспозиционных свойств личности.

Оппозицию энкратическому языку составляет язык акратический, рассматриваемый в качестве культурного феномена, в рамках которого рефлексивная компонента предельно акцентирована. Таким образом, язык идеи, понятия разума, противопоставляется языку рефлексии, высший образец, прообраз вкуса противопоставляется форме целесообразности предмета – красоте. Средой обращения акратического языка являются преимущественно концептуальные системы, что неизбежно ведет к его дифференциации: возникают языковые размежевания, конфликты, разделы. Уместно говорить о силовых отношениях внутри конкретной дискурсивной среды: «сильная» языковая система способна функционировать (поддерживать свой культурный статус) в любых условиях, сохраняя свою энергию, независимо от культурного статуса соответствующих «фикций», т.е. вопреки ничтожности реальных носителей языка [Барт, 1994].

XX в. в истории становления индивидуальной формы русского литературного языка характерен тем, что создается альтер-

нативная славянской азбуке семантическая система. В задачи славянской азбуки в период ее создания входило адекватное означивание графических особенностей мирозерцания восточнославянской ветви индоевропейского языкового союза. К потенциальным свойствам кириллической графической системы следует причислить способность означивания эстетического суждения рефлексии как знаковой формы способности души, ощущения, вызывающего в субъекте гармоническую игру обеих познавательных способностей – воображения и рассудка, когда, согласно Им. Канту, в данном представлении способность схватывания одного и способность изображения другого содействуют друг другу.

Глава 7 РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ ВЕЛИЧИНА

Понимание языка как трансцендентальной величины разрабатывает К.-О. Апель, создавая трансцендентально-герменевтическую концепцию языка [Апель К.-О. 2002], основывающуюся на том, что 1) язык является трансцендентальной величиной; 2) виртуальный статус языка есть условная возможность динамического взаимопонимания и понимания самого себя. «...с точки зрения перцептуальной идентификации феноменальной очевидности пропозициональная репрезентация переживаемого мира может быть фактически трансцендирована; и с этой точки зрения не язык, но сознание перцептуальной очевидности является непостижимым *a priori* опыта» [Апель К.-О., 2002, с. 210].

Понимание языка как трансцендентальной величины возможно в интерпретативном сообществе, в котором актуально соотношение естественных наук и герменевтического понимания социального. Идентификация лингвистически интендированного объекта в реальном мире имеет отношение к *интенциональному и интерпретативному языку, используемому говорящим и слушающим*.

Созидание русского языка в интенциональном и интерпретативном плане, т.е. проработка прагматической семиотики трансцендентального субъекта, или субъекта, интенцирующего свое бытие-в-быту в соответствии с теорией значения церковнославянской семиотической системы, осуществляется в художественно-публицистической деятельности представителя русской когнитивной культуры.

Художественно-публицистическая деятельность в языково-текстовом аспекте конструирует формы среды обитания человека – рационально-идеальные формы государственности, основанные на гармоничных и пропорциональных отношениях естественного человека и естественного мира. Результат осуществления художественно-публицистической деятельности – нормальное, т.е. естественное проявление социальной сущности как человека, так и общества, истории личности, актуализированное в коммуникативном импульсе всякой практической деятельности человека.

Основой коммуникативного импульса человека является естественный разум, который, по убеждению Т. Гоббса, подсказывает условия мира взаимодействия, на базе которых возможно прийти к соглашению, или естественные законы [Гоббс, 1965]. Естественные законы выступают в качестве базиса договора, — коммуникативного акта, способствующего перенесению прав. Договор является прототипом всех форм общественной жизни, исполнение договора — фундаментом всех обязанностей, справедливости, общей морали.

Художественно-публицистическая деятельность способствует текстовой реализации договора, тем самым определяя в качестве одного из основных вариантов социальной деятельности деятельность речевую (языковую), преобразующую масштабы и формы мира, а также формы сознания и мышления. Особый статус обретает речевая форма реализации русской культуры мышления в XIV–XVI вв., что обусловлено развитием централизованного государства, сопровождавшегося совершенствованием литературного языка в связи с развитием общественной жизни. Прежде всего развиваются новые жанры письменности, к которым относится публицистика, начинают складываться и оформляться элементы публицистического стиля.

Царево государево послание во все его Российское царство на крестопреступников его на князя Андрея Курбского с товарищами и их измене

«Писание же твое приятно бысть и разумлено внятно. И понеже убо положил еси яд аспиден под устами своими, напоено меда и сота, по твоему разуму, горчаише пельни обретающеся, по пророку, глаголющему: «Умякнуша словеса их паче елея, и та суть стрелы». Таки ли убо навылк еси, христианин будучи, христианскому государю подобно служити? И тако ли убо честь подобная воздаяти от бога данному владыце, яко же бесовским обычаем яд отрыгаеши?...

<...> будто детям боярским жалованье, а все себе у них поимаша во мздоимание, а их не по делу жалующи, верстая не по достоинству; а казну деда и отца нашего бесчисленную себе поимаша; и тако в той нашей казне исковавши себе сосуды злати и сребряни и имена на них родителей своих подписаша, будто их родительское стяжание; а всем людям ведомо: при матери нашей и у князя Ивана Шуйского шуба была мухояр зелен на кун-

цах, да и те ветхи; и коли бы то их была старина, и чем было суды ковати, ино лутчи бы шуба переменитьи»¹.

Краткое ответвление князя Андрея Курбского на зело широкую епистолию великого князя московского:

«Широковещательное и многошумящее твое писание прияхь...<...> так ото многих священных словес хватано... <...> зело паче меры преизлишно и вяззливо, целыми книгами, и паремьями, целыми посланьми! Тутю же о постелях, о телогрех, и иные безчисленные, воистину, яко бы неистовых баб басни; так верварско, яко не токмо ученым и искусным мужем, но и простым и детем со удивлением и смехом, наипаче же в чюжюю землю, идее же некоторые человецы обретаются, не токмо в грамматических и риторских, но и в диалектических и философских ученые»².

Признавая переписку Ивана IV Грозного и Андрея Курбского одной из базовых составляющих художественно-публицистической деятельности российской общности в XVI в., следует признать в контексте русской культуры особый статус в оформлении публицистики как самостоятельного когерентного дискурса жанра письма, причем письма дружеского. Уильям Миллз Тодд III отмечает, что письма являются средством социальной коммуникации и могут становиться «литературой» в эпохи, «когда доминируют аристократы-любители, в эпохи внимательного отношения к деталям повседневной жизни и в такой культурной ситуации, когда образованное общество само по себе становится произведением искусства» [Тодд, 1994, с. 9], требуя от своих членов особого умения – искусства жить. Размышляя об искусстве жить русского дворянства XVIII – начала XIX в., Ю.М. Лотман заметил, что искусство и действительность представляют два противоположных полюса, границы пространства человеческой деятельности, в пределах которого разворачиваются все разнообразные поступки человека; искусство становится моделью, которой жизнь подражает, причем в качестве одного из образцов избираются образцы театральные [Лотман, 1999].

---

¹ Текст приводится в редакции, представленной в учебном пособии по специальности «Русский язык и литература» (Горшков А.И. Теория и история русского литературного языка. М., 1984).

² Там же.

«Театральная жизнь, – пишет Ю.М. Лотман, – представляла собой цепь событий. Человек театра не был пассивным участником безлико текущего хода времени: освобожденный от бытовой жизни, он вел бытие исторического лица – сам выбирал свой тип поведения, активно воздействовал на окружающий мир, погибал или добивался успеха. Взгляд на реальную жизнь как на спектакль не только давал человеку возможность избирать амплу индивидуального поведения, но и наполнял его ожиданием событий. Сюжетность, то есть возможность неожиданных происшествий, неожиданных поворотов, становилась нормой» [Лотман, 1999, с. 198–199]. Модель театрального поведения освобождала человека от автоматической власти группового поведения, обычая, превращая его в действующее лицо истории. Сюжетность переписки Ивана IV Грозного и Андрея Курбского размыкает традиционный для русской культуры круг системы художественного осмысления мира: летописание – агиография – повесть.

Летописи представляют, по замечанию Я.С. Лурье, самые обширные памятники светской литературы, являясь с IX до середины XVI в. основным источником по политической истории России [Лурье, 1976]. Причем в XIV–XV вв. возникает наибольшее число параллельных летописных сводов, освещающих с разных точек зрения одни и те же события и по художественному статусу приближающихся к публицистическим произведениям. Летопись была одним из первых, важнейших жанров возникающей русской литературы, в котором восточнославянские народы фиксировали устные исторические предания и регистрировали все важнейшие события своего времени. В недрах летописного жанра развивалось русское сюжетное повествование.

Агиографические сюжеты оригинальных житий на Руси можно подразделить на две основные группы: к первой группе относятся жития, посвященные теме идеального христианского героя, ради обретения жизни «вечной» ушедшего из жизни мирской; ко второй группе относятся жития, герои которых стремятся обосновать своим поведением не только христианский, но и феодальный идеал [Андрианова-Перетц, 1970]. Агиографической литературе, как отмечает О.В. Творогова, свойственна абстрагированность: автор нарочито избегает точности, определенности, деталей, которые указывали бы на единичность описываемых ситуаций, в чем видится осмысленное стремление рассматривать

жизнь святого как вечный и повсеместный эталон этических норм [Творогова, 1980].

Историческое повествование, повесть до XV в. рассказывают об исторических событиях и известных деятелях русской истории, в XV в. героями повествования становятся различные люди, в жизни которых происходят занимательные для читателя события. Повести XV в., по замечанию Я.С. Лурье, представляют собой «произведения беллетристики, сходные по построению с художественной прозой нового времени» [Лурье, 1980, с. 265]. Именно в это время появляются оригинальные русские повести.

До XV в. текстовое построение вообще и нарративное (повествовательное), в частности, являются измерениями, в соответствии с которыми интерпретируется символическое пространство русского православного мира и регулирующими семиотическое поведение тех, кто организует в нем свою повседневную реальность по правилам «гиперреальности», «мира виртуального», контуры которых обозначены в текстовой реальности. Графически творимый восточно-христианский мир обретает свою реальность в виде так называемого Storyspace. «Storyspace, – как отмечает Дж. Ландоу, интерпретируя это понятие в контексте интеллектуальной истории человечества конца XX в., – which works on both Macintosh and Windows machines does not have Intermedia's UNIX-based system of varying permissions (which permit an instructor to fix or freeze a document while permitting students to link to it), and it also does not have either Intermedia's structured graphics editor or its ability to permit individual documents to participate in multiple webs. On the other hand, it has a range of valuable qualities, not the least of which is that it will work on any Macintosh and vieriually any Windows machine. Importing text and images, making links between words and phrases, full-text searching, and organizing documents are all very easy, and although this system does not have Intermedia's Web View, the Storyspace Roadmap, which one can call up by pressing a simple key combination, provides a partial analogue to this invaluable feature by furnishing a reading history and list of link destinations for each individual document» [Ladow, 1995].

Специфика текста в Storyspace состоит в том, что он является документом, содержащим свидетельства о специфике а) ментальной деятельности человека той или иной исторической эпохи; б) правилах текстового означивания обстоятельств повседневной

действительности; в) правилах использования кириллической графической системы для построения образа мира.

Текст в Storyspace – это способ систематизации накапливаемого знания, которое представителями СМД-методологии (системно-мыследеятельностной методологии) понимается как результат многократного замещения знаками процедуры оперирования с объектами и другими знаками. Конечная знаковая форма знания свертывает в себе иерархическую последовательность знакового замещения, каждое из которых фиксирует определенное «объектное» содержание. Это содержание является результатом оперирования с объектами и знаками на низшем уровне.

*Новгородская первая летопись по Синодальному списку XIII–XIV вв.*³

*Русская правда по списку 1280 г.*⁴

«Русская правда» являет собой образец коммуникативной речевой практики, которая, согласно позициям трансцендентальной герменевтики О.К. Апеля, зависит от лексического дискурса и связана необходимостью следовать грамматической организации языка (напомним, что в «Русской правде» осуществлена смена системы церковнославянского языка системой древнерусского языка). Создается вариант обыденного языка – «древнерусский язык» – для восточной ветви славян, или язык интересубъективной коммуникации, которая является одновременно передачей информации и процессом достижения согласия. В качестве субъектов коммуникации потенциально декларируются, и самостоятельные государственные образования, и этнические единства, и «одиочные» субъекты. Обыденный – язык – это своего рода performance, презентация языка в ткани конкретно-языковой практики (так потом будет в теоретической концепции Н. Хомского, а пока в практике языковой деятельности строителей *Земли Руской, Земли Обетованной*).

Трансцендентально-герменевтическая концепция языка О. Апеля позволяет прояснить семантические основания семио-

---

³ Текст приводится по изданию: Хрестоматия по истории русского языка: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. №2101 «Рус. яз. и лит.» / Авт.-сост. В.В. Иванов, Т.А. Сумникова, Н.П. Панкратова. М., 1990.

⁴ Там же.

тических трансформаций восточнохристианской (православной) графической модели мира. Язык является для Апеля трансцендентальной величиной, виртуальный статус языка признается условной возможностью диалогического взаимопонимания и понимания самого себя, коммуникативный партнер выступает в качестве текста, смысл которого представляет собой презентацию содержания коммуникативной программы партнера. Знак может быть использован в таком контексте по следующим регистрам: а) в смысле категории первичности, или иконическое использование знака, чтобы протокольно схватить бытие как таковое в ходе окрещивания-называния данного феномена → «Русская Правда»; б) в смысле категории вторичности: использование знака как индикатора для идентификации по отношению к ситуации объекта именования, существующего и причинно обуславливающего чувственное восприятие → русский страстной дискурс и его интерпретанты по первой Новгородской летописи (образец русского нарратива, который следует воспринимать в оценке нарратива вообще Й. Брокмейера и Р. Харре: нарратив – инструкция по конструированию онтологически-артикулированной реальности); в) в смысле категории третичности: символическое использование языка для опосредования первичности и вторичности, для определения экстенционального значения данного имени и установления связи с интенциональной детерминацией соответствующего понятия (детерминации ее ожидаемой, но принципиально возможной), т.е. дистрибуция Логоса в обыденном языке, предпосылки чего закладываются в процессе перевода в семиотическую систему восточных славян аксиологий иных культур («Изборники»).

С семиотической системы «древнерусский язык» начинается обустройство русской коммуникативной речевой практики по правилам универсальной прагматики. Философия жизни и рационализм существования общности «русский народ» систематизированы в виде языка – трансцендентальной величины, выступающей и в качестве механизма объективации информации (1), и в качестве медиатора понимания (2), и в качестве экспрессивного средства (3). В русском языке осуществляется общественная модернизация (переход от примитивной к сложной организации общества), в основе которой, согласно Ю. Хабермасу [Habermas, 1972], лежит рационализация жизненного мира.

Рационализация жизненного мира обнаруживает себя, как считает Ю. Хабермас, в структурной дифференциации, которая ведет к отделению обретающей институциональности системы от образов мира (также рационализирующихся), к автономизации личности по отношению к общественным институтам, к освобождению коммуникативного действия от конкретных и унаследованных образцов поведения. Система русского языка обретает статус и реконструктивной методологии, используемой для рациональной реконструкции понятий, правил, критериев, которые моделирует аксиологии других этнических систем. По утверждению Ю. Хабермаса, область реконструктивного исследования определяется рядом различий: 1) различие между сенсорным опытом, или наблюдением, и коммуникативным опытом, или пониманием; 2) различие между описанием и экспликацией; 3) различие двух ступеней экспликации значения; 4) различие между способностью компетентного субъекта и эксплицитным знанием; 5) различие между имплицитным мнением и проверенным эмпирически интуитивным предзнанием.

Различие между сенсорным опытом и коммуникативным опытом, наблюдением и пониманием семантики, синтактики и прагматики церковнославянского языка становится очевидным при сравнении Новгородской первой летописи и Остромирова евангелия.

Новгородская первая летопись⁵
Остромирово евангелие⁶

В Новгородской летописи как особом виде документа, устанавливающем психическое равновесие между бытовым событием (индивидуальным существованием личности) и социальным событием («индивидуальным» существованием общества), формируется семантический фон для аксиологических придикатов. Через посредство семантического фона программируется и обеспечивается семантическое взаимодействие в пределах предиката «Иисус» коннотативных сем, репрезентирующих православную аксиологию; происходит вчувствование в мир христианской идеи.

---

⁵ Текст приводится по изданию: Хрестоматия по истории русского языка: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. №2101 «Рус. яз. и лит.» / Авт.-сост. В.В. Иванов, Т.А. Сумникова, Н.П. Панкратова. М., 1990.

⁶ Там же.

В Остромировом евангелии формируется опыт коммуникации с текстовой реальностью, или навыки оперирования внутри системы знаков, постижение автономной сущности внутренних зависимостей совокупности знаков церковнославянского языка. На момент XI в. церковнославянский язык – это совокупность знаков, опыт коммуникации с которой следует еще приобретать. «Сокупность знаков, – по утверждению П. Рикера, – чтобы ее можно было подвергнуть анализу, должна пониматься как замкнутая система; это очевидно на уровне фонологии, устанавливающей окончательную опись фонем одного данного языка; но это истинно и на уровне лексики, которая как показывает однозначный словарь, обширна, но не бесконечна... Наконец, бесполезно было бы напомнить, что синтаксис образован конечной системой форм и правил. Если к этому добавить, что на еще более высоком уровне всегда имеют дело с конечной совокупностью текстов, то можно будет формулировать в самом общем виде аксиому закрытости, которая руководит работой анализа. Опираясь таким образом внутри системы знаков, лингвист может видеть, что анализируемая им система находится не вовне, а внутри их отношений. Именно так Ельмслев и определял структуру: *автономная сущность внутренних зависимостей*» [Рикер, 1995, 127].

Различие между описанием и экспликацией области реконструктивного исследования церковнославянского языка обретает очевидность при сопоставлении Граффити Софии Киевской и текстов грамот. В Граффити представлен образец описания, в грамоте – образец экспликации.

*Граффити Софии Киевской*⁷

*Грамота великого князя Мстислава Владимировича*⁸

Описание, как считает, М.П. Брандес [Брандес, 1988], выражает факт сосуществования предметов и их признаков в одно и то же время. Для XII в. предметный мир овеществлен в артефактах христианской культуры, признаки которых эксплицированы в человеке: духовный артефакт продолжается в сознании человека, обретая адекватную систему означивания, на базе которой формируется текст-номинация к полученному знанию-впечатлению ком-

---

⁷ Текст приводится по изданию: Хрестоматия по истории русского языка: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. №2101 «Рус. яз. и лит.» / Авт.-сост. В.В. Иванов, Т.А. Сумникова, Н.П. Панкратова. М., 1990.

⁸ Там же.

муникации с миром духовных содержаний. Экспликация применяется, когда смысл символического образования неясен; может обладать разным радиусом действия – может применяться как к находящемуся на поверхности, так и лежащим в основании структурам. Символическим образованием предстает автономная сущность внутренних зависимостей – отношения внутри системы социальных знаков (князей), регулируемые аксимой закрытости. Экспликация в грамоте превращает текст отношений внутри системы социальных знаков в язык коммуникации между бытовым событием (индивидуальным существованием человека) и социальным событием (социальным существованием человека).

Различение ступеней экспликации значений области реконструктивного исследования церковнославянского языка возможно установить при рассмотрении Изборника 1076 г. и Жития Феодосия Печерского по списку конца XII – начала XIII в. Относительно этих текстов можно говорить о двух степенях экспликации значения, или двух типах отношения к значению. Согласно позиции Г.П. Грайса [Грайс, 2004], понятие значения может рассматриваться как то, что подразумевается, имеется в виду (а); как то, что приписывается в семантическом плане предложению, слову, словосочетанию (б). Автономная сущность внутренних зависимостей христианской аксиологии, или то, что подразумевается этой аксиологией эксплицируется в Житии. То, что приписывается предложению, слову, словосочетанию; каким образом устанавливается соответствие между множеством языковых содержаний церковнославянского языка и христианской истиной как эстетическим сообщением эксплицируется в Изборнике.

Изборник 1076 г.⁹

Житие Феодосия Печерского по списку конца XII – начала XIII в.¹⁰

Если реконструировать эксплицитные значения текстов, базируясь на положениях универсальной прагматики Ю. Хабермаса, то следует учитывать, что производство предложений по правилам грамматики представляет собой нечто иное, нежели использование предложений в соответствии с прагматическими

---

⁹ Текст приводится по изданию: Хрестоматия по истории русского языка: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. №2101 «Рус. яз. и лит.» / Авт.-сост. В.В. Иванов, Т.А. Сумникова, Н.П. Панкратова. М., 1990.

¹⁰ Там же.

правилами, образующими инфраструктуру речевых ситуаций. В «Изборнике» представлено производство предложений по правилам грамматики, в «Житии» осуществляется семиотическая деятельность по оформлению инфраструктуры «русских» речевых ситуаций. Церковнославянский язык становится аспектом языкового мира восточных славян, который, согласно П. Рикеру, «поддается следующего рода учету: *таксономии*, т.е. классификации и систематизации, соответствующим самому языку, и *семиологии*, т.е. модели, управляющей его изучением» [Рикер, 1995, с. 122]. «Изборник», в таком случае, следует рассматривать в качестве таксономии совокупности знаков церковнославянского языка, а «Житие» – в качестве семиологии языковых содержаний церковнославянского языка.

В представленной секвенции текстов через реконструктивное исследование церковнославянского языка происходит рационализация жизненного мира человека, использующего для получения и экспликации знаний о Мире духовных форм (согласно К. Попперу, миру абстрактных сущностей [Поппер, 2002]). Причем тип подобной рационализации следует определить как трансцендентально-семиотический, основанный на интенциональной семантике, которая полагает философию сознания в качестве основы философии языка [Апель, 2002].

Различие между способностью компетентного субъекта и эксплицитным знанием в области реконструированного исследования церковнославянского языка в его состоянии на момент XX в. и конца XI в. в интенциональной семантике сербского писателя Горана Петровича (роман «Атлас, составленный небом»¹¹) и византийского писателя Иоанна Мосха VII в. (произведение «Луг духовный»¹²). Интенциональная семантика текста Петровича репрезентирована знаковой системой русского языка, интенциональная семантика текста Мосха – знаковой системой церковнославянского языка в тексте «Синайский патерик».

---

¹¹ Петрович Г. Атлас, составленный небом // Иностранная литература. 1997. №6.

¹² Текст приводится по изданию: Хрестоматия по истории русского языка: Учеб пособие для студентов пед. ин-тов по спец. №2101 «рус. яз. и лит.» / Авт.-сост. В.В. Иванов, Т.А. Сумникова, Н.П. Панкратова. М., 1990.

Автор, по утверждению Ю. Хабермаса [Habermas, 1972], образует некоторое выражение на основе определенных правил. Он разбирается в системе правил своего языка в их употреблении в специфических контекстах, он располагает дотеоретическим знанием об этой системе правил, достаточным во всяком случае для того, чтобы быть в состоянии образовать соответствующее выражение. Дотеоретическое знание о системе правил сербского языка – это знание о построении выражения в соответствии с правилами церковнославянского и русского языков: достоверность реального референта предложения, в соответствии с позициями трансцендентальной семиотики, зависит от идентификации интендированных объектов. Идентификация «лингвистически интендированного объекта в реальном мире имеет отношение к *интенциональному и интерпретативному языку, используемому говорящим и слушающим*» [Апель, 2002, с. 212]. Русский в XX в. и церковнославянский язык в конце XI в. являются интерпретативными языками, способными за счет особой семантики высказывания идентифицировать лингвистически интендированные объекты (*кто, вода, лепешки; узре, показаше, плача, моляся*): *Гостеприимные, какими часто бывают те, КТО вкусил горьких трав изгнания, они встречают пришельцев ВОДОЙ, охлажденной в лунном свете, и ЛЕПЕШКАМИ, посыпанными солнцем (XX в.); Имаше ... узре, показаше, плача, моляся (XI в.)*. Интерпретатор, как считает Ю. Хабермас, не только разделяет имплицитное знание речевого субъекта, но и хочет его осмыслить, должен перевести это знание в эксплицитное знание. В этом состоит задача реконструктивного понимания или экспликации значения: происходит рациональная реконструкция порождающих структур сербского (сербо-хорватского) и греческого языков, которые лежат в основании производства символических образований восточнославянской и византийской культур. Сербский и греческий языки – языки записи деятельности интенционального сознания, создающего лингвистически интендированные объекты, которые, в свою очередь, обеспечивают «вход» в семантическое, в совокупность экзистенциональных связей духовных объектов.

Г. Петрович «Атлас, составленный небом» XX в.

Иллюстрация 17. Богиня Исида «Небесный пояс – лицевая сторона», озоносфера, 900x82 см, между 3200 и 2900 до нашей эры. Министерство древностей, Аддис-Абеба

«С распространением христианства культ богини Исиды постепенно утрачивал свое значение и терял опорные пункты по

всему Средиземноморью. К IV веку исчезли последние храмы, оставшиеся на прародине культа в Египте. Его последователи, отступая перед новой религией вниз по течению реки Нил, до IV века находили пристанище в Нубии, но были изгнаны и оттуда, сначала в страну Куш, а затем в Пунт, то есть нынешнюю Эфиопию. В конце концов те немногие, кто выстоял перед испытаниями изгнания и опасностями пути, приютились на скудной земле, но под родным небом – на далеком плоскогорье Огаден.

В последующие века лишь изредка забредший сюда миссионер, искатель приключений, заблудившийся торговец пряностями или охотник за редкими бабочками подтверждали существование изолированной общины, поклоняющейся идолу – богине Исиде. По дошедшим до нас сведениям, это племя отличают жизнь в единстве с природой, пренебрежение материальными ценностями, искусство общения со звездами и мастерство игры на сестре. Гостеприимные, какими часто бывают те, кто вкусил горьких трав изгнания, они встречают пришельцев водой, охлажденной в лунном свете, и лепешками, посыпанными солнцем. В знак особого уважения гостям показывают главную святыню племени. Последователи этого древнейшего культа уже тысячи лет из поколения в поколение передают кусок полотна, который остался у богини Исиды после того, как она соткала покрывало, разделяющее (или соединяющее) землю и космос. Описывают его как длинный пояс шириной в пару саженей, вытканый из сгущенного синего цвета, украшенный перламутровыми нитями и подрубленный золотыми и серебряными переливами. Эта реликвия имела не только загадочный вид, но и обладала удивительным действием. Тот, кто получал возможность полюбоваться ее красотой, снова становился ребенком».

И. Мосх «Луг духовный» VII в. (Синайский патерик XI в.)

Интенциональная семантика Петровича демонстрирует перцептуальную очевидность априорности сознания, причем сознания, находящегося внутри автономной сущности внутренних зависимостей – совокупности знаков старославянского (церковнославянского) языка. «Короче говоря, – пишет К.О. Апель, – с точки зрения перцептуальной идентификации феноменальной очевидности пропозициональная репрезентация переживаемого мира может быть фактически трансцендентирована; и с этой точки зрения не язык, но сознание перцептуальной очевидности яв-

ляется непостижимым *a priori* опыта» [Апель, 2002]. Сутью интенционального сознания является интенция рефлексии самосознания, определяющая возможность референциальной верификации значения пропозициональных фраз. При посредстве пропозициональных фраз осуществляется перцептуальная идентификация объектов. «Славянская фраза» является фразой пропозициональной, перцептуально идентифицирующей духовные объекты, или объекты мира абстрактных сущностей.

Об особой, «славянской», фразе говорил, приступая к переводу Нового Завета на русский язык К.П. Победоносцев – один из крупнейших русских государственных деятелей второй половины XIX – начала XX в., в 1880–1905 гг. Обер-Прокурор Синода. Перевод был опубликован под названием «Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа в новом русском переводе К.П. Победоносцева» в 1906 г. в Санкт-Петербурге с разрешения Святейшего Правительствующего Синода; издание сопровождалось подзаголовком «Опыт к усовершенствованию перевода на русский язык Священных Книг Нового Завета». Создавая перевод, К.П. Победоносцев исходил из того, что, во-первых, церковнославянский язык является источником и вдохновителем русской речи, сокровищем духа (в чем он созвучен идеям В. фон Гумбольдта и предваряет теоретические позиции И.Л. Вайсгербера), во-вторых, при создании нового варианта Русского Новозаветного перевода не следует менять оборот и построение славянской фразы, «а следует, где возможно, к нему применяться» [Логачев, 1991, с. 62].

Если попытаться определить существо славянской фразы, исходя из метафизических оснований современной теоретической физики, то эта особая структура, описывающая целостные свойства множества производной природы – множества, включающего в себя ландшафтно-территориальные комплексы Украина, Белоруссия, Россия. Подобная структура – математическая – в теории физических структур как составляющей (раздела) абстрактной, или сакральной, физики Ю.И. Кулаковым определяется в качестве исчисления кортов. «Характерной особенностью исчисления кортов, – замечает автор, – является возникновение на базе её исходных аксиом, неизвестных ранее, некоторых «специальных уравнений», обладающих в определенном смысле, единственным решением» [Кулаков, 2006, с. 136]. Полученные реше-

ния сводятся к фундаментальным физическим уравнениям, составляющим основание антропной (наглядной, модельной) физики и интерпретирующим фундаментальные физические законы. Все фундаментальные физические законы, которые лежат в основании различных разделов теоретической физики, по убеждению Ю.И. Кулакова, могут быть получены из одного чрезвычайно общего принципа сакральной симметрии.

Славянская фраза, видимо, представляет собой то самое «специальное уравнение», через которое возможно определить (хотя бы приблизительно) содержание объема общего принципа сакральной симметрии, во-первых, ландшафтно-географической культуры «эллинская культура», во-вторых, свойства множества произвольной природы «великорусский народ».

В данной статье полагаем уместным остановиться на последнем, а именно свойствах множества произвольной природы «великорусский народ», по замечанию Л.Н. Гумилева, способствующего в XIV в. воскресению православной традиции, которая, в свою очередь, в I в. н.э. выделилась по этнологическому признаку из эллинской культуры и к X в. оформилась в суперэтническую культурную целостность православного мира.

Представление о свойствах славянской фразы попытаемся составить на основе переводов Посланий Святых апостолов, созданных К.П. Победоносцевым¹³. Прежде всего определимся с тем, что мы будем иметь в виду, рассуждая о славянской фразе. Свое понимание этого лингвоментального феномена мы оформляем на положениях греческой философии, усматривавшей в речи форму процесса – то, каким образом звук и мысль воплощаются в слово. «Операционное уравнение» формы процесса выводится из переводов К.П. Победоносцева. Послания апостола Иакова, Посланий (первого и второго) апостола Петра, Посланий (первого, второго, третьего) апостола Иоанна Богослова, в частности разделов Обуздание языка (Послание апостола Иакова), Любовь и воздержание (Первое Послание апостола Петра), Верно, хотя еще и медлит, и будет нечаянно пришествие Христово (Второе Послание апостола Петра), Жизнь во свете Христовом (Первое Послание апостола Иоанна Богослова).

---

¹³ Послания Святых Апостолов // Литературная учеба. 1991. Кн. 6. С. 63–73.

Операционное уравнение (операционные уравнения), обладающее единственным решением, согласно Ю.И. Кулакову, возникает на базе исходных аксиом, ранее неизвестных.

В переводах К.П. Победоносцева формируются аксиомы о языке, Слове, заповеди, устах, чистом смысле.

Аксиомы о языке: 3:4 *Вот и корабли, как они велики бывают, и какими жестокими ветрами носятся, – а малым кормилом направляются туда, куда хочет кормчий.* 3:5 *Так и язык – небольшой член, а сколько у него на все отваги! Маленькая искра, а какую громаду вещества зажигает.* 3:6 *И язык – огонь, в нем прикраса неправды* (Послание апостола Иакова); 3:10 *А кто «любит жизнь и хочет видеть себе дни добрые, тот удерживай язык свой от зла и уста свои от лукавых речей;* 3:11 *уклонился от зла и сотвори благо, исцели мира и держись его;* 3:12 *очи Господни на праведных, и уши Его к молитве их, лице же Господние против творящих зло»* (Пс. 33, 36) (Первое послание апостола Петра).

Аксиомы о слове: 3:3 *Прежде всего знайте, что в последние дни явятся наглые ругатели...* 3:5 *Но такие люди знать не хотят, что в начале Словом Божиим небеса и земля созданы из воды и водою* 3: 6 *так и тогдашний мир погиб, быв потоплен водою –* 3:7 *А нынешние небеса и земля, тем же Словом содержимые, блюдутся огню на день суда и погибели нечестивых человек* (Второе послание Петра). 2:5 *А кто соблюдает слово Его, в том истинно любовь Божия совершилась: из сего узнаем, что мы в Нем пребывали* (Первое послание апостола Иоанна Богослова).

Аксиома о заповеди: 2:7 *Возлюбленные! Не новую заповедь вишу вам, но древнюю заповедь, которую имеем вы от начала слышали.* 2:8 *Но пишу вам и новую заповедь: она – истина сущая и в Нем и в Вас, потому что тьма проходит, и светит уже истинный свет»* (Первое послание Иоанна Богослова).

Аксиомы об устах: 12 *Мною имею писать вам, но не хочу на хартии и чернилом, а надеюсь прийти к вам и говорить устами ко устами, чтоб исполнена была радость ваша* (Второе послание апостола Иоанна Богослова); 13 *Многое имел я писать, но не хочу чернилом и тростью писать тебе,* 14 *а надеюсь вскоре тебя видеть и заговорить устами к устами* 15 *Мир тебе...* (Третье послание апостола Иоанна Богослова).

Аксиома о чистом смысле: 3:1 Вот уже второе послание пишу вам, возлюбленные: в них напоминаем возбуждаю вам чистый смысл; 3:2 чтобы вы помнили прежде реченные святыми пророками глаголы и заповедь Господа и Спаса, от апостолов преданную вам (Второе послание апостола Петра).

Операционному уравнению «славянская фраза» сопутствует внутренняя понятийно-семантическая интерпретация компонентов православного понимания Логоса – «язык», «Слово», «заповедь», «уста к устам», «чистый смысл»: язык – средство, с помощью которого осуществляется действие»; Слово = орудие, применение которого позволило из воды водою создать Небеса и Землю; Заповедь древняя – Слово, которое от начала слышали; Заповедь новая – истина, сущая в нем и в человеке; Уста – а) форма процесса, обеспечивающая состояние «радость»; б) составляющая процесса «преходящее – текущее»); чистый смысл – форма процесса, обеспечивающая незабвение реченных святыми пророками глаголов и заповедей Господа и Спаса.

Единственным решением операционного уравнения «славянская фраза» может быть Закон Ума. К такому выводу возможно прийти по ознакомлении с «Парижско-Брюссельским Русским Новозаветным переводом»¹⁴, создававшимся с 1951 по 1970 годы и представляющим памятник истории духовной культуры русской эмиграции XX в. Исходный вариант этого перевода был создан епископом Кассианом, профессором Русского Православного Богословского института в Париже, обсужден и откорректирован специальной комиссией, в которую входили представители русской эмиграции. Выводы о единственности операционного уравнения мы делаем, опираясь на Послание к римлянам апостола Павла из Парижско-Брюссельского русского новозаветного перевода:

7:21 Итак, я нахожу закон, когда хочу творить доброе, мне предложат злое. 7:22 Ибо я услаждаюсь Законом Божиим во внутреннем человеке, 7:23 но вижу иной закон в членах моих, который воюет с законом ума моего и делает меня пленником закона греха, который в членах моих (Послание к Римлянам); Закон ума, «воюя» с законом греха, освобождает от служения «в ветхости буквы» для служения «в обновлении духа»: 7:5 Ибо, когда

---

¹⁴ Послания Апостола Павла из Парижско-Брюссельского Русского Новозаветного перевода // Литературная учеба. 1991. Кн. 6. С. 73–116.

мы были во плоти, страсти греховные, вызываемые Законом, действовали в членах наших, чтобы плод принести смерти. 7:6 Но теперь мы были освобождены от закона, умерши для него, которым мы были связаны, чтобы служить нам в обновлении духа, а не в ветхости буквы» (Послание к Римлянам).

Таким образом, закон ума ограждает «внутреннюю сущность человека (по библейскому выражению «сердце и утробу») [Аверинцев, 1997] от причастия субстанции букв – энергии «само-мыслящей, энергии Ума, мышлению мышления» [Лосев, 1993а]. Буквы в суперэтнической культурной православной целостности представляет собой изображение Логоса. На изображение вообще, говоря о признаках подражания, описанных Аристотелем, утверждает А.Ф. Лосев смотрят «с удовольствием, потому что, взирая на него, приходится *узнавать* при помощи созерцания и *рассуждать*, что каждый предмет значит...» [Лосев, 1993а, с. 721]. Сравнивающее, комбинирующее рассуждение есть силлогизм; удовольствие может испытываться не от самого объекта, а от мысли – силлогизма, умозаключения, что подражание равняется объекту подражания, в результате чего происходит познание. Необходимо должен наличествовать некий прообраз (для православия Логос) чтобы получилось подражание и удовольствие от подражания. «Необходимо все время *мысленно комбинировать* воспринимаемое, сравнивая его с прообразами, удовольствие, получаемое от этого соответствия между образом и прообразом и устанавливаемое мыслью, и есть удовольствие от художественного подражания» [Лосев, 1993а, с. 722].

Единственное решение операционного уравнения, определяемое как Закон ума, отождествляет православный силлогизм с протестантской этикой, утверждая в качестве составляющих компонентов новой православной этики (компонентов фундаментальных православных уравнений): *Закон свят. И заповедь свята, и праведна и добра* (Послание к Римлянам, Парижско-Брюссельский Русский Новозаветный перевод). Закон, согласно этико-протестантскому объяснению событий, трансформирует меональное окружение эйдоса, т.е. то, что, по утверждению А.Ф. Лосева [Лосев, 1993б], видится мыслью, осязается умом, созерцается интеллектуально в логической форме языка. Деформация меонального окружения православного эйдоса модифицирует умственную осязаемость мира, мыслевидение славян, их скифо-сарматскую сущность: «славянская фраза» теряет гибкость и утра-

чивает свойства, помогающие представителям славян мысленно комбинировать воспринимаемое, сравнивая его с Логосом, и получать удовольствие от художественного подражания прообразу.

Принцип сакральной симметрии славян обнаруживает себя в «Новом Завете Господа нашего Иисуса Христа в новом русском переводе К.П. Победоносцева», в «Послании апостола Иуды». Лжепророки апостолом Иудею сопоставляются с облаками безводными, осенними деревьями бесплодными, свирепыми волнами морскими, звездами блуждающими. Это ропотники, уста которых произносят нахальные речи [Послания святых Апостолов, 1991]. Принцип сакральной симметрии в теории физических структур является принципом (гиперструктурой), из которого могут быть получены все фундаментальные физические законы, лежащие в основании различных разделов теоретической физики. Для суперэтнической православной культурной целостности принцип сакральной симметрии является принципом, в соответствии с которым моделируются среды, альтернативные параметрам исходного предмета или образа. В связи с этим считаем правомерной процедуру реконструкции сакрального славянского уравнения (верного для восточного сегмента славянского мира – Украины, Белоруссии, России) по компонентам – образам альтернативного, ориентированного на Логос, воплощенного Иисуса Христа, семантического континуума эллинской культуры: *облака, деревья, осенние волны морские свирепые, звезды безводные блуждающие, ропотники, уста, речи нахальные*. Объединяющими эллинскую культуру и суперэтническую культурную православную целостность следует признать компоненты: *облака безводные* (словом Божиим небеса созданы из воды и водою (Второе послание апостола Петра); *волны* (из воды водою) *уста* (говорить устами ко устами) (Второе послание апостола Иоанна Богослова).

Славянское сакральное уравнение обнаруживает прообраз славянского языкового союза, объединенного общностью принципов подражания Логосу в мысленном комбинировании воспринимаемого, общностью православного силлогизма, в котором узнавание происходит при помощи созерцания и рассуждения о том, что каждый предмет значит.

Сопоставляя «Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа в новом русском переводе К.П. Победоносцева» и «Парижско-Брюссельский Русский Новозаветный перевод» в аспекте внут-

ренной понятийно-семантической интерпретации Логоса, можно прийти к выводу, что в переводе 50–70-х гг. видоизменяется компонентная структура Логоса. В переводе К.П. Победоносцева в ее составе компоненты православного понимания Логоса: *язык, Слово, заповедь, уста к уста, чистый смысл*; в переводе епископа Кассиана структура Логоса двучастна: *Закон и заповедь* (закон ума и закон греха, заповедь свята, и праведна и добра). Изменение компонентной структуры Логоса под влиянием протестантской этики, согласно социологической теории М. Вебера, культивирующей ценность качеств, которые сыграли важную роль в развитии европейского капитализма [Вебер, 1994] – рациональности, бережливости, трудолюбия, воздержания от роскоши, модифицируется сакральное православно-славянское уравнение Славяне = Закон Ума (облака [язык Сарматии = Украины¹⁵] + волны [заповеди Белоруссии] + уста [чистый смысл России]). Оно обретает вид: Славяне = Закон Ума + волны, – довольно «удобный» для «эллинского» типа рассуждения о мире и его предметах, поскольку в формуле/уравнении сокращаются компоненты «язык» и «уста», которые и позволяли представителю Римской Империи дифференцировать в пространстве-времени истории Slavs (славян), «ловко» владеющих словом, а следовательно, управляющих колесницами мысли.

Рассматривая способности компетентного субъекта, использующего кириллическую графику для экспликации и идеологии (христианской доктрины), и аксиологии (системы славянских ценностей), необходимо иметь в виду, что славянская речь рассматривается как свойство человеческого разума, его части – языкового аппарата человека. Использование кириллической графики не связано с самостоятельным языком, а следовательно, в случае усвоения церковнославянского языка имеет место особый вариант «усвоения языка» – усвоение интенциональной семантики как языка интенционального сознания.

В коммуникационной истории человечества, видимо, можно говорить о нескольких вариантах языковой адаптации сакрального знания к обстоятельствам жизни природной (ландшафтно-

---

¹⁵ В древности, отмечает английский ученый Норманн Дэвис, Украина была известна как Скифия или Сарматия, по имени тех народов, которые обитали в Понтийских степях задолго до славян [Дэвис, 2004].

географической) и социальной (форма государственного обустройства). Так, индийская культура характеризуется достаточно долгим периодом независимого информационного обращения сакрального знания, зафиксированного в священных книгах. Речевая реализация сакрального текста – некоей знаковой системы оформления имплицитного знания абсолютной бесконечности – предполагала урегулирование принципов действия правил грамматики и прагматических правил, принципов моделирования живых систем и принципов их функционирования. Сакральное знание индийской культуры, графически закреплённое и воспроизведённое в ритмических речевых структурах-моделях, представляло собой неотъемлемую часть коммуникационной истории индийца.

Графическая модель мира, сконструированная глаголической знаковой системой, представляет собой моделирование процесса, системой-средой актуализации которого являются славяне. Глаголическая знаковая система стандартизирует некий виртуальный язык, который согласно трансцендентально-герменевтической концепции К.О. Апеля, является величиной трансцендентальной. Этот язык можно истолковывать и как совокупность трансцендентальных величин, репрезентирующих деятельность сознания при постижении актуальной бесконечности. Возможно предположить, что это язык особой мыслящей системы, система графического описания которой моделирует процесс мышления. При интерпретации этого предположения мы опираемся на концепцию М.Н. Вайнцвайг и М.П. Поляковой о моделировании мышления [Вайнцвайг, Полякова, 2006].

Мыслящей системой авторы называют связную ограниченную область мира, характерной особенностью которой является то, что совокупность состояний соответствующих ей точек пространства поддерживается в определенных рамках жизни за счет целесообразного поведения, или за счет организации определенной последовательности действий. Л.Н. Гумилев, рассуждая о зарождении суперэтнуса Византии, замечает, что в I в. н.э. в Римской империи появились люди, выделявшиеся из числа других характером поведения: они иначе относились друг к другу, иначе мыслили, основной целью было достижение загробного блаженства [Гумилев, 1993]. Условно эта целостность называется Л.Н. Гумилевым византийской, или ортодоксально христианской. Следовательно, мыслящей системой признаем ортодоксально христианскую целостность. С системой постоянно связан субъектив-

ный базис, определяемый положением ее органов чувств и задающий субъективную ситуацию, которая характеризует состояния точек мира относительно текущего положения системы. Субъективная ситуация характеризует как состояние внешнего мира, так и внутреннее состояние самой системы. Будучи субъективным базисом, Киевская Русь определила субъективную ситуацию – русское православие, – которая выступила в качестве переменной, используемой при описании знаний о мире мыслящей системы «Византийская целостность», или «Византия».

Мысленный переход из субъективной ситуации s1 «византийская аксиология» в субъективную ситуацию s2 «русское православие» соответствует линейному преобразованию базиса s – органов чувств: во времени – переносу суперэтнических признаков «ромей» на общность «русская земля», в пространств – «лингвистическому» переносу и повороту, заключающему в создании глаголической знаковой системы, описании правил ее прагматического употребления (варианта универсальной прагматики) – церковнославянского языка – и разработки правил грамматики – системы древнерусского языка. Реально мысленный переход, как считают М.Н. Вайнцвайг и М.П. Полякова, происходит по некоторому пути, который характеризуется последовательностью событий, в нашем случае, событий-текстов, и прежде всего их жанровой дифференциации. Если исходить из информационно-семиотического подхода М.П. Брандес, то о жанре следует говорить как о схеме вовлечения мысли в действие [Брандес, 1988]. Жанры, в которых осуществляется преобразование «органов чувств» ромейев, или византийской целостности: Евангелие, перевод с греческого научной энциклопедии, перевод с греческого трактатов отцов церкви, песнопения, грамоты, рассказы о путешествиях (Синайский патерик), житие, договор торговый (до 1280 г., года создания «Русской правды»). Возможно говорить о трех типах схем вовлечения мысли в действие: системно-деятельностном (евангелие, трактаты отцов церкви, песнопения, жития), нарративном (рассказы о путешествиях, житие, договор), метатекстовом=метасобытийном (энциклопедия, грамоты).

Благодаря правилам прагматического употребления выражение обретает притязания на значимость, т.е. приобретает комплекс отношений к реальности: а) отношение к внешней реальности того, что может выступать предметом восприятия; б) отношение к внутренней реальности того, что говорящий мог бы вы-

разить как свои намерения; в) отношение к нормативной действительности того, что является социально и культурно приемлемым. Определенное отношение к реальности оформляется с помощью соответствующей схемы вовлечения мысли в действие: внешняя реальность – нарративная схема; внутренняя реальность – метатекстовая схема; нормативная действительность – системно-деятельностная схема.

Универсальная прагматика, согласно Ю. Хабермасу [Habermas, 1972], имеет своей задачей реконструировать универсальные возможности взаимопонимания. Согласие основывается на признании четырех притязаний на значимость: притязания на понятность выражения, притязания на истинность значения, притязания на правдивость намерения и притязания на правильность действия. Обеспечение притязания означает, что достигается интересубъективное признание значимости субъекта. Тем, что слушатель принимает выдвинутое говорящим притязание на значимость, он признает значимость соответствующего символического образования, т.е. он признает, что предложение является грамматически правильным, высказывание истинным, изъявление намерения правдивым, а выражение корректным. Значимость этого символического образования обоснована тем, что оно удовлетворяет определенным условиям адекватности, но смысл этой значимости состоит в гарантии того, что при надлежащих условиях может быть достигнуто его интересубъективное признание.

Образцом реализации принципа признания притязаний на значимость является создание лингвистически интендированного объекта «президент» русском литературном языке начала XXI в. Согласно концепции Ю. Хабермаса, значимость этого символического образования обосновывается тем, что оно удовлетворяет определенным условиям адекватности: для России XXI в. преимущественно адекватности событиям инобытия, иной таксономии и семиологии. Смысл этой значимости состоит в гарантии того, что при надлежащих условиях может быть достигнуто интересубъективное признание этого символического образования. Надлежащим условием становится лингвистический либерализм.

Начало XXI в., как отмечает М. Кастельс [Castells, 2000], характеризуется конституированием нового типа общества – сетевого, характеризуемого, с одной стороны, средствами преобразования знаний в информационный ресурс общества – единство

знания и информации, с другой – средствами реализации социальных технологий и преобразования их в социально-информационные технологии, которые непосредственно могут использоваться в системах государственного и общественного самоуправления.

Одним из локусов реализации информационных технологий являются средства массовой информации, превращающие культуру в систему имиджей и символов, которые составляют особый «синтетический мир». Этот мир располагает своим временем и пространством, географией, этнографией, которые подчинены институциональным целям и правилам консенсусной морали, которые требуют стабилизации тенденций лингвистического либерализма.

Лингвистический либерализм следует рассматривать как функцию лингвистического разума, ориентированного в своей деятельности прежде всего интуицией, или, согласно точке зрения физиолога К. Перта, искусством вслушивания ушами души в мелодии и ритмы, которые поминутно рождает тело [Гелб, 2000]. В качестве пакетного понятия постнеклассического философствования «тело» отражает следствия процесса утраты культурой как таковой центрации на Слово. В рамках постмодернистской парадигмы телесность реализует функции ментальности: применительно к процедуре осмысленного опытного содержания телесность приобретает статус «внутреннего», а ментальность – «внешнего» ракурса. Согласно Мерло-Понти, тело следует рассматривать как непосредственное человеческое бытие – бытие сознания, укорененность в мире, то, благодаря чему, человек может иметь мир и принадлежать ему [Merleau-Ponty, 1960].

Результаты «вслушивания» в мелодии и ритмы тела, позволяют постичь законы овладения мира и таким образом укорениться в этом мире. Языковедческой тактикой в современных обстоятельствах жизни, ритмизирующей существование интенций «понятого» тела и интенций сетевого общества следует признать лингвистический либерализм, который (если при его интерпретации руководствоваться идеей коммуникативной телесности Р. Барта [Барт, 1994]): а) открывает пользователя языка, желающего чтения текста, возможность быть другим; б) обеспечивает пользователя языка другим его телом; в) предлагает технику чтения событий, выбор которой и есть процедура выбора другого тела.

Тексты любой культурно-исторически определенной традиции, как утверждает А.А. Грицанов, фундированы той телесной практикой, той топологией мира, которыми пронизана текстура воспринимаемого философско-литературного произведения [Грицанов, 2003]. Следовательно, возможно и обратное: организация и архитектоника текстов может мотивировать телесную практику, топологию мира, тело читателя должно «оснащаться новыми психофизиологическими и смысловыми автоматизмами для декодировки текста и получения ожидаемого, сопряженного с наличной телесной организацией смыслового ответа» [Грицанов, 2003, с. 1029].

Понятие «пользователь языка» в статье Фр. Данеша и С. Чмейрковой появляется в контексте рассуждений о языковой экологии, предметом которой становится языковая вариативность, «рассматриваемая через призму отношения к среде, в которой она происходит» [Данеш, Чмейркова, 1994 с. 27]. Авторы обращают также внимание на актуальное для середины 90-х гг. XX в. понятие «языкового менеджмента», отдаленно соответствующее традиционному для чешской лингвистики понятию «языковая культура» и подчеркивающее, что в жизни языков важны не только факторы культурные, но и политические и экономические (при приоритете политики и экономики).

Когда мы касаемся проблемы лингвистического либерализма, то более ценностной (аксиологически значимой) представляется лингвистическая идеология Р. Карнапа [Карнап, 2007], одной из составляющих которой является рассмотрение проблемы абстрактных объектов – свойств, классов, отношений, чисел, суждений и пр. Проблематичность взаимодействия с последними обусловлена тем, что принятие новых объектов выражается в языке, как считает Р. Карнап, введением нового языкового каркаса – новых форм выражений, которые должны употребляться в соответствии с новой группой правил.

Социально-административные изменения, влекущие за собой неизбежно и модификацию языкового «курса» государства, в завершении первого десятилетия третьего тысячелетия в России сопряжены с введением нового языкового каркаса, новая группа правил которого представляет абстрактную модель асинхронных параллельных вычислений, или в номинации Р. Келлера [Keller, 1975], именованную *систему переходов*. Именованная система переходов содержит множество состояний, бинарное отношение

на этом множестве (множество переходов) и множество «имен» переходов (слов некоторого алфавита). Приоритеты нынешнего курса государственного строительства в лингвистическом плане связаны с поэтапно-цифровой сигнификацией идеологии действия, своеобразным формулированием положений философии абстрактного действия (например, *принцип четырех i (семиосфера экономики)*, *шесть принципов Саркази–Медведева (семиосфера политики)*). Поскольку абстрактное действие по своим характеристикам подобно мнемосхеме – условному изображению планируемого процесса или результата, т.е. совокупности свойств и отношений, то правомерно отождествление абстрактного действия и абстрактного объекта.

Принятие новых абстрактных объектов требует, согласно Р. Карнапу: а) построения языкового каркаса для рассматриваемых новых объектов; б) признания фундаментального различия между двумя видами вопросов, касающихся существования или реальности объектов. Первый вид вопросов – вопросы о существовании определенных объектов нового вида *в данном каркасе*, называемых *внутренними вопросами*; второй вид вопросов – «вопросы, касающиеся существования или реальности *системы объектов в целом*, называемые *внешними вопросами*» [Карнап, 2007, с. 300]. Вопросы внутренние и возможные ответы на них формулируются с помощью новых форм выражений, т.е. с помощью выражений в данном каркасе.

Образцы ответов на внутренние вопросы, а следовательно, и новые формы выражений можно встретить в рубрике «Наш сериал» (Тайны звезд. 2008. №37 (51)) (Неизвестный Медведев). Так, в информационном блоке «Давайте разьясим вопрос насчет моего роста» вводится вещный язык дистрибуции (интерпретации) семантического поведения-существования нового абстрактного объекта «*Президент*» – семейства процессов: пространственно-временно упорядоченная система наблюдаемых вещей и событий. И. Толчева открывает рассматриваемый информационный блок следующим образом: «Пять месяцев как у нас новый президент. Но до сих пор мы задаемся вопросами: «Кто – он, Дмитрий Медведев? Что за человек?» Ответы на поставленные вопросы, комплексно представленные вначале в названии сегментов информационного блока (*Я не чурбан, Я не злобный, Я не высокий человек, но..., Я не политическое животное*), получают

соответствующую линейную развертку в непосредственных, атомарных переходах лексем-сем.

Иначе: номинации сегментов информационного блока представляют собой одновременно и слово – сигнал, согласно философии языка Аристотеля, обеспечивающий общение между людьми, и новую форму выражения, которая должна употребляться, согласно модальной логике Р. Карнапа, в соответствии с новой группой правил. Новая группа правил, которая действует при использовании приведенных номинаций – *принцип 4-х I*, – определяет новую форму выражения субъектно-предикатных отношений: операции над высказываемым, которое характеризуется Аристотелем как предельное сказуемое, категория [Аристотель, 1939]. Поскольку частям речи в философии языка Аристотеля в соответствие ставятся логические категории, то осуществим ту же операцию над номинациями сегментов: *операция над высказываемым Я-не – чурбан (существительное – логическая категория «сущность»)*, *операция над высказываемым Я-не – злобный (прилагательное – логическая категория «качество»)*, *операция над высказываемым Я-не – высокий человек, но (прилагательное+существительное+единица, не являющаяся частью речи – логическая категория «сущность»+ «качество» + «не-категория»)*, *операция над высказываемым Я-не – политическое животное (новая форма выражения (не часть речи), в соответствии которой ставится не логическая категория, как то должно быть, если следовать логике Аристотеля, а новая группы правил, в данном случае, оперирования лексико-семантическим континуумом русского языка, что не противоречит принципам семантике и модальной логики, в изложении Р. Карнапа).*

«Признать что-либо реальной вещью или событием, – пишет Р. Карнап, – значит суметь включить эту вещь в систему вещей в определенном пространственно-временном положении среди других вещей, признанных реальными, в соответствии с правилами каркаса... Принять мир вещей значит лишь принять определенную форму языка, другими словами, принять правила образования предложений и проверки, принятия или опровержения их. Принятие вещного языка ведет, на основе произведенных наблюдений, также к принятию и утверждению определенных предложений и к вере в них» [Карнап, 2007, с. 301, 302].

Предложения вещного языка представлены в номинациях сегментов информационных блоках (сериях) *В детстве я хотел*

жить среди динозавров (Пугал учителей; Первые джинсы шила мне... бабушка; Снился цветной телевизор) и *Мне пришлось выбирать между тюрьмой и аспирантурой* (Жениться или учиться? Провалился – потом навестал; В тюрьму или аспирантуру? Написал 600 страниц). В результате отображения языка комментария Д.А. Медведева к абстрактному объекту «Неизвестный Медведев» на язык семейства процессов «Президент» формируется модельный код, чтение или анализ которого по сути должны представлять процесс организации команд и кэш-памяти (наличная память). При этом возникает проблема, аналогичная проблеме в SMP-системах (симметричных мультипроцессорах – symmetrical multiprocessing), – проблема сохранения когерентности данных, т.е. «согласованных изменений содержимого кэшей и общей памяти, когда предотвращается использование копий данных в кэше какого-либо процессора, если они подверглись модификации в другом процессоре» [Топорков, 2004, с. 15].

Построение языковых каркасов для новых объектов, «мира новых вещей» создает основания укреплению тенденций лингвистического либерализма, который в исторической ретроспективе соотносим с лингвистическим перформансом и языковой компетенцией Н. Хомского [Хомский, 2004] и языковому конструированию бытия Ж. Дерриды [Деррида, 2001]. Причем система способов конструирования бытия тождественна системе категорий. Таким образом, если подходить к построению языковых каркасов с позиций языкового конструирования бытия, то введение новых форм выражения предполагает параллельное введение системы категорий – системы представлений о самом общем, что можно сказать о любом предмете высказывания (*жизнь среди динозавров, выбор между тюрьмой и аспирантурой*). В таком случае лингвистический либерализм предполагает не только множество переходов от означаемого к означающему, что ведет само по себе к «расшатыванию» корреляций между знаком и десигнатом (например, члены линейного ряда *от тюрьмы* и *от сумы* преобразуются в оппозицию *тюрьма – аспирантура*), но и формирование бытового (замещающего онтологическое значение) значения предельных сказуемых, или категорий, в терминологии Аристотеля. Подобное значения является функцией бадейного сознания.

В качестве основного положения теории бадейного сознания К. Поппер выделяет следующее: «Наше сознание – это бадья, по-

началу более или менее пустая, и в эту бадью через наши органы чувств (сверху) проникает материал, который в ней собирается и переваривается» [Поппер, 2002б, с. 67]. Функция бадейного сознания развивается и стабилизируется у носителя естественного языка в ходе электоральных кампаний. Приоритетным способом взаимодействия с носителем языка, функционирующим в режиме бадейного сознания, следует признать реализацию распределенных программ – систему процессов, взаимодействующих посредством передачи сообщений либо разделения общей памяти. Общая память, как и сознание носителя языка, обретает статус масштабируемой среды, в котором происходит распределение вычислений – введение в язык языкового каркаса, или новых форм выражений, которые должны употребляться в соответствии с новой группой правил.

В связи с распределенностью в масштабируемых средах, как отмечает В.В. Топорков [Топорков, 2004], особый интерес представляют два аспекта: недетерминизм и неоднородность сообщений. Недетерминизм означает произвольные последовательности формирования компонентов структурированных данных. Неоднородность – это произвольность структурированности данных, которыми обмениваются взаимодействующие процессы. «*Неоднородность* сообщений означает, что процессы могут передавать и принимать данные порциями произвольных размеров» [Топорков, 2004, с. 60].

Детерминизм и неоднородность сообщений, аспекты общения в масштабируемых средах, представляют собой и условия развития лингвистического либерализма, который, свою очередь, оказывает определенное влияние на методологию языкознания.

В XX в. на смену сравнительно-историческому методу в языкознании приходит познавательная практика структурализма, которая знаменует факт обретения собственного метода изучения материала отдельным разделом языкознания – структурной лингвистикой. В 60-е гг. XX в. структурализм становится господствующей интеллектуальной парадигмой, традиционно отождествляясь с французским структурализмом. Познавательная практика структурализма обнаружила произвольность связи между словом и объектом или идеей, которые оно обозначает, что позволило Фердинанду де Соссюру, как считает Дж. Тош [Тош, 2000], прийти к выводу, что «язык является несвязанным явлени-

ем – речь и письмо следует рассматривать как лингвистическую структуру со своими собственными законами, а не как отражение реальности: язык – это не окно в мир, а структура, определявшая наше представление о нем» [Гош, 2000, с. 170]. Из этого вытекало, что язык не является нейтральным и пассивным средством выражения, а управляется собственной внутренней структурой, следовательно, обладает приоритетом над опытом.

Э. Бенвенист считает, что странность программы Ф. Соссюра состоит в том, что лингвистика должна определить самое себя в совокупности семиологических явлений, что однако придает ей и силу [Бенвенист, 2002]. По его мнению, программный сбой теории Соссюра видится в отсутствии четкого определения семиологического статуса высказывания и перехода от знака к высказыванию, отнесении высказывания к «речи» («parole»).

Обнаруженная Э. Бенвенистом «незавершенность» теоретического построения Ф. Соссюра может быть снята признанием того, что в языке есть две разные области – семиотическая и семантическая, каждая из которых для своего изучения требует отдельного аппарата понятий. Основу исследования семиотической области языка должна составить соссюровская теория языкового знака, семантической области – новый аппарат понятий и определений.

Созданию нового аппарата понятий и определений современного языкознания предшествовало прагматическое исследование-использование ресурсов знаковой системы «язык человека» в двух направлений: а) разработка структур искусственного интеллекта, функционирование которых регламентировано диалоговой системой «человек-машина»; б) использование идеи синаптических связей (нейронных сетей) с целью активации коллективного семантического континуума в ходе проведения электоральных кампаний. Накопленный эмпирический материал, с одной стороны, способствовал стабилизации тенденций лингвистического либерализма, с другой стороны, сформировал достаточный базис (с учетом достижений СМД-методологии) для лингвистического моделирования профанного (бытового в противовес бытийному-онтологическому) значения предельных сказуемых, или категорий.

Книжный славянский язык (церковнославянский язык) формирует способность к коммуникации – способность к коммуникации речевого субъекта ставить правильно построенные предложения в определенные отношения к реальности, тем самым

реализовывать универсальные возможности взаимопонимания. Система древнерусского языка, замена на которую церковнославянского языка была осуществлена в «Русской правде», требует от речевого субъекта владения совокупностью лингвистических правил и активизации деятельности лингвистического разума. Церковнославянский язык представляет собой алгоритм чтения и использования для коммуникации с внешней реальностью сакрального знания. Прагматическое освоение этого алгоритма приводит к росту (изменению) когнитивной структуры разума, а также «росту» и самого «сакрального» знания. «Всякая согласованная система символов, – отмечает Г. Скалимовский, – может рассматриваться как язык. Условие *sine qua non* объективного знания – это то, что оно должно быть выражено посредством междисциплинарных символов. Итак, именно в этом смысле человеческое знание есть лингвистическое знание. Роль языка науки [церковнославянский язык для восточных славян выполняет эту функцию – замечание автора] отражает рост науки. Таким образом, рост языка науки отражает рост нашего разума, т.е. когнитивной структуры разума. В языке мы наблюдаем высшую точку и кристаллизацию двух аспектов одного и того же когнитивного развития: один аспект связан с содержанием науки, другой – с нашими актами понимания этого содержания» [Фримен, Скалимовский, 2006, 263].

Сопоставляя «Новгородскую первую летопись» и «Русскую правду», с одной стороны, «Остромирово евангелие» и «Изборники», с другой – возможно создать протокол метаморфоз, которые претерпело «русское» языковое сознание-осознание в ходе текстового пространствования собственной – православной – аксиологии и особой – «имперской» – модели мира.

В текстах явлены разные способы существования, которые, согласно Греймасу и Фонтанию [Греймас, Фонтаний, 2007], представляют отражение определенного этапа на пути нарративных трансформаций. Попадая внутрь конфигураций страсти, способы существования начинают модализировать субъект.

Эти тексты создают некий семиотический квадрат – семантическую категорию русской культуры, выкристаллизовывающейся из «материнской» византийской аксиологии. Провоцирование (оформление) значения у кириллической знаковой секвенции возможно на основе категоризации потери объекта, при этом первой дискретной операцией является отрицание, поскольку

путем ввода прерывного в непрерывное, субъект в состоянии различать объект, расположенный за «теньями ценностей».

Трансцендентальная семиотика, которая, с одной стороны, фундируется теорией значения церковнославянского языка, с другой – обосновывает единство *prima philosophia* как единство теоретического и практического разума (коммуникативного понимания абсолютной бесконечности и перцептуализации – эйдетики, или расщеплении, целостного логоса на серии образов тринитарным сознанием – теории значения церковнославянского языка).

Понимание русского языка как трансцендентальной величины получило свое обоснование в онтологической теории языка, созданной П.А. Флоренским (1882–1937), С.Н. Булгаковым (1871–1944), А.Ф. Лосевым (1893–1988).

Онтологическое понимание исходит из признания языка одной из форм эманации Первосущности и соответствует русской лингвофилософской традиции. Раскрытие глубинной онтологической природы языка должно было способствовать разрешению философских и других проблем, сопровождавших историко-культурный процесс.

С.Н. Булгаков был убежден, что проблема возникновения языка есть проблема онтологическая, а не психологическая. Рождение слова в человеческом духе есть неразрешимая тайна слова. Язык не создается, но лишь осуществляется в обществе, «слова создают язык для своего облачения», «слово космично в своем остоле, и человек есть мировая арена, микрокосм, ибо в нем и через него звучит мир, потому слово антропокосмично, или, скажем точнее антропологично» [Булгаков, 1998].

Ключ к пониманию проблемы языка, как считает С.Н. Булгаков, лежит в плоскости уяснения того факта, что существует космическое слово и человек причастен к нему. София выступает как резервуар человеческих слов, которые есть лучи Логоса. С.Н. Булгаков выделяет три ипостаси бытия, которые раскрывают глубину его представлений о бытийственной сфере языка: трансцендентально-актуальное (первая ипостась бытия); бытие раздельное и расчлененное идеями, словом бытие имманентное (вторая ипостась бытия), третья ипостась – опознание действительное, утверждение себя именованием.

Ядро онтологического направления составляет учение об имени. А.Ф. Лосев формулирует понимание имени как идеи,

улавливающей и очерчивающей «эйдос», существо предмета, Диалектически вывести имя и значит вывести всю сущность со всеми подчиненными моментами. Это становится возможным в силу того факта, что идея представляет «адекватный коррелят предметности», поскольку она появляется в результате отождествления «интеллекта» с «вещью». Идея (эйдос) как явление сущности в «инобытие» есть бесконечное развитие имени. А.Ф. Лосев развил учения об энергийности, подчеркивая методологический характер положения о взаимосвязи сущности и энергии для познавательной деятельности. Слово, по А.Ф. Лосеву, представляет собой встречу возможных и мыслимых пластов бытия, место встречи Бога и Мира. Акт образования слова – это постоянно осуществляющееся погружение сущности (вещи, предметной сущности) в разные пласты бытия [Лосев, 1993].

Теоретические посылы нового направления в философии языка – онтологического – были сформулированы в работе П.А. Флоренского «Общечеловеческие корни идеализма». Базой нового мирозерцания является платоновское учение об идеях как подлинной реальности. Смысл нового мирозерцания состоит в феномене имени, которые выступает в качестве метафизического принципа бытия и познания. Имя в онтологической концепции отца Павла одновременно есть идея-сила, субстанция-слов. Оно делает тождественным мысль и слов, указывая, что нельзя мыслить без слов. В имени объективируется и получает определенность духовная сила человека – его воля. Достаточно произнести – сказать имя, чтобы оно обратило человека в круговорот мира. Имя вещи также и субстанция вещи. В вещи живет имя, вещь творится именем. Вещь вступает во взаимодействие с именем, вещь подражает имени. Возможности познания вещей всецело обусловлены знанием их имен. «Кому известны скрытые имена вещей, нет для того недоступного» [Флоренский, 1984].

П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, А.Ф. Лосев обращаются к имени как к сгущению мысли, в котором сконцентрированы в ясной и отчетливо выраженной форме все проблемы и все силы, свойственные слову вообще. Слово – рационально выраженный смысл; имя обладает наиболее высокой степенью синтетичности: оно представляет собой максимально смысловое и «умное» явление вещи, достигающее наиболее полного воплощения в именах собственных и именах личных.

Глава 8

ПРОЦЕСС НОРМАЛИЗАЦИИ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Нормализация – приведение в соответствие с нормой, понимаемой в качестве конструкции общественных связей и отношений; организация языка в тексте в соответствии с проектами общественных связей и отношений: создание условий для прагматической и эстетической деятельности (наделение языка способностью выполнять прагматические и эстетические действия) [Брандес, 1988]. Конечный результат – общественная мысль, истинная форма общественной мысли.

Языковая нормализация в русском языке касается прежде всего системы стилей и норм, ориентированной на жанр как способ вовлечения мысли в действие. Эта процедура нацелена на формирование мироощущения, которое актуализирует себя в *linguistic performance*, умении использовать систему языка для адекватного означивания мира ментальных представлений, мира, занимающего промежуточное положение между миром физических сущностей и миром абстрактных теорий, концепций.

XX в.

*Ты не услышишь ответа,
Если спросишь «куда»,
Так как стороны света
Сводятся к царству льда.
У языка есть полюс,
Где белизна сквозит
Сквозь эльзевир, где голос
Флага не водрузит.*

И. Бродский

Linguistic performance

*уСлыШуШЬ – СпроСуШЬ
таК КаК – СВодяТСя К царСТВу
яЗька белиЗна – эльЗивир
ск-ВоЗит – Во-друЗит
пОЛЮС СквОзь гОЛОС*

XIX в.

*Когда в кругу убийственных забот
Нам все мерзит – и жизнь, как кам-
ней гряда,
Лежит на нас, – вдруг знает бог
откуда,*

Linguistic performance

*кргу – гряда
вд-руг – от-рад-ное*

*Нам на душу отрадное дохнет,
Минувшим нас обвеет и обнимет
И страшный груз минутно припод-
нимет.*

*бог – дох-нет
мину-вшим – страшный
мину-тно – груз
об-при-под-ни-мет (минет)*

*Так иногда, осенью порой,
Когда поля уж пусты, рощи голы,
Бледнее небо, пасмурнее доли,
Вдруг ветер подует, теплый и сырой,
Опавший лист погонит пред собою
И душу нам обдаст как бы весною.*

*Так
Когда
Вдруг
Как бы (Так, как бы)*

Ф.И. Тютчев

22 октября 1849¹

Языковая нормализация, как считает Л. Арасил [Aрасil, 1982], представляет собой социальный процесс, который заключается в реорганизации языковых функций общества и развитии социокультурных функций языка, находящихся под угрозой исчезновения («внешняя реорганизация»). «Внутренняя реорганизация» обозначается термином «нормативация» и не входит в понятие нормализации. Нормализация связывается с понятием языкового узуса, который рассматривается не только как способ употребления языка, но и факт реального употребления языка. Узус есть существование языка в социокультурной среде. Это совокупность связей, существование языкового употребления в данном месте в данный момент времени.

Языковой узус – общая совокупность экзистенциальных связей (по необходимости динамических) между языком и остальной частью социокультурной системы. Л. Арасил выделяет конвенциональный (немаркированный) узус, составляющий фон, или референционную рамку, и интенциональный (маркированный) узус.

Нормализация языка, согласно Р. Ниньолису [Ninyoles, 1972], включает: 1) подчинение его правилам, кодификацию,

---

¹ Тютчев Ф.И. Стихотворения / Сост. Л.Н. Кузина; вступ. ст. и коммент. Л.Н. Кузиной и К.В. Пигарева. М., 1986.

стандартизацию, через создание наддиалектного языка; 2) уравнение его с другими языками.

Любая попытка нормализация характеризуется тремя тенденциями:

1) культурная демократизация, часто связанная с «модернизацией» установок культурной деятельности в стране;

2) тенденция «аутентификации» (термин Дж. Фишмена), заключающаяся в том, что делается акцент на исторической непрерывности единой культурной традиции. Первым этапом восстановления языкового коллектива и формирования его языкового сознания может быть изучение местного фольклора с целью исторического обоснования культурно-языковой самобытности;

3) процесс культурной унификации в двух его аспектах: а) внешний аспект – осознание языкового и культурного единства регионов, которые ослабили свое бывшее единство; б) внутренний аспект – преодоление ситуации диглоссии.

В истории языкового существования России культурная демократизация характеризует XVI в. (конструирование государственной аксиологии, Иван IV Васильевич) и XVIII в. (конструирование государственной идеологии, Петр I Алексеевич). Тенденции аутентификации отличают X в. и начало XX в. В X в. осуществляется функционально-этническое моделирование мира через создание графической модели последнего (принятие христианства); в начале XX в. – конструирование государственной организации на основе радикально нового «сенсорного баланса» (термин Х.М. Мак-Люэна) [McLuhan, 1964], отмеченного в языковом плане категориальным критерием нормы. Процесс культурной унификации имел место в XI в. (при замещении церковнославянского языка системой древнерусского языка в «Русской правде»), предпосылки для него создаются и в начале XXI в. – дигитализация, оцифрование артефактов русской языковой культуры и совмещение в виртуальном пространстве графической кириллической модели мира и америндной (американской) когнитивной карты, репрезентированной латинской графикой.

Декларация нормы в качестве основного регламентирующего новую – «советскую» – культуру момента, видимо, основывалась на учете особых свойств нормы. К числу особых свойств нормы В.И. Болотов относит способность нормы *демонстрировать*, а не

объяснять *факты*; *указывать пределы*, в которых вещь традиционно функционирует [Болотов, 1988]. Вскрытие сущности нормальных (истинных) отношений между элементами целого, отмечает В.И. Болотов, является целью, к которой стремится исследователь, строя структурно-системные модели. При построении структурно-системной модели «Союз республик» (UR) произошло, во-первых, «овеществление», или наглядная демонстрация, идеи индоевропейского языкового союза; во-вторых, указаны новые пределы функционирования метода исследования социальной морфологии.

Функциональный подход в XX в., предыстория и основы которого в теоретико-философском плане связываются со Спенсером и Дюркгеймом, акцентировал, как считают исследователи, проблематику поддержания равновесия в устойчивых системах, того самого «сенсорного баланса», о котором рассуждает Х.М. Мак-Люэн. Этот подход также задал «дискурс стабилизационного сознания». Функциональный подход представляет собой результат переосмысления в середине XX в. структурного и функционального типов анализа в рамках объединяющего их системного подхода в качестве а) двух различных аспектов системного анализа; б) двух взаимодополняющих стратегий исследования систем. Релевантной областью функциональному и структурному подходу признается область социогуманитарного знания; при этом структурный анализ более активно «работает» в лингвистике и литературоведении, функциональный – в социологии и британо-американской антропологии.

Структурно-системная модель «Союз республик», видимо, была призвана утвердить в качестве истинных, т.е. нормальных, отношения, основывающиеся на положениях нормативной логики, в которой различаются правила, предписания, технические нормы. К первым относятся прежде всего правила игры, логики, грамматики, этики; ко вторым – право, государственные законы, моральные принципы, приказы, распоряжения. В лингвистическом плане исходным пунктом нормативной логики является анализ языковых средств выражения нормы. Доминирующей стратегией конструирования структурно-системной модели признается норма-предписание, позволяющая осуществить познание всеобъемлющей объективной истины:

**Что должен знать абонент
при самостоятельной выписке счета за электроэнергию**

1. *Счет за отпущенную электроэнергию выписывает сам абонент, пользуясь абонентской книжкой.*
2. *Счет должен выписываться в день, указанный книжке, и оплачиваться ежемесячно, в установленный срок.*
3. *Расход электроэнергии определяется самим абонентом по разнице показаний счетчика, записанной при выписке предыдущего счета и на день выписки очередного счета.*
4. *Сумма счета за истекший период определяется путем умножения полученного расхода электроэнергии в киловатт-часах на тариф 4 коп., а при льготном тарифе – на 2 коп.*
5. *Счет должен быть выписан в 2 экземплярах четко и ясно, так как небрежно выписанный счет может внести путаницу и недоразумения при дальнейших расчетах. Счет подписывается абонентом.*
6. *Абонентская книжка вместе с выписанным счетом предъявляется к оплате в сберегательную кассу или почтовое отделение.*
7. *Энергонадзор Мосэнерго имеет право по истечении 10 дней после установленного в книжке срока для выписки счета прекратить подачу электроэнергии абоненту, не оплатившему счет в указанное на книжке время.*
8. *При снятии показаний со счетчика принимаются во внимание только цифры, стоящие до запятой, показывающие расход кВт·ч. Цифры после запятой при вычислении расхода электроэнергии принимать во внимание не следует.*

Энергонадзор Мосэнерго (1989)²

Познание всеобъемлющей объективной истины должно увеличиться в прогрессе знания, способствующего осмыслению жизни в ее нарастании [Эрн, 1991]. Безусловная реальность истины, являясь обязательным условием действия закона прогресса,

---

² Текст печатается по изданию: Панфилов А.К. Сборник упражнений по стилистике русского языка: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. №2101 «Рус. яз. и лит.». М., 1989.

связана с понятием целесообразности, в которой проявляется сущность сложного творчества: связь творимого, творящего и творческих идей [Розанов, 1996]. Изучение объективной стороны творческого процесса раскрывает особенности соединения с веществом природы форм, исшедших из духа. В качестве одного из способов подобного взаимодействия определяется языковая рефлексия. «Чувственное обозначение единств, с которым связаны определенные фрагменты мышления для противопоставления их как частей другим частям большого целого, как объектов субъектам, называется в широчайшем плане языком» [Гумбольдт, 1984, с. 301].

Языковое творчество связано с поисками человеком знака, «с помощью которого он мог бы посредством фрагментов своей мысли представить целое как совокупность единств» [Гумбольдт, 1984, с. 301]. Первая половина XX в., по замечанию С.П. Батраковой, переполнена грандиозными замыслами прорыва в неведомое будущее, представленными в проектах, программах, утопиях [Батракова, 2002]. «Услышать будущее», как считал В. Хлебников, может позволить семантизация фонем, которая дает возможность вновь обрести «довавилонское» единство языков [Григорьев, 1986]. Залогом потенциального единения языков в некой новой форме является мистическое свойство смысла, содействующее преодолению границ, воздвигнутых временем и деспотизмом, который управляет отношениями между значащим и обозначенным. Зародышем этого нового языка является, согласно В. Хлебникову, заумь – заумный язык, находящийся за пределами разума, обладающий особой властью над сознанием, особыми правами на жизнь наряду с разумным языком.

В работах А. Крученых, самого радикального из заумников, заумь неотделима от понятий фактуры и сдвига [Жаккар, 1995]. Фактура понимается как деление слова, конструкция, наслоение, накопление, расположение тем или иным образом слогов, букв и слов. Фактура – это преобразование составных частей, образующих фонетическую сущность – стих, важнейшей частью которого является сдвиг: он меняет слова, строки, звучание, передает движение и пространство, дает многозначность и многообразность.

Прощанье

В авто,
    Последний франк разменяв,
– В котором часу на Марсель? –
Париж
    бежит,
        провожая меня,
во всей
    невозможной красе.
Подступай
    к глазам,
        разлуки жижжа,
сердце
    мне
        сентиментальностью расквась!
Я хотел бы
    жить
        и умереть в Париже,
если б не было
    такой земли –
        Москва.

В.В. Маяковский³

1925

Сдвиг, меняя составляющие сочетаний, иллюстрирует и направление идеологических модификаций, характерных для новой организации государства – «сдвиг» семантической оси истории: *Русская Земля* («Слово о полку Игореве») преобразуется в «земля *Москва*».

Нахождение знака предполагает его последующую дистрибуцию – классификацию, в результате которой знак закрепляется в определенной системе (ряду разнообразий), раскрывающей его строение. Подобный принцип обустройства элемента дифференцируется как искусственный, отражающий идеальную форму существования целесообразности [Розанов, 1996]. Идея духа осу-

---

³ Маяковский В.В. Сочинения: В 2-х т. / Сост. Ал. Михайлова; Вступ. ст. А. Метченко. М., 1987.

шествуется в материи языка, информируя о перерывах в развитии мирового существования. Условием реализации закона прогресса – непрерывного развития абсолютных начал в относительном – является прерывность [Эрн, 1991]. «Каждый перерыв – это та реальная, в пределах нашего мира лежащая точка, где два: мир «этот» и мир «тот» сущего и существующего; мир абсолютной свободы и мир причинной обусловленности соприкасаются в реальном взаимодействии» [Эрн, 1991, с. 139]. Атрибутизация знака языка закрепляет за ним статус символа, рассматриваемого в самом широком значении, имманентном действию, непосредственное значение которого он конструирует [Рикер, 1995]. Причем символы могут конституировать и автономную сферу представлений культуры, что предполагает их выражение в качестве правил и норм.

Реальная форма целесообразности воссоздаются в системах естественного порядка, преобладающим процессом в которых является деление на семейства как группы схожих между собою вещей, разросшихся из одного общего прототипа. Слово рассматривается как архетип культуры, принцип культуры, дифференцирующий процессуальность бытия. Дифференциация предполагает бесконечный процесс сжатия внутренних сил и создания систем новых центров, способных к новым конденсациям и дифференциациям [Шпет, 1994].

Процессы непрерывные, по существу, эмпирические процессы, определяя особенности функционирования естественных систем (в том числе и языка), демонстрируют действие закона прогресса [Эрн, 1991], подчиняющего их условиям пространства и времени, задающим принцип стационарности действия языковой системы. Принцип стационарности речевого действия представляет динамику языка как системы естественной, предписывая «физически допустимые» значения речевым (языковым) переменным, участвующим в решении перцептивных и коммуникативных уравнений. Каждое решение динамического уравнения соответствует классически допустимой эволюции [Блохинцев, 1970].

В принципе стационарности отражается сущность языка, состоящая в том, чтобы «отливать в форму материю мира вещей и явлений» [Гумбольдт, 1984, с. 315]. Формы мира вещей и явлений существуют только в слове, как и само слово, конкретно опреде-

лившемся образом, в вещах [Кузанский, 1979]. Формы мира нисходят в языковую материю и конкретизируются в ее возможности. «То есть возможность восходит к действительному бытию, а форма нисходит к нему, ограничивая, осуществляя и определяя возможность, и, таким образом, из восхождения возникает движение, связывающее форму с материей» [Кузанский, 1979, с. 129]. Движение, связывающее форму мира и языковую материю, есть по природе своей движение интеллектуальное, объединяющее природу и бытие в единой языковой форме, фиксирующей предикативную непрерывность, актуализирующуюся в дискурсивных актах.

Языковая эволюция обнаруживает себя прежде всего в измерениях дискурсивности. Дискурсы представляют собой знаки самосознающего себя субъекта и социума [Перинбаньягам, 1991]. В дискурсах реализуются многозначным образом части постоянного предиката, отличающего языковое и социальное существование социального сообщества. «Постоянный предикат есть совокупность, развивающаяся сеть отношений, которые похожи на непрерывность логических следствий или временную последовательность» [Kevelson, 1982, p. 164].

Поскольку дискурс включает ментальные схемы коммуникации и параметры коммуникативной среды, воспроизводящие предметное (идейное и идеологическое) окружение коммуникантов во времени и пространстве текста, также являющегося элементом дискурса, возможно определить особенности и способы решения динамического уравнения, упорядочивающего знания о форме мира и его представления в языке.

Постижение новых форм мира прежде всего семантизируется в теоретических языках. Именно они – те кодовые операции, которые позволяют отлить новое знание в соответствующие знаковые формы языковой материи. Терминологизированные языки сопрягают языковые средства, передающие общее содержание объекта [Дридзе, 1984]. Терминологизированные языки семантизируют причинно-следственную связность и цельность последовательности реалий мира (соответственно языковых форм) – и, как следствие, наглядно представляют действие закона прогресса. Риторический вариант действия закона прогресса в системе языка, семантизирующего постижение новых форм мира в *3-й Земле Руской* в XVIII в.

*М.В. Ломоносов. Краткое руководство к красноречию
Книга I, содержащая риторiku.*

*Часть I.
О ИЗОБРЕТЕНИИ*

*Глава первая
О ИЗОБРЕТЕНИИ ВООБЩЕ*

§3

Изобретение риторическое есть собрание разных идей, пристойных предложенной материи. Идеями называются представления вещей или действий в уме нашем, например, мы имеем идею о часах, когда их самих или вид оных без них в уме изображаем; также имеем идею о движении, когда видим или на мысль приводим вещь, место свое беспрестанно переменяющую.

*Глава шестая
О ВОЗБУЖДЕНИИ, УТОЛЕНИИ И ИЗОБРАЖЕНИИ СТРАСТЕЙ*

§108

Любовь есть склонность духа к другому кому, чтобы на его благополучие иметь улаждение. Сия страсть по справедливости назваться может мать других страстей, ибо часто для любви веселимся, плачем, уповаем, боимся, негодуем, жалеем, стыдимся, раскаиваемся и прочее. Любовь сильна, как молния, но без грома проникает, и самые сильные ея удары приятны. Когда ритор сию страсть в послушателях возбудит, то уже он в прочем над ними торжествовать может⁴.

Процедура семантизации, а именно с ней мы имеем дело при определении объема содержания единицы русского языка *любовь* как единицы терминологической, способствует освобождению функции-связи от предмета. Это порождает несоответствие ментальных схем их языковым воплощениям, связующим и разграничивающим элементом которых является пропозиция. Происходит отделение физического облика слова, его «лика», от внутреннего содержания, «сакрального смысла», истины, что становится

---

⁴ Текст печатается по изданию: Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7: Труды по филологии. М.; Л., 1952.

основой для оформления полноценной синтаксической конструкции русского языка, регламентирующий речемыслительную деятельность ее носителя. При этом пропозициональная область является областью, где содержание мира определено в виде человеческой мысли, ее предикатно-аргументативной формы, что составляет лишь часть семантической структуры предложения.

Пропозиция (трансцендентальная схема) служит средством лингвистического постижения *души-психе*. Душа характеризуется через основные свойства-силы: *наука, ум, мнение, чувства, познания*. Основной операционной единицей деятельности души как неделимой, духовной субстанции является трансцендентальный образ – пространственно-временная развертка предмета, открывающая горизонтальную периодичность космоса, модель объекта виртуального плана.

Трансцендентальный образ (трансцендентальная схема) базой своего формирования имеет пропозициональную структуру, категорию аналогового синтаксиса [Слюсарева, 1986], способствующую воплощению концептуальной картины мира в языковых конструкциях. В.Г. Гак выделяет семь реальных актантов, т.е. субстантивных элементов ситуации: 1) субъект (отправитель); 2) объект; 3) адресат; 4) субстанция, содействующая ил и препятствующая осуществлению процесса (инициатор, орудие, причина); 5) пространственный конкретизатор; 6) временной конкретизатор; 7) субстанция, которой принадлежит, либо часть которой составляет субъект [Гак, 1969].

В подобном описании ситуации имеют место элементы трансцендентальной интерпретации, т.е. элементы, относящиеся (по Им. Канту) к априорным условиям возможности опыта, формальным предпосылкам познания, к трансцендентальным понятиям. Это априорные формы чувственности – пространство и время, а также категории рассудка субстанция, причинность [Кант, 1964].

Специфика трансцендентальной схемы (трансцендентальной пропозиции) заключается в том, что она может формироваться из парцеллятов – способов представления единой синтаксической структуры (вполне уместна параллель между модусом тела, который являет душа, и модусом предложения, который являет парцеллят). Парцеллированное представление события является нормативным для семиотического поведения пользователя рус-

ского литературного языка как языка культуры, особенно в его состоянии последней трети XX в. «Событие многослойно, поскольку эксплицирует различные пространственно-временные варианты бытия определенной совокупности предметов, семантическая запись которых осуществляется через посредство пропозиций. Причем одна и та же пропозиция может маркировать несколько гипотазированных инаковостей события и различные явления этих инаковостей, пространственно-временных вариантов бытия» [Халина, 1998, с. 71].

Компоненты пропозиции могут быть представлены в нескольких предложениях и парцеллятах. Деление пропозиции на сегменты демонстрирует ее специфичность: она являет собой не что иное, как реляционную иерархию, строящуюся на понимании предмета как класса классов, или класса с его дериватами, причем имеется в виду функциональная маркированность: класс предметов есть совокупность, т.е. «пучок» функций, дериваты – ситуационно обусловленные актуализации этих функций в заданном пространстве и времени. Заполнение актантных позиций происходит градиционно: первый этап – эксплицируются позиции субъекта, адресата, причины, иерархии (субстанция, которой принадлежит или часть которой составляет субъект); второй этап – вводятся позиции пространственного конкретизатора, объекта. Например, деление пропозиции на сегменты в рассказе В.М. Шукшина «Срезал»⁵ выглядит таким образом: *«Деревня Новая – небольшая деревня, а Константин Иванович еще на такси подкатил, и они всем семейством долго вытаскивали чемоданы из багажника».*

Событие представляет собой трехуровневую структуру, моделируемую пропозицией, актуализированной актантами: *субъект, адресат (1), пространство, объект (2), причина, иерархия (3)*. Актанты *субъект, адресат, пространство, объект* формируют некоторый замкнутый контур, отличающийся своей энергичностью. *Пространство*, которое определяется этим контуром, может рассматриваться тройко (на основе выделяемых Г. Лейбницем типов пространств [Лейбниц, 1982]: 1) пространство, связанное с областью логически возможного в широком смысле (пространство иерархии семантической Вселенной); 2) система «точек зрения» всех субстанций, в которой приведены к единству

---

⁵ Шукшин В.М. Собр. соч.: В 3-х т. М., 1984.

индивидуальные структуры чувственных и рациональных представлений (пространство социума, пространство общины); 3) субъективно-чувственное пространство как структура представлений субстанции, т.е. ее индивидуальная точка зрения на мир (пространство индивида).

Троичность пространства отражает многослойность события, или возможность бытия точки в различных пространственно-временных измерениях. «Под каждым слоем понимается при этом такой материальный мир, материальность которого отлична от других либо числом пространственных, либо числом временных координат. Рядом с нами сосуществуют, например, смежные слои, пространство которых измеряется по тем же трем координатам, но Время которых имеет не одно, как у нас, а несколько измерений. Это значит, что в таких слоях Время течет параллельными потоками различных темпов. Событие в таком слое происходит синхронически во всех его временных измерениях, но центр находится в этом или в двух из них» [Андреев, 1993, с. 48].

Функциональное многообразие центра события (позиция субъекта) обусловлено многомерностью, или многослойностью, последнего, которая детерминирует основные функции субъекта: 1) космическую; 2) социальную; 3) функцию актуализации индивидуального знания-программы. Состав пропозиции может модифицироваться в зависимости от того, схему отношений в каком материальном мире она отражает.

Исследование деривационной специфики пропозиции русского литературного языка последней трети XX в. позволяет выделить два вида модификаций: реляционную и реляционно-корреляционную, или пропозицию «форм». Реляционная модификация, или многослойная пропозиция, рассматривается как комплексная знаковая форма, сопрягающая различные типы моделей мира – идеализированную и функциональную, соответственно детерминируемые семейно-бытовой и производственной функциями общины. Пропозиция «форм» фиксирует сенсорный образ общины, служащей основой для конструирования динамической модели общины, мотивированной бытовой (потенциально космической) функцией.

Способы отражения «общинной» действительности условно можно разделить на дискурсивный и суггестивный. Дискурсивный способ основан на логических особенностях восприятия, свя-

зан с рациональными и, в какой-то степени чувственно-наглядными образами как формами отражения. Суггестивный способ отражения основывается на суггестии, являющейся компонентом обычного человеческого общения, могущей выступать и как специально организованный вид коммуникации, учитывающий способность человека к мозаичному восприятию окружающей действительности.

Парцеллирование является средством экспрессии, а потому соотносимо с суггестивным способом отражения действительности. Трансцендентальная пропозиция, построенная на основе парцеллятов, сигнализирует о суггестивном способе отражения действительности. Специфика трансцендентальной пропозиции заключается в том, что она включает в себя минимум две пропозиции, детерминирующие друг друга, и, обычно, в совокупности детерминируемые другой трансцендентальной пропозицией. Трансцендентальная пропозиция многомерна, ее развертывание осуществляется через набор ключевых слов и цифровой код – в языке программирования алфавитно-цифровые аналоги слов, имена (двусторонние единицы). Совокупность трансцендентальных пропозиций создает программу – концептуальную модель потребителя русского литературного языка, базирующуюся на целостном анализе текста или фрагмента текста.

Посредством трансцендентальной пропозиции осуществляется интерпретация деятельности лингвистического разума на синтаксическом уровне – интерпретация структурных свойств знаковой системы «русский литературный язык» с точки зрения его синтаксиса. Объектом подобного рассмотрения служат *алфавит* рассматриваемого исчисления (формальной системы; формальной части формализованного языка, к которой при анализе русского литературного языка следует отнести его графику), *правила образования* выражений (формул) предметного языка (языка-объекта) и *правил преобразования* (правил вывода – построения значения знака книжного языка) в нем. Русский литературный язык в его церковнославянском варианте бытия представляет собой описание-презентацию христианской аксиологии с ориентацией на идеологию – систему семантических правил производства сообщений восточных славян.

«...полная структура предложения имеет вид: непосредственный признак – предмет – опосредующий признак – опосредо-

ванный признак... Предмет делит структуру на две части: предикативную и атрибутивную, входя в ту и другую. Элементы этой структуры представляют собой наиболее общие (категориальные) значения. Эту структуру можно рассматривать как глубинную пропозицию предложения. Ее функциональная особенность состоит в том, что она связывает в единое целое предложение и части речи – классы слов» [Юрченко, 1992, с. 43–44].

Полная семантическая структура русского нарратива определяет нормы заполнения семантического пространства соответствующими языковыми формами, детерминируя постоянный поиск ценностей внутри аксиологической системы, тем самым выполняя антиэнтропийную функцию и преодолевая лингвистический хаос. Последний обусловлен в некоторой степени утратой мотивировок развития лингвистического разума направлениями эволюционирования лингвистического знания.

Предикатно-аргументная форма мысли, или пропозициональная функция, задает правила дистрибуции смысла в некотором контексте – среде. Иначе: пропозициональная функция способствует преодолению коммуникативного отстояния [Артемов, 1966] между концептуальной сферой индивидуума и текстовой ситуацией, являющейся языковым выражением умственной ситуации [Новиков, Ярославцева, 1990] через разрешение перцептивной задачи. Перцептивные задачи возникают в результате определенного взаимодействия между восприятием и факторами памяти, происходящего в ходе коммуникации. Условия коммуникации задают определенный тип поведения и предполагают описание последнего на языке организованной системы, основанном на дефинировании «сущностей», что представляет собой и подчиненный момент работы мысли, и одновременно ее цель, т.е. прояснение «сущностей» в их статичном тождестве себе [Аверинцев, 1991].

«В плане онтологическом «тождество» имеет преимущество перед «инаковостью»: «тождество» первично, «инаковость» – вторична. В плане аксиологическом «тождество» представляет собой ценность: оно само по себе, как принцип высшей абстрактности, доброкачественнее, благороднее, чем инаковость» [Аверинцев, 1991, с. 8]. Максимум «тождества» и нулевая степень «инаковости» – это Единое, через которое в дефинировании и классифицировании каждая сущность фиксирует тождество себе самой.

Процедура установления тождества явления себе самому в аспекте сущности предполагает введение связующего звена между явлением (объектом, вещью) и единым (предикатом) – термина, закрепляющего и определяющего целесообразность, место, цель явления в социальном и историческом процессе. Приписывание вещи термину есть приведение аргумента, обособывающего статус вещи в социальном эволюционировании, сопрягающем ее естественные и искусственные системные свойства. Основными методами аргументации являются интеллектуальное моделирование, мысленный эксперимент с целью нахождения алгоритма (программы) функционирования вещи, соответствующего динамическому уравнению классически допустимой эволюции, основанном на принципе функциональной зависимости, приведем в итоге к отчуждению свойства (функции) от вещи.

Идея прогресса связана с понятием целесообразности, под которой разумеется совершение чего-либо в настоящем для осуществления в будущем того, что было основано в прошлом [Розанов, 1996]. Члены целесообразности – творимое, творящее, творческие идеи – были по-своему закреплены в нормативной структуре графической системы восточных славян: творящее – новая графическая модель мира, логографическая по своей сути и предназначенная для кодифицирования семиотического поведения представителя восточнославянской культуры; творимое – новое состояние лингвистического разума (в современной кодификации – языковое сознание) Slavs; творческие идеи – достижения семантики языка, использующего глаголическую графику. Считается, что вся проблематика семантики выражается вопросами вида: что означает то или иное понятие (термин) или высказывание, суждение (запись, текст, формула), как их следует понимать. Подобные вопросы возникают прежде всего по отношению к общелогическим понятиям («предмет», «множество», «логическое следование»), а на этой базе – к собственно семантическим понятиям и терминам («истина», «определение», «выводимость», «обозначение», «наименование», «осмысленность»), а также к самим понятиям «значение», «смысл» и «интерпретация».

Особо актуальным становится понятие интерпретации, понимаемой в качестве совокупности правил конструирования формул, которая задается двумя типами предписаний: объясни-

тельными и описательными. Объяснительные правила представляют способности языка к отбору и организации, когда он выстраивается в дискурсивные единства, более длинные, чем фразы, которые можно назвать текстом [Рикер, 1995, с. 61]. Текст понимается как единица измерения, служащая для разграничения, упорядочения и экспликации временной формы переживания (текст размечает, артикулирует, проясняет временной опыт). В тексте пребывают «социальные коды», эксплицируемые в текстуре действия, опосредуемого символически. Объяснительное правило – это минимально протяженный текст, равный одной реплике [Сахарный, 1989], «речевая объективация объектов познания и взаимоотношений коммуникантов, обнаруживающая «активность фактора» «субъект речемыслительного процесса» [Жомарова, 1997, с. 56].

Объяснительное правило констатирует состояние общественной и исторической действительности через ее разложение на отдельные системы (тексты), «из которых она состоит, каждая из этих целевых систем, как хозяйственная жизнь, право, искусство и религия, допускает тогда, благодаря своей однородности, расчленения своего целого. Но это целое в такой системе есть не что иное, как душевная связь в человеческих личностях, в ней взаимодействующих» [Дильтей, 1996, с. 35].

Объяснительное правило трехмерно: текст как знак коммуникации, целостное произведение речевой и языковой деятельности – текстура действия (текст как социальное действие) – текст как минимальная реплика, «готовое слово», характеризующее в общем виде риторическую, моралистико-казуистическую культуру [Аверинцев, 1991]. Моралистико-казуистическая культура строится на базе систематической этики «казусов» – частных случаев «общего». Общее понятие рассматривается в качестве неисчерпаемо продуктивной познавательной находки, «но одновременно это и некоторая констатация, касающаяся объективной структуры бытия: сразу и орудие познания, и результат познания» [Аверинцев, 1991, с. 10]. Этика «казусов» основную задачу человека видит в том, чтобы разобраться, какой общий принцип приложим в каждой конкретной ситуации для решения перцептивной задачи (абстрактные истины даны человеку совершенно ясными).

Действие объяснительного правила можно пронаблюдать при обращении к рукописи отца Павла Флоренского «Предлагаемое государственное устройство в будущем»⁶. Рукопись есть знак коммуникации, отражающий состояние общественной и исторической действительности. «Рукопись отца Павла «Предлагаемое государственное устройство в будущем» представляет собой 26 пронумерованных с обеих сторон листов (красными, зелеными, голубыми). Переданная из архивов КГБ рукопись оказалась сильно испорченной: внутренний край листов был залит водой, часть текста размыта так, что отдельные слова и целые выражения не читаются... Разные цвета чернил, некоторые отличия в почерке (при сохранении наиболее характерных особенностей почерка отца Павла) свидетельствуют о том, что рукопись создавалась в течение нескольких дней. Закончена она была, как указано самим автором, 16 марта 1933 года)» [«Комментарии к рукописи отца Павла», 1991, с. 95–96].

Текстура текста (=содержание, список логических блоков текста (предикаций), представляющих собой составляющие коммуникативно-познавательной программы, развертываемой в тексте) [Дридзе, 1984]: 1. *Общие положения*. 2. *Исторические предпосылки*. 3. *Государственный строй*. 4. *Аппарат управления*. 5. *Образование и воспитание*. 6. *Религиозные организации*. 7. *Сельское хозяйство*. 8. *Добывающая промышленность*. 9. *Перерабатывающая промышленность*. 10. *Финансовая система*. 11. *Торговля*. 12. *Кадры*. 13. *Научные исследования*. 14. *Народное здравие*. 15. *Быт*. 16. *Внутренняя политика (политическое управление)*. 17. *Внешняя политика*. 18. *Переход к обсуждаемому строю*.

Текст как минимальная реплика, «готовое слово».

«2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ. Точнее говоря, государственный деятель должен перестроить себя на положительную оценку реальных сил и на отрицательную оценку сил, переставших быть историческими реальными. В противном случае ему следует заняться беллетристикой в историческом роде, а не деятельностью организатора.

---

⁶ Рукопись отца Павла Флоренского «Предлагаемое государственное устройство в будущем» опубликована в журнале «Литературная учеба» (1991. Май–июнь. Кн. 3. С. 96–111).

3. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ. Очень скушно, когда в Керчи, среди греческих развали, и Мариуполе, овеянном воспоминаниями о Пушкине, и по Черноморскому побережью, и в Тифлисе, и даже на нагорьях Чиагур, везде видишь: «нигде кроме, как в Моссельпроме».

Национальные культуры и хозяйство автономных республик мыслятся не просто лежащими рядом друг с другом, но заложенными в общегосударственной идее, носителем которой служит и общегосударственный язык – русский литературный язык, язык, рассматриваемый лингвистами как особое наречие.

1. АППАРАТ УПРАВЛЕНИЯ. Современный советский аппарат засорен людьми, которые не могут быть названы плохими, но которые просто не хороши, т.е. находятся на данном месте случайно и потому имеют фактически низкий коэффициент полезности действия, о них и надлежит позаботиться в будущем.

Масса случайных людей ведет к необходимости чрезмерного увеличения их по числу – мера, которая не только обременяет государственный аппарат, но и понижает чувство ответственности в его исполнителях.

12. КАДРЫ. Из всех естественных богатств страны наиболее ценное богатство – ее кадры. Но кадрами по преимуществу должен считаться творческий актив страны, носители ее роста. Забота об их нахождении и сохранении и о полноценном развитии их творческих возможностей должна составлять одну из важнейших задач государства. Тут главное дело руководиться двумя основными директивами – использованием данностей и борьбою за качество.

Творческая личность не делается, никакие старания создать ее – воспитанием и образованием – не приводят к успеху, мечтать о массовых выводах творцов культуры – значит впасть в утопию. Задача трезвого государственного деятеля – бережно сохранять немногое, что есть на самом деле, не расчитывая на волшебные замки в будущем.

Описательные правила языка в проекте правового документа сконцентрированы на характеристике сущностных параметров состояния – психологическим мышлении, переходящем в психологическое изыскание. Факты действительности истолковываются, исходя из связи функций, объективно воспроизводя структуру

реальной вещи. «Мы находим эту связь не путем добавления ее к отдельным членам, а наоборот, психологическое мышление расчленяет и различает, исходя из данной связи. К услугам такой описательной деятельности находятся логические операции сравнения, различия, измерения степеней, разделения и связывания, абстракции, соединения частей в целое, выведения единообразных отношений из единых случаев, расчленения единичных процессов, классификации. Все эти действия как бы заключены в методе наблюдения» [Дильтей, 1996, с. 61].

Правовые документы, начиная с «Русской правды», являются не только образцами языкового реконструирования коммуникативной ситуации, ее результирующей компоненты, но и наглядной презентацией нормативного построения синтаксических конструкций, соединяющих виртуальную этико-идеологическую посылку; особый принцип-порядок расположения знаменательных и служебных частей речи, адекватно представляющий виртуальную посылку (*морфинг*), и правила построения высказывания, не противоречащего морфологии русской книжной культуры.

Описательные правила, определяющие закономерности циркуляции правового документа в онтологическом пространстве культуры, выявляют присутствие в значении языковой единицы ее связи с металингвистическими сущностями, «двуплановости» языкового знака, которая состоит в связи с находящимися в этой системе фактами (проблемными ситуациями, требующими перцептивного решения).

Правила логической дедукции определяются через дедуктивный рационализм, основанный на выведении знаний о конкретном из общего как вторичном деривате последнего, предполагающем особый – «юридический», или нормативно-аксиологический – подход к действительности. Формализованная логика «казусов совести» – источник парадигм для дедуктивно-рационалистического мышления вообще – «призвана регулировать поведение индивида в случае конфликта между различными обязанностями и вообще нравственных затруднений, исходя из системы абстрактно формулируемых правил» [Аверинцев, 1991, с. 19].

«Казуистическая этика ориентирована на ценностный плюрализм и средний путь («метриопатию»), предполагающий компромисс с социальной практикой, а следовательно, утверждающий «плюралистический авторитаризм» [Аверинцев, 1991].

Принцип плюралистического авторитаризма закрепляет права «человека вообще»: наличие прав предопределяется принадлежностью к гражданской общине, а отнюдь не детерминируется личностной своеобразностью человека – «человеком единичным» (личностью).

Плюралистический авторитаризм, основываясь на естественном языке, обосновывает, что есть истина и что есть истина, утверждает при этом, что определенное как истина есть еще и морально – положительно, т.е. детерминирует невозможность изменения самой системы и предполагает существование аргументированного типа культуры: в «процессе аргументации с помощью одних аргументов устанавливается истинность тезиса, с помощью других – обосновывается целесообразность его принятия, демонстрация его преимуществ по сравнению с другими подобными утверждениями, предположениями» [Брутян, 1994, с. 21].

Система нормативного (юридического) языка, материализующая принцип плюралистического авторитаризма, предусматривает разграничение семантической аргументативной структуры отдельного слова и аргументной структуры понятия, с которым она связана [Hudson, 1984], что свидетельствует о принятии менталистского подхода к языку.

Менталистский подход основывается на принципах когнитивной грамматики, учитывающих общие когнитивные процессы, когнитивные образы и концептуальное содержание при характеристике языка как явления не замкнутого в себе [Langacker, 1986]. Концептуальное содержание нормативного языка определяется взаимодействием суммы дедуктивных систем, которое может быть дефинировано как событие, т.е. как «отдельная сложная цельная единица отражения с многомерной семантической структурой, ядром которой является двуединство признаков «деятель» – «действие» [Шабес, 1989, с. 16]. В системе нормативного языка структура мира, заявленная событием, предстает через совокупность фактов – когнитивных образов, одновременно фиксирующих истину и являющихся формами эмпирического знания. Когнитивные образы вскрывают особенности языковой семантической структуры как структуры аргументирующей.

Когнитивные образы следует рассматривать в качестве структур, используемых для описания и понимания человеческой познавательной деятельности, заданной двумя переменными –

деятель (субъект) – объект действия (объект) (цель и истина/ человек и мир).

Общие когнитивные процессы, определяющие семантический континуум нормативного языка, касаются познания принципов взаимодействия воли и истины, смоделированных в общей форме, которая имеет своей задачей определение сущности органичности как особенности, присущей всему органическому миру [Розанов, 1996].

В нормативном тексте выделяется два типа образов, соответственно аргументирующих две реализации общей формы: тип «организм» и тип «жизнь». «Организм и жизнь – вот что составляет – все чувствует это – особенность и сущность этого мира существ» [Розанов, 1996, с. 257]. «До тех пор пока не будет достигнуто ни совершенное понимание того, что такое организм, ни окончательное объяснение – что такое жизнь, пока не будет признано и понято то одно, что возвышается над ними и что – недостаточно сказать «проникает их» – но раскрывается в них, как в двух необходимых и естественных сторонах своих, как в своем начале и конце, как в своем выражении и проявлении. Это невидимое присущее, это одно – есть целесообразность, лежащая в живом мире органических существ. *Организм есть выражение этой целесообразности, выраженное в явлениях*» [Розанов, 1996, с. 257–258].

Когнитивные образы схематично задают частные истины, соответствующие социуму и этносу в определенном исторический период и характеризующие психическую структуру этноса в целом как «воспринимающий орган, наделенный некой формой, позволяющей понимать одни истины и осужденной на неумолимую слепоту к другим» [Ортега-и-Гассет, 1991, с. 46]. Нормативный язык воспроизводит аргументную структуру континуума, символизирующего концептуальное содержание тождественной самой себе реальности, предлагая один из вариантов решения динамического уравнения классически допустимой эволюции.

Языковая нормализация требует осознания пути, который ведет нас от того состояния «чем мы являемся» к состоянию «чем мы должны были бы быть». Конечный результат нормализации – формулирование (артикуляция) истинной формы общественной мысли, согласующей (на условиях договора – принципа всех

форм общественной жизни) деятельность языковой общности по производству ценностей (общий язык) и язык естественный.

Язык естественный, универсальный (Франсиско Санчес) – единый для всего человечества универсума, отражающий природу вещей и лежащий в основе любого языка; это язык Бога, божественный язык. В качестве внутренней формы подобного языка следует признать проекции природных форм, представленных в виде геометрических фигур. Геометрические фигуры можно выстраивать из точек и создавать из них числовые ряды. Пифагор называл числа 1, 3, 6, 10... – троичными, а 1, 4, 9, 16 – квадратичными, в соответствии с формой образуемых ими фигур.

Комбинации букв в словах не только представляют варианты числовых последовательностей и различные трансформации, но и видоизменения изначальных геометрических фигур. В начертании букв глаголицы был использован крест, треугольник (символ троицы) и круг (символ бесконечности).

Расы, национальности, племена, религии, государства, общества и города, согласно символической философии [Холл, 1992], рассматриваются в качестве сложных существ, каждое из которых составлено из индивидуальных единиц. Религии, подобно личностям, проходят через шекспировские Семь Веков, потому что жизнь человека рассматривается как стандарт, которым оценивается вечность всех вещей. Человек через очищение тела и увеличивающуюся в результате очищения чувствительность преодолевает ограничения материи и отвязывает себя от ее смертного кольца. Тенденция человеческой эволюции заключается в движении к сущности человеческого «Я». В точке глубочайшего материализма человек находится от себя на наибольшем расстоянии.

Стандартами материализма в истории развития русского литературного языка определяется прежде всего состояние русского языка в 30-е гг. XX в., которое формируется в теоретико-прикладном плане культурой речи – разделом языкознания, исследующим проблемы нормализации с целью совершенствования языка как орудия культуры. Актуальным становится понятие нормы как совокупности стабильных и унифицированных языковых средств и правил их употребления, сознательно фиксируемых и культивируемых обществом. Норма признается специфическим признаком литературного языка национального периода.

Нормативность проявляет себя в языке двояко: а) в качестве совокупности реально использующихся в языке лексем, словоформ, языковых конструкций; б) в качестве совокупности отбора тенденций и правил использования языковых средств. Нормативность выступает производной функцией государственной системы, причем подтверждающей и декларирующей системный характер искусственно-материалистического построения «союз республик». Таким образом, языковая норма для восточных славян становится «одеждой материи», скрывающей Герметического Антропоса, сверхдушу, которая содержится внутри каждого отдельного человека и делает его единым с остальными людьми.

В материи воплощается не вся духовная природа: дух человека представляется диаграммой равностороннего треугольника острием вниз. Эта нижняя точка нисходит в иллюзию материального существования на краткий период времени. Возможно предположить, что норма является результатом «погружения» символа троицы (точки I.X.) в материальное существование и знаменует рождение нового человека, что повторяет, с одной стороны, события V в., когда раннехристианская община разрослась до пределов всей Римской империи и ряда соседних стран, дав начало этносу, называвшему себя «ромей»; с другой стороны, означает образование новой системы в системе книжного языка, обеспечивающего стабильность коммуникативного процесса как в пределах Киевской Руси, так и в границах Российской империи.

Языковые системы, как отмечает М.М. Маковский [Маковский, 1980], постоянно обнаруживают все новые комбинаторные возможности и образуют новые системы и «системы в системах», «отличающиеся большей или меньшей (и каждый раз неодинаковой) свободой и необходимостью присущих им закономерностей, процессов, элементов. Сущность языковых изменений и определенной стабильности языковых состояний сводится в основном к неодинаковой комбинаторике свободы и необходимости, совместности и последовательности (порядка) качественно и количественно различных элементов языка» [Маковский, 1980, с. 9].

Существо семантической и семиотической комбинаторики 30-х может быть определено как семиотический диспозитив – транслингвистическая организация, выявляемая, согласно Ю. Кристевой, в модификациях фенотекста [Kristeva, 1969]. Фе-

нотекст представляет результат остановки означивающего процесса в том или ином месте, которое он пересекает, на основе множественных правил и ограничений (социально-политических, в основном). Правила и ограничения блокируют практику посредством фиксированных, фрагментарных, символических матриц; последствия разнообразных социальных принуждений препятствует бесконечности процесса. Фенотекст – это собственность коммуникативного языка, структура, подчиняющаяся правилам коммуникации и предполагающая как субъекта высказывания, так и его адресата; это готовый, иерархически организованный семиотический продукт, обладающий вполне устойчивым смыслом. Полагаем, что норма для культуры коммуникации, осуществляемой с помощью знаковой системы «русский литературный язык», начиная с 30-х и кончая 80-ми гг. XX в., и представляла собой семиотический диспозитив.

Исследователи считают, что в общем контексте постмодернистской философской парадигмы семиотический диспозитив может быть рассмотрен как типологический аналог семантически и функционально изоморфных ему механизмов, как диспозитив комплекса «власти и знания» М. Фуко, как механизмы соотношения ризомы и конкретной конфигурации ее плато, «тела без органов» и временных органов последнего, «хроноса» и «эонов» в модели исторического времени Ж. Делеза.

Современная культура, утверждает М. Фуко, может быть выражена только в ином языке, не связанном и не согласованном с традицией. Это тот язык, чьими существенными элементами будет разрыв, крутизна, растерзанный профиль. Характерной чертой подобного языка становится его «кругообразность»: он отсылает к самому себе и замыкается на постановке под вопрос своих пределов [Фуко, 1977]. Носитель такого языка «вместо того, чтобы выражать себя, себя выставляет, идет навстречу своей собственной конечности и в каждом слове посылает себя к своей собственной смерти», что фиксирует тенденцию современной культуры «привязанность к смерти Бога». Содержание культурной традиции получает возможность претендовать на статус «естественного» условия дискурса. «Советский» дискурс, как и любой другой дискурс [Jäger, 1993], осуществляет власть над носителем знаний и представляет собой фактор власти, и может быть определен как поток знаний или социальных запасов знаний через

время, который определяет индивидуальные и коллективные действия и формы (образы, Gestalten). При анализе дискурса речь идет об анализе производства действительности посредством действующих лиц.

Тематически единые дискурсивные процессы обозначаются ветвями дискурса, к которым в «советский период» существования русского книжного языка следует причислить функционально-стилистическую дифференциацию русского языка. Каждая ветвь дискурса состоит из набора элементов, которые традиционно обозначают как тексты (З. Егер предпочитает термину «текст» термин «фрагмент дискурса»). Открывается особая функция нормы – интегрировать социальные системы: она не только включает элементы ценностной системы, конкретизированные применительно к соответствующим уровням в структуре социальной системы, но и содержит конкретные способы ориентации для действия в функциональных и ситуационных условиях, специфичных для определенных коллективов и ролей.

Русский язык нового времени (XIX–XX вв.), как утверждает С.И. Ожегов, не может рассматриваться как целостная синхронная система [Ожегов, 1966]. Литературная форма в новое время становится не единственной формой современного русского языка как языка национального, разрушаются границы социальной, и в том числе речевой, изоляции. Возникает новая, С.И. Ожегов называет ее *обиходная*, форма русского национального языка, соответствующая духу его развития, но не всегда подтвержденная нормами литературными.

Литературная и обиходная формы могут быть противопоставлены только в устных формах речи. Обиходная форма национального языка представляет собой устную речь и ее жанры, обладает рядом признаков, которые характеризуют действие внутренних и внешних факторов развития национального языка. Ей присуща широкая свобода пользования моделями в области словообразовательно-морфологический аналогий, свобода использования (в том числе экспрессивного) лексико-фразеологических богатств языка нации. Исторически правильное определение литературной и обиходной формы русского национального языка нашего времени, замечает С.И. Ожегов, является теоретической базой языковой политики и особенно стилистической нормализации современного национального языка.

Процесс нормализации в X в. был обусловлен необходимостью создания программы духовного совершенствования (очищения чувствительности для преодоления ограничения материи), основным строительным материалом которой являлись символы (крест, треугольник, круг), или буквы. На базе этих символических структур были образованы более сложные конструкции (элементы кода программы: адреса и код операций) графемы, или логограммами, имеющие числовые эквиваленты. Графемы в церковно-славянском языке, который возможно причислить к типу формальных языков, объединены в системы, называемые командами, или словами. Совокупности слов-команд образуют высказывание, которые, согласно М. Фуко [Фуко, 1977], следует расценивать как сегменты человеческого знания, структурные его части, и одновременно сегменты соответствующей дискурсивной, в нашем случае, православной практики.

Православная практика как практика дискурсивная способствует формированию-становлению дискурсивной мысли, которая, по Е.Н. Трубецкому, представляет собой проверку, сознание интуиции, осознание ее содержания, вычленение некоторых критериев познания, освобождение интуиции от всяких посторонних примесей через определенные понятия, сопоставление с предложенным (избранным критерием) [Трубецкой, 1917].

Дискурсивная мысль позволяет ориентироваться в реальной действительности, которая, по заключению Вл. Соловьева, есть осуществление идеи, результат отношения сущего к своему другому, конкретным воплощением чего является человек [Соловьев, 1911]. Человек – существо, содержащее в себе божественную идею (т.е. всеединство или безусловную полноту бытия) и осуществляющее эту идею (в естественном порядке) посредством разумной свободы в материальной природе.

Знаками реальной действительности являются символические структуры. В качестве означаемого этих знаков выступает абсолют, в котором различают два центра: сущее (Бог) как начало безусловного единства, свободное от всяких форм и любых проявлений, свободное от бытия, и бытие, или «непосредственная производящая сила», как начало множественности форм. Бытие является «природой» и «идеей» сущего, идеальным отражением цельности сущего, имеющей место в каузальности бытия. Идея сущего предстает как осуществленное или проявленное, открытое сущее. Акт осуществления или проявления сущего Вл. Со-

ловьев называет Логосом, представляющим собой смысл явленный, средоточие действия абсолюта. Логос расчленяется на скрытый, внутренний (а), открытый, проявленный (б), конкретный, воплощенный (в). Логос внутренний являет предикат сущего, логос открытый – действие явления, Логос как таковой; Логос воплощенный – Иисус Христос как онтологическая категория.

Логос как онтологическая категория определяет деятельность лингвистического разума, оперирующего умопостигаемыми сущностями – абстрактными истинами, отождествляемыми с объектами физической реальности и создающими самостоятельную – эйдетическую – реальность.

Н. Кузанский в трактате «О возможности-бытии» дает описание эйдетической реальности в форме полилога:

«Кардинал. Таково возвышеннейшее учение единого Спасителя нашего Христа, что он, Слово Божие, чрез которое «Бог и века сотворил», восполняет то, чего не дано природой, в том, кто с непоколебимой верой принял его как Слово божие, чтобы, держась этой веры, в которой присутствует Христос, был он всемогущ посредством Слова, живущего в нем в силу веры. Подобно тому, как мы видим, что в этом мире то или другое возникает посредством человеческого искусства благодаря обладающим в душе своей искусством, приобретенным в результате изучения, так что искусство, ими воспринятое, и остается в них, и оказывается научающим словом, и властвует над тем, что доступно их искусству, – подобно этому и божественное искусство, приобретенное крепчайшей верой, является в нашем духе Словом Божиим, поучающим и повелевающим о том, что принадлежит божественному искусству. И как неподготовленный художник не может владеть своим искусством, так и неподготовленный верующий. А необходимая подготовка, которая требуется от всякого верующего, стремящегося видеть бога, есть чистота сердца...»

Бернард. Поистине, в повелевающем Слове Всемогущего, который сказал – и сделалось, открывается само всемогущество, которое есть бог-Творец и Отец всего; и ни в чем ином не может оно открываться, как только в его Слове. Следовательно, это Слово являет себя, в том оно проявляется как Отец в Сыне; но великое удивление вызывает в нас то, что человек благодаря вере может восходить к Слову Всемогущего.

Кардинал. Мы читаем, что некоторые благодаря дару языков от Святого Духа получили внезапно это искусство, присущее Слову, так что из незнающих они внезапно стали знающими разные языки. И эта способность была ничем иным, как причастностью к искусству божественного Слова. Их знание, правда, было всего лишь человеческим, но приобретено оно было сверхчеловеческим образом – по внезапному вдохновению. Другие получили способность не только говорить, но и учить. Третьи творили чудеса. Все это не подлежит сомнению. Ибо те, которые веровали, с самого начала вместе с живою верой обрели такой дух, чтобы не сомневаться в величии силы, которою обладает вера. И так должно было быть, чтобы вера утвердилась, но не теперь, после принятия веры, – чтобы она не просила знамений, но была чистой и простой. Этот дух, хотя он и был воспринят верующими не в полной мере, есть все же участник духа Христова, вселяющий в нас уверенность, что, когда поселится в нас дух Христов в его полноте, достигаем мы предела блаженства, то есть всемогущего Слова Божия, а значит, познания нашего сотворения. Высшее блаженство, которое есть духовное созерцание (*visio intellectualis*) самого Всемогущего, есть исполнение того нашего желания, благодаря которому мы все хотим знать; пока, следовательно, не достигаем мы знания божия, которым он создал мир, дух не успокаивается. Ибо оно всегда будет оставаться знанием знаний, пока дух его не постигнет. И это знание есть познание Слова божия, так как Слово божие есть понятие самого себя и мира: кто не достиг этого понятия, тот не достигнет и знания бога и не познает самого себя. Ведь он не может познать себя, созданного причиной, раз он не знает причины. Поэтому такой ум, не имеющий возможности все познать, будет духовно во мраке смерти томиться в вечном недоумении.

Иоанн. Мне приходит мысль, что созерцать веру – значит созерцать бога.

Бернард. Каким образом?

Иоанн. А разве вера не относится к невидимому и вечному? Поэтому видеть веру – значит видеть невидимое, вечное, следовательно, нашего бога.

Кардинал. Ты высказал, отец, немаловажное суждение. В истинном христианине Христос пребывает в этом мире только через веру, в ином мире – через истину. Поэтому, когда хри-

стианин, стараясь увидеть Христа в его облике, оставит все, что принадлежит этому миру, – чтобы удалить все, что не позволяло видеть Христа, который не от мира сего, как он есть, – в этом восхищении верующий увидит в себе Христа непосредственно (sine aenigmatе), потому что он видит себя отрешенным от мира, то есть тем, кто носит облик Христов. Следовательно, он видит не что иное, как веру, которая стала для него видимой благодаря тому, что она обнажилась от всего мирского и показалась в своем собственном лике» [Кузанский, 1980, с. 156–158].

Логос воплощенный (Иисус Христос) как онтологическая категория включает в себя искусство божественного Слова, дар языков от Святого Духа; искусство, присущее Слову; знание знания, познание нашего сотворения, духовное созерцание; знание божие, которым он создал дух. Если знание знания есть познание Слова божия, то слово божие есть понятие самого себя и мира, умение видеть в себе Христа непосредственно.

Созерцать онтологическую категорию, понимать ее возможно только через «понятие-в-себе» [Кузанский 1980], или понятие абсолютное, которое в действительном смысле понятийно схватывает (conserptus) все доступное пониманию» [Кузанский, 1980, с. 159].

Одним из способов созерцания онтологической категории является индуктивная грамматика восточнохристианского мира.

Необходимость перевода Библии на родные языки представителей будущего восточнохристианского мира в связи с принятием христианства от Византии обусловила создание большого ряда систем письма, которые, как пишет И.П. Сусов, создавались «в результате индивидуального творчества, предполагающего понимание фонологических особенностей родного языка и сознательный отбор графических приемов, которыми располагало греческое письмо» [Сусов, 2006, с. 107].

В восточнохристианский культурный ареал входят этносы, принявшие индуктивную логику слова сказанного и интерпретировавшие ее в своих системах языка. С ориентацией на греческий алфавит были созданы коптское письмо, готское письмо, армянское письмо, грузинское письмо, глаголица, кириллица. Индуктивная логика слова объединила в единый восточнохристианский мир афразийские, индоевропейские и кавказские языки. Целостность мультикультурного ареала, таким образом, стала зиждаться

на индукции гипотетической. В гипотетической индукции, по разумению Б. Рассела, какая-либо общая теория рассматривается как вероятная, индуктивное доказательство которой должно основываться на неизвестном до сего времени ограничении [Рассел, 2000]. Системы письма восточнохристианского мира следует рассматривать как ограничения (возможно, системные), являющиеся индуктивным доказательством вероятностной византийско-христианской теории реальной действительности.

Особенности реальной действительности как таковой будут определены в философии всеединства, в которой, как считает В.Н. Акулинин, происходит совмещение областей иррационального и рационального [Акулинин, 1990]. Основной вопрос, на который должна была ответить разрабатываемая концепция, формулируется В.Н. Акулининым следующим образом: «Если существует откровение Истины, данное в религии, то есть ли необходимость в рефлексии по поводу этой истины» [Акулинин, 1990, с. 72]. Ответ, предлагаемый авторами концепции философии всеединства, по мнению исследователя, сочетал понятия «живой сущности» безусловной истины и «мыслимой ее формулы»: «живая сущность» дана в религии, «формула ее» отыскивается философией.

Осуществление идеи христианской (в соответствии с философской позицией В.С. Соловьева), отношение сущего к своему другому [Соловьев, 1911] происходит в процессе создания разных типов письма, фиксирующих общую артикулированность, членораздельность в функционировании, работе психики, сознании и культуре восточнохристианского мира. Согласно Р. Барту, артикуляция, членоразделение оказываются общим условием человеческого опыта [Барт, 1994]. Письмо как способность артикуляции расщепляет в языке все, что стремится быть континуальным, и сочленяет в нем все разорванное, и таким образом, является существенной характеристикой состояния общества.

Осуществление идеи, или реальная действительность, представленная в восточнохристианском мире системой систем письма, порождает человека, в котором сущее находит внутреннюю действительность. Непосредственная связь человека и сущего устанавливается через Логос, формы и типы ограничения которого и моделируются типами письма восточнохристианского культурного ареала.

«Человек (или человечество), – по мнению С. Соловьева, – существо, содержащее в себе (в абсолютном порядке) божественную идею, т.е. всеединство или безусловную полноту бытия, и осуществляющее эту идею (в естественном порядке) посредством разумной свободы в материальной природе [Соловьев, 1911, с. 160]. Осуществление разумной свободы происходит посредством применения метода создания смысловой и цельной картины живого предмета (сущего и его другого) – логоса, оперирующего семиоимпликационными значениями и их порождающего. Импликационные процессы, как считает М.В. Никитин, на знаковом уровне обобщены как отражения закономерных связей – рабочих единиц абстрагирующего понятийно-умозаключающего сознания [Никитин, 1988]. Исходя из этого можно заключить, что системы письма восточнохристианского мира представляли собой системы рабочих единиц абстрагирующего понятийно-умозаключающего сознания человека, содержащего в себе безусловную полноту бытия, т.е. божественную идею, и расщепляющего в живой (звучащей) речи континуальность бытия.

Основополагающим для жизнедеятельности восточнохристианского мира становится принцип бинаризма, актуализирующийся в дихотомии «письмо/письменность – язык». Язык должен обеспечить индуктивное доказательство существования божественной идеи, откровения Истины. Тем самым по сути он должен быть тождественен индуктивной грамматике, обучая сравнивающему, комбинирующему рассуждению. «Необходимо все время *мысленно комбинировать* воспринимаемое, – пишет А.Ф. Лосев, предваряя разговор об учении о бытии Аристотеля, – сравнивая его с прообразами, удовольствие от этого соответствия между образом и прообразом и устанавливаемое мыслью, и есть удовольствие от художественного подражания» [Лосев, 1993, с. 722].

Системы письма в восточнохристианском мире представляют собой изображение божественной идеи, созерцание которой обучает познанию значения каждого предмета. Язык содержит в себе лингвистические категории, моделирующие личность – человека, порожденного реальной действительностью, т.е. результатом отношения сущего (положительного нечто, содержащего в себе все в потенциальном единстве) к своему другому, конкретно воплощенному в человеке.

Ибн'Араби, создавая свою мистическую диалектику, говорит о формировании «образа Бога», обладающего ценностью «для мгновения»: «образ Бога» формируется при применении связывающих категорий языка и логики [Идрис Шах, 1994]. Связывающие категории языка и логики – это связанные интеллектом ограниченные категории «я» и «другие», «субъект» и «предикат», «до» и «после», «здесь» и «там», в соответствии с которыми интеллект строит и грамматику, и логику. «Привязывание» – одна из аналитических функций интеллекта, которые, по мнению Ибн'Араби, подобны принципу ограничения. Напомним, что индуктивное доказательство, согласно Б. Расселу, основывается на неизвестном до сего момента (времени) ограничении. Возможно предположить, что в языковых системах восточнохристианского мира происходило выделение из континуума функций человека именно функции ограничения – привязывания – и утверждения её в качестве нормы культурообразования понятийно-умозаключающего сознания человека.

Ибн'Араби отмечал, что выделенная функция интеллекта должна корректироваться «постоянной изменчивостью», что будет содействовать тому, что человек станет вместилищем высшего знания и будет способен воспринимать любую форму. В состоянии вечной изменчивости, возникая во времени, пребывает образ Бога, который в каждый момент меняется. Каждый образ Вечного и Невообразимого формируется лингвистическими, концептуальными, философскими и психологическими категориями личности, в которой он возникает. Сопряжение этих категорий в нечто целостное обеспечивается индуктивной грамматикой, позиционируемая дихотомией «письмо-язык».

Грамматика задана, считает Н.А. Криницкий, «если заданы все перечисленные алфавиты, база языка и набор синтаксических правил описанного вида, а также выделено одно из групповых имен (буква), играющее роль группового имени всех конструкций, являющихся предположениями. Индуктивная грамматика задана, если указан класс конструкций (A, B, Σ) , подмножество которого – определенный язык, база B языка, являющаяся конечным подмножеством этого класса, алфавит C для записи синтаксических правил, набор R и буква σ , являющаяся групповым именем предложений языка» [Криницкий, 1984, с. 134].

Класс конструкций индуктивной грамматики восточнохристианского культурного ареала определяется формами преобра-

зования сущего в свое другое в человеке при активном задействовании одной из функций интеллекта последнего – функции ограничения–привязывания. Именно эта функция позволяет постоянно мысленно комбинировать воспринимаемое, устанавливать соответствие между образом и прообразом, формируя «образ Бога» через применение связывающих категорий языка и логики.

Подмножество класса конструкций составлено из семиотических языковых систем, созданных на основе систем письма, которые осуществляли графическую дистрибуцию «кругов лика» или «кругов зрения», фиксирующих состояние вечной изменчивости образа Божественной субстанции. Базой *B* языка, являющегося конечным подмножеством класса конструкций индуктивной грамматики восточнохристианского культурного ареала, становится «Книга» (Библия), «понимаемая как целый универсум – *universum symbolicum*» [Аверинцев, 1997, с. 148]. Алфавит для записи синтаксических правил преобразования мысленного ряда в знаковую последовательность задается системами письма восточнохристианского мира.

Коптское письмо создано во II в. переводчиками Библии с греческого языка на древнеегипетский. За основу взят греческий алфавит и добавлены восемь знаков демотического письма, передававшие в основном те звуки, для обозначения которых не было греческих букв. Создателем готского письма считается переводчик готской Библии епископ Ульфила (ок. 311–383 г.). В основе лежит греческое унициальное письмо IV в. К греческой традиции восходит использование диграфов для обозначения монофтонгов, а также букв с числовым значением. Начертания некоторых букв (*h*, *s* и др.) восходит к латинице, а в начертании *u*, *α* усматривается влияние рунического письма (греческая традиция – латиница – руническое письмо).

Армянское письмо представляет собой оригинальное письмо, созданное Месропом Маштоцем ок. 406 г. Общие принципы построения алфавита указывают на вероятное влияние греческого фонетического письма: а) направление письма слева направо; б) наличие знаков для обозначения гласных; в) раздельное написание букв; г) употребление букв в значении цифр. Предполагается, что Месроп Маштоц частично использовал Даниловы письмена (22 знака), приписываемые сирийскому епископу Даниилу. Возможно, что были использованы один из вариантов арамейского письма и пехлевийского курсива.

«Картлис цховреба» – летопись Грузии – приписывает создание грузинского письма царю Фарнаваду (IV–III вв. до н.э.). По порядку букв и алфавита грузинское письмо близко греческому, однако прямых графических параллелей не прослеживается. Существует гипотеза об участии в создании грузинского письма Месропа Маштоца. Грузинское письмо существует в трех формах, отражающих этапы его развития: мргловани (круглое), распространено до IX–X вв.; нусхури (строчное), первый образец встречается в Синайском многоглаве (864 г.), распространилось в IX–XI вв.; мхедрули (гражданское, или светское, букв. воинское) распространяется с 106 г., окончательно стабилизируется с 1629 г. Существуют гипотезы о связи генетической грузинского письма с финикийским, арамейским, греческим, восточно-арамейским письмом эллинистического периода, от которых происходит ряд письменностей народов Востока.

В истории становления славянской письменности на греческой основе вычленяется три периода: солунский, моравский и болгарский. Солунский период означен созданием Константином Философом (в крещении Кириллом) около 863 глаголицы, которая использовалась для перевода Евангелия с греческого языка на славянский до отъезда во главе православной миссии в Моравию. В глаголице находят отражение все фонетические особенности солунского диалекта древнеболгарского языка. В начертании букв использован крест, треугольник (символы троицы) и круг (символ бесконечности Божества); ряд знаков имеет прототип в латинском, греческом и европейском письме. Все буквы первой половины глаголического алфавита обладали цифровой значимостью. Работа по переводу Евангелия была завершена в Моравии. Глаголица использовалась в Моравии, а впоследствии в Хорватии и Словении и других славянских землях. Кириллица была создана продолжателями Кирилла и Мефодия и строилась на основе сознательной стимуляции и придания большинству знаков вида греческих букв. У каждой буквы есть свое название, «говорящее», по образцу букв еврейского, готского и армянского алфавитов. Отличие от глаголицы состоит в начертании букв, их количестве, цифровой значимости, предусматривается способ передачи назальности гласных.

Набор синтаксических *R* правил зависит от специфики реальной действительности, параметры которой определяются

свойствами/особенностями актуализации функции связывания, характерной для того или иного этнического/культурного единства восточнохристианского ареала.

Буквой в индуктивной грамматике восточнохристианского мира, энигмой является учение о «царстве Божьем», «которое установится в результате тотального преобразования мира [Аверинцев, 1997, с. 224], когда сливаются земной и небесный планы, вновь пространство и время (как это было в начале сотворения мира) стягиваются в точку. По пророчеству Иезекииля, этой точкой становится Град Божий, возникающий в земле между границами территорий, занимаемых коленами и называющийся Яхве – Шалма («Господь здесь») [Аверинцев, 1997]. В XX в. открывается особая ипостась энигмы (некоторый вариант ее отгадывания) – Dasein; термин, избранный М. Хайдеггером для означивания бытия – *von*, нахождения «в просвете бытия», втянутости человека в бытие взаимосвязи и взаимообусловленности человека и бытия. Эта ипостась создает предпосылки для «связывания» восточнохристианского и западнохристианского миров. Ключом к энигме «царство Божье», как считает С.С. Аверинцев [Аверинцев, 1997], являлся порядок «вселенской» сакральной державы на земле; ключом к ее ипостаси Dasein, вероятно, можно признать порядок функционирования понятийно-умозаключающего сознания в реальной действительности.

Нормализация в X в. в русской книжной культуре связана с культурой освоения умения созерцать онтологическую категорию: а) изображенную с помощью символических структур; б) записанную для прочтения графемами кириллицы, в) представленную доступной для понимания в жанре *conscriptus* нарратива (понятийного схватывания).

Тенденции нормализации XVI и XVIII вв., в целом определяемые как культурная демократизация, обусловлены необходимостью решения, в том числе и на языковом уровне, геополитических задач, касающихся расширения территориальных границ государства российского и создания онтологического культурного пространства.

В языке XVI в. проектируется: а) новый тип общественных связей, основой которого является феноменологический диалог; б) модерновое государство, ориентированное на трансцендентального субъекта. ИмPLICITное обустройство среды обитания этноса предопределяет радикальный поворот к свободе, озна-

чающий перенос акцентов в культуре с отношения «субъект-объект» на сферу межличностных коммуникаций, моделируемых в диалоговом режиме. Причем для России диалогичность коммуникации обусловлена явлением диномии, которое Ч. Фергюссон [Ferguson, 1959] трактует как использование двух культур в рамках одного общества, при доминировании одной над другой.

Феноменологический диалог предполагает непосредственный обмен и перевод между персональными целостными, мирами, сохраняющими свои особенности. При этом сходные трансцендентальные структуры и подобие в организации сознания не гарантируют адекватности перевода и понимания, которые достигаются только знанием языка Другого.

В XVI в. намечается процесс формирования социального квазисубъекта, или оформление идеи общественности, которая основывается на агональном типе взаимодействия равных с равными в сфере свободы [Habermas, 1972]. Этот тип взаимодействия в своих истоках восходит к античному полису и связывается с возникновением современного государства и отделенной от него сферы гражданского общества (для России актуально разделение светской и церковной власти). Общественность, или социальный квазисубъект, руководствуется ориентацией на коммуникативное поведение, полагающее другого в качестве самодостаточной ценности и рассматривающей в качестве самодостаточной процессуальности, имеющей своей целью акт самоосуществления. Язык определяется, в таком случае, как метаинструкция, от которой зависят все общественные институты. Он детерминирован общественными процессами, дающими о себе знать через выбор синтаксических конструкций, которые маркируют процедуру овладения внешней природой.

В некотором роде в XVI в. закладываются принципы универсальной прагматики. Согласно этим принципам, разработанным Ю. Хабермасом, речевой субъект, готовый к коммуникации, обладает способностью к коммуникации, которая заключается в способности ставить правильно построенные предложения в определенные отношения к реальности. Способность к коммуникации отличается от способности к языку, состоящей во владении совокупностью лингвистических правил, обеспечивающем производство грамматически правильных предложений. Универсальная прагматика, как считает Ю. Хабермас, занята реконструкцией системы правил, которая лежит в основе способности субъек-

та выражать предложение в любой возможной ситуации. Главенствующим становится использование предложений в соответствии с прагматическими правилами, образующими инфраструктуру речевых ситуаций.

Итак, итогом нормализации XVI в. является создание инфраструктуры речевых ситуаций, которые ориентированы на способность к коммуникации трансцендентального субъекта, аксиологически симметричного социальному квазисубъекту – обществу.

В XVIII в. коммуникативная речевая практика зависит от лексического дискурса и связана необходимостью следовать грамматической организации языка, которая должна быть объяснена, понята и, по необходимости, «отредактирована» в зависимости от специфики социальной морфологии. Корректорской правке подлежит и онтологическая категория, замещаемая семантическими формулами предложений. Ф. Данеш и Х. Гаузенблас, считают, что многообразие вещественного содержания высказываний славянских языков, можно свести к набору определенных семантических схем, или общепринятых условий конфигураций обобщенных, типизированных элементов значения, называемых семантическими формулами предложения [Данеш, Гаузенблас, 1974] (для XVIII в. более актуальны формулы жанра). Под высказыванием при этом понимается формация, приспособленная в качестве сегмента уровня коммуниканта – самого высокого уровня языка – или в качестве самого коммуниканта. «Следовательно, эта формация имеет свою звуковую или графическую внешнюю оболочку (делимитационные сигналы и пр.) и организована с учетом тематического построения коммуниканта и кон­ситуации (т.е. актуального членения); она, естественно, реализуется в соответствии с грамматико-лексическими конструкциями» [Данеш, Гаузенблас, 1974, с. 92].

Организационным центром формулы является предикат, в котором отражается «положение вещей» и который определяет, в соответствии со своей тематико-идеологической принадлежностью, направление сегментации семантического континуума. В семантических формулах обобщаются семантические структуры отдельных предложений – грамматических формаций, предназначенных для высказываний и имеющих специфические грамматические средства для выражения предикативной актуализации –

пропозиции. «Таким образом, пропозиции являются основными семантическими структурами, которые представляют языковое изображение (для данного языка – специфическую «стилизацию») нашего познания «внеязыкового положения вещей» [Данеш, Гаузенблас, 1974, с. 93].

Новые формы букв в XVIII в. имели символическое значение, демонстрируя новую культурную ориентацию России; письменная форма русского языка обусловлена требованием соответствия речевому словоупотреблению. Галломания русского дворянского общества второй половины XVIII в. может рассматриваться, как считает Б.А. Успенский, как отражение ситуации при немецких дворах, а субъективная ориентация на французский язык и французскую культуру могла фактически приводить к импорту немецкой культурно-языковой ситуации [Успенский, 1994]. В.К. Третьяков и иные первые кодификаторы стремятся построить новый литературный язык по модели французского литературного языка: русский язык, подобно французскому, должен ориентироваться на употребление, а не на искусственные языковые правила. Таким образом, противопоставляется русский язык церковнославянскому.

Ориентация на употребление делает актуальным процесс коммуникации и роль субъекта-оператора, способного производить изначальные артикуляции значений. Введение субъекта-оператора, как полагают А.Ж. Греймас и Ж. Фонтаний, является первым шагом к построению теории о процессе означивания как учения об управлении условиями возникновения и «достижения» значения [Греймас, Фонтаний, 2007]. Формулировка пред-условий требует построения эпистемологического дискурса, способного филигранно описать «кажимость бытия» (*le "paraître de l'être"*).

Эпистемологический дискурс «понятия себя самого и мира» (Слово божие, онтологическая категория «Христос») и эпистемологический дискурс «кажимости бытия» (высказывание-формация, семантическая схема) приводят раздвоению субъекта на ощущающего и чувствующего. «Чувствование, – замечают А.Ж. Греймас и Ж. Фонтаний, – изначально дано нам как само собой разумеющийся образ жизни, предшествующий любому опыту и существующий благодаря устранению какой бы то ни было рациональности. Согласно некоторым исследователям, оно отождествляется с самой жизнью. Поместить страсть до возникновения значе-

ния, раньше любой артикуляции, в виде чистого «я чувствую», – это почти увидеть нулевую степень витальности, минимальную «кажимость» «бытия», составляющую его онтический экран» [Греймас, Фонтаний, 2007, с. 33]. Таким образом, актуальным становится вопрос о приоритете чувственного над когнитивным, или когнитивного над чувственным, о приоритете металогики «сил» или металогики «позиций».

Нормативация в XVIII в. имеет характер дискурсивизации, которая, по убеждению А.Ж. Греймаса и Ж. Фонтания, будучи культурной и исторической практикой (практикой социолектальной и индивидуально-идиолектальной), порождает формы, которые застывают и превращаются в стереотипы, чтобы выйти «наверх» и интегрироваться в «язык». Дискурсивизация составляет список структур, подлежащих обобщению, «которые функционируют внутри культур и индивидуальных миров и которые затем высказывание приглашают в реализованный дискурс» [Греймас, Фонтаний, 2007, с. 23].

Глава 9

ОБЪЕКТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБЩИНЫ В НОВОЕ ВРЕМЯ

В конце XV–XVII вв. можно говорить, по мнению И.А. Мишиной и Л.Н. Жаровой, о существовании двух России: 1) военной московской державы – централизованного государства, имевшего черты военно-крепостнического государства; 2) общины (или мира) – основы традиционного общества, базирующегося на принципах коллективизма [Мишина, Жарова, 1985].

Церковный собор 1666 г. а) утвердил исправление русских богослужебных книг по византийскому образцу; б) постановил: царь должен иметь преимущества в государственных делах. Вопрос о церковных книгах был тесно связан с вопросом об отношении ко всему нерусскому. Исправление книг под руководством Никона (патриарха с 1652 г.) было началом перелома в восприятии Европы. Такова Россия накануне Нового времени.

В Новое время, считает Т. Парсонс, происходит переход от единого общества средневекового западного христианского мира к системе обществ (территориальных государств и культурных образцов, называемых национальными), или общей системе действия [Парсонс, 1998]. Составляющими общей системы действия являются социальные подсистемы, культурные подсистемы, личностные подсистемы и поведенческие организмы. Все перечисленные подсистемы по отношению к социальной выступают в качестве ее окружающей среды. За культурной подсистемой закрепляется функция сохранения и воспроизводства образца, равно как и творческого его преобразования. Культурные подсистемы складываются вокруг комплексов символических значений – кодов, на основе которых структурируются культурные подсистемы; особых сочетаний символов, в них используемых. Значимыми становятся условия использования кодов, сохранения и их изменения как частей систем действия.

Системой комплексов символических значений в русской коммуникативной культуре накануне Нового времени являлся книжный язык, определяющий правила интерпретации действительности, личностных подсистем и поведенческих организмов.

Зародившаяся в Европе в Новое время и ставшая ядром современного интеграционного процесса цивилизация изначально заключала в себе, как считает А.В. Гордон [Гордон, 1998], потенции и интенции мир-культуры – культуры, мир которой стремился к вселенскому расширению. Новое время нашло универсального адресата для своего цивилизационного проекта – человеческую природу с ее способностью к самосознанию и самосовершенствованию.

В Новое время, отмечает Н.И. Кареев [Кареев, 1902], последовало обращение к уму и сердцу человека как такового, прозвучал призыв к индивиду через конфессиональные, сословные, корпоративные, локальные, родственные связи, которые образовали ядро цивилизации Европы в средние века, как и других великих цивилизаций культурно-исторических ареалов (китайской, индийской, арабской).

А.В. Гордон обращает внимание на то, что циклизм ареальных цивилизаций уступает место поступательности мирового цивилизационного процесса. Благодаря совокупности материальных и духовных факторов цивилизация Нового времени сохраняет статус базы для коммуникации различных культур. Взаимодействие культур начинается и поддерживается за счет форм организации общественного бытия, картины единого в многообразии мира, языка и логики мышления, использующих выдвинутые новоевропейской культурой опорные категории. К распространенным формам организации общественного бытия относятся индустриализация, урбанизация, сциентизация, информатизация, рынок, национальная государственность, представительная власть, политические партии и профессиональные объединения.

Основополагающим фактором возвышения Европы является знание: европейское знание, обогащенное культурным обменом, сделалось системообразующим элементом мировой науки. Аксиоматизация знания становится основой науки как самостоятельного института, делает возможной математизацию и применение измерений в качестве критерия истинности. Аксиоматизация знания также означает возможность сведения сложных характеристик к «всеобъемлющим принципам» и построению целостного общего знания из небольшого ряда элементов. Таким образом, аксиоматизация обеспечила возможность систематизации и аккумуляции знания, а придание особой значимости крите-

рию истинности и доказательности способствовало превращению науки в особую отрасль знания и вычленению этого критерия из целостного мира культуры [Гордон, 1998].

Классической четкости соединение двух тенденций цивилизационного процесса Нового времени – самообособления культурного ареала и восприятия этой обособленности в универсальных категориях мир-культуры, как отмечает А.В. Гордон, достигает в русской общественной мысли во второй половине XIX в. [Гордон, 1998].

Российская научная мысль XVIII в., утверждает Т.В. Артемьева, остается под влиянием традиции «неразделимости гносеологического и нравственного абсолюта, Истины и Веры» [Артемьева, 1996, с. 283]. Общество любителей учености, начавшее работу в 1789 г., ставило перед собой задачу распространять в России такие науки, которые «способствовать могут: 1) к просвещению разума в своих соотечественниках; 2) к исправлению сердца; 3) образованию хорошего в них вида; 4) к доставлению каждому вернейших способов к его счастью» [Артемьева, 1996, с. 121].

Научное знание формируется на основе выявления законов, в соответствии с которыми могут преобразовываться в человеческой деятельности разного рода объекты – фрагменты природы, социальные подсистемы и общество в целом, состояния человеческого сознания. Происходит распространение системного принципа с описаний предметов на моделирование ситуаций, «трактовка самих предметов как алфавита для построек более высокого уровня сложности» [Щеглов, 2002, с. 55]: предметы как живописная масса заполняют познаваемое пространство и, что более значимо для русской коммуникативной культуры, пространство текста и пространство сознания, интерпретирующего мир на основе онтологической категории «Христос». Актуальной становится проблема мыслительной техники, помогающей, с одной стороны, адаптировать к изменяющимся обстоятельствам жизни основополагающую онтологическую категорию, с другой – организовать процесс исторического познания.

Историческое познание Г.Г. Шпет в «Философских этюдах» определил как познание, оперирующее понятием в его семасиологическом качестве, тождественным в своей динамике живому организму [Шпет, 1994]. Логика подобного познания принципиально всеобъемлющая, поскольку сознание в рефлексии (поня-

тии) особым способом постигает свою сущность. «Сознание в рефлексии на самого себя «видит» свою сущность не через посредство образов или «репродукций», как мы знаем, а безусловно презентативно, т.е. сущность сознания налична рефлексии, в ней «находится, или еще иначе, имманентна самому сознанию» [Шпет, 1994, с. 290]. Как считает К. Леви-Строса, понятие выступает при создании уменьшенной модели в качестве оператора для открытия целостной совокупности, с которой работают [Леви-Строс, 1999]. В каждом понятии, таким образом, *implicite* – все связи и отношения того, что есть. Эта особенность понятия, как логического, которое, как указано, покрывает собою все сознание...» [Шпет, 1994, с. 304].

В существовании собственно России, видимо, целесообразно говорить о двух форматах Нового Времени – общеевропейском, хронологически связываемым с XVIII в., и собственно российским, или советским, связываемым с XX в. Это два периода, характеризующихся оформлением знаковых систем интерпретации понятийных категорий, исторически актуальных для той или иной части населения России.

В языке интерпретации понятийных категорий А.В. Бондарко выделяет два аспекта: 1) мыслительно-языковой; 2) мыслительно-речевой [Бондарко, 1974]. Первый аспект рассматривается как языковая переработка понятийных категорий, результат которой закрепляется в системе и норме языка через свойственное данному языку соответствие понятийных категорий и возможных вариантов их передачи различными средствами. Второй аспект определяется как преобразование понятийных категорий в процессе речевой деятельности в ту или иную языковую семантическую функцию, выступающую как значение языковых знаков и их комбинаций (значения определенной формы, конструкции, того или иного сочетания грамматических элементов).

Преобразование понятийных категорий в семантические функции может осуществляться в процессе трансформации эпистемической формы слова, фиксирующей стабильный набор контекстов функционирования единицы, ее информационный объем и соответствующий объем сознания (мозговой активности), задействованный в использовании единицы для сегментации и континуации пространства коммуникации. Особое место в подобном интерпретационном процессе следует отводить мыслительным методам, или

принципам мышления, основополагающими среди которых Леонардо да Винчи признавал семь следующих: *Curiosita* – ненасытно-любопытный подход к жизни, неустанный поиск и неистребимая жажда учения; *Demonstrazione* – глубоко укоренившаяся привычка проверять свои знания реальным опытом жизни; *Sensazione* – постоянное совершенствование органов чувств, особенно зрения; *Sfumato* (в буквальном переводе – «все пошло прахом») – готовность принять неопределенность; *Arte/Scienza* – стремление уравновесить науку и искусство, логику и воображение; *Corporalita* – культивирование умения владеть своим телом; *Connessione* – системное мышление (осознание взаимосвязи всех вещей) [Гелб, 2000].

Актуальным представляется мыслительный метод и живописная техника *сфумато* – особая манера письма, создающая эффект «исчезновения» вещи, «превращения ее в туман (в «прах»)). Подобный эффект достигается благодаря наложению многих слоев краски, прозрачных и тонких, как паутинка: «Благодаря расплывчатым, смазанным контурам и мягким цветовым тонам... одна форма естественно перетекает в другую, всегда оставляя нечто нашему воображению» [Гелб, 2000, с. 162].

Применение техники *сфумато* приводит к созданию особых знаковых форм русского языка, фиксирующих вид отношений к внешнему в особых структурированных совокупностях, воспроизводящих формы исторического познания как переживания элементарных форм истины и являющихся проектами преобразования ментальной рефлексии. В живописной технике *сфумато* оказываются задействованными основные качества акварели (прозрачность красок, сквозь которые просвечивают тон и фактура основы, чистота света), особенности собственно живописи (построение формы и пространства цветом) и графики (активная роль бумаги в построении изображения).

Специфические приемы акварели – размыты и затеки – в живописи создают эффект трепетности изображения, в языке – они «расшатывают» устойчивые формулы контекстного сцепления единиц. Модифицированные формы сцепления единиц, или понятийной диспозиции, нарушают статистическое равновесие между уровнем (планом) содержания и уровнем выражения русского языка: признаков изображаемого объекта действительности и ограниченным набором интерпретационных вербальных возмож-

ностей носителя языка. Подобные образования представляют собой оптически активные соединения (особого типа асимметричные молекулы) с активным центром, содействующие переходу текста из формы неживой природы в форму живой природы.

Более очевидные образцы модифицированных форм сцепления единиц обнаруживаются в тексте «Моя Сибирь» Г.Д. Гребенщикова (Часть четвертая. Алтай – жемчужина Сибири. II. Красота неизреченная):

...И вот, встретив такую же подружку, уже засмеялись и залепетали громче, уже сдвинули с пути мешающие камушки и понеслись в восторге перед неизвестной далью... Где-то под скалой в таком озерочке на часок заснули и опять вперед, уже с накопленной дружной силой, а в новых встречах с более сильными братьями и сестрами уже не узнают свой грозный голос. И пошли все вместе точить камень, углублять ущелье, пока, наконец, в головокружительном падении с высот попали в белопенные объятия буйного потока, и все с большей быстротой, все с нарастающей песней вперед и дальше, пока большой толпой бирюзовых волн сольются с водами самой Катунь, а там уже каждая струя, каждая капля – сама Катунь – экстаз поспешного и непрерывного бега на неоглядные просторы и туда к слиянию с всепобедным океаном¹.

Ряд модифицированных форм сцепления единиц для приведенного отрывка имеет следующий вид: *встретив такую же подружку, уже засмеялись* – *встретив подружку, засмеялись, понеслись в восторге перед неизвестной далью* – понеслись вперед; *пошли все вместе точить камень* – капля камень точит; *и все с большей скоростью* – с большей скоростью; *экстаз поспешного и непрерывного бега на неоглядные просторы* – экстаз бега.

Внутри модифицированных форм сцепления единиц выявляются активные центры, тождественные логическому слову в исследованиях Г.Г. Шпета: *хоть, -либо, часть края, возникают высоты, плавают, же, уже, в восторге перед, -ой, вместе, с быстротой, поспешный бег на*. Логическое слово, как утверждает Г.Г. Шпет, выполняет в познании многообразные функции: 1) номинативную (называет предмет); 2) семасиологическую

---

¹ Гребенщиков Г.Д. Моя Сибирь. Барнаул, 2002.

(обозначает в содержании значение или смысл); 3) предикативную (устанавливает смысл в его форме) [Шпет, 1994]. Активные центры, будучи наделенными системами познавательных функций, фиксируют точки, вокруг которых конструируются ментальные плоскости исторического познания. В подобных плоскостях происходит конденсация, употребление логических форм мысли, или понятий [Сумарокова, 1961], свойственных определенному уровню исторического развития интеллектуальной способности человека.

Понятие, представляющее собой способ связи частей конкретного содержания мысли [Горский, 1953], в произведении Г.Д. Гребенщикова восстанавливается через последовательность пропозициональных связок, которые определяют качественно иной набор логических операций, обеспечивающих образование новых высказываний, чем в системе формальной логики Аристотеля. В фрагментах: I. *Колокол Земли* и II. *Красота неизреченная* вычлениются связи двуместные с замещенными позициями (*чем, тем; но, -либо (но, уже); когда, кажется*); двуместные связки с незамещенной позицией (*...уже*); двуместные невербальные связки (- -). Использование подобных связок позволяет продемонстрировать движение мысли, связывающее форму вещи (материального предмета: либо натурфакта, либо артефакта) с языковой материей. «...форма же не хочет быть актуальной, но не может существовать абсолютно, не будучи ни своим собственным бытием, ни богом, и поэтому нисходит [в материю] и конкретизируется в ее возможности. То есть возможность восходит к действительному бытию, а форма нисходит к нему, ограничивая, осуществляя и определяя возможность, и, таким образом, из восхождения и нисхождения возникает движение, связывающее форму с материей. Это движение – связующий посредник между потенцией и актуальностью, потому что движение возникает как среднее из подвижной возможности и формирующего двигателя» [Кузанский, 1979, с. 129].

Выделяемые связки маркируют языковые семантические функции, выступая как значения качественно иной формы текста-натурфакта, т.е. явления живой природы. В них манифестируется симметрия законов: наличие моментов тождества между связями, входящими в содержание этих законов, что предполагает симметричность законов, относящихся к различным областям приро-

ды [Готт, 1972]. Будучи особыми логическими структурами, или логическими словами, подобные связки поддерживают равновесность (симметричность), внутренней пропозициональной структуры текста, что проявляется в регулярной структуре его плоских внешних поверхностей, повторяющихся в произведениях Г.Д. Гребенщикова слоистую структуру камня, его рисунок. По своей функциональной значимости выделенные активные центры аналогичны синтагмам в понимании югославского лингвиста Ф. Миккуша. Синтагма, по его мнению, является основным структурным типом языка, она пронизывает весь язык как генетически, так и функционально. Кроме того, она самовозрождается, множится и создает сложные структуры по своему образцу и подобию, аналогично клетке в биологических процессах [Ахманова, Микаэлян, 1963].

Синтагма для русского языка XVIII в. развернута до предложения, поскольку в ней фиксируется «маршрут» мысли, ее начальный и конечный пункты, а соответственно объем сознания и режим его прагматического функционирования. Подобное вполне выдержано в контексте рассуждений Леона Розенфельда, касающихся того, что понятия могут быть поняты лишь через их *пределы*. Исследование маршрута мысли и режима ее прагматического функционирования в XVII (XVIII) в. проведем на одном из текстов «Из писем и бумаг» Петра I.

Петр I. Сигналы во время плавания по Дону, конца апреля 1699 г.²

Нужные сигналы которые надлежат в сем походе по Донѣ

1

Никто дерзнет отстат от камандирского брегантина по ономѣ послѣдоват пот нѣню ежели хто отстанет 3³ часа ѿ четверть года жалованя ежели 6 двѣ трети ежели 6 двѣ трети 12 часоѣ за год жалованя вычестъ

² Текст приводится по изданию: Хрестоматия по истории русского языка: Учеб. пособие для студентов пед. инт-тов по спец. №2101 «Рус. яз. и лит.» / Авт.-сост. В.В. Иванов, Т.А. Сумникова, Н.П. Панкратова. М., 1990.

³ Лишнее титло и точки при арабской цифре.

2

Ежели ѱкого сѣдно проломит і въ послѣдном бѣдѣ сочинит то томѱ надлежит ѱрах⁴ свои на ванты привезат і из пѣшки выстрелит і тогда надлежит близ бѣдѣчим брегантинам ономѱ помоч чинит протчим же наповом ітит без парѣсоѱ или гребли пока паки у камандира парѣсы или грестъ станѣт.

3

Ежели на мел станет без повѣреждения то выстрелит вдрѣ из нѣскольких мѣшкѣтоф залбам⁵ но при том объявляем ежели на пѣрямом ходѱ то слѣчитца і в добром осмотреніи а ежели в нерадѣніи і в бокѱ от шкадры то жестоко наказан за то бѣдет.

4

Когда стая на корѣ⁶ камандир синей вымпел под обыкновенным подымет і ѱок расѣстит і один раз выстрелит тогѣгда⁷ якорь поднят а когда на ходѱ сие ѱчинит [кромѣ Дона]⁸ тогда на якорѣ станет.

5

Когда синей же вымпел сверхъ обыкновенного ѱлага назади пымет⁹ і одинаково выстрелит і тогда всѣм к томѱ берегѱ пристает х которомѱ камандир бѣдет пристоват.

6

Когда гѣйс на вантах или на ѱлагитоке [гѣѣ назади обыкновенное знамя живет] поднят бѣдет і тогда со вѣх брегантин первым ѱлицерам ѣхат на камандиркой¹⁰ брегантин.

7

Когда красной вымпел под обыкновенныи поднят бѣдет і тогда всем надлежит готовым быт к бою.

⁴ Описка, буква р вм. л.

⁵ Описка, буква б вм. п.

⁶ Описка, на корѣ вм. на якорѣ.

⁷ Описка, лишнее гда.

⁸ Здесь и далее квадратные скобки представлены в оригинале.

⁹ Описка, пымет вм. подымет.

¹⁰ Описка, в суф. пропущена буква с.

В «Сигналах» Петра I повторяется импликационная пропозициональная связка Русской Правды *если, то* в модификации *ежели, то; когда, тогда* однако акцентируется ситуационно-событийный план происходящего и особенности его означивания. Конфигурация символов *если, то* означает социальную семиотизацию деятельности члена общины: действие, организующее событийный ряд жизни отдельного субъекта, оценивается с общинных аксиологических позиций. Кроме того, пропозициональная связка соединяет в когерентную конструкцию индивидуальное и социальное бытие, обуславливая их обоюдную зависимость.

Конфигурация символов *ежели, то* означает актуальность для социальных и языковых обстоятельств вероятности, а также значимость для коммуникационного процесса истории фактора случайности. Сумма независимых случайных величин (в нашем случае, как социальных, так и языковых), по утверждению Ю.В. Чайковского [Чайковский, 2002], в широких условиях сходится к определенному типу распределения, если выполнены три условия: 1) равновозможность самих событий и их серий; 2) аддитивность (результатирующая случайность есть сумма); 3) одномасштабность (дисперсии – рассеяния – слагаемых равномерно ограничены). Выполнение этих трех условий, или следование тройной симметрии, означает выполнение закона больших чисел, который, видимо, и был главенствующим при создании азбуки для восточных славян. Пропозициональная связка *ежели, то* является знаком, тройной симметрии: с одной стороны, знаком *кириллического* распределения независимых случайных величин семантического; с другой – знаком когерентного единства *троицы*, определяющего особенности деятельности тринитарного сознания.

Как считает Т.Е. Владимировой [Владимирова, 2006], холистический принцип триединства, редукционистский принцип триединства и трехстадиальности существенно преобразовывают дуальную языковую картину мира: в нее входят новые понятия (в случае текста Петра I – пропозициональные связки *ежели, то; когда, тогда*, означающие необходимые для России XVIII в. модусы существования). Эти понятия отражают понимание целостности и структурной сложности объекта или процесса. Редукционистский принцип триединства и трехстадиальности, по ут-

верждению Т.Е. Владимировой, характеризуется пониманием мира/миротворения как «совокупности объектов/этапов различной степени сложности, осознаваемых онтологически и гносеологически как предшествующие целому» [Владимирова, 2006, с. 77]. Метафизический принцип триединства, согласно излагаемой концепции, обозначил переход от языка («дома бытия») к культуре («хранителю бытия»), обусловил создание более совершенной языковой картины мира, стал основанием культуры общения содержательно-смысловой доминантой гуманитарного мышления.

Устанавливается имплицитная связь между операциями над символами (множествами) и возможностью «тринитарно», в соответствии с редукционистским принципом триединства и трехстадиальности, изменять ход событий, а следовательно, и коммуникационный процесс истории. В текстах-описаниях XVIII в. происходит линейная «развертка» объекта, которая демонстрирует его структурную сложность и позволяет мыслить его как процесс. Текст-описание выступает в качестве модели, в соответствии с которой тринитарное мышление должно осуществлять свою деятельность в мире вероятностей.

Краткое описаніе животнымъ и растѣніямъ изысканнымъ въ 1768 и 1769 году

§4. Мышенокъ (Mus minutus)

Изъ всего мышьяго роду описываемая мышка самая малая, и тяжестію своею едва въ половину будетъ противъ домашнихъ мышенокъ. Голова, а особливо рыло мохнатѣе, нежели у предъидущей (полевой Житникъ (Mus agrarius)). Усы тонѣе, ушки меньше, шерстью до половины закрыты кругловатые, и въ нутри мохноваты. Шерсть на ней изъ сѣра желтая, которая на спинѣ съ примѣсъю темноватаго цвѣта, а подъ брюхомъ сѣдо-бѣлая. Заднія лапки съ сѣдою по краямъ бахромкою, а переднія съ весьма запестоватымъ большимъ коготкомъ. Хвостъ длинѣе, нежели у предъидущей, однако тоне и короче противъ домашней мышки, ровноватъ, весь покрытъ шерстью и состоитъ изъ 130 звеньшекъ. Вѣсомъ по большей части бываетъ въ 1½ драхмы, а рѣдко въ 2 драхмы. Внутренними частями, равно какъ и предъидущая, сходствуетъ съ Водяною (а) и Лесною Мышью (в), и у обѣихъ нѣтъ пузырька для желчи. Водятся оба рода оныхъ мышей въ

великомъ множестве около Волги и въ окольныхъ мѣстахъ подѣ
хлѣбными скирдами¹¹.

В «Кратком описании животных и растений» осуществляется путешествие по свойствам и особенностям единичных образцов природного мира: они рассматриваются как самодостаточные системы, изучение которых требует не меньшего внимания, чем вся природа в целом и общие законы ее функционального развития. Происходит заполнение живописной массой онтологического пространства русского языка. Поскольку заполнение осуществляется системно, то в соответствии с законами самоорганизации должна последовать (в соответствии с принципом *ежели, то*) и системная реорганизация понятийного пространства, или пространства языковых содержаний, мотивируемая в том числе и реформой русской графики.

Семантические изменения XVIII в. могли обрести необратимый характер только в том случае, если были бы найдены системы (что принципиально важно с позиций нового диалога человека с природой, или синергетики), в которых уравнения движения допускали бы существование режимов с *низкой симметрией*. И. Пригожин и И. Стенгерс констатируют, что уравнения движения инвариантны относительно обращения времени $t \rightarrow -t$ [Пригожин, Стенгерс, 2005а]. Решения подобных уравнений, по мнению ученых, могут соответствовать эволюции, в которой симметрии относительно обращения времени утрачиваются. Предполагаем, что в XVIII в. именно языковая система была принята и в качестве системы, в которой уравнения движения допускают существование режимов с *низкой симметрией*, а кириллическое распределение независимых случайных величин семантического признано в качестве решения уравнения, соответствующего эволюции, в которой симметрия относительно обращения времени утрачивается.

---

¹¹ Текст печатается по изданию: Паллас П.С., Доктор Медицины, Профессор Натуральной исторіи и член Россійской Императорской Академіи Наукъ, Санктпетербургскаго Вольнаго Экономическаго общества, также Римской Императорской Академіи испытателей естества и Королевскаго Аглинскаго ученаго собранія, Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійской Имперіи. Часть первая. Въ Санкт Петербургѣ При Императорской Академіи Наукъ 1773 года.

В XVIII в. открывается новая особенность системы русского языка, или существование новой альтернативы, – нелокального описания, которое открывает путь к переходу от динамики к вероятностям (в качестве локального описания следует признать *летописание, агиографию, историческое повествование*). Системы, для которых такой переход возможен, И. Пригожин и И. Стенгерс называют *внутренне случайными системами*.

При переходе от внутренне случайных систем к необратимым системным «удобным» становится разбиение системы на два слоя: вертикальный – сжимающийся – и горизонтальный – растягивающийся. Со временем сжимающийся слой (система древнерусского языка) сокращается, включая последовательные этапы сокращения A_1, B_1, C_1 ; растягивающиеся слои (церковнославянский язык как одна из языковых репрезентаций европейской цивилизации) удваиваются (последовательные этапы удвоения A_2, B_2, C_2). Причем вертикальные отрезки в далеком будущем стягиваются в точку, образы («копии») горизонтальных отрезков, и равномерно покрывают все пространство.

Их двух существующих описаний, ориентированных на точку в фазовом пространстве (неизвестен ее внутренний возраст) и на знание внутреннего возраста точки фазового пространства (неизвестна точная локализация точки), в XVIII в. в России выбирается первый тип, поскольку, подобный тип описания не ограничивается пределы временного присутствия в семантическом, что важно для эволюции, в которой симметрия относительно времени утрачивается. Подобный выбор объясняется также и тем, что, как отмечает Н. Винер [Винер, 1983], мы можем общаться только с мирами, имеющими такое же направление времени.

Географические открытия, ставшие поворотным пунктом прежде всего в развитии лингвистической ветви европейского дискурса, эпистемических категорий и совпавшие с лингвистическим моделированием современного государства, руководствуемого эпистемологией социального квазисубъекта, определяют когнитивную деятельность Российской империи XVIII в. Открытие новых для Европы этнических общностей породило в качестве одной из ее приоритетных жизнедеятельностных стратегий стратегию лингвистического экспансионизма, заключавшуюся во внедрении европейской аксиологии (эпистемических категорий) через распространение латинской грамматики и принципов ан-

тичной риторики, во вновь открываемых для себя Европой территорий. Таким образом, европейская культура не столько стремилась постичь существо новых для нее аксиологий (в чем ее принципиальное отличие от античной цивилизации), сколько пыталась осуществить упорядочение новых семантических множеств в соответствии с собственными базовыми оппозициями и тем самым осуществить попытку создания универсальной системы означивания различных, уникальных, и прежде всего в ландшафтно-географическом плане, природных реалий. Основанием для подобных номинативных операций служило соглашение-утверждение, касающееся того, что люди, независимо от места проживания на Земле, обладают одинаковыми умственными и интеллектуальными способностями.

Сама по себе демократичная идея интеллектуальной тождественности и «жителя джунглей», и гражданина европейского полиса была достаточно продуктивной при осуществлении введения осваиваемой культуры на условиях дополненности в понятийное пространство Европы. При этом латинский язык фактически негласно признается некоторым прототипом языка мозга человека земного, или семиотическим кодом, с одной стороны, предназначенным для считывания-фиксации мозговых импульсов, с другой – семиотической системой, способной наиболее адекватно фиксировать интеллектуальную рефлексию человека мыслящего, т.е. оформляющего впечатление от окружающего мира в виде семантических множеств. Однако ретрансляция семиотического кода постигаемой культуры в тексте европейской культуры не предполагает воссоздания (что в принципе невозможно) деятельности так называемого языкового сознания, или функции мозга, отвечающей за означивание (артикулирование) а) рефлексии человека на всевозможные контакты со средой обитания; б) особенностей жизнедеятельности человеческой субстанции в разных формах ее проявления: тело, душа, дух.

Географические открытия для России XVIII в. – это прежде всего изменение масштаба восприятия действительности «здесь-и-сейчас» с последующей модификацией масштаба Вселенной, государства и человека. Система языка, обслуживающего интересы и потребности жителя России, представляла систему, чувствительную к начальным условиям, а следовательно, не допускающую операционального описания в терминах детерминистиче-

ской причинности (система Русской правды однако именно такой принцип описания и задавала). Для таких систем, как считают И. Пригожин и И. Стенгерс, невозможно определить класс «сходных ситуаций», в которых сходные «причины» (т.е. сходные начальные условия) влекут за собой сходные следствия – сходную эволюцию [Пригожин, Стенгерс, 2005б, с. 70]. Состояние системы определяется не точкой в пространстве, а областью, протяженность которой зависит от длины последовательности цифр, задающих числа, в случае же системы языка для России – состояние системы зависит от длины предложения, определяющей количество семантических операций (операций над множествами), отделяющих вероятность от необратимости. Возникает необходимость в пересмотре самого смысла причинности: общую детерминистическую связь между причиной и следствием необходимо заменить новыми свойствами, соответствующими качественному различию между устойчивыми и хаотическими режимами [Пригожин, Стенгерс, 2005б, с. 70].

Режим называется хаотическим, если расстояние между любыми двумя точками, возрастает во времени. Вводится внутренний «масштаб времени» – интервал времени, в течение которого выражение «две одинаковые» («одни и те же») системы, соответствующие одним и тем же начальным условиям, сохраняет смысл. Внутренний масштаб времени релевантен для церковнославянского языка и системы древнерусского языка, при принятии условия, что эти системы являются не подсистемами одной системы русский язык, а самостоятельными знаковыми системами, обслуживающими жизнедеятельность языковой общности, проживающей на территории России в различные периоды ее эволюции как государственной и духовной целостности.

Система русского языка XVIII в. в рамках синергетической парадигмы может быть оценена как система хаотическая, характеризующаяся временным горизонтом, порождающим принципиальное различие между тем, что можно назвать «теперь» и «потом». «Теперь» – индивидуальная система, поведение которой можно предсказать, используя современное и прошлое знание; «потом» – эволюция, которая не допускает описания в терминах индивидуального описания, а только в терминах вероятностного описания, одного и того же для всех систем, характеризующихся одним и тем же хаотическим аттрактором – конечным состоянием.

ем или ходом эволюции диссипативной (рассеивающей, теряющей энергию) системы. К области «теперь» более тяготеют письма царя Петра Алексеевича и князя А.Д. Меншикова, к области «потом» – письма А.Д. Меншикова жене, Дарье Михайловне Меншиковой.

Область «теперь» русского литературного языка

*Из писем А.Д. Меншикова царю Петру Алексеевичу*¹²

Март 1705 г.

Не погневись, мой государь, что мало и не часто к милости твоей пишу. Истинно рад бы писать часто, да опасен того, чтоб милости вашей частыми бездельными письмами не надокучить. И впредь, кроме дела и самой нужды, ни о чем писать к милости вашей не буду, только что разве о здоровье вашу милость безвестна не оставляю.

Октябрь 1706 г. (по поводу Калишской победы 18 октября)

Не в похвальбу вашей милости доношу: такая сия прежде небываемая баталия была, что радостно было смотреть, как с обеих сторон регулярно бились...И сею преславою щастливою викториєю вашей милости поздравляю и глаголю: виват, виват, виват!

1720 г.

А в учиненных обидах сих обоих флотов [речь идет о десанте объединенного англо-шведского флота] на остров Нарген – в сожжении бани и избы – не извольте печалиться, но уступите добычу сию им на раздел, а именно баню шведскому, а избы английскому флотам.

*Из писем Петра I А.Д. Меншикову*¹³

1710 г., из Петербурга

Желаю, дабы господь бог ваше дело как наискоря управил, и вас бы нам здесь видеть дабы и вы красоту сего Парадиза (в

---

¹² Письма, донесения, послания А.Д. Меншикова приводятся в редакции, предложенной в издании: Павленко Н.И. Александр Данилович Меншиков. М., 1984.

¹³ Письма Петра I приводятся по изданию: Павленко Н.И. Александр Данилович Меншиков. М., 1984.

котором добром участником трудов был и есть) в заплату трудов своих, с нами купно причастником был, чего от сердца желаю. Ибо сие место истинно, как изрядный младенец, что день, преимуществует.

11 марта 1711 г.

В чем зело прошу, чтоб вы такими малыми прибытки не потеряли своей славы и кредиту. Прошу вас не оскорбитца о том, ибо первая брань лутче последней, а мне, будучи в таких печалех, уже пришло до себя и не буду желеть никого.

А что, ваша милость пишешь о своих грабежах, что безделица, и то не есть безделица. Ибо интерес тем теряетца во озлоблении жителей; бог знает, каково здесь от того, а нам жадного прибытку нет.

3 ноября 1711 г.

О протчем не имею что ответствовать, только дай боже вас здоровых видеть, для чего прошу тебя богом: не ездй встречю ко мне, не испортъ себя после такой жестокой болезни, но дождись в Питербурхе.

Область «потом» русского литературного языка

Из писем А.Д.Меншикова Дарье Михайловне Меншиковой, жене¹⁴

29 июня 1709 г. О себе доношу, что сего часу прибыли мы с кавалериею в Кобыляк в добром здорвье и речку Кобылячку переполавливаемся, где от неприятеля с нашими была и стрельба небольшая – не хотели наших перепустить. Однако же мы за божией помощью чюд не все перебранись и как перебранись, то з божиею помощью следовать будем, чтоб не перепустить их за Днепр.

30 июня 1709 г. бегучего от нас неприятеля здесь мы сего числа настигли и только что сам король и с изменником Мазепою в малых людех уходом спаслись, а достальных шведов всех живьем на окорд в полон побрали, которых будет числом около десяти тысяч, между которыми генерал Левентоупт и генерал-майор Крейц. Пушки, всю амуницию тоже взяли.

---

¹⁴ Письма А.Д. Меншикова Д.М. Меншиковой приводятся по изданию: Павленко Н.И. Александр Данилович Меншиков. М., 1984.

5 октября 1709 г. Чаю, что вы будете сумлеватца о нас, что довольно вином забавлялись, только я вправду объявляю, что истинно по разлучении с вами ни единого случая не было, чтоб довольно забавитца, а и с королевским величеством зело умерно забавлялись, и о том не извольте сумлеватца.

Для русского литературного языка XVIII в. также принципиально значимо упорядочение событий, которое должно осуществляться относительно горизонта времени: *господь бог ваше дело как наискоря управляя, вы такими малыми прибытками не потеряли своей славы и кредиту, бог знает, каково здесь от того, только дай боже вас здоровых видеть (Петр I, бесконечность движения уходящего времени); милости вашей не докучать, кроме дела и самой нужды, уступите добычу сию им на раздел (А.Д. Меншиков, бесконечность движения приходящего времени)*. Бесконечность движения уходящего времени, согласно концепции Г. Гийома [Гийом, 1979], представлена формами, которые фиксируют в языке определенный этап в формировании понятия времени и представляют его как временной поток, устремленный с позиций думающего вперед или назад. Бесконечность движения приходящего времени представлена формами, ориентированными в направлении будущего; они отвечают поступательному направлению движения мысли, формирующей представление и об образе времени. Область «теперь» в русском литературном языке XVIII в. (жанр письмо) – совокупность форм, которые характеризуют внутреннее (*бесконечность движения уходящего времени*) и внешнее (*бесконечность движения приходящего времени*) время, или сущностные параметры действия, действия ментального, и нечто, уходящее назад, уносящее с собой все, с одной стороны, с другой – находящееся впереди открытое поле, в котором человек призван осуществить свою деятельность.

Область «потом» в русском литературном языке XVIII в. (жанр письмо) – совокупность форм, которые открывают особенности ментальной сферы, где живет языковая система, и, согласно концепции Г. Гийома, исходя из определяемой ею речевой системы, воспроизводит ее: *в малых людях уходом спаслись; где от неприятеля с нашими была и стрельба небольшая – не хотели наших перепустить, всех живьем на окорд в полон побрали; пушки, всю амуницию тоже взяли; о себе доношу, что сего часу прибыли мы; чаю, что вы будете сумлеватца о нас, что довольно*

вином забавлялись; только я вправду объявляю, что истинно по разлучении с вами ни единого случая не было, чтоб довольно забавитца; а с королевским величеством zelo умеренно забавлялись, и о том не извольте сумлеватца.

Внутреннее и внешнее время XVIII в., а также ментальная среда, в которой живет языковая система, дифференцируются в зависимости от формируемого понятия: *Бог предоставляет нам кредит доверия для обретения славы во имя его (Петр I – уходящее время как внутреннее время – равновозможность самих событий и их серий) (I), не докучать и уступать (А.Д. Меншиков [ПетруI] – приходящее время – дисперсии слагаемых равномерно ограничены) (II), что только, что истинно по разлучении: ни не, чтоб, а с королевским величием zelo умеренно, и о том не сумлеватца (А.Д. Меншиков [Д.М. Меншиковой] – встреча [инцидент] действия с моментом прошедшего времени – семантическое как сумма есть результирующая случайность) [III]. Следование тройной симметрии – равновозможность (I), аддитивность(II), одномасштабность (III) закрепляет «русский язык» в пространстве коммуникации предложения либо со сжимающимся слоем языковой системы («древнерусским слоем» – восточнославянским), либо с растягивающимся слоем («церковнославянским слоем» – общеевропейским).*

Открытие в XVIII в. в русском литературном языке на основе использования кириллического распределения независимых случайных величин семантического сжимающегося и растягивающегося слоев разрешило проблему упорядочения потока событий, и как следствие, регулирования отношений между семантическими множествами ранее недифференцированного семантического. Кириллическое распределение подкрепляется самовозрождающимися потенциями синтагмы в русской мыслительной и коммуникативной культуре: самовозрождающиеся потенции синтагмы отражают предрасположенность возможности восходить к действительному бытию. Более очевидными потенции русской синтагмы к самовозрождению становятся в 20–40-е гг. XX столетия, поскольку опыт лингвистического перформанса позволяет разрабатывать техники исследования самовозрождающегося потенциала, или техники самовозрождения синтагмы.

Техника самовозрождения синтагмы в произведении Г.Д. Гребенщикова (XX в.) тождественна заполнению в теле сло-

ев различных пород пустот, которые могут в том числе представлять просветы между вулканическими «подушками», пустоты-пузыри, «возникающие за счет выделения газов по мере остывания лавы» [Лейбов, 2003, с. 11]. Между синтагмой и ее текстовой разверткой существует пустота, подобная семантическому вакууму. «Происходящее здесь можно описывать и как непрерывно протекающие флуктуации функции распределения вероятностей, задающей индивидуальность человека на семантическом поле... Рассмотрение Семантического вакуума как особого состояния Семантической Вселенной представляется вполне естественным. Это состояние абсолютной семантической непроявленности (или ненаблюдаемости, как сказали бы физики), которое должно быть дополнено представлением о Потенциальности как о начале, порождающем семантические проявления» [Налимов, 1995, с. 94].

Семантический вакуум в «Моей Сибири»¹⁵ есть область накопления и активации виртуальных частиц, понимаемых в качестве форм приобретения практическим интеллектом опыта. Практический интеллект понимается при этом как интеллект, позволяющий найти наиболее оптимальное соответствие между конкретными людьми и требуемыми для них условиями в результате либо адаптации к этим условиям, либо изменения (формирования) их, или же выбора другой среды [Стернберг и др., 2004].

Результат деятельности практического интеллекта – трехмерная пространственная структура, подобная кристаллу, идеальная форма которого представляет собой трехмерную бесконечную решетку с периодически повторяющимися аспектами [Готт, 1972]. По границам решетки движутся зацепления (диспозиции), способствующие пластической деформации кристалла через сдвиг кристаллических плоскостей.

При исследовании «Моей Сибири» можно сделать вывод, что языковой структурой, тождественной кристаллу, следует признать текст как виртуальный языковой знак, включающий множество своих речевых копий-воплощений, своеобразных речевых цепей, толкуемых как транспозиции, или средства сообщения знаку (в нашем случае тексту) новой синтагматической функции, т.е. новой функции в процессе исторического познания.

---

¹⁵ Гребенщиков Г.Д. Моя Сибирь. Барнаул, 2002.

Активные центры диспозируют «текст» (совокупность значений присутствующих в нем знаков) в пространство Потенциальности (пустоту), где происходит его пластическая деформация вследствие изменения восприятия предмета, вещи, явления (их систем), мотивировавших возникновение этого текста. Пластическая деформация текста предопределяется преобразованием понятийных категорий в языковые семантические функции, т.е. значения конкретных форм, конструкций, сочетаний грамматических и лексических элементов, что конструируется в произведении Г.Д. Гребенщикова в виде семиологических структур.

Семиологические структуры, исходя из положений семиологической концепции У. Эко [Эко 1996], возможно охарактеризовать как сообщения, построенные на основе конвенциональных кодов семиотик живой и неживой природы. Семиологическая структура представляет собой значение языковых знаков или их комбинаций, выступающее в качестве языковой семантической функции. В языковую функцию преобразовываются понятийные категории в процессе речевой деятельности.

Понимание сущности семиологических структур как единиц русского литературного языка возможно при рассмотрении лингвистического перформанса Росии Нового времени, который представлен двумя разновидностями лингвистических техник XVIII и XX вв. Техника XVIII в. связана с процессом лингвистической либерализации церковнославянской культуры, претерпевшей «древнерусскую» модернизацию: 1) терминологическое прописывание культурных и этических императивов – исчисление семантического абсолюта восточного православия; 2) модификация графического ресурса русской коммуникативной культуры – изменение корреляционных связей семантических функций языкового сознания жителя *Rosii* и геносегмента инфосферы (ноосферы); 3) изменение скорости рассеивания онтологической категории в пространстве фиксированного знакового единства (предложения, синтагмы) – модификация пропорциональной зависимости между биоритмами жителя *Rosii*, согласующими его жизнедеятельность с территорией проживания, и образами, ритмизирующими процесс событийной реконструкции поступающих извне в форме переживаний коммуникативных впечатлений.

В XX в. лингвистическая техника в Советской России актуализируется в нескольких разновидностях: 1) «ликбез» – ознаком-

ление с правилами (акцентологическими и формообразующими) повседневного использования системы знаков русского языка широких масс населения, ранее ограничивавших себя в процессе коммуникации знаниями русского языка, приобретенными непосредственно из индивидуального опыта коммуникации; 2) создание *новых литературных стандартов*, обеспечивающих дистрибуцию новых – республиканской и «союзной» – идеологий (вместо «имперской») на территориях, входящих в геополитическое образование Союз Советских Социалистических Республик; 3) «сдвигология» («новояз») – создание *новой поэтики* (творческое преодоление разумного и безумного), *новой эйдетической структуры русской культуры восприятия* («эйдос без всякой материи, мыслимый в душе» (А.Ф. Лосев); «То, что Аристотель называет чтойностью, тут есть то нематериальное, то из чего создается материальная вещь. **«Чтойность я называю сущностью без материи»**. Отсюда, из процессов становления и движения один называется «мышлением, [осмыслением] (νόησις), другой – творчеством, [т.е.] мышлением, – [исходя] из начала и эйдоса, и творчеством – [исходя] из завершения мышления». Мышление, стало быть, есть устремление к действующим причинам; творчество же – устремление от действующих причин к их результату» [Лосев, 1993, с. 545]; 4) *текстуальная практика, продолжающая традиции разработки коммуникативной рациональности*, характерной для российской культуры коммуникации периода создания проекта современного государства – культуры коммуникации XVI в., ориентированной принципами прагматизма (прагматистского мышления). Специфической особенностью этой разновидности лингвистической практики является преобразование семантической категории «Московская Русь» в систему понятийных категорий сетевой структуры «Русь», объединяющей реальные и виртуальные сегменты «Российской Империи» = «Государства Российского» = «Всея России» независимо от их фактического местоположения в пределах современного административно-географического деления (USSR) или за его пределами («русская эмиграция»). Актуальными становятся понятийная категория «земли обетованной» и бинарная оппозиция «земля обетованная – terra incognita».

Семиологические структуры обеспечивают деятельность языкового сознания представителя русской общины в периоды ее

коммуникативной истории, дефинируемые как Новое время и в лингвистическом плане маркируемые модификацией графической системы, которая обеспечивает циклическое обращение русской культуры в пространстве информационных потоков истории человечества.

В «Моей Сибири» Г.Д. Гребенщикова семиологические структуры трехчастны, их элементами являются: 1) поэтическое слово, или текстовое зацепление (дислокация); 2) транспозиционное пространство, или вмещающая полость; 3) регулярная структура плоских внешних языковых поверхностей, или прототипическая форма развивающегося практического интеллекта, в которой открывается связь между интуицией и неявными знаниями [Стернберг, 2002] (особенно актуально при выборе другой среды).

Возникновение семиологических структур обусловлено необходимостью дифференциации расширяющейся понятийной сферы, что предполагает рассеивание имплицитных содержаний, синхронное моменту «расширения» лингвистической культуры. Обязательным элементом момента «расширения» является воспроизведение прошлого, невозможное без некоего хранилища информации, которое в синергетике связано с памятью, или корреляциями между частицами (в языке статус подобных частиц имеют семы). В момент «расширения» семы устремляются к проблемной для языка, языкового сознания и коммуникативной культуры зоне.

Рассеяние частиц приводит к двум эффектам: оно разбрасывает частицы (делает распределение скоростей более симметричным) и порождает корреляции между рассеянными частицами и рассеивателем. История системы делится на два этапа: на первом этапе столкновения трансформируются в корреляции, на втором этапе происходит обратное превращение корреляций в столкновения. Учет корреляций приводит к различию прямого и обратного рассеяния.

Рассеивателями семантического в русской культуре означивания следует признать эпистолярные британские и французские эпистемические формы, в которых семантические функции языкового сознания регламентируются правилами существования в области (сфере) означивания, стандартной для монархического (Британия) и республиканского (Франция) социоритмов.

В письме Исаака Ньютона Александру Даниловичу Меншикову создается коммуникационная технология, поддерживающая историческую динамику общества. Как утверждает теоретик коммуникационных технологий Х.М. Мак-Люэн, определенная коммуникационная технология (тип коммуникаций) задает задачи и создает определенный мир – галактику, – который имеет свой ареал и четко дифференцированные границы. Границы мира, репрезентированного в письме И. Ньютона, дифференцируются тегами – в области распределения и масштабируемых сред так именуется метки времени [Топорков, 2004] – «*поскольку, постольку*».

Письмо Исаака Ньютона Александру Даниловичу Меншикову от 25 октября 1714 года, извещающее последнего об избрании его членом королевского общества¹⁶

Могущественнейшему и достойнейшему владыке господину Александру Меншикову, Римской и Российской империи князю, властителю Ораниенбурга, первому в советах царского величества, маршалу, управителю покоренных областей, кавалеру ордена Слона и высшего ордена Черного Орла и пр. Исаак Ньютон шлет привет.

Поскольку королевскому обществу известно стало, что император ваш, е.и.в. с величайшим рвением развивает во владениях своих искусство и науки и что Вы служением Вашим помогаете ему не только в управлении делами военными и гражданскими, но прежде всего также в распространении хороших книг и наук, постольку все мы исполнились радостью, когда английские негоцианты дали знать нам, что ваше превосходительство по высочайшей просвещенности, особому стремлению к наукам, а также вследствие любви к народу нашему желали бы присоединиться к нашему обществу. В то время по обычаю мы прекратили собираться до окончания лета и осени. Но услышав про сказанное, все мы собрались, чтобы избрать ваше превосходительство, при этом были мы единогласны. И теперь, пользуясь первым же собранием, мы подтверждаем это избрание дипломом, скрепленным печатью нашей общины. Общество также

---

¹⁶ Текст приводится по изданию: Павленко Н.И. Александр Данилович Меншиков. М., 1984.

дало секретарю своему поручение переслать к Вам диплом и известить Вас об избрании. Будьте здоровы.

Дано в Лондоне 25 октября 1714 г.

Определенному миру – Королевскому обществу – в соответствие ставится определенная модель коммуникации «мотивированное поведение», выстраиваемая по схеме: *обычай, или регламентирующее правило, регулирующее порядок построения событийного ряда* → *событийный ряд, создаваемый на основе пропозициональной связи «поскольку, постольку»* → *прогнозируемая возможность отклонения от нормы (обычая), или прогнозируемый «сбой» в работе системы* → *регламентированное действие, регулирующее порядок построения событийного ряда, не предусмотренного обычаем, но не выходящее за пределы «галактики», существующей в соответствии с коммуникационной технологией* → *каноническое завершение работы системы, гарантирующее возможность последующих построений событийных рядов*. Коммукативная технология «мотивированное поведение» (*регламентирующее правило – событийный ряд – регламентированное действие – возможность последующих построений событийных рядов*), которая в свернутом виде может быть представлена в качестве зависимости между ограничивающим (фактически запрещающим) правилом и событийным рядом в некотором роде созвучна философии языка, представленной в тексте Петра I «Сигналы во время плавания по Дону». Совпадение семантического русского и английского языков проходит по линии равновозможности событий и их серий, что позволяет констатировать на момент XVIII в. в аспекте исторической динамики российского общества и английского общества возможности заимствования через лексические заимствования прежде всего заимствований порядка построения событийных рядов (что действительно получило подтверждение в ходе историю построения государства российского).

Усвоение лингвистической культуры построения коммуникативного события, из серии которых, возможно вывести регламентирующее правило мотивированного – интеллектуального («мыслительного») – поведения, происходит по мере укрепления взаимодействия русского литературного языка и литературного языка Франции.

Д. Тьебо в «Трактате о стиле» 1774 г. особое внимание обращает на стиль как особую и постоянную манеру выражать свои мысли письменно или живым голосом. Стиль проявляется в выборе мыслей, которые необходимо выразить; в выборе порядка, в котором будут следовать мысли; в выборе связей, объединяющих мысли; в выборе выражений, в которые эти мысли облакаются; в выборе оборотов, которые принимают эти выражения и представляются читателю; в выборе общего тона, которому подчиняются все [Безменова, 1991].

Аббат Батте в трактате «Об ораторском искусстве» 1793 г. утверждает, что от взаимного отношения слов, от аранжировки зависит все изящество текста, его убедительность и сила. В способе построения фразы, в порядке слов, в аранжировке слов в тексте кроется секрет различия между языками. Существуют два типа аранжировки: искусственная (фигуры) и естественная (естественный порядок слов). Естественная аранжировка слов предполагает, что словесное построение следует естественному строю мыслей. Естественный строй мыслей означает следование мыслей определенному порядку вхождения в сознание. В свою очередь порядок «вхождения мыслей» в сознание слушающего зависит от словесной аранжировки. Реальность предмета рождает мысль, придает ей определенные очертания; мысль следует рассматривать как внутренний образ вещи, а выражение в речи – как внешний образ мысли. Мысль продуцирует выражение и предписывает ему аранжировку по своему подобию [Безменова, 1991]. Порядок вхождения мыслей, а следовательно, внутренних образов вещей и реальности в сознание, и предписанная мыслями аранжировка выражениям (внешний образ мысли) как основания построения коммуникативного события в русском литературном языке представлены в письме Вольтера Екатерине II:

Письмо Вольтера Екатерине II, в котором описывается встреча с Е.Р. Дашковой (перевод с фр.)¹⁷

Прежде всего должен Вас уведомить, что я имел честь видеть у себя в пустыне княгиню Дашкову. Лишь только вошла она

---

¹⁷ Текст приводится по изданию: Лозинская Л.Я. Во главе двух академий. М., 1983.

в залу, тотчас узнал Ваш портрет, по атласу вытканый и гирляндами вокруг украшений. Изображение Ваше, конечно, имеет особенную силу, потому что я видел, что, когда княгиня смотрела на это изображение, то глаза ее оросились слезами. Она говорила мне черыре часа сряду о Вашем императорском величестве, и мне время показалось не более как четырьмя минутами [*Scenes complètes de Voltaire. Paris, 1817, t. 12, c. 783*].

Репрезентируется условия (схолии) зацепления (диспозиции) события в истории, и тем самым человека в коммуникационном процессе истории:

(I) Нечто обладает свойством *X*, потому что *S* имеет возможность удостовериться в том, что, когда, то.

(II) Некто делает что-либо очевидно долго для другого *S* коммуникации, но таким образом (в таком качестве), что осуществляемый процесс не приводит к напрасному расходыванию времени Другого.

(III) Время субъекта пластично, что обуславливает речемыслительную пластичность пространства коммуницирующих субъектов.

Соединение при написании словесного произведения в русской культуре модели мотивированного поведения и условий диспозиции создает особую художественную форму, конструирующую эйдос – «живое бытие предмета, пронизанное смысловыми энергиями, идущими из его глубины и складывающимися в цельную живую картину явленного лика сущности предмета» [Лосев, 1995а, с. 496]. Эйдос, как также считает А.Ф. Лосев, представляет идеально-оптическую картину смысла, логос – отвлеченную от этой картины смысловую определенность предмета. Идеально-оптическое представление коммуникационной сущности исторического процесса в художественной форме обретает вид, форму качественно наполненного пространства и времени и, таким образом, оказывается тождественным живописному и музыкальному видам художественной формы. Обратим в этом плане внимание на характеристику современником царевича Алексея Петровича¹⁸.

---

¹⁸ Текст приводится по изданию: Павленко Н.И. Александр Данилович Меншиков. М., 1984.

Характеристика современником царевича Алексея Петровича в возрасте двадцати четырех лет

Он был хорошего роста, лицо имел смуглое, черные волосы и глаза, серьезный вид и грубый голос... Он постоянно был окружен гурьбою разнузданных, невежественных священников и тех ничтожных персон дурных свойств, в обществе которых он постоянно ратовал против упразднения отцом своим старых привычек и говаривал, что он тотчас по вступлению во власть правительственную Россию вернет к прежнему. Он грозил одновременно и открыто всех любимцев отца искоренить. Это делал он так часто и так неосторожно, что это не могла быть донесено царю...

Удивительно, что царевич никогда не появлялся в официальных собраниях, когда все знатные присутствовали на празднествах по случаю рождения, побед, спуска кораблей и ждали царя. Чтобы избежать таких собраний, царевич либо принимал лекарства, или отворял себе кровь и постоянно извинялся, что по нездоровью не мог присутствовать, причем повсеместно знали, что он напивался в самом дурном обществе и предприятия отца своего постоянно осуждал [ЦГАДА Госархив. Разряд IX. 2-е отд., кн. 60. Материалы, ч. 2, с. 133].

Художественная форма качественного наполнения пространства предполагает рассмотрение эйдоса с точки зрения его *самотождественного различия* при отвлечении от прочих категорий эйдоса: обращается внимание на различия, которые в себе содержит предмет: *хороший рост, смуглое лицо, черные волосы и глаза, серьезный вид, грубый голос; окружен гурьбою невежественных священников и ничтожных персон дурных свойств.*

Художественная форма качественного наполнения времени рассматривает эйдос с точки зрения *подвижного покоя*: *ратовал постоянно против упразднения отцом своим старых привычек, грозил одновременно и открыто всех любимцев отца искоренить, делал так часто и так неосторожно, вернет к прежнему власть правительственную России; извинялся постоянно, что по нездоровью не мог присутствовать на празднествах по случаю рождения, побед и спуска кораблей.*

Первая разновидность художественной формы, именуемая еще живописной, позволяет определить комбинации пространственных отношений и получить категорию симметрии как форму

пространственной упорядоченности чистого пространства (что более в данном случае характеризует европейские стереотипы коммуниктивной рациональности) в противоположность красочности и цветности его заполнения, более позиционирующей особенности восточнославянского восприятия семантики взаимодействия человеческого и природного начал. Симметричными являются *напивался в дурном обществе – принимал лекарства, отворял кровь – предприятия отца своего осуждал*.

Вторая разновидность художественной формы, понимаемая также как музыкальная, дает тему и ритм, длительность и ритмическую форму. «Раздельность моментов чистой длительности, как длительность и объединенность этих моментов в самостоятельную форму, есть *ритм*» [Лосев, 1995а, с. 120]. В *Характеристике современником царевича Алексея Петровича* обнаруживает себя особая ритмическая организация текста, или особый лингвистический перфоманс системы языка, обслуживающего потребности жителя России, который послужит основой нового принципа систематизации, приведшего к оформлению так называемого современного русского языка.

Приведем примеры, подтверждающие эти выводы и могущие быть интерпретированы в качестве образцов для лингвистического перфоманса А.С. Пушкина: *черные волосы и глаза, серьезный вид и грубый голос («Характеристика») – дух пылкий и довольно странный, всегда восторженную речь и кудри черные до плеч (А.С. Пушкин); он постоянно был окружен гурьбою(ой) разнuzданных... персон («Характеристика») – когда не в шутку занемог, он уважать себя заставил, и лучше выдумать не мог (А.С. Пушкин); чтоб избежать таких собраний, царевич принимал лекарства, и постоянно извинялся, на нездоровие ссылался («Характеристика») – как он умел казаться новым, шутя невинность изумлять, пугать отчаяньем готовым, приятной лестью забавлять, ловить минуту умиления, невинных лет предубежденья умом и страстью побеждать (А.С. Пушкин); напивался.. и предприятия (тья) постоянно осуждал («Характеристика») – не докучал моралью строгой, слегка за шалости бранил и в Летний сад гулять водил (А.С. Пушкин); грозил открыть, всех любимцев (любимцев всех) искоренить («Характеристика») – высокой страсти не имея, для звуков жизни не щадить, не мог он ямба от хорея, как мы ни бились отличить (А.С. Пушкин).*

В художественных формах вербализации коммуникативной рациональности XVIII в. происходит алогическое становление (по категориям симметрической, или пространственной, и ритмической, или чисто временной) и заполнение (по категориям сущего, или словесной художественной формы, и самоидентификационного различия, или живописной художественной формы) эйдоса. Эйдос определяется как явленная сущность предмета, идеально-оптическая картина смысла; «живое бытие предмета, пронизанное смысловыми энергиями, идущими из его глубины и складывающимися в цельную живую картину явленного лика сущности предмета» [Лосев, 1995б, с. 496].

Эйдос XVIII в. представляет собой идеально-оптическую картину смысла семиотической системы «глаголический материальный мир», причем систему согласованных и связанных между собой образов [Бергсон, 1992]. Как полагает А. Бергсон, что в этой системе там и сям разбросаны *центры реального действия*, вокруг каждого из которых размещаются образы, зависящие от положения этого центра и меняющиеся вместе с ним. Следствием подобной связи является сознательное восприятие, амплитуда которого «строго соразмерна неоднозначности следующего за ним действия, и можно, таким образом, сформулировать следующий закон: *восприятие располагает пространством строго пропорционально времени, которым располагает действие*» [Бергсон, 1992, с. 176].

Достаточно принципиальным для интерпретации материального мира, представляемого как система образов, становится признание времени действия, которое должно получить адекватное вербальное означивание – реакцию со стороны знаковой системы, обслуживающей коммуникативные акты языковой общности. Время действия определяется знаниями и умениями, приобретаемыми в процессе познания собственной этнической природы, законов обустройства мироздания и правил организации жизнедеятельности другими этническими общностями. На момент XVIII в. амплитуда восприятия европейца и жителя России не могли быть идентичны, поскольку не были идентичны системы образов, моделируемые глаголицей (кириллицей) и латиницей. Это влекло за собой и нетождественность пути продвижения от одного центра реального действия к другому, и нетождественность пространства восприятия. Одним из способов лингвистического решения проблемы, как показывает история развития лите-

ратурного языка, стала «эйдетизация» русской коммуникативной культуры и знаковой культуры регистрации впечатлений.

В литературном языке России XVIII в. эйдос следует рассматривать в качестве смыслового изваяния системы церковнославянского языка как системы, регулирующей и нормирующей жизнедеятельность восточнославянской лингвоментальной общности, обладающей единым материальным миром – системой образов и связанным с ней временем действия. Литературный язык XVIII в. – это смысловая картина сущности церковнославянского языка, его бытие, совокупность семантических и понятийных категорий, или смысловых энергий, идущих из глубины византийской эпохи. Если в церковнославянском языке воплощен лик Спасителя, то в литературном языке России XVIII в. представлена живая картина явленного лика сущности воплощения лика Спасителя – центры реального действия системы образов и синоптические связи между ними. Причем характер синоптических связей определен требованиями момента и имеет исключительно риторический вид, что предполагает изменение идеологического отношения к слову и, как следствие, текстуальных стратегий «агиография», «историческое повествование», «летописание».

Если обратимся к «Краткому руководству к красноречию» 1759 г. М.В. Ломоносова, то обнаружим, что слово не изображает (истину), а само изображается двойко – прозой или поэмою¹⁹. Проза и поэма рассматриваются также, как способы сочинения, или текстуальные практики создания проповедей, истории, учебных книг (проза) и од, комедий, сатир и других родов стихов (поэма). Вводится понятие «о чем можно говорить» – все известные вещи в свете, или риторическая материя, что является фактически основанием констатации дихотомии «книжный язык – язык живого общения», в последующем обретшей вид «язык – речь». Слово, отождествимое с речью, определяется как предложенная по искусству красноречия материя. Само же красноречие истолковывается в качестве искусства «о всякой данной материи красноречиво говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению».

XVIII в. поставил России перед необходимостью введения в число способов систематизации эмпирических данных логики (если Россия идентифицирует себя в качестве социально-

---

¹⁹ Текст приводится по изданию: Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7: Труды по филологии. М.; Л., 1952.

государственной системы, ориентирующейся на европейскую систему ценностей, а не восточную, базирующуюся на коррелятивном мышлении). А.Ф. Лосев замечает, что существует не только «логическая», т.е. формально и отвлеченно-смысловая, логика, но и эйдетическая логика [Лосев, 1995].

Существо эйдетической логики, в задачи которой входит построение и пояснение материального мира, или системы образов, раскрывается при рассмотрении текстуальных стратегий Петра I, М.В. Ломоносова, А.Д. Меншикова, Е.Р. Дашковой. Экспонентами эйдетической логики следует признать *систему образов, или материальный мир; центры реального действия; образы, зависящие от центра; пространство восприятия; время действия.*

Система образов обнаружена в Резолюции Петра I по поводу А.Д. Меншикова, вынесенной в декабре 1714 .

Резолюция по поводу А.Д. Меншикова, вынесенная в декабре 1714 года Петром I по ознакомлении с результатами следствия по делу о поставке провианта по завышенным ценам²⁰

За первый подряд ничего не брать, понеже своим именем, а не подставою учинен и прибыль зело умеренна. С подрядов, кои своим же именем подряжал, но зело с лишком, взять всю прибыль. А кои под чужими именами – с тех взять всю прибыль, да штрафа по полтине с рубля. Также и те деньги взять, которые взяты за хлеб, а хлеб не поставлен

Материальный мир, или система образов, построена по принципу высказывания-процесса как «хотеть-быть», а затем как «хотеть-делать» [Гоймас, Курте, 1983], «экономически» модализирующего моделируемый в соответствии с канонами книжной (письменной) культуры мир отношений. Первой модализирующей категорией, как считают А.Ж. Греймас и Ж. Фонтаний [Греймас, Фонтаний, 2007], является отрицание должествования через хотение. Модальная категория в дальнейшем принимает вид семиотического квадрата:

<i>Долженствование</i>	<i>Могущество</i>
<i>(точечное)</i>	<i>(бегущее)</i>
<i>Знание</i>	<i>Хотение</i>
<i>(закрывающее)</i>	<i>(открывающее)</i>

---

²⁰ Текст приводится по изданию: Павленко Н.И. Александр Данилович Меншиков. М., 1984.

Экономическая модальная категория, согласно *Резолюции Петра I*, может быть представлена в таком виде:

Подряд _____ **Имя**
(первый и пр.) (свое/подстава)

Прибыль _____ **Брать**
(штраф) (Взять)

В *Резолюции Петра I* также определяется несколько уровней социально-экономической ответственности (тип «отчислений»-мзды), зависящей от наполнения экономической пропорции: характер и «порядковый номер» подряда, под своим или чужим именем проходит, уровень прибыли. Первый уровень: первый подряд, свое имя, умеренная прибыль; второй уровень: непервый подряд, свое имя, высокая прибыль; третий уровень: непервый подряд + невыполненные подряды, чужое имя, любая прибыль + ранее полученные деньги под выполнение подрядов. Уровень ответственности обуславливает тип отчислений: 1 – ничего не брать; 2 – взять всю прибыль; 3 – взять всю прибыль + штраф + деньги, полученные под выполнение подрядов.

При анализе модальной категории А.Ж. Греймас и Ж. Фонтанний приходят к выводу, что получается «две модальные оси, а именно ось модализаций экзогенных, т.е. присущих гетерономному субъекту (долженствование – хотение; в нашем случае подряд – брать), и ось модализаций эндогенных, т.е. свойственных автономному субъекту (знание – хотение, в нашем случае – прибыль – брать). Так появляются две модальные схемы: схема виртуализующих модализаций, присущих субъекту виртуализованному (долженствование – хотение; подряд – брать), и схема актуализирующих модализаций, свойственных субъекту актуализированному (знание – могущество; прибыль – имя)» [Греймас, Фонтанний, 2007, с. 54].

Центры реального действия представлены в инструкции Петра I, написанной для несколько недель до смерти и врученной В. Берингу 5 февраля 1725 г.: *надлежит делать боты с палубами, искать земли (земля часть Америки), доехать до какого города европейских владений/ или проехать от какого корабля европейского как оный куст (морской берег) называют, взять подлинную ведомость, поставить на карту, приехать сюды.*

Рассуждение об образах, зависящих от центров, можно обнаружить в «Кратком руководстве к красноречию» М.В. Ломоно-

сова, главе второй «Об изобретении простых идей». Сочинитель наделяется прежде всего темой, которая представляет собой сложенную идею. Тема составляется из простых идей, которые определяются как термины. От терминов производятся через силу воображения первые, вторичные, третичные идеи [Ломоносов, 1952]. Так, к первым идеям, произведенным от термина «труд», М.В. Ломоносов относит *начало, середина и конец; пот, упокоевание, пчелы*, вторичным идеям – *летание по цветам, собирание меда*. Для термина «препятство» выстраиваются ряды первичных (а) и вторичных идей (б) соответственно: а) *страх, зима, война, горы, пустыня, моря*; б) *бледность, потрясение членов, как листья от ветра в осени; мороз, снег, град, дерева, лишённые плодов и листов, отдаление солнца; лютость неприятелей, мечи, копья, огонь, разорение, слезы разоренных; вышина, крутизна, расселины, пещеры, ядовитые гады; леса, болота, пески, скука, разбойники, звери; непостоянство, волнение, камни, пучина*.

Пространство восприятия определено в посланиях А.Д. Меншикова и может быть отождествимо с риторической материей, которая, согласно М.В. Ломоносову, толкуемой как то, «о чем можно говорить». Подобное толкование риторической материи в некоторой степени сходно с толкованием Платоном ощущения (aisthēsis) как стремления души; движения ума; сообщения, делаемого телом душе и направляемого к пользе людей; из него рождается в душе внеразумная (alogos) познавательная способность, исходящая от тела [Платон, 1986].

*Из посланий А.Д. Меншикова адъютанту Степану Нестерову*²¹

16 января 1718 г. Зело удивляюсь, что так вы чините, ибо уже чрез столько почт писем от вас не имеем, чего никогда не сподевали. Того для чрез сие предлагаю, дабы вы впредь по вся почты к нам писали, через которые о всех тамошних обращениях уведомляйте.

30 января 1718 г. Вашей самой неосмотрительной простоте зело я удивляюсь, что за чем вы посланы, отвезли ль, не токмо обстоятельно, но и ни малого и по се время уведомления нам, о чем хотя от нас вам и подтверждением предложе-

---

²¹ Текст приводится по изданию: Павленко Н.И. Александр Данилович Меншиков. М., 1984.

но, не получили и пребываете так безгласны, якобы подлые и весьма неосмысленные.

***Из посланий А.Д. Меншикова комииссару Рунину, заведо-
вашему почтой в Нарве²²***

12 апреля 1718 г. Зело удивляюсь вашему безумию, что вы для своих безделиц посланным с нужными для нарвского коменданта господина Сухотина к нам письмами на почтовых станах ведения своего подвод не даете и пакетов принимать не велите, и прочие противности и непослушания чините, в чем на вас, как от него, коменданта, так и от иных многих персон многие приходят жалобы

26 апреля 1718 г. Мы надеялись, что вы по тому нашему предложению свою злополучную гордость и бездушные поступки уже весьма отложите, но вы прежние свои злогордостные паче ж бездельные еще поступки продолжаете.

А. Бергсон отмечает, что реальность материи состоит в совокупности элементов и всякого рода их действий [Бергсон, 1992]. Риторическая материя, в которую преобразуется текстовая реальность русской православной культуры IX–XVIII вв., или Russian Storyspace, обуславливает преобразование недискретного энергетического восточнославянского дискурса (жизнедеятельность которого поддерживалась функционированием системы церковнославянского языка) в дискретный спектр русского языка XVIII в. Для понимания лингвистических преобразований русской культуры уместно обратиться к объяснению изменений в физическом мире и материи, предлагаемыми в рамках фрактальной (дискретной) парадигмы и ее синергетического подхода.

Рассуждая о квантовой революции, И. Пригожин и И. Стенгерс отмечают, что для физики особый интерес представляет взаимосвязь между оператором – математическим рецептом, при следовании которому преобразуется одна функция в другую, – и множеством его собственных функций [Пригожин, Стенгерс, 2005]. Действие оператора на собственную функцию воспроизводит ту же самую функцию, умноженную на некоторое число –

---

²² Тексты приводятся по изданию: Павленко Н.И. Александр Меншиков. М., 1984.

собственное значение данного оператора. Расстояние между двумя соседними собственными значениями обратно пропорционально квадрату значения границы области. При стремлении этого значения к бесконечности расстояния стремятся к нулю, в результате чего получается непрерывный энергетический спектр.

В лингвистической ситуации России XVIII в. оператором является система церковнославянского языка и множество ее функций, подтверждения чему можно обнаружить в Донесениях Петру I А.Д. Меншикова.

Из донесений А.Д. Меншикова царю Петру Алексеевичу

1713 г.²³

За что королевское величество зело на своих генералов был гневен, что они не ускорили таким образом неприятеля догнать. А за наших людей мужество и отвагу, приехав ко мне сюда, изволил меня благодарить

14 августа 1713 г.

Надеюсь, что изволите мне поверить, что как родился, то еще никогда таких многотрудных дел не видел, понеже сами изволите знать Флеменкову и прочих головы и души. К тому ж они непрестанно большие в политических, нежели в военных делах обретаются, и по сему легко можно рассудить, каково мне с ними, не имеющему в тех делах никакого помощника.

1713 г.

Королевское величество пруской, как я во всю свою при том бытность мог присмотреть, зело к нам любовен и показывает себя вашей к нему любовию весьма довольным и как при тайных со мною бывших конференциях, так и при самой публице именем Божиим клялся во всю свою жизнь ничего противного вам не чинить и ни явным, ни тайным образом вашим неприятелям не помогать.

В Донесении А.Д. Меншикова возможно обнаружить действия церковнославянского языка на собственную функцию, в результате чего происходит воспроизведение той же самой функции, умноженной на собственное значение церковнославянского языка. Действие системы «церковнославянский язык» состоит

---

²³ Тексты приводятся по изданию: Александр Данилович Меншиков. М., 1984.

в воспроизведении онтологической категории I.X. и обучении системе семантических правил производства сообщений, которая, согласно Э. Верону [СФС, 1996], передается посредством коммуникативного измерения коннотации.

В начале XXI в. в процессе деятельности модульной исследовательской группы по натуральному усвоению языка (усвоению системы семантических правил производства сообщений) [Методика, 2002] было выявлено четыре измерения коннотации русского языка: *термин, назывное предложение, редуцированная форма, умственное действие оперирования* (варианты отбора слов при единстве значения – денотата). Период начала нового тысячелетия характеризуется переходом с одного уровня реагирования на изменяющиеся условия среды существования на более высокий в результате включения низшего звена, по мнению А.П. Сорокина [Сорокин, 1985], что означает, что ведущая роль начинает принадлежать лимитирующей системе. Лимитирующая система фиксирует принцип периодичности ответных реакций. Сущность последнего заключается в восстановлении израсходованных, разрушенных структур, а также в формировании нового комплекса взаимодействующих систем (в данном случае индивидуальной когнитивной системы личности – когнитивной системы универсального типа (культуры) – поисковой когнитивной схемы времени (общества). Принцип периодичности обнаруживается с помощью метода усвоения языка, который и определяет тип лимитирующей модели: психологический, чтения, грамматический, переводной. Лимитирующие модели и их последовательность представляют уровни натурального усвоения русского языка, координирующие комплексы взаимодействующих систем внутри когнитивной системы русской культуры.

В Донесениях А.Д. Меншикова присутствуют измерение коннотации русского языка «термин» (*королевское величество, конференция, публика, именем Божиим*), измерение коннотации церковнославянского языка «редуцированная форма» (*За что королевское величество зело на своих генералов был гневен, что они не ускорили таким образом неприятеля догнать. А за наших людей и мужей отвагу, приехав ко мне сюда, изволил меня благодарить; показывает себя вашею к нему любовию весьма довольным*); измерение коннотации церковнославянского языка «умственное действие оперирования», или функция церковнославянского языка (*Надеюсь, что изволите мне поверить, что как родился,*

то еще никогда таких многотрудных дел не видел, понеже сами изволили те знать Флеменкову и прочих головы и души). Также оформляется собственное значение церковнославянского языка: К тому же они непрестанно больше в политических, нежели в военных делах обретаются, и по сему легко рассудить, каково мне с ними, не имеющему в тех делах никакого помощника.

В Отчете Е.Р. Дашковой представлен дискретный энергетический (энергийный) спектр восточнославянского семантического континуума (семантической Вселенной), который образуется собственными значениями церковнославянского языка.

Отчет Е.Р. Дашковой, представленный ею Екатерине II²⁴

Состояние, в котором находилась императорская Академия наук, когда я вступила в управление ею в 1783 г., и в котором она находится ныне, в 1786 г.

1. Денежные дела были чрезвычайно запутаны вследствие небрежности, с какою разграничивались так называемые штатные суммы от экономических (специальных); штатные заключали в себе деньги, отпускаемые ежегодно казною на содержание Академии; специальные суммы составлялись из денег, вырученных от продажи книг, и из других сбережений. Эти суммы оказались перепутанными между собой. У Академии было несколько должников, и сама на задолжала как в России, так и за границей, не выдавала жалованья профессорам и другим чиновникам, не платила за помещение для книжного магазина, за бумагу и т.п.; вследствие того, что никто из должников не платил Академии, она сама не могла ликвидировать свои долги.

Обе суммы строго разграничены. Некоторые долги получены. Академия уплатила все свои долги.

2. Счета комиссара Зборомирского не были приведены в порядок при его жизни, а за последние два года их вовсе не существовало. После его смерти все его бумаги были опечатаны, что благоприятствовало беспорядкам и породило несправедливые взыскания с его вдовы и детей.

Бумаги рассмотрены, счета уплачены, а остаток денег передан его вдове.

---

²⁴ Текст печатается по изданию: Лозинская Л.Я. Во главе двух академий. М., 1983.

3. Инспектором состоял господин Голубцов; он ничего не делал и только расписывался в получении жалованья. Он был назначен судьей в Каргополь, где тщетно ожидали его приезда; ничего не делая он получал жалованье от Академии и занимал квартиру, нужную для других целей.

Я его уволила.

...43. Типографская краска была плоха, дорога и сильно пачкала. Теперь она не уступает краске лучших заграничных типографий и стоит дешевле.

44. Типографские гладилки были так плохо сделаны, что на них уходило много кожи; они были тяжелы и неудобны.

Они сделаны по заграничным образцам; из одного куска кожи их выделывают четыре вместо трех, а выбор хорошей кожи дает значительную экономию для казны.

45. Пунсоны плохо содержались, и так как их раздавали мастерам без ордеров, то они снабжали ими все частные типографии, между тем как Академия страдала от недостатка шрифтов.

Они тщательно сохраняются; по мере надобности их раздают и отбирают немедленно по отливке.

Расстояние между собственными значениями русского языка в Отчете Дашковой, являющимися производными от собственных значений семиотической системы, которая обслуживала уместные действия коммуникативной общности восточных славян, определяется прежде всего соотношением плюсквамперфектной, имперфектной и перфектной формами осмысления времени действия. Отсутствие в русской грамматике XVIII в. реальных форм плюсквамперфекта, имперфекта и перфекта не препятствует осуществлению плюсквамперфектно-имперфектно-перфектной модализации истории событий. Субъект-оператор элементарных структур высказывания, субъект «виртуализированный», коим является Е.Р. Дашкова, наряду с другими способами существования субъекта синтаксиса поверхности – субъектом дискурса и нарративным субъектом [Греймас, Фонтаний, 2007], определяется в зависимости от его позиции на базе категории соединения. Последовательные изменения в категории соединения влияет на эволюцию модальной нагрузки: в зависимости от того, как модализирован объект (как «желаемый», «полезный» или «необходимый»), «субъект меняет свое модальное оснащение и проходит

через ряд временных модальных идентичностей, которые выглядят следующим образом:

$$C \rightarrow c_1, c_1, c_3, \dots \text{сп.}$$

Здесь «1, 2, 3, ... n» являются последовательными модальными нагрузками» [Греймас, Фонтаний, 2007, с. 65].

Временными модальными идентичностями для русской когнитивной культуры XVIII в. являются имперфектная, плюсквамперфектная и перфектная. Имперфект, как отмечает К.В. Горшкова и Г.А. Хабургаев, встречается в книжно-литературных древнерусских текстах тогда, когда необходимо сосредоточиться на действии (состоянии, признаке) как таковом; в тех фрагментах, где рассказ о сменивших одно другое событиях прерывается описанием обстановки отдельно взятого периода прошлого [Горшкова, Хабургаев, 1981, с. 301]. Общее значение имперфекта – подчеркнуто длительное, постоянное состояние, отнесенное к данному прошлому, – присутствует в Отчете Е.Р. Дашковой при описании того состояния дел Академии наук, в каком она была принята к руководству автором отчета.

Плюсквамперфект является единственным относительным – соотносящимся с моментом осуществления другого действия – временем, указывающим на прошедшее предшествующее другому прошедшему, а не моменту речи, т.е. обозначающим «предпрошедшее» (или «преждепрошедшее») время. Формы плюсквамперфекта включаются в ряд форм аориста, сообщающих о последовательных действиях, – при необходимости указания на более раннее действие. Семантика плюсквамперфекта присутствует в констатациях Е.Р. Дашковой существа произведенных ею изменений для улучшения положения дел в Академии наук. К.В. Горшкова и Г.А. Хабургаев отмечают, что плюсквамперфект в текстах делового характера в качестве грамматической формы прошедшего времени отмечен в текстах делового характера отмечен единичными примерами, представляющими иное образование, в котором в качестве вспомогательных использованы формы перфекта глагола *быти*. Это образование, известное и современным русским говорам, получило в языкознании название «русского плюсквамперфекта».

Перфект, классическое абсолютное время, обозначает состояние, наблюдаемое в момент речи и являющееся результатом совершенного в прошлом действия. «Внутренний» перфект Отче-

та Е.Р. Дашковой, с одной стороны, является некоторым логическим следствием посылок, репрезентированных «внутренним плюсквамперфектом» и «внутренним плюсквамперфектом» – с другой, он выделяет достаточно значимый для синтаксиса поверхности и грамматики осмысления Россией XVIII в. мира отношений элемент момента речи, в котором и происходит творение словом события.

В Отчете Е.Р. Дашковой расстояние между значениями церковнославянского языка, таким образом, представлено плюсквамперфектной, имперфектной и перфектной модализациями времени действия. Сложная формально-грамматическая иерархия времен, определяющая семиотическое существование жителя России и удержание его в коммуникационном процессе истории, обретает статус понятийно-образной системы, фундирующей культуру модально-деятельностного существования. А.Ж. Греймас, Ж. Фонтаний отмечают, что субъекты состояния могут модализироваться и в соответствии с модальными ценностями, вложенными в объекты, и в зависимости от действия, и на основании компетенции, что порождает противопоставление между модальной компетенцией и модальным существованием. Объектами, обладающими модальными ценностями, для восточнославянской культуры являются прежде всего книжные памятники, памятники иконописи и архитектуры. Традиционно до XVIII в. каждое действие выверялось на предмет соответствия модально-ценностному объекту, что обеспечивало представление о стабильном состоянии материального мира, или системы образов, фундирующих православное миробытие – бытие-пробывание в сущем.

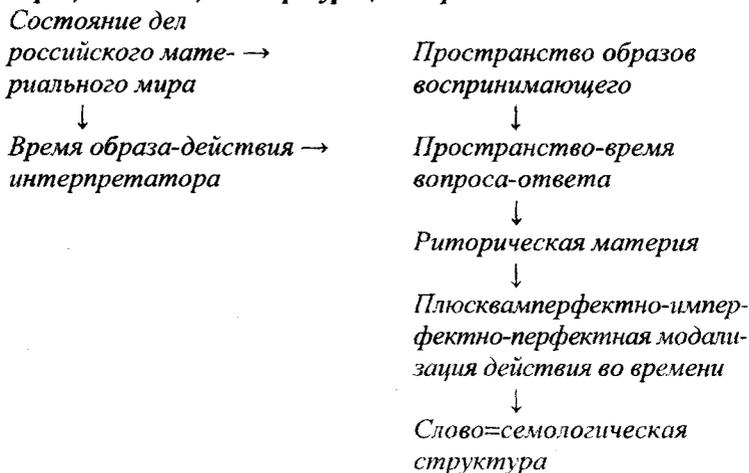
Существование мира, сопредельного с субъектом в момент речепроизводства и наделенного бытием благодаря этому речепроизводству и только на время его длительности (время существования мира тождественно протяженности=длительности речевого акта), требует особого способа изображения не столько онтологической категории, а сколько отношения к ее реальной – в тексте – и виртуальной – в образной системе – актуализации. В качестве подобного изображения возможно признать «модальный синтаксис конфигураций страсти», внутренние конструктивные элементы которого репрезентированы в Отчете Е.Р. Дашковой.

В «Записках» Екатерины II получает выражение рационализация российского материального мира, или схема рационализации конфигурации страстей.

«Записки» Екатерины II²⁵

Однажды, когда я вошла... в покои его императорского величества, я была поражена при виде здоровой крысы, которую он велел повесить, и всей обстановкой казни среди кабинета, который он велел себе устроить... Я спросила, что это значит; он мне сказал тогда, что эта крыса совершила уголовное преступление и заслуживает строжайшей казни по военным законам, что она перелезла через вал картонной крепости... и съела двух часовых на карауле, сделанных из крахмала, на одном из бастаионов, и что он велел судить преступника по законам военного времени; что его Лягавая собака поймала крысу и что тотчас же она была повешена, как я ее вижу, и что она останется, выставленная напоказ публике в течение трех дней для назидания. Я не могла удержаться, чтобы не расхохотаться над этим сумасбродством, но это очень ему не понравилось, ввиду той важности, какую он этому придавал; я удалилась и прикрылась моим женским незнанием военных законов, однако он не переставал дуться на меня за мой хохот [*«Записки»* долгое время существовали только в рукописи, впервые опубликованы в герценовской Вольной типографии; в России изданы уже после революции 1905 г.: *Записки императрицы Екатерины II*. СПб, 1907, с. 342].

Схема рационализации конфигурации страстей в России XVIII в.

²⁵ Текст приводится по изданию: Лозинская Л.Я. Во главе двух академий. М., 1983.

В семиологических структурах Нового времени упорядочивается реальная действительность, истолковываемая в православной традиции как осуществление идеи, результат отношения сущего к своему другому, конкретным воплощением чего является человек. Человек при этом есть существо, содержащее в себе божественную идею и осуществляющее эту идею посредством разумной свободы в материальной природе. Реальная действительность преобразуется в структурированную реальность, организующий принцип в которой, согласно позиции Х. Ортега-и-Гассета, точка зрения, отсюда бытие – это и не материя, и не дух, не какая-то субстанция, а «ракурс», «перспектива», в которой слиты акт сознания и предмет, точка зрения и пейзаж. Неизбежны трансформации живописной, по сути своей также текстуальной, техники-стратегии иконописи, не допускающей плюрализма интерпретации, в пейзаж, полагающий в качестве одной из характерных черт плюрализм перспектив – бесконечное множество возможных точек зрения.

Х. Ортега-и-Гассет считает, что эпохой зарождения пустого пространства является век, предшествующий XVIII в. В XVII в. под влиянием идей Р. Декарта исчезают множественные, обособленные субстанции, освобождая первый метафизический план единственной субстанции – полый, бестелесной, своеобразной метафизической пустоте, наделяемой магической силой созидания [Ортега-и-Гассет, 1991]. «Лишь пространство реально для Декарта, как пустота – для Веласкеса. После Декарта множественность субстанций ненадолго возрождает Лейбниц. Но эти субстанции уже не осязаемые, телесные начала, а как раз обратное, монады – духовные сущности, и единственная их роль (любопытный симптом) – представлять какую-либо *point de vue*. Впервые в истории философии отчетливо прозвучало требование превратить науку в систему, подчиняющее Мироздание одной точке зрения. Монада должна была обеспечить метафизическую основу подобному единству видения. За два последующих века субъективизм набирает силу, и к 1880 г., когда импрессионисты принялись фиксировать на полотнах чистые ощущения, философы – представители крайнего позитивизма свели к чистым ощущениям всю универсальную реальность» [Ортега-и-Гассет, 1991, с. 202].

XVIII в. в России – время постижения сущности с помощью семиологических структур пустого пространства на основе эйдетической логики, коррелирующей с ощущением, которое понимается в духе Платона как стремления души, движения ума, вне-разумной познавательной способности, исходящей от тела.

Семиологические структуры репрезентируют особенности восприятия протяженности пространства, длительности времени как аспектов существования Мироздания, а также особенности восприятия пространства и времени как аспектов существования (жизни) человека в их синтаксической форме. Семиологическая структура – виртуальная гипертекстовая структура XVIII–XX вв., фиксирующая состояние лингвистического разума, который признается одной из форм развивающегося интеллекта. Структурные элементы семиологической структуры: текстовое зацепление (XX в.), вмещающая полость (XX в.), прототипическая форма развивающегося интеллекта (XVIII в.), цветность (XX в.), вместимость (XVIII в., XX в.). При оформлении семиологических структур используются следующие тексты: *Инструкция Петра I В. Берингу (1725)*, извлеченная из “*Siberia. The Country of Great Future*” by G. Grebenstchikove (1945) (параметр «прототипическая форма развивающегося интеллекта»), *Характеристика современником царевича Алексея Петровича* (параметр «вместимость»), «*Моя Сибирь*» Г.Д. Гребенщикова (параметры «текстовое зацепление», «вмещающая полость», «цветность», «вместимость»).

Инструкция Петра I В. Берингу, извлеченная из “Siberia. The Country of Great Future”²⁶

1. Two skiffs with decks must be built in Kamchatka or some other place not far from there. 2. Sail on these boats close the shore which leads north, and in all probability this land (as its boundaries are not known will prove to be part of America). 3. In order to find where this land joins America, and how to reach a city belonging to some European power, and, in cause of seeing an European ship, find out the name of this port, and, taking a permit, visit the aforesaid post personally, and making an authentic report, enter it on the map, and return there. – Peter.

---

²⁶ Текст приводится по изданию: Grebenstchikoff G.D. *Siberia. The Country of Great Future*. Florida, 1945.

Образцы семиологических структур Нового времени

(а) Восприятие протяженности и представление пространства

Текстовое зацепление: **часть края**

Вмещающая полость: *Но стоит подняться хоть на самую небольшую высоту, как откуда-либо ваш взор ослепляет белизна, сверкающая в той или иной ближайшей от нас части края.*

Прототипическая форма развивающегося интеллекта: *find where this land joins America*

Цветность: *белый*

Вместимость: **правительственная власть России**

Но всего на Алтае высот с вечными снегами двадцать одна, то есть, кроме перечисленных девяти, еще двенадцать так называемых белков: Анынские, Салаирские, Бухтарминские, Ануйские, Чергинские, Бацелакские, Куминские, Тигирецкие, Теректинские и Карлыкканские.

(б) Восприятие длительности и представление времени

Текстовое зацепление: **плавают**

Вмещающая полость: *Когда же тучи плавают на половине высоты, вам кажется, что целая белоснежная гора подхвачена на облака и уплывает от ваших взоров в неизвестную дымчатую даль.*

Прототипическая форма развивающегося интеллекта: *in order to find, taking a permit, making an authentic report, enter it on the map*

Цветность: *темно-зеленый, голубой прозрачный*

Вместимость: **ратовал постоянно, делал так часто и так неосторожно**

И всегда перед вами целый ряд иных миров, Тотчас под вашими ногами глубокая темно-зеленая долина, за ней первый план, реальный и видимый, но сейчас же за следующей впадиной гор уже склон гор окрашен голубой дымкой, будто покрыт тонкой голубой прозрачной сеткой.

(с) Восприятие пространства жизни (синтаксис поверхности)

Текстовое зацепление: **непрерывный бег на неоглядные просторы**

Вмещающая полость: *И пошли все вместе точить камень, углублять ущелье, пока, наконец, в головокружительном падении*

с высот попали в белопенные объятия буйного потока, и все с большей быстротой, все с нарастающей песней вперед и дальше, пока большой толпой бирюзовых волн сольются с водами самой Катунь, а там уже каждая струя, каждая капля – сама Катунь – экстаз поспешного и непрерывного бега на неоглядные просторы и туда к слиянию с всепобедным океаном...

Прототипическая форма развивающегося интеллекта: *sail on these boats close the shore, in cause of seeing an European ship, find out the name of this port*

Цветность: белый

Вместимость: *напивался в дурном обществе, принимал лекарства, отворял кровь, предприятия отца своего осуждал*

На расстоянии шестисот верст своего бега по ущельям и долинам среди гор сколько причудливых изгибов, сколько белопенных водопадов, сколько встреч с бесчисленными потоками, могучими, но младшими реками-сестрами.

(d) Восприятие времени жизни (синтаксис глубины)

Текстовое зацепление: *вперед, уже с накопленной дружной силой*

Вмещающая полость: *...И вот, встретив такую же подружку, уже засмеялись в восторге перед неизвестной далью... Где-то под скалой в тихом озерочке на часок заснули и опять вперед, уже с накопленной дружной силой, а в новых встречах с более сильными братьями и сестрами уже не узнают свой грозный голос.*

Прототипическая форма: *how to reach a city belonging to some European power*

Цветность: белый, бирюзовый (нежно-голубой)

Вместимость: –

Вечное быстрое стремление вперед, непрерывная песня бодрости и бега, непрерывное обтачивание и шлифование бесчисленных камней берега и дна, которыми, как многоцветной мозаикой устлано все дно, и, наконец, этот вечно радующий бело-бирюзовый, всегда живой и переливающийся радугой цвет воды, нигде, ни в каких других реках мира не повторенный...

XVIII в. – это проблемная ситуация не только в жизнедеятельности Европы, но и в Russian History, т.е. ситуация проблемы выбора из нескольких теорий. Проблемные ситуации, наряду

с проблемными и теоретическими системами, а также критическими рассуждениями являются обитателями третьего мира. Согласно концепции К. Попера, различается три мира или три универсума: 1) мир физических объектов или физических состояний; 2) мир состояний сознания, ментальных (мыслительных) состояний, и, возможно, предположений, диспозиций (dispositions) к действию; 3) мир объективного содержания мышления, прежде всего содержания научных идей, поэтических мыслей и произведений [Поппер, 2002].

Система церковно-славянского языка как знаковая система была призвана «обслуживать» мир объективного содержания мышления новой интеллектуальной системы «Христианская Русь». Церковно-славянский язык для всего восточнохристианского мира должен быть решить проблему построения естественной языковой модели, модели лингвистической, базирующейся на прагматике системы, объединяющей всех участников вокруг целевой обработки естественного языка. Под участниками подразумеваются все привлекаемые ресурсы и субъекты: пользователь, обрабатываемый естественный язык, предметная область, контекст. В прагматически-ориентированных моделях подход к представлению естественного языка основан на ограничениях естественно-языковой модели и предметной области. Предметной областью называются все объекты и события, которые составляют основу общего понимания необходимой для решения задачи информации.

В прагматически-ориентированных системах наряду с моделью естественного языка необходимо строить модель предметной области, учитывающую всю доступную априорную информацию о языке и предметной области. При анализе естественного языка используются лингвистические знания о конкретном языке – о языке восточных славян при создании глаголической графической системы, а также знания о конкретной предметной области – объектах физического и виртуального мира восточных славян.

Интеллектуальная система представляет подмножество реальной предметной области: интеллектуальная система «Христианская Русь» представляет собой подмножество объектов и событий текущей реальности восточных славян. В Русской Правде создается модель предметной области, представляющая собой систему средств для отражения тех сущностей, объектов, дейст-

вий реального мира, которые отображены в данной интеллектуальной системе. Тем самым осуществляется «распараллеливание» мира объективного содержания мышления.

В начале XVIII в. создается мир ментальных состояний, в котором онтологическая категория Христос замещается онтологией – средством представления знаний, которые понимаются как система представлений о предметной области в виде сущностей, т.е. вещей, явлений, процессов и их проявлений в форме фактов, а также их отношений или объектов их связей. Грамматическим способом презентации мира ментальных состояний стала модификация графической системы, означающей аспекты жизнедеятельности восточнославянской общности в ее российском сегменте. Объяснение мотивов модификации возможно обнаружить в «Суде российских писем перед разумом и обычаем от грамматики представленных» М.В. Ломоносова (из полилога выделены микротексты-реплики Грамматики):

«Я вам доносила, доношу и буду доносить, что письма письма гнушаются, письма от письма нет покою, письма о письмах с письмами вражду имеют и спорят против писем»; «Я должна представить российские письма, которые давно имеют между собою великие распри о получении разных важных мест и достоинств. Каждое представляет свое преимущество. Иные хвалятся своим пригожим видом, некоторые приятным голосом, иные своими патронами, а почти все старинною своею фамилиею. Сего междоусобного их несогласия без нашего рассмотрения прекратить невозможно»²⁷.

---

²⁷ Текст печатается по изданию: Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7: Труды по филологии. М.; Л., 1952.

Глава 10

КОНСТИТУЦИЯ ИСТИНЫ, ТЕОРИЯ ОТОБРАЖЕНИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ТЕОРИИ ЯЗЫКОВОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ *РУССКОЙ ЗЕМЛИ*

«Мы живем в мире, наэлектризованном динамикой контактов и столкновений различных этносов, культур, политических, религиозных и других конфессий. Адекватным отражением этой глобальной «жизненной» и коммуникативной ситуации несомненно являются тексты (не только художественные), отличающиеся значительной гетерогенностью и многосторонней дифференцированностью своей структуры» [Гоффманова, 2002, с. 394]. История христианского мира характеризуется тем, что ее неотъемлемой частью является культура *contemporary*, более ярко представленная в произведениях литературного языка, отличительной чертой которых является рекуррентность семантических циклов славянской истории.

Основным свойством коммуникативного процесса славянской истории следует признать свойство иерархии равновесий, в зависимости от которой проявляется различная рекуррентность языковых циклов. Последняя обнаруживается в том, что лексико-семантический континуум, перейдя на определенных условиях равновесия на следующую (закономерную и неизбежную) ступень своего развития, при других условиях равновесия как бы возвращается соответственно на одну, две и т.д. ступени назад [Маковский, 1980].

Траектория развития сербской культуры и сербского литературного языка в своей истории непосредственно сопрягалась с динамическими процессами русской культуры. Как отмечал В.В. Виноградов, из 700–800 сочинений, вышедших до 1830 г., только сотни книг (а то и меньше) было написано на родном сербском языке; все остальные составлены на славянско-русско-сербском [Виноградов, 1945]. Павел Соларич, сербский писатель начала XIX в., сопоставляя сербский язык с русским писал: «Всякому свой язык, будь он мягкий или грубый, кажется самым удобным и самым лучшим, – это естественно; но говоря беспристрастно, как между коренными языками, так и между наречиями одного коренного языка. одно должно одержать победу над всеми

другими. Между наречиями языка славянского российское в письменности самое совершенное, а сербское – самое мягкое» [Виноградов, 1945]. Сочетание в иерархии равновесий славянской истории совершенства и мягкости, «уравновешивание» функционального (российского) и протяженного (сербского) развертывания лексико-семантических континуумов славянской культуры достигается в произведениях Милорада Павича (род. в 1929 г.) и Горана Петровича (род. в 1961 г.). В их произведениях создается интерпретация, строго схематичная, развития человечества, включающая человеческие судьбы, сегодняшний мир в его подлинном виде и будущий ход событий, т.е. создается метаистория современных славян.

Метаистория требует приверженности одной концепции, определяющей её формы [Тош, 2000], которая в современной славянской художественной культуре выступает в качестве системы принципов конструирования материи. Конструирование материи, свойства которой сводимы к соотношению первичных сил, определяется как общая дедукция динамического процесса, в основу которого полагаются общие и первоначальные силы *притяжения и отталкивания* [Шеллинг, 1999]. Границы действия первоначальных сил, в соответствии с теорией Ф.В. Шеллинга, суть не что иное, как границы материальных предметов.

Границы тела, как и его внутреннее строение, состоят из фиксированных точек притяжения и отталкивания, в которых происходит развертывание лексико-семантической системы по уровням. Так, в романе Горана Петровича «Атлас, составленный небом»¹ в сегменте «Господин Половский» границы материального предмета («загадочная девушка») как границы действия первоначальных сил представлены фиксированными точками *первые лучи солнца, вполоборота, чарующая игра мягкого утреннего света, позолоченные зернышки, веселье птиц, щебет перемещается, старше становится день, променады радости; танцует в воздухе, неумолимо кружит, и летом и зимой одна и та же бабочка*. Физически реальный способ различения этих точек, точек пространства-времени, может быть основан только на реальных событиях в этих точках [Блохинцев, 1980], к которым следу-

---

¹ Петрович Г. Атлас, составленный небом // Иностранная литература. 1997. №6.

ет причислить «Он здесь для того, чтобы ждать». Приписывание каждому событию координат определяется как арифметизация точек пространства-времени [Блохинцев, 1980], своеобразная фиксация изменения протяженности, состава, позиции, функционального статуса отдельных элементов, ведущая к возникновению языкового континуума, имеющего структурную значимость в пределах этого же ряда, или внутреннего продукта, в соответствии с концепцией М.М. Маковского [Маковский, 1980]. Приписывание координат событию есть определение границ тела, разграничение светового и теневого образов материального предмета, траекторного и вероятностного описания движения. Образец использования вероятностного метода при конструировании материи использован Милорадом Павичем («Шляпа из рыбьей чешуи»²):

– Мысли – всего лишь приправа к душе, – заключил он и снова, как в молодости, начал читать подряд все надписи. Будто что-то искал. И нашел. В одной купальне он прочел следующие слова, выложенные мозаикой: «Sic ego non sine te, nec tecum vivere possum».

Он понял их только к вечеру, когда перевел на греческий: «Так я не в силах жить ни без тебя, ни с тобой». Он был потрясен. Слова с мозаики были обращены к нему и говорили о его судьбе...

– Пустых садов я боюсь, потерянных в сердце моем, не зная путей, что могут к ним привести. Не я выбираю птиц, что на них слетятся, и память моя все старше, все дальше в прошлом томится она, и власти нет у меня, чтоб ее удержать...

Тогда ему открылось, что в человеке скорее всего стареет пот, а медленнее всего стареет душа. Его душа была по крайней мере на десять лет моложе тела...»

Вероятностный метод, у М. Павича энтимемно-фресочный, позволяет рассчитать вероятность появления/исчезновения частицы (звука, морфа, лексемы, символа) в данной точке пространства в заданный момент времени, в мире «олам» (мире Библии) – потоке временного свершения, несущего в себе все вещи, или мир как историю [Аверинцев, 1997]. Мир как «олам» оказывается адекватно схваченным «через направленное во времени повест-

---

² Павич М. Шляпа из рыбьей чешуи // Иностранная литература. 1997. №1.

вание, соотношенное с концом, с исходом, с результатом, подгоняемое вопросом: «а что дальше?» [Аверинцев, 1997, с. 93]; внутри «олама» пространство дано в модусе временной динамики как «вместилище» необратимых событий. В точке появления частицы происходит синтез абсолютного и ограничения. В производном мире, как считал Ф.В. Шеллинг, благодаря деятельности фантазии происходит сочетание абсолютного с ограничением, воссоздание в особенном всей божественности всеобщего. Именно благодаря этому универсум оказывается населенным, из абсолютного как безусловного единства, начинает изливаться в мир жизнь, основным законом при этом признается принцип божественной имажинации [Шеллинг, 1999].

Принцип имажинации в произведениях М. Павича и Г. Петровича разложим на следующие концептуально-конструктивные протяженности: 1) сочетание абсолютного с ограниченным определяет уровень в иерархии равновесия славянской истории и является реакцией на среду фактов; 2) воссоздание универсума как мира фантазии, рекуррентно неповторимого в данном окружении (европейской дискурсивной формации); 3) пространственными измерениями мира являются основные деятельности неорганической природы (магнетизм, электричество, химизм); 4) временными измерениями мира следует признать чувствительность, возбудимость, производительную силу (вслед за Ф.В. Шиллингом); 5) существа в производном мире двигаются независимо: данное состояние может быть рекуррентно повторимым в данном окружении (этнической культуре), но неповторимым во всех других (фактических средах, или средах «положений дел»); 6) в производном мире устанавливается подлинно физическое отношение между предметами, т.е. интервал между событиями, когда в расчет не принимаются ни силы тяготения, ни электромагнитные силы; 7) история материи задается через события, рекуррентно повторяемые в произведениях художественной культуры; 8) событие понимается как последовательность пространственно-временных точек, имеющих к друг другу причинное отношение и формирующее предложение, являющееся выражением рефлектирующей мысли, задающей область пространства-времени, или человеческой жизни.

Рефлектирующая мысль, разъединяющая и соединяющая, по Аристотелю [Аристотель, 1978], есть суждение, которое в сла-

вянской культуре есть результат реактивности отдельных участков континуума лексико-семантической славянской системы, характеризующейся постоянным изменением протяженности континуума и заменой одних членов другими, а также перераспределением функций.

Несколько проб рефлектирующей мысли из романа Горана Петровича «Атлас, составленный небом»:

Летняя болезнь

Тепло вызывает выделение через поры избытка жидкости, тело гораздо лучше понимает себя, движения делаются более определенными, взгляд твердеет, и кожа покрывается позолотой страсти.

Осенняя болезнь

Меланхолическая влага собирается где-то в недрах человека, а сам человек делается похожим на высокий лист, очень красивым, но и очень хрупким, и окружающие и он сам должны быть крайне внимательны к нему.

Зимняя болезнь

Все впадает в приятную дремоту воспоминаний или забвения, душа принимает округлые формы и становится похожа на мячик, которым можно играть, но который может погубить хозяина, застряв у него в горле».

Рефлектирующая мысль конструируется на основе процесса дезинтеграции лексико-семантических реалий, предполагающем разложение семантемы на не связанные между собой компоненты, причем подвергаемая воздействию реалия необязательно присутствует в ближайшем контексте и даже тексте. «Отметим, что полученные путем разложения элементы при вступлении в реакцию вовсе необязательно снова образуют первоначальные семантические реалии (такие элементы вообще не всегда могут вступать в реакцию между собой) и вовсе не во всех случаях соответствуют тем, которые ранее послужили исходными для получения соответствующей интегрированной единицы» [Маковский, 1980, с. 46–47]. Рефлектирующая мысль представляет собой особый принцип формирования пространства – вкоренение, «вживление» вещи в пустоту неопределенно-предельной целостности всего сущего, предполагающее наделение вещи ее пространством и ее временем, коррелятивно связанными с теми пространством и временем, «которые в физике свойственны осям, двигающимся

вместе с телом» [Рассел, 2000, с. 254]. Единицей счисления бытия подобной системы, обнаруживающей себя через семантическое развертывание (или изменение протяженности) следует признать значимую форму, являющуюся определяющим свойством непонятийного сознания и представляемую через комбинации линий, цветов, форм, объемов [Weits, 1956]. Значимые формы в представленных языковых пробах: *позолота страсти, недра человека, округлые формы души, меланхолическая влага.*

Значимая форма есть форма особенная, вбирающая в себя сущность абсолютного в его цельности, универсум. В истинном универсуме для особенных частиц может быть место постольку, поскольку они вбирают в себя весь неделимый универсум, и, таким образом, сами суть универсумы [Шеллинг, 1999]. Принцип оформления универсума (значимой формы) – имагинация, соединяющий три основные деятельности органической природы: чувствительность, возбудимость, производительную силу. Этот принцип позволяет создать особую историю материи – «универсумную», поскольку в универсумах представлены устойчивые части материи [Рассел, 2000], в которых действуют физические законы дедукции динамического процесса. Эти законы связывают то, происходит с какой-нибудь частью материи в один момент с тем, что с ней происходит в другой момент, тем самым они устанавливают границы тела, или границы действия общих и первоначальных сил притяжения и отталкивания. Законы эти коррелируют с принципом реального знания, в соответствии с концепцией П.А. Лаврова, утверждающего, что не все в действительности реально, т.е. совпадает с единством нашей собственной физико-психической личности: реально то, что мы сознаем, не находя противоречия ни в самом понятии сознаваемого с прежде сознанным; феноменально то, что действительно только в нашем сознании, только психически [Лавров, 1861–1862]. Реальность в славянской художественной культуре представляет собой встречу различных перспектив созерцания мира, или пространств пределов человеческого опыта.

Приступая к реконструкции глубинной структуры русской истории и особой когнитивной структуры представителя русской культуры мирознания – Истины (справедливости), необходимо обратить внимание на специфику толкования понятия истины и объем содержания понятия мирознания.

Если избрать в качестве исходного толкования истины избрать предлагаемое авторами «Современного философского словаря», то следует признать, что истина фиксирует объективное содержание человеческих знаний и определяет границы их совпадения с действительностью, требуя выработки специфических средств ее достижения и проверки [СФС, 1996]. Существо понятия «миросознание» становится более очевидным при его сопоставлении с понятиями мирозерцания и мироощущения. А.Ф. Лосев различает мироощущение (или мирочувствие) и мирозерцание [Лосев, 1995]. Мироощущение по преимуществу интуитивно, оно строится на указании свойств предмета: возможность узрения некоторых особенностей предмета и предстает в качестве обоснования-доказательства. Мирозерцание, как считает А.Ф. Лосев, основывается на орудиях рассудочного, анализирующего, выводного, опосредованного характера. Мирознание представляет собой соприкосновение с миром Форм в форме слова, которая является ситуативной реализацией (ипостасью) имени. «Имя, – пишет А.Ф. Лосев, – поднимает вещь, которой оно принадлежит в сознание, осмысливает ее – однако не внося решительно никаких иных способов оформления вещи, которые в ней самой содержатся. Оно просто переносит в сферу смысла всю вещь как таковую, со всем ее алогическим содержанием и со всем ее логосом» [Лосев, 1995, с. 817]. В свою очередь смысл истолковывается А.Ф. Лосевым как бесконечная лестница восхождений и нисхождений от абсолютно алогического к логическому и над-логическому. Смысл оформляется в понятие, которое обретает формы выражения. Последнее делается словом, и только на этом этапе происходит, по мнению А.Ф. Лосева, приближение к подлинно словесной природе.

Итак, если попытаться соотнести понятие истины со словесной природой, то придется констатировать, что истина – это фиксация объективного содержания знания в конкретный момент истории становления человека в определенных словесных конфигурациях, или вербальных пропорциях. Говоря, о конституции русской истины, мы пытаемся размышлять о принципах построения словесных конфигураций, в совокупности создающих русский нарратив – инструкцию по конституированию некой онтологически-артикулированной трехмерной/трехплоскостной реальности: *great – high, white – black, little (small) – low (short)*, или велико-

русские, белорусские и малорусские наречия. Каждая плоскость предполагает в процессе конституирования активизацию той или иной функции лингвистического разума, условно именуемых «великорусская» функция (*high function*), «белорусская функция» (*spectrum function*) и «малорусская» функция (*low function*). Определяя особенности «восточнославянского» лингвистического разума по характеру перечисленных функций, возможно описать специфику восточнохристианского мирознания как разновидности средиземноморской античности (цивилизации) – изображения в форме слова истины, или придание истине некоего образа.

«Великорусская» функция (далее – *HF*), «белорусская функция» (далее – *SF*), «малорусская функция» (далее – *LF*) представляют множество синтезов отношений, позволяющих постичь вид связи «русская истина» – вербальных пропорций, фиксирующих объективное содержание знания в определенный момент развития человека. Исследование синтеза отношений типа *HF*, *SF*, *LF* проводится с опорой на тексты, репрезентирующие эволюцию связи «русская истина»: «Русская правда» (1282), «Стоглав» (1551), «Уложение Алексея Михайловича» (1649).

«Русская правда» представляет форму воздействия княжеского указа на юридическую организацию быта: общественный порядок различен для отдельных классов, но опирается на сложившиеся представления о правде и неправде [Брокгауз, Ефрон, 2006]. В «Русской правде», как считают Ф.А. Брокгауз и И.А. Эфрон, изложены нормы с точки зрения личности, обладающей правами. До известной степени справедливыми признают авторы словаря замечания профессора Дювернуа, относящиеся и к Русской правде и Псковской судной грамоте: «Не легко в истории новоевропейского права найти, в столь ранней эпохе, другой пример такого сочетания зрелости форм выражения правосознания, с одной стороны, и, с другой – живой наличности всех факторов, на коих зиждется юридический быт народа, общей воли, общего согласия всех составных частей волости, чувства веры, которым скрепляется для суда, для сторон сила этих норм, наконец, энергии личного сознания права, которая так видна в готовности сторон и послухов идти на бой за правое дело» [Брокгауз, Ефрон, 2006, с. 373]. Однако представляемый уровень правосознания характерен только для Пскова и Новгорода, а не для всей России.

Личное сознание права возможно рассматривать как одну из составляющих мирознания – соприкосновения *persona* (особы) с миром Форм в слове юридического документа. Энергия личного сознания права в таком случае обусловлена смысловой выраженностью, проистекающей из предмета, или энергемой. Последняя истолковывается А.Ф. Лосевым как предметная сущность в модусе определенного осмысления, в модусе явленной, выраженной сущности [Лосев А.Ф., 1995].

В XII–XV вв., в период земского права, происходит изменение в правосозерцании: частные документы – письменные памяти – обращаются в обязательные акты укрепления; общей формой всех сделок гражданского права становится кабала – формальное письменное обязательство, сообщавшее кредитору безусловную власть над отданной в кабалу вещью или личностью. Таким образом, определяется форма инструкций по конституированию некой онтологически-артикулированной реальности – восточнославянской континуации (некой целостности, связи, являющейся закономерной экспликацией в историческом процессе византийской аксиологии). Это тот случай, когда сознание обусловлено именем и формой [Дхаммапада, 1960], что становится основанием для отождествления его с соприкосновением: описание группы имен обуславливает соприкосновение с группой форм при полном отсутствии внешнего вида.

В XVI в. окончательно складывается и укрепляется Русское централизованное государство, чему способствует ряд литературных мероприятий, к числу которых относится и составление в 1551 г. «Стоглава». Возбуждение литературной деятельности, как замечают Ф.А. Брокгауз и И.А. Эфрон, происходит в прежнем архаическом направлении, что возможно свидетельствует о ренессансе строевых терминов-понятий, организующих внутренний быт отдельных частей Древней Руси («старина», «пошлина», «обычай»).

Если новые культурные традиции этого времени оформляются на основе базового византийского идеала, осложненного, по мнению некоторых историков XIX – начала XX вв., воспоминаниями о власти татарской, когда хан даже называем был царем, то соприкосновение лингвистического разума с внутренним бытом оформляемого Русского централизованного государства и участие в его организации проходит «под знаком» идеи общности.

Проводником подобной идеи в «Стоглаве» является его форма – феноменологический диалог. Подобный тип диалога предполагает непосредственный обмен между персональными целостностями, мирами, сохраняющими свои особенности [Майборода, 2003]. Возможность понимания обосновывается сходными трансцендентальными структурами и подобием организаций сознания, полнота же понимания может быть обеспечена только знанием специфики языка Другого. В «диалоге» сходных трансцендентальных структур «Стоглава» создается проект социального квазисубъекта, или, согласно Ю. Хабермасу, «общественности» [Habermas, 1972].

Социальный квазисубъект руководствуется ориентацией на коммуникативное поведение, полагающее другого в качестве самодостаточной процессуальности, имеющей своей целью акт самоосуществления. Актуальной становится речевая понимающая коммуникация, которая, по разумению К.-О. Апеля, должна мыслиться в качестве языковых игр, которые являются сферой подлинной реализации не только сущности языка, но и человеческой сущности [Апель, 2002]. Язык в таком случае, определяется как метаинструкция, от которой зависят общественные институты.

«Уложение царя Алексея Михайловича» является фрагментом текстового пространства, нравовое содержание которого определяется московским законодательством XV–XVII вв. Границы этого пространства задается параметрами диалогового окна «челобитные – указы, данные по их поводу». Отсутствие челобитной (вопроса) обуславливает отсутствие указа (ответа), что влечет за собой крайнюю неустойчивость московских порядков и необходимость поиска нормы в «иностранным источнике, главным образом в Литовском статуте, а при его посредстве – в римском праве, греческом прохироне и прочее» [Брокгауз, Эфрон, 2006, с. 372]. Как отмечают составители словаря, Уложение царя Алексея изобилует такими заимствованиями, особенно отличается в этом плане Глава X, наиболее важная с точки зрения гражданского права. В «Уложении» упоминается, практически вводится особый вид нормы-отношения – сервитуты, которые являются заимствованными постановлениями, а не нормами, выросшими из внутреннего быта России. Сервитут, сервитутное право – право на ограничение собственника в определенном отношении (например, запрещение прорубать из дома окно в чужой двор и пр.).

«Русская истина», будучи знаковым объектом, должна быть описана в плане онтологии через категориальные термины Первичность, Вторичность, Третичность, введенные Ч. Пирсом для этой цели [Collected Papers of Charles Sanders Peirce, 1960]. Первичность соотносима с внесубъективной психической определенностью: идея Первичного есть глобальное неанализируемое впечатление, мыслимое как простая возможность видимости. Первичность как категориальное понятие, или категория презентации «русской истины», получает свою дистрибуцию в «Уложении царя Алексея Михайловича». Особый интерес в этом плане представляют словесные формулы оглавления:

Кто в церкви же.....

Которой изм нникъ.....

Будетъ кто такие...

Ратным людям идучи... сотенным головам

Оу кого

Подобные словесные формы следует поименовать обозначающими фразами (denoting phrases). Под обозначающей фразой Б. Рассел подразумевает фразы, которые могут: а) быть по форме обозначающими, но ничего не обозначать; б) быть обозначающими определенные объекты; в) быть обозначающими неопределенно [Рассел, 2002]. Обозначающая фраза маркирует различие между знакомством с предметом, темой и знанием оного. Обозначающие фразы «Уложения» представляют одновременно некую разметку правового пространства России как государственной системы (не системы княжеств-государств, а целостной государственной единицы – функциональной модели реальности). Согласно Б. Расселу, если некая фраза является обозначающей фразой, то в ней следует различать смысл и значение. Б.Рассел замечает, что различая смысл и значение, «мы должны иметь дело со смыслом, смысл имеет значение и является комплексом, и помимо смысла нет ничего другого, что можно было бы назвать комплексом и говорить как о том, что имеет как смысл, так и значение» [Рассел, 2002, с. 15–16]. Смысл уместен, когда в пропозиции, в нашем случае, пропозиции «русской экзистенции», встречается обобщающая фраза. «Когда существует нечто такое, с чем мы не имеем непосредственного знакомства, но знаем только по определению через обозначающую фразу, – замечает лидер аналитической философии Б. Рассел, – то пропозиции, в которые эта

вещь вводится посредством обозначающих фраз, на самом деле не содержит эту вещь как конституенту, но вместо этого содержат конституенты, выраженные несколькими словами обозначающей фразы» [Рассел, 2002, с. 21]. Через обозначающую фразу в «Уложение» вводятся нормы «государственного», или телеологического правосозерцания. «Русская пропозиция», как и внутренний быт, не содержит эту норму, но содержат конституенты: недифференцированные «кто», «который», заменяющие встречающиеся с древнейших времен в литературных и законодательных памятниках переводные термины «лицо» (с греческого *πρόσωπον*) и «особа» (с латинского *persona*). Причем первый термин, как отмечают Ф.А. Брокгауз и И.А. Эфрон, означает отрицание достоинства лица, один из видов рабства.

Таким образом, соблюдается требование, касающееся понимания пропозиции: в каждой пропозиции, которую нужно понять, все конституенты должны быть сущностями, с которыми понимающий (принимающий российскую государственность «на веру») имеет непосредственное знакомство. «В таком случае мы знаем свойства вещи, не имея знакомства с самой вещью, и, следовательно, не зная ни одной пропозиции, в которой эта вещь была бы конституентой» [Рассел, 2002, с. 22].

Вторичность как категориальное понятие, или категория презентации «русской истины», выражает факт актуального существования. Сущность Вторичности заключается в реакции, взаимном взаимодействии двух вещей независимо от посредника или закона действия. Вторичность получает свою дистрибуцию в «Стоглаве».

Анализируя «Стоглав», уместно говорить об онтологическом обязательстве дискурса [Куайн, 2003], которые для онтологического пространства культуры XVI в. (системы культурных образцов) возможно свести к следующему: истинность или ложность квантифицированного высказывания частично зависит от того, что область, к которой применимы фразы '*некоторая сущность x*' и '*каждая сущность x*', так называемую область значения переменной, мы считаем областью сущностей [Куайн, 2003, с. 99–100]. Квантификация производится при участии кванторов '*парресія*' и '*симфонія*'. Парресия означает «свободоречие», право говорить перед Богом и людьми без робости и смущения, это обретение исконного человеческого первородства. Симфония – требуемое

в официальной византийской идеологии согласие государства и церкви, императора патриарха.

Кванторы 'парресія' и 'симфонія' означают 'существует некоторая сущность x такая, что' и 'каждая сущность x такова, что', иначе: существует некоторое мысленное состояние, порождающее изменение связи между предметами – нормального отношения, и каждое мысленное состояние обладает «кодом»-языком, обеспечивающим его участие (возможность принимать участие) в построении функциональной модели реальности. «Нормальные отношения, по утверждению, В.И. Болотова, представляют собой истинные отношения между элементами целого, которые не даны нам в ощущениях, но традиционно проявляются в форме обычных функций» [Болотов, 1995]. Норма, в таком случае, представляет собой пределы, в которых вещь традиционно функционирует; она не объясняет факты, а демонстрирует их. Изменение нормальных отношений как следствие существования некоего мысленного состояния маркируется квантором 'парресія', участие в построении функциональной модели реальности квантором 'симфонія'. Функциональная модель реальности – это, в соответствии с исследовательской позицией М. Евзлина, системное единство, информация, которая становится реальностью в тот момент, когда получает идеально-информативное оформление. «Объем информации, – считает М. Евзлин, – соответствует «объему» сознания, которое в свою очередь, является необходимым условием «свободы». А посему свобода может быть определена как информация, синтезированная сознанием» [Евзлин, 1993, с. 207].

В «Стоглаве» создается теория квантификации, которая, по утверждению У.В.О. Куайна, создает язык, на котором говорят о конкретных объектах определенного порядка. В этом языке предикатные буквы – элементы «русской пропозиции» – связываются с идеей, что эти буквы должны в качестве значений допускать объекты латинизированного мира. Подобный язык, согласно У.В.О. Куайну, имеет два вида связываемых переменных, а именно старые индивидуальные переменные и переменные с особым показателем, классифицирующим их принадлежность к объектам класса некоторого порядка [Куайн, 2003], отличающегося особым типом отношения – нормы свободы сознания, которая демонстрирует смысл (комплекс значений) совокупности фактов и «положения дел», из которых складывается повседневная реаль-

ность – внутренний быт – «особы»-человека, гражданина Российского царства.

Основное содержание третичности как категория презентации «русской истины» заключается в присущем ей ментальном элементе, обнаруживаемом в любом триадическом отношении. В третичности Ч. Пирсом связываются понятия опосредования, регулярности, закона и непрерывности. Дистрибуция третичности осуществляется в «Русской правде».

В «Русской правде» создается особый язык, который возможно отождествить с «языком первопорядковой арифметики» С. Крипке [Крипке, 2002] и истолковать как язык изучения и презентации свойств глаголического сакрального кода. Язык первопорядковой арифметики возникает как итог презентации теории истины С. Крипке, связанной с исследованием языков, допускающих истинностно-значные провалы. Предложение признается попыткой выразить высказывание, высказать пропозицию или нечто подобное. «Осмысленность или правильное построение предложения, – пишет С. Крипке, – основаны на том факте, что существуют специфицируемые обстоятельства, при которых оно предопределяет условия истинности (выражает пропозицию), а не то, что оно всегда выражает пропозицию» [Крипке, 2002, с. 163]. Для описания языков, допускающих истинностно-значные провалы, считает С. Крипке, необходима семантическая схема, обеспечивающая обращение с предикатами, которые могут быть определены лишь частично. Трансцендентальная схема и является для восточнославянских языков подобной схемой.

Эта схема служит средством лингвистического постижения второй ступени (уровня) Бытия – Души-псюхе. Актуальной для интерпретации этой ступени Бытия становится категория градации, описывающая явления, связанные импликационными отношениями, т.е. обуславливающими взаимозависимость нескольких предметов, вещей, свойств и т.д. «Русская правда» со стороны изложения, – отмечает Л.П. Якубинский, – вся состоит из последовательной цепи условных синтаксических конструкций» [Якубинский, 1953, с. 295]. Суть импликационных отношений отличается тем, что познание процесса становления мира определяется изучением самораскрытия самой субстанции. Понимание второй ступени бытия обусловлено постижением преимущественно иерархических отношений. «Иерархия не есть принуждение, она

закон мироздания. Не угроза, а сердечный зов и предупреждение, и наставление ко Благу» [Живая Этика, 1990, с. 5]. Там же: «Ничто не преобразует так жизнь в надземное сознание, как иерархия. Нельзя представлять себе явление моста в Беспредельность, ибо мост нуждается в устоях. Но Иерархия, как устой моста, доводит до берега Света» [Живая Этика, 1990, с. 5].

Функциональная модель восточнославянской иерархии строится на функциях лингвистического разума – *HF, SF, LF*.

Функция LF: смысловая выраженность проистекает из предмета; происходит соприкосновение *persona* (особы) с миром Форм в слове документа (договора). Договор является прототипом всех форм общественной жизни, использование договора – фундаментом всех обязанностей, справедливости, общей морали [Гоббс, 1965]. В качестве базиса договора – коммуникативного акта, способствующего перенесению прав, – выступают естественные законы, которые Т. Гоббсом соотносятся с естественным разумом. Последний подсказывает условия мира взаимодействия, на базе которых возможно прийти к соглашению, т.е. естественные законы. В таком случае язык выступает в качестве универсального средства познания мира как сложной системы иерархически организованных ценностей. Сферой актуализации этой функции является «Русская правда», примыкающая как памятник письменности к грамотам и представляющая собой особое онтологическое пространство, в котором происходит замена церковно-славянского языка системой языка древнерусского.

Функция SF: речевая понимающая коммуникация; сфера реализации сущности языка и человеческой сущности – феноменологический диалог. Истина познается путем усмотрения необходимости связи. Эмпирическим суждениям о предметах противостоят априорные суждения о «фундированных предметах». Истина идеальных отношений предопределяется природой составляющих высказывания, как и вид зависимости между ними. Вид связи – принцип порядка. Если отмечаются «порядки», то должно существовать средство сознания, благодаря которому можно постигнуть вид самой связи. Таким средством сознания становится прагматическое сознание – особая ментальная схема корреляции действительности, научного знания и веры в реальность божественной истины. Сферой актуализации этой функции становится «Стоглав» – текст, имеющий целью своего создания, как и «Ве-

ликие Минеи Четьи», и «Домострой», осуществление контроля за развитием культуры и литературы и содержащий основные нормы церковного культа и обрядности на Руси. «Новый процесс означивания, повторяя архетипическую схему, имеет своей задачей не сотворение мира, но упорядочивание частных сфер бытия» [Евзлин М., 1993, с. 222]. Язык выступает в качестве метаинструкции, от которой зависят общественные институты.

Функция НФ: особый вид нормы-отношения – «сервитуты», порождающие сервитутное право, которое призвано регулировать состояние «текущего момента», неотделимого для русской традиции, как и для китайской, от вечности беспредельных просторов. Реальность, в таком случае, – это быстротечная вездесущность, сущее – не что иное, как превращение единого потока бытия. Все слова и образы «выходят из пустоты», отсюда значимость обозначающей фразы (denoting phrase). Заведомо предполагаемое свойство слов и образов – самотрансформация. Сферой актуализации этой функции является «Уложение Алексея Михайловича», в котором вербализованно представлены инсигнии (знаки) державной власти – языковые формулы, соединяющие божественную истину и человеческую экзистенцию. Создаваемый язык – язык первопорядковой грамматики России как целостного государства. Этот язык, приближаясь к минимальной фиксированной точке – мысленной метке исторического процесса, – дает версию гиперграмматической иерархии, версию «со свободным значением». Иначе, продолжая опираться на теорию истины С. Крипке, вышензложенное можно сформулировать следующим образом: если *L* есть язык приемлемой структуры (структуры, поддерживающей и обеспечивающей целостность социальной системы) и используется система его оценивания через выявление формально-семантических аналогий (пропорциональных соответствий) с сакральным текстом, то множество «истина» (истина при этом понимается как отношение высказывания к фактам, которые в нем описываются) является расширением одноместной формулы в минимальной фиксированной точке. «Объем» расширения предопределяется «объемом» сознания и задает параметры функциональной модели реальности.

Конституция русской истины, определяя рекуррентность семантических циклов славянской истории и истории *Русской Земли*, детерминировала в течение двух тысячелетий особенности развития восточнохристианского мира.

Завершение второго тысячелетия отмечено сменой грамматического описания языка, понимаемого в качестве энтропийного состояния семантического универсума, составляющими которого являются человек, морфологические структуры природы и их социальные аналоги. «Языковая игра» концептуальных структур индивида соответственно пропорции золотого сечения, изображает их в высказываниях обыденного языка. Последний же представляет собой интеграл – функцию, при дифференцировании которой обнаруживается исходная функция «сознание»; идеологическую коннотацию, характеризующую состояние отношения социальных морфов (морфологизированных структур сознания).

Функционирование обыденного сознания свое текстовое воплощение, или свою систему означивания, обретает в публицистическом дискурсе – некоей топологической структуре, являющейся обязательной составляющей социально-политического конфигурационного поля «государство» в различных топологических вариантах – город, империя, регион.

Понятие конфигурационного поля механических положений и движений формируется на новом теоретическом базисе в физике, выбирающем в качестве основы своих построений все возможные траектории частиц «сквозь» данную механическую конфигурацию объектов, что часто именуется «всевозможными конфигурациями поля» [Акчурина, 2002]. Все возможные напряженности поля, или всевозможные конфигурации поля «государство», представлены в электронной ветви публицистического дискурса, организуемого особой письменной системой счета универсально-семантического характера.

Подобная система фиксирует общесемантический сдвиг от обозначенной точки (события) на обозначение связанной с ней протяженности (экзистенциальной интуиции): начало процесса переходит на обозначение всего процесса; граница пространства переходит на обозначение всего пространства. Структурированное множество, или письменная система счета, обеспечивающая коммуникацию в глобальной информационной сети, может быть расценена как космологическая (топологическая) переформулировка основных уравнений, а следовательно, и законов физического описания универсума, осуществляемая и в грамматических описаниях взаимодействия мира, и в грамматическом искусстве, в задачи которого входит описание образцовых языковых явле-

ний, и обучение правильному (нормативному) употреблению языка.

Когомологическое толкование позволяет понять и трактовать основные динамические уравнения физики как определяющие существенно новые топологические структуры глобальной динамики любого рода объектов. Так, с точки зрения новых морфологических – математических – структур, наиболее глубоко характеризующих любое движение, возможно не только выявить, но и объяснить такие состояния механического движения, как инерциальные движения, которые в своем устройстве столь же просты, сколь несложны состояния покоя.

Состояния покоя, в свою очередь, являются производными текущих координат и по времени всегда равны нулю, т.е. определенные «инфинитезимальные» «границы их границ» всегда исчезают [Акчурин, 2002]. Тополого-алгебраическое понятие «границ их границ», или когомологий, в современной математике признается фундаментальнейшим и позволяет обнаружить новые аспекты глобальной динамического движения, в том числе и в языковой системе, рассматриваемой в качестве системы динамической. Особый интерес в этом плане представляют электронные средства массовой информации, в которых языковая система предстает в совокупности своих инерциальных состояний, характеризующихся отсутствием влияния извне (непосредственно индивида, социума, символических систем, кодирующих деятельность коллективного бессознательного), что содействует сохранению состояния покоя или движения по прямой семиологического объекта «государство» с постоянной скоростью. В подобном состоянии становится очевидны самоорганизующийся потенциал языковой системы, а также его эпистемологический, гносеологический и когнитивный статус. Топологические структуры динамики сосредоточивают внимание исследователей на формообразующих и самовоспроизводящих факторах не только языковой системы, но и коммуникативной общности, пользующейся ею.

Когомологии – «границы их границ», способствующие выявлению топологических структур динамики языка, позволяют сформировать представление о референциальных механизмах языка, открывающихся в новых коммуникативных условиях информационно-сетевого общества и основывающихся на результатах формального моделирования смысла высказываний на есте-

ственном языке, раскрывающих природу единиц семантического уровня. Элементарные единицы семантического уровня в работах Лаборатории формальной лингвистики при Парижском университете-VII (руководимой А. Кюльоли) [Плунгян, 1988] подразделяются на операции и характеристики ситуации, представляющей собой абстрактную систему координат.

Операции реализуются в двух разновидностях: количественная и квалификативная, из чего следует то, что исследователи предпочитают оставаться в рамках традиционных экспланаторных практик, руководствующихся определенными количественными и метрическими соотношениями. Количественная операция сводится к построению некоторого термина – носителя данного (описываемого) свойства или, иначе, его количественной реализации, имеющей обязательную пространственно-временную локализацию. Кваликативная операция должна установить соответствие построенного термина самому свойству, т.е. определить качество построенного термина. «В результате квалификативной операции терм оказывается определенным образом локализован в пространстве всех других терминов, являющихся носителями данного свойства: он может быть признан обладающим данным свойством в полной мере, обладающим им частично или (в предельном случае) вовсе не обладающим им» [Плунгян, 1988, с. 135]. В количественной и квалификативной операциях обнаруживается соответственно движение от свойства к носителю языка, которому нужно облегчить восприятие счета/исчисления действительности, «результата счета (а не процесса), к которому в той или иной степени все же “привязан” говорящий и приурочено его языковое выражение») [Степанов, 1989, с. 24] и движение от носителя к свойству (ориентация на говорящего, для которого операции являются более или менее непосредственным «выражением произносимого им числа» [Степанов, 1989, с. 24]), или представления о движении времени.

Данные, полученные из информационной глобальной сети, позволяют сделать вывод о том, что количественная операция осуществляет построение термина в системе линейного времени, безразличного по отношению к наполняющим его событиям, гомогенного, мыслимого в качестве однородной и бесконечно далекой субстанции, равной самой себе в каждой своей части; «таким образом, оно может рассматриваться как предсуществующий

каркас, к которому, так сказать, пригнана вселенная и в рамках которого происходит развитие событий» [Успенский, 2002, с. 45]. Применение квантитативной операции можно обнаружить в электронных средствах массовой информации³:

Iraq Crisis: Europe

Vatican rolls out red carpet for Christian Aziz by Richard Owen

Opponents accuse Iraq's Deputy Prime Minister of having blood on his hands

The Vatican is rolling out Vatican the red carpet for Taring Aziz, the Iraqi Deputy Prime Minister, as part of a last-ditch attempt by the Pope to avert an "unjustified war".

The newspaper Corriere della Sera said that Mr. Aziz would be "treated like a media star" when he arrives today for a five-day visit to Rome and Assisi. He will be staying in a luxury hotel on the Via Veneto with his own staff and bodyguards.

Экземпляры знаков, выделяемые на основе применения квантитативной операции, строят терм «Европа», в котором фиксируется условная масштабная сетка ритма функционирования исторического сознания, для которого «центральной» является идея эволюции (а не идея предопределенности всего сущего) – эволюции, в процессе которой постоянно возникает принципиально новое состояние (а не повторяется старое). Каждое действительно новое состояние предполагается связанном при этом причинно-следственными отношениями с каким-то предшествующим состоянием (но не с изначально прошлым)» [Успенский, 2002, с. 44–45].

Терм «Европа» представляет собой когомологию – «границу их границ», выявляющую аспекты глобального (могущего проявиться как событие в любой сингулярности Земли) динамического поведения интеллектуальных систем в том числе, например, в случае странных аттракторов «цивилизаций» или предельных циклов объединения сенсорной и семантической информации в локальных культурах (или микроцивилизациях). Механизм объединения сенсорной и семантической информации в «границах» глобальной информационной сети, на наш взгляд, базируется на экзистенциальной квантификации, необходимой для введе-

---

³ file://D:\General\INTERNET\media\Times Online.htm

ния определенной дескрипции предмета [Крушинский, 1999]: для каждого предмета выполняется вполне определенный предикат, выраженный средствами естественного языка. «Таким образом, в теории категорий объект <...> характеризуется не как множество, не тем, из каких элементов это множество состоит, а своими “отношениями” с другими объектами... Первичными являются его “связи”, а не его строение» [Шафаревич, 1985, с. 229–230]. «Вместо того, чтобы определять свойства совокупности через ее элементы, т.е. с помощью ее внутренней структуры, можно определять их, указывая внешние связи этой совокупности с другими совокупностями. Связи между совокупностями выражаются функциями, а аксиомы для категорий выводятся из свойств функций относительно операции композиции» [Голдблатт, 1983, с. 13], или конфигурационного поля.

Конфигурационное поле представляет собой континуальное поле непрерывных механических смещений («шевелений») объектов относительно друг друга. Пучки «шевелений» конструируют новое состояние (конфигурацию) семантического универсума, потенциально предполагающего возникновение на его границе новой формы. Возникновение формы, место этого возникновения следует, видимо, расценивать как предел «резвления смыслов на плоскости ментального состояния» и как формальную границу «шевелений», начало альтернативного порядка.

Мировой катаклизм, по Овидию, не столько торжество энтропии, распад всякого порядка, сколько альтернативный порядок, продуманная реанжировка элементов действительности, временно переворачивающая нормативное расположение вещей, хотя скрыто на него опирающаяся – к такому выводу приходит Ю.К. Щеглов по прочтении овидиевых «Метаморфоз» [Щеглов, 2002]. Универсальный набор дифференциальных признаков остается в силе: происходит лишь их перераспределение между предметами в их дескрипциях. Отсюда именно дескрипция конструирует символическое репрезентирование предмета, связанное с «практической, или волевой, целесообразностью» [Лосев, 1991] построения информационной среды.

На смену количественному критерию (закон накопления в любой сфере) приходит качественный; на смену линии (непрерывность, движение, одномерность, накопление информации) – точка (прерывность, пауза, многомерность, осмысление инфор-

мации в состоянии покоя) [Григорьева, 1992, с. 314]. В таком случае реальность обретает вид символической матрицы – истока и внутреннего сосредоточия психической жизни; совершенно безусловной, цельной, не имеющей ничего вне себя, скручивающейся сама в себя (хунь жань) и внушающей опыт постижения одиночества (цзянь ду) [Малявин, 2002], или глобальной информационной сети. Глобальная информационная сеть, или символическая матрица, по своему действию располагает особыми топологическими структурами – тактемами – фонетическими словами как организационными наборами (главных и второстепенных) тонов, соотносящихся с ладовой структурой и дающих одну определенную гармоническую окраску [Щека, 1989]. Лингвистическая ладовая структура является основой интонологической системы языка, наряду с фонологической системой алфавита, служащей своеобразным прототипом для системы алфавита.

Интонационные средства передачи информации являются, по мнению Л.А. Кантера [Кантер, 1988], генетически наиболее древними носителями информации, общими для человека и животных. Этологическая концепция универсалий Дж. Охала предполагает поиск биогенетических истоков просодических универсалий, в частности, их отображения в знаковых системах, используемых в животном мире, а также исследование интоногенеза – процесса возникновения, становления и развития просодической системы языка, обусловленного биогенетическим и историко-эволюционным формированием человеческого общества [Кантер, 1988]. Одной из составляющих интоногенеза признается «частотный код», механизм которого заключается в использовании человеком и его животными предками голосовых сигналов определенной частоты для передачи той или иной информации [Кантер, 1988], а также текст-комплекс, или циклический знак [Халина, 1999], – своеобразная резонирующая среда, в которой символ-сигнал «частотного кода» получает свою форму, своего вербума-носителя.

Продуцирование текстов-комплексов активизируется в электоральных кампаниях, построенных на распараллеливании, тривиальной реализации многоступенчатого процесса, моделирование которого определяет назначение абстрактного языка – сводится к реконструкции деятельности развитого абстрактного сознания по совокупности деятельности составляющих его примитивных абстрактных сознаний [Вотьяков, 1998]. При этом вещи-

объекты не размываются, как считает Ю.К. Щеглов, русский филолог, работающий в штате Висконсин США, но размываются по естественным швам и по ним же вступают в парадоксальные новые агрегаты [Щеглов, 2002]. Поскольку процедура замены-имитации осуществляется по уже имеющимся в природе моделям, то эксцентрические рекомбинации в итоге выглядят неожиданно органично и правдоподобно.

Новое состояние семантического универсума – периферия, «провинция» конфигурационного поля «Европа», сконструированного в терме, или циклическом знаке, «Европа» (2003 г., февраль) – обретает форму в 2004 г. в печатных средствах массовой информации, комментирующих действительность ландшафтно-географического комплекса «Алтай» в его сегменте «Алтайский край» после выборов главы административной единицы «Алтайский край» (3 мая 2004 г. – 6 октября 2004 г.).

«Медиакартулярий»⁴, созданный на основе ознакомления с принципами медиафрейминга построения постэлекторальной реальности, позволяет создать представление об особенностях разумной деятельности, мотивируемой состоянием сущностного мира, и особенностях глобально-целостного поведения сложной нелинейной электронной (как совокупности сигналов, передаваемой в информационных траффиках) динамической системы «естественный язык», в противовес естественному частотному коду человека, обладающему и фонологической (прототип алфавита графического), и интонологической (прототип акустического алфавита) системами, т.е. обладающего тоноритмикой, на основе которой осуществляются интонационные синтаксические, коммуникативные, модальные, эмоциональные, стилевые дифференциации, причем базовой интегральной единицей в речи признается именно тон.

Тон фиксирует разные точки подвижного покоя вещи, предмета в сфере принципиальной воплощенности, или инобытия, связанные между собой последовательностью и системой, обнаруживаемой в смысловом содержании вещи. Единичность подвижного покоя, данная как своя собственная гипостазированная

---

⁴ Картулярий в средние века представлял собой сборник копий грамот и описей, относящихся к определенному комплексу владений, большей частью монастырских.

инаковость и рассмотренная как подвижный покой алогического становления в его соотношении с этой инаковостью, в соответствии с позицией А.Ф. Лосева, рассматривается как ритм [Лосев, 1991]. «Короче, ритм есть «множество» (в смысле «Menge»), данное как гипостазированная инаковость и рассмотренная как подвижный покой в его соотношении с этой инаковостью. Или, еще короче, ритм есть число, данное как своя собственная гипостазированная инаковость и рассмотренное как подвижный покой в его соотношении с этой инаковостью» [Лосев, 1991, с. 229].

Ритм как чисто-смысловое умное движение, число (данное в качестве своей собственной гипостазированной инаковости) в концепции сотрудников Лаборатории формальной лингвистики при Парижском университете-VII соотносимо со структурированным множеством свойств, которое формируется элементарными сущностями (единицами семантического уровня) – свойствами и операциями [Плунгян, 1988]. Понятие операции распространяется на все классы значений (значение единицы приравнивается к операции того же рода), а лингвистические (поверхностные) единицы – элементы текста – объединяются «следами операций».

Текст=циклический знак, или терм «*Европа*», объединен «следами операций», тактемы которых ритмически воспроизводятся в содержании-наполнении медиакартулярия, формируемого репликациями мемов полиса Барнаул, представляющего собой интегративную подсистему в общей системе действия «*Россия*». Подобная подсистема отличается воспроизводством образца (терма «*Европа*»), выступающего в виде особого коллективного представления, которое определяет желательный тип социальной системы. Мемами, в контексте меметики, самой поздней ветви эволюционной эпистемологии [Heughen, 1966], именуются автономные реальности, или обособленные от субъекта фрагменты им получаемого знания, под которые, в соответствии с эволюционной эпистемологией, можно подвести научные теории, религии, манеры.

При исследовании мозга, утверждает В. Турчин [Turchin, 1993], обнаруживается, что он являет собой среду, заполненную особыми мемами – автономными реальностями, представляющими фрагменты знания субъекта. В медиакартулярий входят копии знаний (репликации мемов), представляющие варианты одной топологической структуры *media generation*, границы ее дескрип-

тивного представления; особенности логики практических рассуждений в информационной среде, ей соответствующие. В майских выпусках «Комсомольской правды» (2004. 7–14 мая), «Свободного курса» (2004. 6 мая), «Алтайской недели» (2004. 6–12 мая), «Купи-Продай» (2004. 10 мая) отмечается восторженно-свежее зрение интегративной системы «Барнаул» и ощущение возможности передышки в ускорении процесса реализации цикла деятельности развитого абстрактного сознания. Репликации мемов, полученные в электоральной кампании в «Комсомольской правде», создают системы образов, обеспечивающие поиск содержания мыслей, или определяющие плотность интеллигибельного пространства.

Подобные репликации демонстрируют принципы классификации мира, являющиеся, в соответствии с концепцией К. Леви-Строса [Леви-Строс, 1999], изначальными элементами социальной организации. Копии знаний в «Алтайской правде» содержат связки-указатели логической структуры гибридно-диалектной мысли. Подобная логика реконструирует целостность, образующую нечто вроде концептуального аппарата, фильтрующего единое в направлении многого, разнообразие в направлении идентичности. Копии знаний в «Свободном курсе» представляют простые кодовые комбинации, гарантирующие вход в пространство содержания г. Барнаула через структурную логику когнитивной культуры территории, своеобразный «частотный код», символы-сигналы которого включают обозначения (тактемы) примитивного абстрактного сознания в чисто-смысловые умные движения (ритмы). Ритмы осуществляют отображение совокупности частных оценок в глобальную оценку, или абстрактно-логические связки, оформляющие информационное предложение. Информационное предложение символически репрезентирует топологический объект *media generation*. Копии сознания в «Купи-Продай» позволяют определить, какая система правил формирует «субстрат коллективной жизни» [Ларин, 1997], коллективные представления, используемые жителем Барнаула при реализации себя в сети культурно-физических свойств, ориентированной на тоноритмику языка, «абстрактное значение устойчивости (терминальности) и неустойчивости (прогрессиентности)» [Румянцев, 1988, с. 60].

«Октябрьские» копии знаний в этих же изданиях – это своеобразные ячейки упорядочения растревоженной вселенной, в ко-

торых обнаруживаются первичные частицы картин «организованного хаоса». В качестве подобных первичных частиц, считает Ю.К. Щеглов, явлены гибриды – временные образования, сочетающие признаки различных (обычно двух) объектов [Щеглов, 2002], что свидетельствует о завершении процесса распараллеливания и выявления когомологии – «границы» формирования *media generation* – разглаживания складки тоноритмики экзистенциальной интуиции, истолковывающей внутренний реализм информационной эпохи, представленной в глобальной информационной сети начала 2003 г. (февраль). (Вспомним информационное предложение Б. Пастернака: «Февраль. Достать чернил и плакать...»). К складке в традиционном мирозерцании китайцев сводится материя: складки накладываются одна на другую до бесконечности, образуя символическую реальность *par excellence*, предопределяющую бытие вещей [Малявин, 2003]. «Эта реальность есть “принцип утонченности” (мяо ли), саморазличающееся различие, бесконечная конечность, которая обуславливает неразличение вещей. Такова природа “самоестественности” бытия, о которой в Китае говорили: “Чем больше вещи отличаются друг от друга, тем больше они подобны том, что существуют сами по себе”» [Малявин, 2003, с. 286]. Раскрытие глубины посредством «распрямления складки» равнозначно и его сокрытию, поскольку признание какой-либо перспективы созерцания предполагает отказ от всех прочих.

Распрямление складки в «Комсомольской правде» представлено вкраплением в номер от 6 октября тематически заданной энтимемы: «Как победить осеннюю хандру – в «Ночной дозор» добавляют немного Брэда? // Брэд Питт в возможной роли Энтони Городецки» (Брэд – *bread*: хлеба и зрелищ); «Хабенский в роли Антохи, который страдал не по-детски // Жизнь плохая», – написал в предсмертной записке 13-летний Дима из Рубцовского района (Дима был способным мальчиком, Антон – очень веселым и подвижным)» (о детях-самоубийцах): зрелища и жизнь, или жизнь как Зрелище → премьера [«Слишком женатого таксиста»]: [жизни] назначена на 22–23 октября. Читатели могут получить бесплатный пригласительный билет – нужно лишь выиграть в конкурсе «Герой спектакля приглашает на премьеру».

Подробности конкурса в пятничных выпусках «КП» (рубрика «Афиша»). Тематически заданная энтимема *Брэд – bread* спо-

способствует удвоению семантической массы всего выпуска (поскольку она задана на первой странице), достигая своеобразного порогового уровня, маркирующего момент деления конфигурационного поля, или общей конфигурации символического пространства. Пребывание в зоне порогового уровня означает упразднение всех внешних ориентиров, скрадывание расстояния, обнажение пространства как «наполненной пустоты»: пространство в китайской модели предстает «вложенными друг в друга пустотами, или завихрениями» [Малявин, 2003, с. 285]. В этом пространстве инобытие можно классифицировать как реальное бытие, обучение пребыванию в котором происходит через моделирование информационных секвенций (образец одной из которых реконструирован выше), осуществляющих фрейминг трафика media generation в информационной среде, ориентированной на тоноритмику языка и интонологическую (частотнокодую) модель мира.

Если «Комсомольская правда» в октябре 2004 г. осуществляет разъятие естественных швов вселенной, – смешение зрелищности действия и аффективности жизни, – то «Алтайская неделя» фиксирует хаотичность встревоженной вселенной, особый порядок хаоса: *«Лапшин выиграл процесс, но проиграл рейтинг», «Телевизор не будет пособником. После событий в Беслане российские власти собрались не только упразднить выборность губернаторов и одномандатников Думы, но и ограничить свободу прессы»; «Нина Данилова: “Выход можно найти всегда”»; «Алтайская неделя» продолжает знакомить читателей с позицией по различным вопросам депутатов краевого совета».*

«Купи-Продай» создает таблицы обучения языку коммуникации с информационной средой и существования в реанжированной действительности. «Свободный курс» дает дескрипцию языкового существования в новом порядке, построенном на ритмических связях гипогиперонимического и антитезного типа: *«Это назначение, а не избрание»; «Часть 2 статьи 55 Конституции РФ гласит, что в России не могут принимать законы, умаляющие права человека. Но сейчас у нас, избирателей, отнимут право выбирать главу региона. Это нарушение»; «Происходит процесс подрыва основного принципа федерализма. Посредством реформ идет унификация государства, что приведет к изменению государственного устройства страны».* Су-

ществование в новом упорядоченном конфигурационном поле активизирует деятельность абстрактного сознания, переводящего дескрипции в ранг дефиниций, в результате чего создаются новые виртуальные топологические структуры – когомология – граница границ варьирования универсума синтетического слова.

Новый виртуальный топологический объект – «демократия», детерминирован результатом самоорганизации термина «унификация» в текстовом сегменте: *«Какая-то реформа србатывает, какая-то не србатывает – это объективный процесс. Все новые законы не противоречат конституционным нормам. Унификация – это благо, единое правовое пространство, игра по единым правилам»*. Новая дефиниция, продукт деятельности обыденного сознания, есть некий стимул, предполагающий возникновение пропозиции, специфицирующей ту теорию=опыт, детерминировавшую появление стимула, «завязанного на поведении» [Куайн, 1986]. Подобная пропозиция – «утверждение наблюдения» – оформляется, производя фрейминг содержания многомерного, гибридного, объекта *«давайте мы вместе сфотографируемся и будем вместе печататься»*. Пропозиция «игра» (информационная микросеть) заменяет более типичный для русского Storyspace «Игрок» (игрок Достоевского, Герман Пушкина, фаталист Лермонтова и т.п.): *«Когда решение один игрок принимает за всех и настаивает на его исполнении – это, кажется, называется диктатура. Каким может быть финал такой игры, показывают исторические примеры: вряд ли удастся отделаться синяками и шишками. Тем не менее, большинство остальных игроков с новыми правилами заранее согласно. Надеются, что, когда игра примет дурной оборот, успеют сказать: “Ну все, я так не играю”*. Только каждый знает, что *играть* интересно лишь тогда, когда силы *игроков* равны. Да и результат *игры* должен быть заранее неизвестен. Это и есть демократия».

Таким образом, в октябрьском выпуске «Свободного курса» 2004 г. происходит оформление «универсума рассмотрения высказывания», или, согласно логике практических рассуждений City-Барнаул, универсума рассмотрения синтетического для Нового света термина «демократия», т.е. области значений, которая ограничивает эту единицу: демократия – это игра между равными по силам игроками, с заранее неизвестным результатом. Прежнее определение демократии подразумевало, что демократия означа-

ет форму общественной власти государства, основанную на признании народом источника власти, его права участвовать в решении государственных дел, в сочетании с широким кругом гражданских прав и свобод.

В современном мире демократия ассоциируется с принципом смены правительств посредством периодических свободных многопартийных выборов. Успешность свободных выборов на рубеже столетий во многом зависит от умения вести языковую игру с оппонентом и электоратом, которая неизбежно основывается на акте «свертывания», «обретения внутренней силы», «воспроизведения незримых траекторий обращения жизненной силы в организме», которая «согласно представлениям китайской духовной медицины, всегда движется по спирали, или, говоря шире, по сфере, плавно и без разрывов, причем ее беспрепятственное истечение предполагает равновесие (всегда подвижное и конкретное) пустого и наполненного, жесткого и мягкого во внутреннем состоянии» [Лосев, 1991, с. 282].

Понятие «свертывания» обозначает момент скручивания, который необходим для смены вектора движения. Оформление универсума синтетического слова и семантического континуума Latin следует расценивать как сигнал смены частотного кода абстрактного сознания, свидетельствующий о смене вектора движения в семантическом континууме «Киевская Русь», моделируемым старославянским языком. «С ранних времен принятия христианства и письменности у славянских народов, особенно тех, которые оказались в сфере влияния Греко-византийской культуры, литературным, государственным и дипломатическим языком был язык славянский, т.е. близкий к народному (так же у других племен, находившихся в кругу того же византийского влияния, у армян – армянский, у грузин – грузинский). Между тем на Западе, не только в первые века (и вплоть до XIII–XIV вв.), но и долго после, семья романских и германских племен имела один общий церковный, культурный и дипломатический, хотя и мертвый, язык, язык латинский» [Виноградов 1940, с. 38]. Старославянский язык, будучи литературным языком славянских народов, существовал в двух главных вариантах: чешско-моравском и болгарском (IX в.). В X–XI вв. возникает третий вариант литературного славянского языка – восточнославянский (русский).

Резкое усложнение топологической структуры предельных траекторий движения нелинейных динамических систем – русской когнитивной культуры, украинской когнитивной культуры, белорусской когнитивной культуры (составляющей которых является символическая система «язык») – привело к образованию странного аттрактора *«Помаранчева революція»*: *«Під час другого туру тиск на виборці в використання адмінресурсу, брудні технології в пропаганді та ві дверте нехтування нормами закону и моралі з боку старого режиму сягнули своего апогею: ЦВК оприлюднила підтасовані на користь провладного кандидата результати виборів: Віктор Ющенко – 49,69%, Віктор Янукович – 49,42% голосів. Народ України та міжнародна спільнота не визнали результатів, оголошених ЦВК, а вибори назвали такими, що не відповідають правовимі демократичним стандартам. По всій Україні розпочалися широкомасштабні акції протесту, що згодом увійшли в історію под назвою Помаранчева революція»* («Так. Наша Україна. Народний союз»).

Помаранчева революція, таким образом, – это а) широко-масштабная акция протеста избирателей, недовольных числовыми эквивалентами, зафиксировавшими сигналы-символы частотного кода, сигналы чисто-смыслового умного движения; б) ритм славянского этоса как единичность подвижного покоя самотождественного различия; в) логика практического рассуждения «украинская нация» в информационной среде *«Европа»*, исключающей информационную среду *«Россия»*.

Язык коммуникации в странном аттракторе *«Помаранчева революція»* является семиотической системой (стилевой разновидностью старославянского языка, лишенная языковых содержаний, которые обеспечивают мыслительную коммуникацию представителя индоевропейского языкового союза), производной от двух семиологических структур: украинский литературный язык и русский литературный язык. Украинский литературный язык с XV по XVIII в. выполнял функцию информационной магистральной, в которой реальные факты и события, имеющие место и происходящие в Европе и России, превращались в некие сценарии для повествования, гармонизирующие обоюдное состояние страха. Именно украинский язык осуществлял конфигурацию в пространстве культуры «Россия» схоластического образования Западной Европы и византийской стихии, которая про-

никала в Европу через славян, в частности, русских. Гармоники, представляющие физико-акустические корреляции ладовой (музыкально-гармонической) системы языка и формирующие тональную систему как информационную копию действительности, фиксируют мир вещной действительности, реальные предметы, отражением которых являются представления, и сами эти «представления, находящиеся в душе, которых непосредственные знаки суть слова» [Античные теория языка и стиля, 1936, с. 60].

Гармоники маркируют ритм функционирования космологического сознания, предполагающего соотнесение событий «с каким-то первоначальным, исходным состоянием, которое никогда не исчезает в том смысле, что его эманация продолжает ощущаться во всякое время. События, которые происходят в этом первоначальном времени, предстают как текст, который постоянно повторяется (воспроизводится) в последующих событиях. Этот первоначальный, онтологически исходный текст, который так или иначе соотносится со всем тем, что случится впоследствии, соответствует тому, что мы понимаем под мифом» [Успенский, 2002, с. 27].

Помаранчева революция представляет собой информационную копию реальности «Киевская Русь», полученную в результате моделирования славянского исторического процесса космологическим сознанием на основе квалификативной операции. Процедура моделирования осуществляется в контексте двух новых парадигм начала третьего тысячелетия, структурирующих синхронно-эманационный образ мышления, – «общение» и «рынок». Квалификативная операция выявляет соответствие построенного термина «*Европа*» (Евросоюз) самому свойству «Европейская цивилизация» с целью его локализации в пространстве других термов, существующих в системе циклического времени, времени негомогенного, качественно разнородного, немислимого отдельно «от событий, которыми оно наполняется, в противном случае цикличность времени никак не проявляется» [Успенский, 2002, с. 45]. В системе циклического времени существовали индийская, китайская, вероятно, славянская цивилизации.

Две новые парадигмы третьего тысячелетия «общение» и «рынок» представляют собой несущие опоры, на которых зиждется система современного мира, в котором развиваются интенсивно лишь виды деятельности, имеющие четыре основные ха-

рактические: планетарность, постоянство, непосредственность и нематериальность. Эта «четверка» – ведущая сила глобализации, главного и определяющего явления нашей эпохи» [Успенский, 2002, с. 25]. *New* гармоника славянского мира обретает форму репликации-молитвы, деривационной средой существования которой становится текст СМИ: «*И я молюсь: Господи, дай родной Украине пережить и эту авантурную руину, чтобы прозрели, воспрянули мы и ожили, и стали не заповедником “перевертнів” – кривоверов, не евроотходами, не страной механических апельсинов, а полноценной державой*» (А. Яровой. Страна механических апельсинов // 2000. 2005. 2 дек.). В данном фрагменте обращает на себя внимание «редакция» основного линка славяно-русской эпистемы», определенного в «Русской правде»: «если, то» – «чтобы и, и не, а», представляющая реанжировку классически латинского (а следовательно, традиционно европейского) *tertium non datur*.

В новой редакции парадигм общения и рынка «русская правда» обретает форму *A Clockwork Orange*, топологического виртуального объекта, опосредованную дефиницию которого дает в «наболевших мыслях непомаранчеваго украинца» А. Яровой со ссылкой на представителя Старого света Э. Берджесса: «*Как писал англичанин Э. Берджесс, треть века назад в “Заводном апельсине” (A Clockwork Orange): “Тебе не на что жаловаться, мальчик, ты свой выбор сделал, и все происшедшее – лишь следствие этого выбора. Что бы теперь с тобой не случилось, случится лишь то, что ты сам себе избрал*». Образование нового топологического виртуального объекта в преддверии Европе («*A Clockwork Ukraine*») на базе странного аттрактора «Помаранчева революція» (обращаем внимание на результативность, а не на динамичность деривационно-мутационных процессов в латентной истории славянского мира) обнаруживает глобальные динамические структуры движения, которые характеризуют славянский союз (западно-восточноюжный) как целостно-устойчивую динамическую систему, когомологии которой находятся на периферии конфигурационного поля «Европа» – юге Сибири, связанном в особую виртуально-топологическую структуру с Уралом. (Заметим, что в 1730 г. Штраленберг, шведский офицер на русской службе, высказал предположение, что граница Европы должна быть отодвинута с Дона до Уральских гор и реки Урал [Дэвис, 2004]).

К подобным выводам возможно прийти, опираясь на глобальный анализ, попытка лингвистического применения которого и была предпринята в данной главе. «Глобальный анализ рассматривает в качестве основного объекта своего изучения полное многообразие всех возможных движений, траекторий-решений данной динамической задачи как некоторый обобщенно-пространственный объект, который и исследуется далее весьма новыми методами современной топологии, алгебраической геометрии, теории связности и так далее» [Акчурин, 2002, с. 47].

Теория концептуальных отображений исследует формообразующие и самовоспроизводящие факторы объекта, а также телеономические аспекты их глобального поведения. Подобная теория предполагает осуществление топологической (когомологической) переформулировки основных динамических уравнений физики, и, как следствие, основных лингвистических постулатов, определяемых на физической реальности текста. Подобные лингвистические постулаты целесообразнее изучать через погружение в деривационную среду бытия синхронного, синтетического слова, в качестве которой разумнее всего рассматривать в начале третьего тысячелетия формально-смысловую универсум СМИ.

Глава 11

ТЕКСТОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА КИЕВСКОЙ РУСИ В КОММУНИКАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ ИСТОРИИ

Построение истории восточнославянского православия и построение истории семиотического единства «русский народ» как самостоятельного национально-государственного единства представляют собой две самостоятельные задачи, решение которых было препоручено к моменту ментального коллапса союзного объединения X в. «Европа» Причиной коллапса, как можно предположить, стала утрата латинским языком способности к лингвистическому перформансу в силу его неспособности удовлетворить потребности в создании мира абстрактных сущностей, адекватно отражающих представление членов объединения о Мире Форм.

Опираясь на классификацию задач планирования распределенных вычислений в масштабируемых средах – распределения семантики (ресурсов семантического универсума) в средах деятельности искусственного интеллекта [Топорков, 2004], можно говорить о задачах статического планирования и задачах динамического планирования. К первому типу задач относится оформление восточнославянского христианства, или православия, ко второму типу задач – моделирование этнической общности «русский народ». Коллизии параллельных процессов, как утверждает В.В. Топорков, обусловлены конкуренцией за использование одного и того же ресурса.

В масштабируемых средах коллизии разрешаются введением дополнительных ресурсов, что имело место в XX в. – оформление единства (*unity*) СССР, накануне завершения тысячелетнего цикла обращения онтологической категории Иисус Христос в истории восточноевропейского (отделяем от кавказского) православия. Семантика существования онтологической категории и ее прагматическая знаковая актуализация создали особую текстовую реальность «Русская Космология», которая фундировала жизнедеятельность Древней Руси (Киевской Руси и сопредельных с нею территорий, существующих в коллизии параллельных

процессов православия и этногенеза). *Русская космология* – материально-диалектическое (построенное на соответствии знака и означаемой идеи) учение о православии как семантической вселенной (Semantic Universe), основанное на результатах умозерцательно-семиотической практике (абсолютного акта) самоутверждения в Боге – акте вечного творчества.

Модель текстовой реальности «*Русская космология*» создается автором монографии на основе фрагментов источников, предлагаемых к рассмотрению студентам педагогических институтов по специальности №2101 «Русский язык и литература» в Хрестоматии по истории русского языка (М., 1990), составленной В.В. Ивановым, Т.А. Сумниковой и Н.П. Панкратовой [Иванов, Сумникова, Панкратова, 1990]. В качестве элементов модели избираются тексты, характеризующие существование семантической вселенной *Slavs* до 1243 г., года открывающего отсчет истории коммуникации восточноевропейского православия с ризоматичной аксиологией и идеологией татаро-монгольских номадов. (Кстати, собственно в Европу номадологическая модель мироздания проникла только в рамках парадигмы постмодернизма, будучи оформленной в работах Ж. Делеза и Ф. Гваттари [Deleuze, Guattari, 1976].

В номадологическом мироздании превалирует установка на отказ от характерных для классической метафизики положений, касающихся: а) жестко структурированной организации бытия; б) дискретной дифференциации пространства посредством семантически и аксиологически определяющих точек; в) принудительной каузальности, или детерминизма; г) оппозиций внешнего и внутреннего, прошлого и будущего; д) смысла в качестве имманентного миру (объекту) и раскрывающемуся субъекту в когнитивных процедурах. Иначе: номадологическое мироздание предполагает неструктурированное бытие, недискретизированное посредством точек пространство, неприятие импликации в качестве единственного способа соединения реального (материального) и виртуального (умозрительного) (отрицание принудительной каузальности, противопоставленности внешнего–внутреннего, прошлого–будущего, раскрытия человеком природного смысла посредством рациональных процедур).

Тексты «Хрестоматии» (1990) представлены в модели текстовой реальности «*Русская космология*» в виде проб, по кото-

рым можно составить представление о языковых особенностях источника и его роли в языковой жизнедеятельности представителя православно-национально-государственной общности Киевская Русь, или Древняя Русь.

**Линейная модель текстовой реальности
«Русская космология»**

1056–1057 гг. *Остромирово евангелие*¹

1 Въ оно врѣмѣ . сто ише ноамъ . н отъ оученикъ кго дѣва ◊ н оу 5 зьрѣ ꙗса ндж ца . н гла . се агнь ць бжии ◊ н слыша ста н . ова оучени ка глѣщѣ . н по ꙗсѣ 10 ндоста ◊ обраць же са ꙗс ◊ н видѣкъ та по севѣ нджца . гла н ма ◊ чьсо шцета ◊ о на же рѣста кмоу ◊ 15 равви . кже глѣтъ са съказакмо оу чштею . кѣде жи вешн ◊ гла нма ◊ придѣта н види 20 та ◊ придоста же н видѣста кѣде жи вѣше . н прѣкыста	оу нкго днь тѣ ◊ година же вѣ тако 25 десѣтаи ◊ вѣ же а идреѣ братъ симо на петра . ндинъ отъ овож слышавѣ шоую отъ ноана . н 30 но нкмы шѣдѣшоу ж ◊ обрѣте съ прѣ жде брата свонго симона . н гла кмоу ◊ обрѣтохомъ меси 35 ж . кже ксть съка закмын хѣтъ ◊ н при веде н къ нѣсан ◊ възрѣвѣтъ же на нь ꙗс . рече . ты кси си 40 монъ . снѣ номнѣ ◊ ты наречешн са кифа . кже съказа ксть са петръ ◊ ко^н

Евангелие-апракос с расположением чтений по праздничным дням церковного календаря. Переписано для новгородского посадника Остромира.

¹ Тексты приводятся по изданию: Хрестоматия по истории русского языка: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. №2101 «Рус. яз. и лит.» / Авт.-сост. В.В. Иванов, Т.А. Сумникова, Н.П. Панкратова. М., 1990.

1073 г. *Сборник Святослава* (Изборник)

Древнерусский список сборника из переводов с греческого языка, составленного для болгарского царя Симеона (892–927 гг.). Представляет собой своего рода научную энциклопедию того времени. Полагают, что написание сборника было начато при великом князе киевском Изяславе, а окончено при Святославе, изгнавшем из Киева своего старшего брата в 1073 г.

1	Иѡанна отъ лѣствица ꙗ	жѣте · никого же
	Сльшахъ нѣкъна	не прѣзрите · ник
	миръска лѣннво	го же ненавидите · баѡ
	живоушга главьша	20 да са въздържите ·
5	къ мнѣ · како може	цркъвнынхъ съборъ
	мъ съ подроужькль	не отълажчате са · не
	живоуште и въ печа	моштъныа милоуи
	лъхъ соуште чръньчъ	те · никого же не събла
	скы жити · къ ни	25 зинте · штъжен частн
10	мъ же отъвѣштахо	не прибяжанте са · и
	мъ · все канко же мо	довъльни воудете оуро
	жете багок твориті	кы женъ вашнхъ аще
	сътворите · никого	тако створите · не да
	же не оклеветѣте ·	30 лече воудете црствн
15	никого же не окради	га небесьскааго ꙗ ꙗ ꙗ
	те · никомж же лѣ	(Л. 93)

1076 г. *Изборник*

Содержит переводы с греческого творений отцов церкви, их переработок и кратких изречений на общеморальные темы. Предполагают, что создан на Руси XI в.

1095–1097 гг. *Новгородские служебные минеи*

Сборники песнопений, предназначенных для исполнения во время богослужения и расположенных по дням календаря.

XI век. *Новгородские берестяные грамоты*

Берестяные грамоты представляют собой частную переписку и тексты делового содержания самых широких слоев населения. Отражают языковые особенности писавших, черты древнего новгородского говора в орфографическом плане отличаясь от орфографии древнерусской письменности на пергамене. Не содержат точных дат, их датируют стратиграфически – по культурному

слою, в котором обнаружена грамота – и по данным дендрохронологии.

Грамота №247

Конец XI в. *Синайский патерик*

Синайский патерик – славянское название сборника, в основе которого лежит перевод произведения VII в. «Луг», «Луг духовный», византийского писателя Иоанна Мосха. Содержит рассказы о путешествии автора по странам юго-восточного Средиземноморья.

- 1   ѿ кадинаго попрыща . стго пердана .
рѣкы лабра ксть авва . герасима нари ||
цакма . къ тоу лаврю прѣходящемъ намъ .
повѣдаша . сѣдацин тоу старыци . о авѣ ге
5   расимѣ . ѿхожда кадиною по влатоу стго не
рдана . оузырѣте и лавъ зѣло рыдал ѿ ноги
свока . имаше во трыстаноу трѣскоу оуны
зышо кмоу . ѿко ѿ сего отци кмоу ноуѣ . и
пльнѣ гноа быти . ѿко же оузырѣ лавъ ста
10   рыца . показаше кмоу ногоу . ѿже бѣ лавъ
на ѿ оунызышаша порѣзи . плача сѿ ѿко
и нѣчьсо и мола сѿ кмоу . ищѣленъ ѿ него
быти . ѿко же видѣ и старыцъ . въ такомъ бѣ
дѣ . сѣдъ и имъ и за ногоу и розданѣ мѣсто
15   ица трыста . съ многомъ гноимъ . и добрѣ о
чистникъ строути . и обазавъ платомъ поу
сти и . лавъ же ищѣленъ . по семь не оста ста
рыца . нѣ ѿко свои оученикъ . талко же пдала
ше кмоу . ѿко чюдити сѿ старыцю . толкж
20   разоуемоу зѣбри . и прочек ѿтолѣ старыцъ пи
таше и . помеща кмоу хлѣвъ и мочена сочи
ва .

Конец XI – начало XII вв. *Кондакаръ*

Сборник кратких церковных песнопений (кондаков), каждое из которых в рукописи представлено дважды: без нот и с нотами, письмом с растяжением гласных соответственно их длительности при пении.

XI–XII в. *Новгородские берестяные грамоты*

Грамота №109

Начало XII в. *Мстиславово евангелие*

Написано для новгородского князя Мстислава Владимировича, сына Владимира Мономаха. Новгородским князем он был с 1095 по 1117 г. Обычно евангелие датируют началом XII в. до 1117 г. Предположительно оно написано на юге Киевской Руси.

Граффити Софии Киевской XII в.

Граффити (итал. *graffiti* – ‘нацарапанный’) – древние надписи, нацарапанные на стенах зданий.

Здесь приведены две записи из Софийского собора в Киеве.

Запись о мире на Желяни

Мѣца декабря
въ · д · е сътвориша
миръ на желани
святотѣакъ вола
димиръ и ольгъ

Запись о покупке Бояновой земли

- 1 Мѣца кнарѣ въ · д · стѣго нп [оли] та
крила землю кнѣгынѣ боіаню
всеволожаа передъ стѣю софнкію
передъ попы а тѣ былъ по
- 5 пингъ іакимъ дѣмилѣ пателен
стипѣкѣ михалькѣ нѣжьнович
милъ данило марко съмѣюнъ михал
еласавничъ иванъ іангъчинъ
тѣддоръ тобѣиновъ ильѣ копы
- 10 ловничъ тѣддоръ вързѣтничъ а пере
дъ тими послѣхы кѣпи землю кнѣ
гынѣ боіаню всюю · а вѣдала на нѣи
семь десѣтъ гривнѣ собоани а въ томъ
дранѣцѣ семь сътѣ гривнѣ ·

Начало XII в. *Новгородские берестяные грамоты*

Грамота №424

Около 1130 г. *Грамота великого князя Мстислава Владимировича и сына его Всеволода новгородского Юрьеву монастырю*

Основание для датировки: год приезда новгородского князя Всеволода к отцу великому князю Мстиславу в Киев.

- 1 • Се азъ мѣстиславъ володимиръ снѣ держа роу
сьскоу землю въ свои княженни повелѣаъ к
смѣ сноу свикмоу всеволодоу ѿдати [боуи]
цѣ стѣмоу георгиеви съ данно и съ вирами и съ
• и кено [воское]
- 5 продажами даже которыи князь по мѣмъ кня
женни почынетъ хотѣти ѿати оу стѣо георги
[а . а] бѣ коуди за тѣмъ и стѣаи вѣа и тѣ стѣи ге
ргии оу него то ѿтимаеъ . и ты нгоумене [иса
ик .] и кы братиѣ . донкаѣ же са мирѣ състонть .
- 10 молитѣ ба за ма и за моѣ дѣти . кто са нгоуства
нетъ въ монастыри . то кы тѣмъ дѣлжнии к
сте молити за ны ба и при животѣ и въ сѣмъ
рти . а азъ даль роукою своєю . и осеньники по
людик даровьнок полѣтртнѣа десате гри
- 15 вѣнѣ стѣмоу же георгиеви . а се ѿ всеволодѣ да
лъ ксмѣ вѣудо серебряно . въ [-а .] грѣвнѣ серебра .
стѣмоу же георгиеви велѣаъ ксмѣ бити въ
ни на шѣдѣу коли нгоуменѣ шѣдѣактѣ .
даже кто запъртитъ нан тоу дань и се вѣо
- 20 до . да соудитъ к [моу бѣ въ днѣ пришьстви
а с] вонго и тѣ с[тѣи георгии]

40–50 гг. XII в. *Новгородские берестяные грамоты*

Грамота №42

1164 г. *Добрилово евангелие*

Евангелие-апракос написано уставным письмом в два столбца двумя писцами. Один из них, Добрило, сделал запись, в которой указал, что написано евангелие в 1164 г. Существует два предположения о написания евангелия – Новгород и юг Руси. Наиболее аргументировано южное происхождение.

70–90 гг. XII в. *Новгородские берестяные грамоты*

Грамота №9

1192 г. *Грамота, данная Спасо-Хутынскому монастырю*
Основание датировки: известие Новгородской I летописи о построении Варлаамом в 6700 (т.е. 1192) г. церкви на Хутыне.

XII–XIII вв. *Новгородские берестяные грамоты*

Грамота №439

Конец XII – начало XIII в. *Список Жития Феодосия Печерского*
Житие Феодосия Печерского – оригинальное произведение древнерусской литературы, написанное монахом Киево-Печерского монастыря Нестором во второй половине XI в. (до 1088 г.) или начале XII в. Сохранилось в многочисленных списках XII–XVIII вв., древнейший из которых – список в Успенском сборнике конце XII–XIII в.

1	Мы же пакы пондемя на прь вок исповѣданиа стѣаго се го отрока - растыи оубо тѣлаъ мъ и дшею влекомъ на любѣъ		
5	въ бжню - и хожаше по вса дни въ цркви бжню послушата бжствныхъ книгъ - съ всѣ въ вниманикмъ кце же и къ дѣтлмъ играющимъ не		
10	приванжаше сѧ яко же озы чан кетъ оунымъ - нъ и ги оушаше сѧ играмъ ихъ - ш дежа же кго въ хуѣда и спла тана - о семь же многоашъ		
15	ды родителема кго ноудѧ щема и овлещи сѧ въ шде жо чнстоу - и на шры съ дѣтлми изити - онъ же о	20	семь не послушаше ею - нъ паче изволи быти тако кдннѣ ѿ оубогыхъ - къ си мъ же и дати сѧ на оучени к бжствныхъ книгъ - кднномоу ѿ оучителѧ ѧ
		25	ко же и створи - и въскорѣ извыче вса грамотники ѧ - и ако же всѣмъ чюди ти сѧ о премоудрости и ра зоумѣ дѣтнца - и о скорѣ
		30	мъ кго оучении покорени к же кго и повиновеникъ къ то исповѣсть - кже сътѧ жа въ оучении скокмъ - не тѣкмо же къ оучитѧ
		36	лю скокмоу нъ и къ всѣ мъ оучающимъ сѧ -

Начало 1219 г. или 1222 г. *Житие Нифонта*

Переводное произведение с греческого, известное в двух редакциях.

1229 г. *Торговый договор смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригой и Готским берегом*

Заключен в 1229 г. Условия договора подтверждались на протяжении XIII–XIV вв. и другими смоленскими князьями, в связи с чем текст уточнялся и переписывался.

1280 г. *Русская правда*

Крупнейшее юридическое произведение Древней Руси, основанное на судебной практике восточных славян X–XII вв.

1	соудѣть <u>царю</u> <u>слава</u> · <u>володи</u> <u>мирица</u> · —	20	коупецъ · <u>любо</u> <u>твѣ</u> ѣ нѣ <u>богарескѣ</u> · <u>лю</u> <u>ко</u> <u>мечникѣ</u> · <u>любо</u> <u>изгон</u> · <u>любо</u> <u>слове</u> <u>нинѣ</u> · <u>то</u> · <u>м</u> · <u>грвнѣ</u>
5	<u>Правда</u> <u>русьская</u> · <u>а</u> <u>жь</u> <u>оубьить</u> <u>моу</u> <u>жь</u> <u>моужа</u> · <u>то</u> <u>мьсти</u> <u>ти</u> <u>братоу</u> <u>брата</u> ·	25	<u>положити</u> <u>за</u> <u>нѣ</u> · — [П]о <u>тарославѣ</u> <u>же</u> <u>на</u> <u>кы</u> <u>сѣвѣ</u> <u>коупивѣ</u> <u>шеса</u> <u>снѣ</u> <u>нго</u> · <u>иза</u> <u>славѣ</u> · <u>стѣ</u> <u>славѣ</u> ·
10	<u>любо</u> <u>щю</u> <u>любо</u> <u>сноу</u> · <u>любо</u> <u>вратчадоу</u> · <u>любо</u> <u>кратно</u> <u>снѣ</u> ·	30	<u>всеволодѣ</u> · <u>н</u> <u>моу</u> <u>жи</u> <u>нхъ</u> <u>кѣснѣ</u> <u>во</u> · <u>перенѣ</u> · <u>ни</u> <u>кифорѣ</u> · <u>н</u> <u>шложн</u> <u>ша</u> <u>оуенини</u> <u>за</u>
15	<u>боудеть</u> <u>кнажь</u> <u>моужь</u> · <u>или</u> <u>твѣ</u> ѣ <u>на</u> <u>кнажа</u> · <u>аче</u> <u>ли</u> <u>боудеть</u> <u>русьнѣ</u> <u>любо</u> <u>грндѣ</u> · <u>любо</u>	35	<u>головоу</u> · <u>нѣ</u> <u>коуна</u> <u>ли</u> <u>са</u> <u>выкоупати</u> · <u>а</u> <u>нно</u> <u>все</u> <u>яко</u> <u>же</u> <u>царю</u> <u>славѣ</u> <u>соудилѣ</u> · <u>та</u> <u>ко</u> <u>же</u> <u>н</u> <u>снѣ</u> <u>нго</u> <u>оу</u> <u>ставиша</u> · —
		40	

Новгородская первая летопись по Синодальному списку XIII–XIV вв.

Синодальный список I Новгородской летописи представляет собой летописный свод новгородского происхождения с изложением событий преимущественно в северо-восточной Руси начала XI – середины XIV в.

1 В лѣтѣ · · · · · ѡ · ѡ · а · г · вы
ведоша новгородци изъ пль
скова · тарослава тарославича |
і посадиша ѣ на столѣ · а
василь
5 та выгнаша вонь · і то слыша
въ олександрѣ оуць василь
евъ · по

действия античной науки и тщательно разработанной философской системы понятий, которая вызывала «у племен, к которым перешла власть, еще менее интереса и понимания, чем светлые образы греческого искусства» [Виндельбанд, 1997, с. 221]. Из духовного содержания античной культуры было сохранено то, что было воспринято учением христианской церкви. Однако не только античный космос лишился своей объемности, «исчезли целые миры духовной жизни, которые только гораздо позднее с трудом были извлечены из-под развалин» [Виндельбанд, 1997, с. 222]. Конец анархии и наступление периода возрождения цивилизации связывается с коронацией в 800 г. Карла Великого. Просвещение и строительство монастырей как центров культуры приходится на 871–899 гг., период правления англосаксонского короля Уэссекса Альфреда Великого. X–XII вв. отмечены ассимиляцией, приобщением к местной – европейской – культуре викингов и норманнов, осуществлявших грабительские завоевательные походы.

Вместе с древней культурой угасала и творческая сила мышления, отмечает В. Виндельбанд, новые народы было необходимо подготовить к научной работы, с чем и должно было справиться учение Августина, объединившего все нити церковной и эллинской философии. Этим в общих чертах отличался первый период средневековья (приблизительно до 1200 г.). Второй период средневековья (приблизительно с 1200 г.) характеризуется удовлетворением потребности в фактических познаниях: соприкосновение с восточной культурой, осуществленное в крестовых походов, открыло народам Европы новые миры духовной жизни; арабская и еврейская наука проникли в Париж. «Эта наука, – как считает В. Виндельбанд, – сохранила учение греческого мышления и знания в более непосредственном и полном виде, чем монастыри Запада. Багдад и Кордова сделались более обширными и богатыми центрами научного знания, чем Рим и Йорк» [Виндельбанд, 1997, с. 262]. Парижская наука ознакомилась не только с логикой Аристотеля, но и его философией, что придало свежие силы умирающей диалектике и сделало более зрелой технику мышления. В это время произошло слияние всемирно-исторических идейных масс, духовным отцом которого признается Альберт Большгедский, создателем исторической формы Фома Аквинский, автором поэтического изображения Данте («Божественная комедия»).

Между 1150 и 1250 гг., как считает В. Виндельбанд, совершалась рецепция Аристотеля. Новая логика, новый метод – диа-

лектика, введенная с помощью силлогистики, оказалась полезной в том числе и для изложения Церковью собственного учения. Существо этого, схоластического по своей сути, нового метода состояло в том, что исследуемый текст при помощи разделения и разъяснения разлагался на несколько положений. Соответственно выставляется ряд вопросов и указываются возможные ответы: оформляется так называемая эротетическая логика, или логика вопросов и ответов, которая составляет основу феноменологического диалога русского «Стоглава» (1551) и американской культуры организации онтологического пространства последней трети XX в. Приводимые для обоснования и для опровержения ответов аргументы излагаются в форме ряда умозаключений, из которых вытекает окончательный вывод. Впервые схема нового логического метода была применена Александром Гельским в работе *Summa universae theologiae*. Его примеру последовали Винсент де Бовэ в *Speculum quadruplex*, Джованни Фиданца, по прозвищу Бонавентура. Последний применил схему к учениям викторианской мистики, к особо характерным сочинениям этого автора относят *Reductio atrium ad theologiam*.

Если европейский разум в X–XIII вв. в поисках способа, объединяющего в нечто единое фрагменты текущей действительности, избирает диалектику, то при построении нового – славянского, скифо-сарматского – типа (возможно, альтернативного) европейской реальности в качестве основного ориентира избирается метафизика – система представлений об основах бытия, о первичных понятиях и закономерностях мироздания.

Культ рационально начала, культ разума, или истинности научного знания, основывающийся на дуализме и редукционизме «классического» (аналитико-синтетического) мышления – видимо, единственный способ придания этнической плюральности европейского континента некоторой непротиворечивости и целостности. Восприятие рассматриваемого объекта как целостного, считает Т.Е. Владимирова, базируется на триадных структурах: древнейшая традиция представления целостных объектов как триединств восходит к платоновскому пониманию целого [Владимирова, 2006]. Автор, описывая особенности триединства в христианской культуре, опирается на работы С.С. Аверинцева, Г. Померанца, Г.П. Федотова.

Идея триединства в христианской культуре в догмате Троицы передает представление о Боге, сущность которого едина, но

бытие которого есть личностное отношение трех ипостасей: Отца – безначального Первоначала, Сына – Логоса, т.е. абсолютного смысла (воплотившегося в Иисусе Христе) и Духа Святого – «животворящего» начала. Ипостаси или лица христианской Троицы, считает С.С. Аверинцев, пронизаемы благодаря личному самостоянию и обладают самостоянием благодаря пронизаемости, которая есть чисто личное отношение любви [Аверинцев, 1988]. Троица, по мнению Г. Померанца, является мотивом и мотиватором тринитарного мышления [Померанц, 1995]. Основы тринитарного мышления – триединая целостность – в работах Г.П. Федотова рассматриваются как базовая составляющая нравственного закона русского народа: «Изучая содержание этого закона, мы обнаружили в нем не два, а три элемента: ритуалистический, каритативный и натуралистически-родовой. Эта тройственность народной этики сама ставит вопрос: имеем ли мы право оставаться при нашем метафизическом дуализме, который оказывается таким образом оторванным от структуры этического мира? Не стоит ли внести в этот метафизический мир трехчленное деление?» [Федотов, 1991, с. 84].

Триединая целостность положена в основу кириллической (глаголической) графической модели мира, а также является базовым (виртуальным) измерением многомерной текстовой реальности, построение которой осуществляется при посредстве кириллической (глаголической) азбуки. Измерениями текстовой реальности являются *евангелие, житие, летопись, грамота, договор, «правда»*: формы соединения «положения дел» (фактологического ряда), внутреннего узрения исторической сущности происходящего (существова творимой истории), мотивированного каритативностью (предостережением от нарушения закона милосердной любви), и церковнославянской семиотической системы в выражении суждения, или герменейи.

Суждение, по Аристотелю, есть рефлектирующая мысль, которая разъединяет и соединяет; предложение есть выражение рефлектирующей мысли. Возможно предположить, что измерения текстовой реальности X–XIII вв. *Русская космология* представляют собой формы выражения рефлектирующей мысли, аналогичные в русской коммуникации этого исторического периода высказываниям М. Фуко – сегментам человеческого знания и одновременно сегментам соответствующей дискурсивной практик.

Русская космология может быть определена как разновидность комментария к инобытию, которое, как считает А.Ф. Лосев, есть только частичное повторенное бытие [Лосев, 1994]. Бытие понимается как нечто принципиально целое – определенная смысловая («умная», «идеальная», «бесплотная») значимость, отличная от самой субстанции бытия. Бытие есть нечто, нечто целое, и личность, и все личностное в бытии, т.е. личностно-бытийственное независимо от протекания времен, есть также нечто целое и «не может не иметь своего «идеального», «бесплотного» коррелята» [Лосев, 1994, с. 237]

Рассмотрение первозданной мифической сущности следует осуществлять, по мнению философа, исходя из основной диалектической триады – *идеи, материи, вещи*: «Идея, или смысл, есть нечто осмысливающее, оформляющее; материя – инобытийно приемлющее, то, что приводит смысл к осуществлению и воплощению; вещь – синтез идеи и материи, воплощенная идея и смысл, осмысленная и оформленная материя» [Лосев, 1994, с. 234]. Определенная смысловая («умная», «идеальная», «бесплотная») значимость есть бытие как нечто принципиальное целое, отличное от самой субстанции бытия. Личность также есть нечто целое, не могущее не иметь своего «идеального», «бесплотного» коррелята, нечто, подражающее первосущности. Максимальное подражание первосущности предполагает максимальное присутствие первосущности в твари: «тварь умно, *сознательно* отождествляет и себя, и все инобытие – с Богом» [Лосев, 1994, с. 237]. Принимая на себя исходящую от Бога полноту, личность (тварь) осознает себя и инобытие наполненным со стороны Божества. Это означает, что неотъемлемым свойством-функцией личности становится «*непрестанно славословить Имя Божие*», тем самым подражая первосущности. Принятие «полноты славословия (или умного отождествления с Богом) делает возможным общение его и всему прочему» [Лосев, 1994, с. 237–238].

Бесконечно обширное бытие, наполненное только славословием Бога, – это, по утверждению А.Ф. Лосева, мир бесплотных сил: это вполне законченное царство умных сил, определенно-оформленное и вечно-устойчивое. Глаголическая (кириллическая) графика, будучи смысловой, умной значимостью, обеспечивает реализацию личностью свойства-функции *славословия Имя Божия*, и тем самым способствует возможности максимального подражания первосущности и, как следствие, обеспечивает

присутствие первосущности в личности. Подражанием первосущности является также внутренняя структура мира бесплотных сил, которая есть не что иное, как повторение основной структуры первосущности. Можно предположить, что если в славословии личность максимально подражает первосущности, то она в некоторой степени воспроизводит и внутреннюю структуру мира бесплотных сил, что находит отражение прежде всего в формах рефлектирующей мысли – *евангелии, житии, летописи, грамоте, договоре, «правде»*.

Деление в мире бесплотных сил естественнее прежде всего, как считает А.Ф. Лосев, провести *по главной триаде первосущности*: Одно (Основа), Сущее (Бытие, Форма), Становление (Действие). Соответствия делений триады первосущности и форм рефлектирующей мысли приобретает следующий вид: Одно – *Евангелие*, Сущее – *Летопись* (Бытие), Становление – *Грамота* (Форма), Становление – *Житие* (Действие человека), *Договор* (Действие общности). Мир бесплотных сил – это умный мир, мир умных предметов, определяемых как бесконечность, бесконечно большое число. Все умное в отношении физического следует рассматривать как «некий бесконечный предел, к которому физическое, сколько бы ни приближалось, никогда не может приблизиться так, чтобы расстояние между ними равнялось нулю» [Лосев, 1994, с. 249]. Постигание особенностей мира бесплотных сил – умно-телесного и умно-материального – требует опоры на абсолютный опыт, включающий моменты чувственные и сверхчувственные, а также завершающийся порождением абсолютно диалектической структуры.

Подобной абсолютно диалектической структурой для абсолютного опыта X–XIII вв. *Руской Зѣмли* становится «*павда*» («Русская правда»), требующая признания особой сферы жизнедеятельности, существования, действия – *бытия*. «Бытие самозамкнутое и самодавяющее, возвращающееся само к себе и равномерно центрированное само на себя есть в сфере смысла – ум, самосознание, а в сфере материи (пока только идеальной) – *шар*» [Лосев, 1994, с. 249]. Мир бесплотных сил концентрическими сферами облегает первоцентр бытия. Из всего сказанного вытекает, что бытие *Руской Зѣмли* центрировано на уме и сознании – первоцентре, вокруг которого располагается концентрическими сферами мир бесплотных сил. Подобная же модель бытия должна повторяться и при организации жизнедеятельности общности (хотя бы в период ее государственного становления – придания идейной общности личностей (тварей) формы государства, или иерархии).

Соотношение форм рефлектирующей мысли центрирующего элемента бытия восточнохристианского мира (*русской космологии*) и тринарного мышления представителя *Руской Зѣмли* (*закон русского народа*) можно представить в виде таблицы (см. табл. 2).

Таблица 2
Диалектика подражания Руской Зѣмли первосушности

<i>Русская космология</i>	<i>Закон русского народа (натуралистически-родовой элемент)</i>	<i>Закон русского народа (ритуалистический элемент)</i>	<i>Закон русского народа (каритативный элемент)</i>
<i>Евангелие</i>	Огненные реки (Божественные истоки; медь)	Дан. VII, 10 X в., XII в. Русь Приднепровская, Русь Верхне-Волжская (Владими́ро-Суздальская Русь)	Изборник 1076
<i>Житие</i>	Рай (зеленый цвет)	Конец XII – начало XIII вв. Русь Верхне-Волжская (Владими́ро-Суздальская Русь), Господин Великий Новгород	Изборник 1073
<i>Летопись</i>	Небо, прилегающее к Солнцу (<i>розовый</i> или <i>красный</i> цвет)	XIII–XIV вв. Русь Верхне-Волжская (Владими́ро-Суздальская Русь), Господин Великий Новгород	Новгородские служебные мнени 1095–1097 гг.
<i>Грамота</i>	Галл (духовные колеса ; <i>янтарь</i>)	Иезек. X, 13 XI–XIII вв. Русь Приднепровская, Русь Верхне-Волжская (Владими́ро-Суздальская Русь), Господин Великий Новгород	Кондакарь конца XI – начала XII в.
<i>Договор</i>	Зенит (ни восток и ни запад) (<i>зеленоватый</i> или <i>изумрудный</i> цвет)	XIII в. Русь Верхне-Волжская (Владими́ро-Суздальская Русь), Господин Великий Новгород	Синайский патерик конца XI в.
« <i>Правда</i> » (<i>Русская правда</i>)	Небо в ясный солнечный день (<i>голубой</i> или <i>синий</i> цвет)	1280 г. Русь Верхне-Волжская (Владими́ро-Суздальская Русь), Господин Великий Новгород	Синайский патерик конца XI в. Кондакарь конца XI = начала XII в.

Диалектика подражания *Руской Земли* первосущности представляет собой для представителя (последователя) русского православия ячеистую структуру реальности сущего становящегося. «Истинное бытие, – пишет Е.Н. Трубецкой, – не возникает и не уничтожается; поэтому и возникновение и уничтожение представляют собою нечто только кажущееся, мнимое» [Трубецкий, 1995, с. 149]. Понимание логического генезиса, возникновение чего-либо из *ничего*, по утверждению Е.Н. Трубецкого, должно строиться на осмысление самого *ничто* как чего-то *реального*, из чего возникает другая реальность. В самом понятии перехода связываются между собою две мысли, которые логически как будто сочетаться не могут, но могут соединиться религиозной интуицией. Благодаря последней становится очевидной реальность сущего становящегося – реальность *относительная*, поскольку она существует через абсолютную реальность идеи – «через выявление двояких потенций идеи, положительных и отрицательных; при этом реальность отрицательных потенций выражается в деятельном отрицании идеи, которое в ней черпает свое содержание» [Трубецкой, 1995, с. 152].

Реальность становящегося сущего возникает как результат (реальное происшествие) взаимодействия форм рефлектирующей мысли, или измерений текстовой реальности X–XIII вв. *Русская космология*, и народного благочестия, в котором выделяются ритуалистические представления, каритативные предостережения и натуралистически-родовые заповеди, составляющие триединую основу нравственного закона русского народа [Федотов, 1991]. В ячеистой структуре реальности становящегося сущего представлен прежде всего мир бестелесных сил – небесный мир – наилучшее и совершеннейшее в материи, в инобытии носительство Бога. Небо, преломленное через толщу земного вещества; небо, рассматриваемое сквозь пленку инобытийной материи, по утверждению А.Ф. Лосева [Лосев, 1994], интерпретируется с помощью категории цвета. Цвет при этом рассматривается как явление вторичное в сравнении со светом: цвет насыщеннее и тяжелее цвета, вещественнее и чувствительнее; он принципиально телесен, т.е. трехмерен, свет же – плоскостен, нерельефен, немассивен. Цвет предполагает переход света в инобытие; свет иерархичный, причастный инобытию – это свет, сопровождающий *тварные* энергии. Инобытие смысловое (инобытийные энергии,

свойственные бесплотным силам) характеризуется световыми дифференциациями внутри света, разной степенью света.

А.Ф. Лосев детализирует диалектику цвета, выделяя прежде всего три основных цвета: *голубой/синий, красный, полная нейтральность* – и аспекты цветности видимого Неба: *зеленый, голубой/синий, розовый/красный, зеленый/изумрудный, красный*. Исходя из первоисточника и попадая на телесную пустоту (вещество и материю), свет уходит в эту пустоту, в ее глубину, никуда не выходя и не освобождаясь от туманного марева пустоты, и становится голубым или синим цветом. «В синем цвете есть уходящая и уводящая вдаль энергия, но это – холодная энергия; она ничего не дает реального и сама теряется в пустоте, в глубинах пустоты» [Лосев, 1994, с. 255]. Проходя через вещественную пустоту, свет выходит в новом качестве: энергия преодоления, наступления, силового напряжения; сила, преодолевающая некую упорную вещественную среду. Новое качество «нервного наступления» дифференцируется красным цветом. Возможен свет, не уходящий в глубину пустоты, не пронзающий ее насквозь. В отношении этих двух направлений возможен цвет как полная нейтральность: цвет как бы уходит «и от нас, и к нам, но, в сущности, это и не то, и не другое; он как бы безболезненно играет в водораздела обоих направлений» [Лосев, 1994, с. 255].

Предложенная диалектика, считает А.Ф. Лосев, намечает возможности для объяснения цветности видимого Неба. Первозданный Рай, не выбравший ни добра, ни зла, должен быть зеленого цвета. Небо в ясный солнечный день – «освященная пустота, в бесконечной глубине которой лучи света теряются и замирают» [Лосев, 1994, с. 255] – обязательно голубого или синего цвета. При восходе солнца в частях Неба, прилегающих к Солнцу, «свет видится проходящим сквозь пленку воздуха над горизонтом» [Лосев, 1994, с. 255], потому эти части розовые или красные. Противоположная часть Неба, запад, при этом – голубой или темно-голубой (освещаемая пустота, зримая от солнца), зенит же в это время – зеленоватый или изумрудный (ни восток и ни запад). Ад – это свет, погубленный темнотой вещества, существующий как «вечная активность ущерба, как вечное преодоление того, что уже не может быть преодолено» [Лосев, 1994, с. 256], а потому он должен быть обязательно красного цвета.

Инобытийные энергии дифференцируются в формах рефлектирующей мысли, или измерениях текстовой реальности *Русская космология, житие, летопись, договор, «правда»*, в которых реальность становящегося сущего обретает свою цветность, создавая славяно-русскую радугу (*зеленый, розовый-красный, зеленоватый-изумрудный, голубой-синий*) или *Рай – Небо, прилегающее к Солнцу, – зенит – Небо в ясный солнечный день*. «Радуга, – замечает Е.Н. Трубецкой, – радуется как живой образ всеединства, в котором небо и земля сочетаются в неразрывное целое... Это – не слияние небесного и земного, а органическое соединение: проникающая в тягучую влагу, солнечный свет не уносится ее движением; наоборот, он приобретает это движение к покою небесных сфер, изображая в льющемся на землю потоке твердое начертание воздушной арки; в безостановочном течении бесформенных масс радуга воспроизводит неподвижную форму небесного свода. Единство недвижимого солнечного луча сохраняется в многообразии его преломлений, в игре искрящихся и как бы движущихся тонов и переливов» [Трубецкой, 1995, с. 150–151].

Цветность мира бестелесных сил придает ему физическую субстанциональность, соединяя в натуралистически-родовом элементе православную интуицию с языческим (славянским) мироозерцанием.

Своеобразными символами христианской идеи и тринитарного мышления представителя *Русской Земли* в ячеистой структуре реальности становящегося сущего являются евангелие (*Божественные истоки – Огненные реки*) и грамота (*Откровение – Духовные колеса*). «Огненные реки (Дан. VII, 10) означают Божественные истоки и непрестанно увлажняющие оные Существа и питающие их животворным плодоношением. Колесницы (4 Царства II, 11 VI, 17) означают согласное действие равных. Колеса же (Иезек. I, 16 X, 2), окривленные, неуклонно и прямо движущиеся вперед, означают силу небесных Существ идти в деятельности по прямому и правильному пути, поколику всякое их духовное стремление свыше направляется по прямому и неуклонному пути.

Можно и в другом таинственном смысле принять изображенные духовных колес. Им дано название, как говорит богослов, *гал* (Иезек. X, 13), что на еврейском языке означает вращение и откровение. Огненным и Божественным колесам принадлежит вращение, поколику они непрестанно обращаются вокруг одного и

того же блага; откровения, поколику они раскрывают тайны, возводят низших и низводят долу высшее общение» [Добролюбие, 1889].

Натуралистически-родовой элемент закона русского народа позволяет оформить область знания внутренней структуры мира бесплотных сил, основывающихся на соединении особенностей языческого (славянского, скифо-сарматского) миросозерцания и принципов символического означивания этого мира, принятых в эзотерико-теологическом дискурсе (книжной учености).

Ритуалистический элемент закона русского народа связывается с дискурсивной деятельностью территорий, последовательно выступающих в роли центрального компонента структуры русского православия и умного бытия *Руской Земли*.

Распространение христианской идеи сопровождалось ее материальным воплощением в храмовой архитектуре. Христианское зодчество – не классический греческий храм, а античные прямоугольные сооружения – *базилики* (где проходили суды и совершались торговые операции), разделенные на несколько частей – *нефов (кораблей)*. Главной задачей византийских зодчих стало распределение света, доведенное до совершенства в искусстве мозаики. Византийское искусство, подобно античному, использует кубики естественных пород, дополняя их матовыми смальтами и золотыми прокладками. Вследствие чего «свет как бы окунается в прозрачную смальту, приобретая в ней объем и сверкающую золотом глубину и полностью завладевает им. Сверкая или затухая в мозаике изнутри и извне, свет преобразует цвет, определяет своими переливами его насыщенность и глубину... Цвет придает окраску, свет наделяет цвет своим сиянием» [Любимов, 1981, с. 25–26].

«Естественные породы» *Земли Руской* погружаются в свет христианской идеи, обретают цвет, а следовательно, становятся «видимыми» в коммуникационном процессе истории человечества. Арабский путешественник Ибн-Фадлан писал: «Я видел русов, когда они пришли и расположились на Волге. Я не видел людей более совершенных по телосложению, – как будто это были пальмовые деревья». Византийский писатель Маврикий замечал: «Племена славян и антов ведут одинаковый образ жизни, у них одни нравы, любят свободу и не склонны ни к рабству, ни к повиновению, храбры, в особенности в своей земле, выносливы, – легко переносят холод и жару, недостаток в одежде и пи-

ше... Взятые в плен у них не обращаются навсегда в рабство, как у других народов... Юноши их очень искусно владеют оружием». Византийский историк VI в. Прокопий Кесарийский обращал внимание на то, что «славяне и анты не управляют одним человеком, но издревле живут в народоправстве и потому у них счастливые и несчастливые дела решаются сообща».

Источником, из которого рождается свет, считает А.Ф. Лосев, является сверхформление бытия, сверхсущий ум (ум есть свет). «Ум предполагает сверх-умную область, которая уже не есть ум, но порождает самый ум, является *потенцией* самого ума, как бы смысловым зарядом ума и всего вне-умного» [Лосев, 1994, с. 245]. Семиотическая система (система означивания христианской идеи) «*Киевская Русь*» для объединенных восточных славян в IX–XI вв. представляла сверхумную область, в которой должен был осуществиться переход оформленного единства к абсолютно неразличимой целостности, переход от «ума» к «одному», или «единому», – русскому народу.

X–XIII вв. отмечены тремя разновидностями умного зрения: Русь Приднепровская (*Киевская Русь*), Русь Верхне-Волжская (*Владимир-Суздальская Русь*), Великий Город (*Господин Великий Новгород*).

В Киеве зарождается летописное дело, для храмового строительства выписываются греческие зодчие, привнесшие на Русь систему крестово-купольного храма: основа – квадрат, расчлененный четырьмя столбами; примыкающие к подкупольному пространству прямоугольные ячейки образуют архитектурный крест; возможно удлинение храма через увеличение числа столбов, расширение через дополнение боковых нефов. Облик крестово-купольного храма, новшества византийского, преобразуется многоглавием – явлением чисто русским, продолжающим традицию древнеславянского зодчества по созданию столпообразных срубов, клетей и златоверхих вышек. Книжно-художественный контекст существования в пространстве Руси Приднепровской формировал также представление о государстве, покоящемся на авторитете верховной власти, столь же незыблемой, как власть самого Вседержителя.

XII в. – время преобразования семиотического единства «Киевская Русь» в группу княжеств: Владимиро-Суздальское, Полоцко-Минское, Турово-Пинское, Смоленское, Галицко-Волин-

ское, Киевское, Переяслав-Муромское, Черниговское, Тмутараканское, Рязанское, – и феодальные республики Новгородскую и Псковскую с ограниченной княжеской властью. Одним из наиболее известных разработчиков чисто математической теории представлений групп является Г. Вейль. Физический аспект теории представлений групп состоит в учете и использовании соображений симметрии, связанных с различными физическими процессами [Вейль, 2007]. Это мотивировано, во-первых, тем, что при описании физических процессов, протекающих в пространстве и времени, необходимо использовать ту или иную систему координат; во-вторых, изучаемые физические объекты обладают некоторой «симметрией», которая должна учитываться физической теорией. Симметрия обозначает вид согласованности отдельных частей, который объединяет их в единое целое, а потому тесно связана с понятиями красоты, гармонии и совершенства.

При конструировании семиотического единства «*Киевская Русь*», призванного согласовать по законам гармонии и пропорции христианскую идею, слово и модель государственного устройства, неизбежно учитывались соображения симметрии, которые также присутствовали и в процессе преобразования исходного единства в группу княжеств. Вновь образовавшаяся группа княжеств отвечает принципу *орнаментальной симметрии*, которая связана с дискретными группами движений на плоскости, в рассматриваемом случае, плоскости *Руская Земля*. Орнаментальная симметрия – наиболее сложный вид симметрии, используемый в применении к двум измерениям в искусстве – орнаментах на различных поверхностях, в трехмерном пространстве он характеризует расположение атомов в кристалле. Рассматривая орнаментальную симметрию, Г. Вейль вводит требование *дискретности*, означающее, что в группе не существует преобразования, сколь угодно близкого к тождественному, за исключением его самого. В этом случае «*Киевская Русь*» представляет собой группу движений на плоскости *Руская Земля*, отвечающая свойству дискретности.

Переносы, содержащиеся в группе «*Киевская Русь*», образуют дискретную группу переносов – *Русь Верхне-Волжскую* (Владимири-Суздальскую Русь). Для такой группы, согласно концепции Г. Вейля, имеется три возможности: а) группа не содержит ни одного элемента, кроме тождественного переноса – нулевого

вектора (воспроизведение фундаментальной пропорции, в соответствии с которой конструировалась целое «Киевская Русь»); б) все переносы в ней являются итерациями (повторное применение операции) одного и того же базисного параллельного переноса (христианской идеи в художественном византийском воплощении); в) переносы (векторы) образуют двумерную *решетку*, т.е. состоят из линейных комбинаций двух линейно независимых векторов с определенным целочисленным вектором (феодалы Новгородская и Псковская республики с вектором «республика-город»=народоправие (демократия), или политико-экономическая свобода выбора действий и отношений).

Каритативный элемент закона русского народа содержит предостережение от нарушения закона милосердной любви, которое можно сформулировать с опорой на иной, содержащейся в творчестве иных культур, в частности, греческой, умный опыт – опыт узрения внутренней структуры мира невидимых сил. Сирийский ранневизантийский христианский мистик Исаак Ниневийский по поводу любви милосердной высказался таким образом: «И что такое сердце милующее?.. Возгорение сердца у человека о всем творении, о человеках, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари. При воспоминании о них и при воззрении на них очи у человека источают слезы от великой и сильной жалости, объемлющей сердце. И от великого терпения умалывается сердце его, и не может оно вынести, или видеть какого-либо вреда или малой печали, претерпеваемых тварью. А посему и о бессловесных, и о врагах истины, и о делающих ему вред ежечасно со слезами приносит он молитву, чтобы сохранились и очистились; а также и о естестве пресмыкающихся молится с великою жалостию, какая без меры возбуждается в сердце его по уподоблению в сем Богу» [Творения аввы Исаака Сириянина, 205–206]. Новый идеал – обнимающая весь мир слезная жалость, понимаемая не как временный аффект, но как непреходящее состояние души и путь одухотворения, «уподобления Богу» [Аверинцев, 1997].

Православие восточных славян представляет собой одну из двумерных полос линейного восточнохристианского орнамента: двумерные полосы располагаются вдоль центральной прямой и обладают «поэтому и вторым измерением – по ширине» [Вейль, 2007, с. 77]. Узор может переходить в себя при отражении от цен-

тральной прямой; отражение от плоскости орнамента может переводить сторону плоскости над ней в сторону плоскости под ней. Создаваемый орнамент должен представить умному зрению словесный узор, который нужно перевести в состояние души. Прежде всего этой цели служат переводы с греческого – творений отцов церкви (*изборник 1076*), кратких церковных песнопений (*кондакарь*), научной энциклопедии (*изборник 1073*) описаний путешествий (*синайский патерик*). В результате происходит обретение нового состояния духа, в котором происходит приближение в Божественной субстанции.

Диалектика подражания *Русской Земли* первосущности составляет внутреннюю форму кириллической азбуки и церковнославянского языка, позволивших его создателям сконструировать язык, тождественный, по Ф.В. Шеллингу, художественному инстинкту. Причем подобно тому, как нравственное есть учитель для инстинкта, точно также оно есть и учитель и для языка [Шеллинг, 1999]. В языке заложена более высокая необходимость того, чтобы звук и голос составили тот орган, который бы служил для выражения внутренних мыслей и движений души. Сущность языка, согласно Ф.В. Шеллингу, вечное продуцирование, последнее же понимается как абсолютное утверждение или познание. Реальная сторона языка, заключающаяся в облечении бесконечного в конечное, становится символом абсолютной идеи, которая познается как таковая лишь сквозь оболочку языка.

Идея, утверждает Ф.В. Шеллинг, стремится к оболочке, телу, через которое объективируется, интегрируется через реальное. В этом интегрировании зарождается наиболее соответствующий символ абсолютного, или бесконечного утверждения Бога – язык. Язык происходит из идеи: в этом смысле язык, подобно универсуму, вытекает из вечного действия, абсолютно познавательного акта, который находит возможность выразиться в разумной личности.

Кириллическая графика и церковнославянский язык становятся не только успешным введением христианской идеи в повседневную действительность восточных славян, но и диалектическим методом структурирования в форме текстовой реальности накапливаемых эмпирических данных.

Жанрово-этическое структурирование реальности становящегося сущего в текстовой реальности *Русская космология* сле-

дует расценивать как ранний вариант континентальной философии, наблюдающей за естественным языком – языком бытия в умном мире, языком ума, т.е. языком «отнесения себя к себе же» (А.Ф. Лосев) (к разновидностям которого, в данном случае, уместно отнести и язык природный, например, цветовую дифференцию инобытийных, смысловых, энергий). При вычленении в XX в. континентальной философии как самостоятельной области абстрактной интерпретации мира природных связей в нее были включены феноменология, экзистенциализм, герменевтика, натурализм, деконструктивизм, неокантианство, неомарксизм.

Д. Фоллесдал противопоставляет континентальную философию аналитической, включающей две ведущие тенденции, одна из которых инспирирована логикой (ведущие поборники Больцано, Фреге, Рассел), другая сосредотачивается на естественном языке (Мур, Витгенштейн, Остин) [Фоллесдал, 2002]. Аналитическая философия обращена к логическому обследованию языка: вербальной презентации понятий и структуре обыденного языка (обыденной коммуникации). В XX в., симметричному веку X, континентальная философия получила свое воплощение в произведениях Г.Д. Гребенщикова.

Континентальная философия Г.Д. Гребенщикова ориентирована на естественный язык, который понимается как семиотическая система гармонического взаимодействия человека со средой обитания (для этого человека Землей Обетованной).

Одной из составляющих философии Г.Д. Гребенщикова является трансцендентальная семиотика, в научном творчестве К.О. Апеля определяемая формой языка и интуицией контекстуальности понимания феноменов. При проецировании положений К.О. Апеля на диалектику подражания *Руской Земли* первоисходности обнаруживается явная созвучность форм языка Апеля и форм рефлектирующей мысли *Русской космологии*, интуиции контекстуальности и нравственного закона русского народа.

Трансцендентально-герменевтическая концепция К.О. Апеля [Апель, 2002] основывается на том, что а) язык является трансцендентальной величиной; б) виртуальный статус языка есть условная возможность диалогического взаимопонимания и понимания самого себя. Коммуникативный партнер выступает в качестве текста, смысл которого – презентация содержания коммуни-

кативной программы партнера. Церковнославянский текст, в таком случае, представляет содержание коммуникативной программы греко-византийской культуры, некоего синтеза пространственно-временной гармонии как физической характеристики мира человеческого и мира природного и любви милосердной как функции души человеческой.

В лекции Г.Д. Гребенщикова «Siberia»² диалогическое взаимопонимания США и Новой России устанавливается в процессе становления на момент коммуникации виртуального для аудиторки объекта *Siberia*, или *Asiatic Russia*:

The peoples of all continents, I suppose now realize the surprisingly rapid shifts of geography of the entire world, a world now involved in a tragic necessity of changing and renovating the current world history Russia, which has always been the active link between Asia and Europe, and which, herself, has the right to be called Eurasia, is one of the greatest stages for the re-establishment of the universal scenery in the nearest future. Particularly is this true, concerning Asiatic Russia, that is, Siberia.

Г.Д. Гребенщикова удваивает, усложняет концептуальную схему К.О. Апеля, ритуализируя свою деятельность интерпретатора и создавая историю сибирского (российского) сознания. Он динамизирует точки американской истории (придает им российское звучание) с помощью наложения семантических множеств *Siberia* и *America* при посредстве а) языкового ритуала (изменения языковой формы презентации российской ментальности); б) задействования языка как трансцендентальной величины.

Моменты американской истории, проживание которых было невозможно без коммуникации с Россией, выделяются во вступительном слове *Dean and Director of International Faculty Florida Southern College Bobkov*: “Since XVIII century the United States of America have been living in constant, real and sincere friendship”; “Alaska – a golden link that connected these two countries”; “The people of America will never forget that the Russian Empress Catherine II joined the so called “League of Neutral Powers” which event contributed to overcome the obstinacy of King George III and of British statesmen and forced them to recognize the independence of the

---

² Grebenstchikoff G.D. *Siberia. The Country of Great Future*. Florida, 1945.

United States”; “*The people of America will notforcet either that Emperor Alexander I saved its trade when, defyniüg Napoleon’s wrath, he refused to adopt restrictive measures against American ships visiting the ports of the Baltic Sea*”. Однако самая большая заслуга династии Романовых перед американским народом на счету императора Александра II и связана с самым критическим моментом в американской истории, когда французский император сосредоточил все свои усилия на том, чтобы склонить британское правительство поддержать Южные рабовладельческие штаты. Александр II без колебаний принял сторону Северных Штатов: “*The Russian ambassadors in Paris and London were ordered to declare categorically that Russia would be opposed to any tentative division of the North American Union. At the same time the Russian Fleet was sent to New York and a squadron to San Francisco*”.

Коммуникативный партнер не подлежит произвольному назначиванию и предлагает аутентичную трансляцию семантического ядра своего речевого поведения в сознание другого. Статус коммуникативного партнера обретает не только Земля обетования, но и человек, на ней живущий. Это обусловлено необходимостью осуществления приспособления *Russia* к новой ситуации, составляющим элементом которого является *Siberia*. Это то, что нужно для функционирования системы не только *Russia*, но и *America*. Конкретная нужда системы [Евзлин М. 1993] равнозначна условиям, при которых система может функционировать, т.е. существовать, развиваться.

Структура сознания подобного человека оформляется в результате реализации природного (естественного) ритуала. Ритуальная структура сознания есть результат процесса формообразования, нацеленный на преобразования непреходящих состояний души в состояния духовные, к которым причисляются и состояния приближения к первосущности. Как считает М. Евзлин, ритуал представляет собой актуализацию некой программы действия, которая не является особенностью человеческого разума: действия одинаково вписаны как в биологический механизм человека, так и животных, как высших, так и низших.

Ритуальное «сибирское сознание», или *Asiatic Russia*, своими истоками восходит к Vikings или Varangian: “*The Vikings or Varangians were the first to come and settele on the European continent. The Vikings formed the war-like Germany, the Vikings thaught commercial navigation to the English, and the Vikings bridled the restless*

tribes of the Slavs and, organized the first government of Russia. The gray-blue foaming waves of the "Varangian sea", were at one time, the school thought which went the navigators who discovered America. At the same Vikings or Varangians their blood mixed with that of Novgorod Slavs, were the first to go into Siberia, laying the cornerstone of the conquest by Russia". Viking – это Человек Сибири, Vikings – это ритуализованное сознание, объединяющее (подобно индоевропейскому языку, объединяющему в индоевропейский языковой союз пользователей этого языка) духовные сущности германцев, британцев, славян, тех, кто открывал Америку, тех, кто соединившись кровно с новгородскими славянами, был первым в Сибири, положив начало ее освоению Россией.

Тринитарное сознание, средой существования для которого являлись кириллическая азбука и церковнославянский язык, в языковой среде американского языка³ обретает форму ритуализованного сознания *Vikings*.

Модификация сознания представителя христиано-славянской культуры к XX в., заключается, с одной стороны, в возвращении к истокам, диалектической структуре, лежащей в основании оформления «русского» централизованного государства республиканского типа (*новгородские славяно-викинги*), с другой – во внедрении в него виртуальной структуры (своего рода элемента мира бесплотных сил), задача поиска которой была поставлена Петром I в 1725 г. перед В. Берингом, – американского навигационного пути, или американского линка для славянской культуры (*Viking-navigators*).

Таким образом, церковнославянский язык (IX–X вв.) представлял собой семиотическую систему, обеспечивающую понимание и ориентацию во внутренней структуре мира бесплотных сил и развивающую умное зрение. Английский язык США (XVI–XVII вв.) следует рассматривать одновременно как язык формализованный (формальный язык, являющийся подязыком английского языка Британии) и как метаязык, осуществляющий презентацию навигации человека, не «закрепленного территориально» ни в физическом, ни в духовном плане, по миру умопости-

---

³ Американским языком мы называем английский язык США, представляющий собой синтез знаковой системы латинского языка и духовных содержаний америндских языков – языков американских индейцев.

гаемых сущностей (обновленной версии мира бесплотных сил). Обязательным навигационным средством по миру умопостигаемых сущностей является рефлектирующая мысль, выявленная как организующее начало умного бытия Аристотелем и доведенная до статуса обязательного архитектурного элемента повседневного языкового существования восточным славянином.

Глава 12

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ЧЕЛОВЕКА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Известный итальянский ученый А. Менегетти заметил, что искусство жизни состоит в стремлении к личному совершенствованию, которое для человека русской культуры состоит в стремлении а) соответствовать contemporary culture (современной, или синхронной, культуре); б) не утрачивать связи с формообразующими процессами родной культуры; в) придавать особую аранжировку собственным эмоциям (страстям).

Как считает А. Менегетти, человека окружает «семантическое поле» – пространство живого диалога сознания, реальности и языка, где рождаются мысли, смыслы, понятия и идеи [Менегетти, 2004]. Семантическое поле человека русской культуры представляет собой пространство, в котором художественное мышление помогает человеку вести диалог с современной ему реальностью на языке, понятном ему самому и этой реальности.

Соответствовать contemporary culture в нынешнем столетии значит активно использовать для коммуникации и создания собственного коммуникативного пространства английский США.

В начале нового тысячелетия – исторического периода, в который человечество осуществляет свою деятельность в рамках теоретической парадигмы, определяемой информационными коммуникативными технологиями, т.е. технологиями использования знаковых этнических систем для регулирования потоков языковых содержаний различных культур, – особо актуальным представляется обращение к аспектам языкового существования восточнохристианского мира, не принимающего активного участия в конструировании виртуальной реальности. Причиной тому является использование в качестве основного рабочего языка сетевой коммуникации английского языка США.

Время существования английского языка США в коммуникационном процессе истории как некоей самостоятельной структуры следует исчислять, начиная приблизительно с XVI в. – века открытия особых америндских языков (языков американских индейцев), типологически отличающихся от европейских языков и не располагающих достаточно длительной письменной традицией или вообще бесписьменных. Приспособление к новому ло-

кусу европейского переселенца требовала постижения диалектики подражания коренного жителя Американской Земли первосушности, или нового (по отношению к Земле оставленной) понимания внутренней структуры бесплотных сил. Поскольку с IX в. диалектика подражания европейцев первосушности культивировалась посредством кириллической азбуки и развивалась семиотической системой церковнославянского языка, то в плане языкового существования американский лингвистический разум представляет оппозицию именно тринитарному мышлению представителя восточнохристианского мира.

Английский язык США (АЯСША) – формализованный язык, т.е. язык, полученный путем отбора некоторого подмножества предложений естественного – английского Британии – языка. Поскольку формализованный язык рассматривается в качестве разновидности формального языка, то характеристика последнего – множество предложений, полученных с помощью синтаксических правил, – верна и для английского языка США. Следовательно, рассматриваемая семиотическая система АЯСША представляет собой прежде всего систему правил, сформулированных на основе английского языка Британии и латинской графики для пользования языковыми (духовными) содержаниями америндских языков. Сначала америндские языки, а затем принцип организации коммуникации внутри федеративного государственного образования (между штатами) являются языком-Об, описание которого осуществляется с помощью АЯСША. (В средние века в Нидерландах и Франции (в последней с 1302 по 1789 г.) штаты – сословно-представительские учреждения; штаты также и государственно-территориальные единицы в составе федеративных государств (Соединенные Штаты Америки, Австралийские штаты, в Индии – штат Мадрас).

Как считают разработчики формализованных языков, иногда удобно для описания языка-Об применять два метаязыка, один из которых предназначен для описания синтаксиса и называется *метасинтаксическим*, а другой для описания семантики – *метасемантический*. АЯСША XVII–XIII вв. (до ратификации 17 сентября 1787 г. 38 депутатами от 12 штатов ратифицированной до этого 9 штатами конвенции в качестве Конституции), видимо, уместнее отнести к типу метасинтаксических языков, поскольку в его задачи сначала входило описание синтаксиса мыслительной

коммуникации жителя материка с внутренними структурами ландшафно-природного комплекса, затем синтаксиса коммуникации между искусственными образованиями – штатами, строящими на базе европейских переселенцев новую систему государственных – ритуализованных отношений. (Россия, в отличие от Европы, для построения аналогичной системы новых отношений не пришлось перемещаться на другой материк: Сибирь стала той землей, где русский человек «пытал судьбу и свое счастье»; Алтай же был той территорией, где располагалась загадочная страна (сторона) русской мечты – *Беловодье*, той территорией, где была создана сибирская республика, или штат, которую Г.Д. Гребенщиков поименовал *Алтайская Русь*). Конец XVIII в. и 60-е XIX в. (Гражданская война между Югом и Севером) ставят население федеративного государственного образования перед необходимостью поиска «объединяющей идеологии» как внутри, так и за пределами этого образования. Традиционно для западноевропейской культуры внутреннее объединение было возможно на базе национального языка, а не политической конвенции, коей является *The Constitution*. В качестве метасемантического языка по отношению к последней с конца XVIII в. по 60-е гг. XIX в. предстает АЯСША.

Грамматика для АЯСША была разработана в 60-е XX в. N. Chomsky, столетие ушло на разработку множества духовных содержаний АЯСША, в которое вошли *философия функционирования обыденного языка* (языка гражданина США, отличного от языка жителя Америки), *мистика* (значение диалектических структур, объединяющих мир физический и мир ментальных состояний), *интуиционистская логика* (развитие комбинаторных способностей построения числовых и цифровых множеств, тождественных (симметричных множеств семантическим). Таким образом, удалось оформить тринитарную модель лингвистического разума (фактически искусственного интеллекта), в некотором роде оппозиционную тринитарному сознанию представителя восточнохристианской культуры.

N. Chomsky предложил следующую форму грамматики для тринитарного лингвистического разума и языка, его обслуживающего (АЯСША): для описания синтаксиса языка-Об, в качестве которого выступает язык мозга, задается *алфавит букв* этого языка, затем *алфавит вспомогательных символов*, называемых

нетерминальными (буквы первого алфавита при этом называют терминальными символами), затем – конечный набор синтаксических правил и, наконец, *однобуквенное слово*, образованное из нетерминального символа. Каждое правило в грамматике N. Chomsky имеет вид подстановки $P \rightarrow Q$, в которой P и Q – слова в алфавите AC (получающемся соединением алфавитов A и C). Каждая подстановка представляет собой бесконечное множество операций замены словом Q : 1) первого вхождения P ; 2) второго вхождения P ; 3) n -го вхождения P и т.д. Chomsky-грамматика, с одной стороны, обеспечивает существование лингвистического разума в графической модели мира, структурными элементами которой является не логограммы (буквы кириллической азбуки), а символы, превращающие исходную графическую модель, путем подстановки вместо буквы алфавита естественного языка символа языка искусственного, в модель символьную. С другой стороны, Chomsky-грамматика позволяет с некоторой долей вероятности реконструировать деятельность человеческого мозга и, тем самым, составить представление о процессе коммуникации человека естественного с природой, истолковываемой как инфосфера.

История языкового существования России представляет собой историю коммуникации тринитарного сознания а) с обстоятельствами мира, в совокупности и линейной последовательности представляющими коммуникационный процесс истории; б) собственно с носителем этого сознания – человеком *Руской Земли*; в) с графической системой, созданной для обеспечения функционирования системы тринитарного сознания; г) с внутренней структурой текста, моделирующего мир умопостигаемых сущностей и способы «передвижения» в нем; д) с христианской идеей, ориентированной на непреходящие состояния души и художественный инстинкт славянина.

Современные обстоятельства мира и повседневной действительности таковы, что в условиях постмодернистской парадигмы каждая реальность является текстовой по структуре, поскольку воспринимается, переживается как система постоянных отсылок к чему-либо другому. Отсюда становится очевидна значимость языкового существования *Руской Земли*, накопившей опыт разграничения «истинного Бытия», «истинно случайного процесса» и «детерминистического хаоса».

Языковое существование *Руской Земли* в качестве нормы лингвистического функционирования тринитарного сознания

полагает вкус – способность к оценке, понимание правильного и красивого. Это пристрастия и склонности, которые определяют культуру человека в мысли и труде, в поведении, в том числе речевом. Под вкусом понимается система идейных, психологических, эстетических и иных установок человека и общественной группы в отношении языка и речи на этом языке [Костомаров, 1994]. Важную роль в формировании русского языкового чутья и вкуса, как считает В.Г. Костомаров, играло и играет соотношение книжной и некнижной речи, принимавшее часто характер соперничества литературного и «народного языка». В чутье языка отражена культурно-национальная память, растворены пласты разных наследий, разных поэтико-речевых концепций.

Вкус – это меняющийся идеал пользования языком соответственно характеру эпохи. «Общие нормы языкового вкуса, совпадая или не совпадая с языком писателя, попадают, – пишет Г.О. Винокур, – на мост, ведущий от языка, как чего-то внеличного, общего, надындивидуального, к самой личности пишущего» [Винокур, 1959, с. 278]. Прообраз вкуса, как считает Им. Кант, может быть представлен не посредством понятий, а только в единичном изображении [Кант, 1999], он основывается на неопределенной идее разума о некоем максимуме. Это идеал прекрасного, который хотя и не обладает им, все же стремится его в себе создать. Идеал же следует воспринимать как представление о единичной сущности, адекватной какой-либо идее, т.е. некоему понятию разума. Высший образец, прообраз вкуса, будучи идеей, должен быть каждым создан в себе самом, по нему каждый должен судить обо всем, что может быть объектом вкуса. При этом формой целесообразности воспринимаемого и осмысляемого предмета становится красота.

В тексте предмет и мир не описываются, а прежде всего изображаются с помощью графической системы. Обязательной составляющей этого изображения является эстетическое суждение. Эстетическим суждением Им. Кант называет такое суждение, предикат которого никогда не может быть познанием, т.е. понятием об объекте. В таком суждении определяющим основанием служит ощущение, непосредственно связанное с чувством удовольствия или неудовольствия.

Эстетические суждения подразделяются Им. Кантом на суждения чувствования и суждения рефлексии: первые непосред-

венно порождаются эмпирическим созерцанием предмета, вторые вызывают в субъекте гармоническую игру обеих познавательных способностей – способности воображения и рассудка. (Если сопоставить графические модели китайскую и кириллическую, то приходится признать, что китайская логограмма содействует реализации возможности суждения чувствования, кириллическая же – ответственна за оформление суждения рефлексии, гармоническое взаимодействие способности воображения и рассудка).

Способность суждения, согласно концепции Им. Канта, есть техническая способность – восприятие целесообразности, рефлектирующей о данном объекте, либо о его эмпирическом созерцании, чтобы привести это созерцание к какому-либо понятию. Кириллическая графическая система формирует определенный «угол зрения», под которым осуществляется восприятие-истолкование-изображение мира как Мира Форм. Результатом реализации «кириллической программы» должна стать новая форма суждения, отличная от силлогизма, но не противоречащая ему. Сознание бесплодности «силлогизма» придет в европейскую систему осмысления обстоятельств мира в естественно-научный период [Виндельбанд, 1997]: выяснится, что силлогизм может путем доказательства или опровержения обнаружить только известное или применить его к частному. Выявленная специфика силлогизма порождает потребность в *Ars inveniendi*, верном способе к разысканию нового, *методе исследования*. Благодаря кириллической графике, организующей мыследеятельность восточнославянской общности, индоевропейский языковой союз (Евро-союз) обретает возможность создавать понятия о Мире Форм и соответственно модифицировать функции мышления и особенности сознания в его аспекте центра перспективы, угла зрения. Для этого нужно, как считал Плотин, переключить внимание: «Надо перестать смотреть; надо, закрыв глаза, научиться видеть иначе и пробудить способность, которой обладают все, но мало кто пользуется» [Адо, 1991, с. 25]. Если попытаться составить представление о существе подобного понятия, то, видимо, следует прибегнуть к результатам размышлений Им. Канта, касающихся эмпирического понятия.

Им. Кант считает, что для каждого эмпирического понятия требуется три акта самостоятельной способности познания: 1) *схватывание* (*apprehensio*) многообразного содержания созер-

цания; 2) *apperцепция*, т.е. синтетическое единство осознания этого многообразия в понятии объекта (*apperceptio comprehensiva*); 3) *изображение* (*exhibitio*) предмета, который соответствует этому понятию в созерцании. Для осуществления первого акта необходимо воображение, для второго – рассудок, для третьего – способность рассуждения.

В формировании эмпирических понятий как результатов коммуникации человека восточнохристианского мира с Миром Форм посредством кириллической графической системы особую роль играет художественное мышление российского общества. Художественное мышление позволяет открыть в русском языке особые формообразующие потенции, которые способствуют как созданию объемного видения внутренней действительности русского космоса в его телесных ликах (формы Обетования, Обетование веры и Закона), так и концептуализации мира страстей (страстной российский дискурс).

Исследование русского художественного процесса с точки зрения развития художественного мышления общества позволило Б.В. Асафьеву сделать вывод о том, что искусству каждого исторического периода свойственен свой комплекс не только идей, но и выразительных средств, своя художественная система [Асафьев, 1966]. Искусство же каждого исторического периода, полагаем мы, развивая концепцию Б.В. Асафьева, формируя свой «интонационный и пластический словарь», учитывает особенности эстетической восприимчивости отдельных территорий, которые составляют национальное и государственное единство. Эстетическая восприимчивость связана непосредственно с интеллектуальной пластикой, способствующей освоению и постижению имманентных форм, которые Плотин определял как логосы и располагал их в душе.

А. Бергсон отмечал, что интеллект по чисто практическим соображениям текучее единство «действительного становления» подразделяет на четко определенные, легко управляемые концептуализированные сущие [Бергсон, 1992]. Практические соображения обусловлены культурой, в ее понимании английским поэтом и критиком Мэтью Арнолдом, которые изложены в работе 1869 г. «Культура и анархия»: культура – это стремление к высшим образцам мысли и слова; это утонченность, которую нужно выработать и до которой придется возвыситься [Оксфордская

иллюстрированная энциклопедия, 2000]. Отсюда утонченность государственной общности достигается интеллектуальными усилиями отдельных территорий-провинций структурируемыми эстетической восприимчивостью в соответствующих словесных комплексах, для русской культуры представляющих инобытие онтологической категории воплощенного Логоса. По Соловьёву Вл., Логос расчленим на внутренний – предикат сущего, проявленный – действие явления, воплощенный – Христос, Христос как онтологическая категория [Соловьёв, 1911]. В русской книжной культуре следует говорить об умозрительном бытии онтологической категории, воплощенном Логосе, открытость которого, явленность, открывается в средоточении множественных перспектив восприятия – интерпретации онтологической категории, особой культуре зрения – культуре узрения сущего в слове и через Слово.

В русской художественной культуре сочетается ближнее и дальнее видение объекта. Сопоставляя ближнее и дальнее видение, Х. Ортега-и-Гассет замечает, что предмет дальнего видения – пустота как таковая, «зрительный луч не сталкивается с выпуклой поверхностью плотного, объемного предмета, застывая на ней, но проникает в вогнутую полусферу, скользит внутри пустого пространства» [Ортега-и-Гассет, 1991, с. 190]. При ближнем видении «смотреть» имеет смысл: «соединять зрительные лучи в одной точке, вследствие чего она оказывается выделенной, в оптически привилегированном положении» [Ортега-и-Гассет, 1991, с. 190].

Общая эстетическая норма, фундирующая культуру видения государственной общности, требует фиксации взгляда, опыта связи, соединения множества «зрительных лучей» в одной точке, точке зрения нации, руководствуемой дальним видением.

Скольжение внутри пустоты, тем самым заполнение его следами впечатлений от зрительной коммуникации с ним, позволяет увидеть предмет в его инобытии – как зрительное поле, составляющее часть освещенного поля сознания, активного видения, которое «видя, истолковывает и, истолковывая, видит» [Ортега-и-Гассет, 1997]. Зрительное поле это и часть «жизненного разума».

Формируемый опытом связей, который накапливается при дальнем видении, жизненный разум способен постичь существо системности Космоса. Носителю русской книжной культуры системность Космоса становится доступной в силу того, что семио-

логическая структура русского литературного слова создается, с одной стороны, онтологической категорией Христос, Логосом конкретным, воплощенным, с другой стороны, дальним видением, связанным с умением ощущать ритм Вселенной и разную степень напряженности пространства и времени, или Космоса [Лосев, 1993а]. Согласно концепции А.Ф. Лосева, космическое пространство обладает степенью насыщенности и напряженности: оно содержит в себе четыре вида сфер – огненную, воздушную, водную, земляную [Лосев, 1993а].

Русский космос, интерпретируемый русской художественной культурой, включает интонационные и пластические словари территорий, которые организуют когерентный дискурс культуры и государственности России, знания–Бытия и власти–Бытия (М. Фуко) [Фуко, 1977]. Каждой территории могут быть приписаны свойства, которые А.Ф. Лосев выделяет для разных типов космических пространств. «Каждое пространство своей определенной организованностью предreshает также и возможную фигуральность, объемность, движение и прочие свойства находящегося в нем тел... Прокл так и различает три принципа «разделения» пространств – по лику, по фигурности и по кривизне. Во-первых, мы имеем сферы, т.е. разные кривизны пространств. Во-вторых, в пределах каждой кривизны – метод организации реальной вещи – их общую фигуральность как принцип. И в третьих, энергичное явление так организованных вещей в качестве готовых субстанций – их «телесные лики» [Лосев, 1993 с. 300–301].

Разные кривизны пространств-территорий России обусловлены соблюдением перспективы при перенесении «на лист» маршрута продвижения или скольжения жизненного разума внутри пустоты, окружающей предмет видения – человека, существа, по словам Вл. Соловьева, содержащего в себе в абсолютном порядке божественную идею, т.е. безусловную полноту бытия, и осуществляющего в естественном порядке эту идею посредством разумной свободы в материальной природе [Соловьев, 1911].

Перспектива определяется Порядком, организующим жизнедеятельность материального царства земной действительности, которое, в теогонии Якоба Беме, располагается между адом и небесным царством и представляет среду обитания человека [Беме, 1990].

В ведийских и авестийских источниках Порядку подчиняется всё – течение времени, движение светил, отношения между богами и людьми, а также общественные отношения [Исаев, 1998].

Специализированным вариантом Порядка у греков становится сфера правового порядка, в которую «включаются свод законов, идущих от богов, неписаное право, собрание изречений, заветов, передаваемых оракулами, закрепляющих в сознании судьи то поведение, которого следует придерживаться всякий раз, когда речь идет о порядке в роду» [Исаев, 1998, с. 159]. Основопологающим при обустройении российского космоса становится неписаное право, закрепляющее в поле сознания поведение, которого следует придерживаться, дабы не изменить (повредить) кривизну пространства – пропорции/масштаб соотношения царства земной действительности и царства Божьего, Небесного, отраженные в человеке, в котором сущее находит через свое другое внутреннюю действительность. Изменить, не соблюсти пропорции означает исказить сущее, потенциально в себе все содержащее, исказить Обетование, данное Богом.

Поведение, которого следует придерживаться, способствует обнаружению контуров жизни, данных человеку интуитивно. Подобное поведение, соответствующее Порядку, есть поведение рациональное, обусловленное принципом прагматизма, который, в соответствии с позицией Ч. Пирса, есть метод определения значения [Пасмор, 1998]. Определение значения связано с выявлением целостности общих способов рационального поведения, приводящих в зависимости от различных обстоятельств и желаний к принятию символа (значение символа – побуждаемое им рациональное поведение). В символе представлено рефлексивное или интеллектуальное схватывание ситуации, влекущее за собой закрепление в понятийном мире, в системе связей сущего; Обетовании, данном Богом Аврааму.

Фактически определение значения для России соединяет зрительные лучи, характеризующие своеобразие национального мировидения (видения мира, формирующегося в различных территориальных пределах), в одной точке – втором центре абсолюта, по Вл. Соловьеву, бытию, или «непосредственной производящей силе», начале множественности форм – российской государственности.

Однако для России множественность форм мотивирована типом интеллектуального схватывания ситуации – закрепления в системе связей сущего, или актуализации жизненного разума при постижении имманентных форм – Логосов – через эстетиче-

скую восприимчивость отдельной территории, структурированную в её художественной культуре.

Отсюда российская государственность, должна строиться в соответствии с Законом и правовым порядком, имманентно определяется правом неписаным, согласующим тождественные ситуации в понятийном мире России как конкретном территориально-интеллектуальном дискурсе, регулируемом онтологической категорией Христос (знание) и характеризующемся разной степенью напряженности космоса.

Степень напряженности космоса влияет на определение значения символа (знака) при членении текущей действительности на управляемые концептуализированные сущие, а также членении Логоса на готовые языковые субстанции – его «телесно»–языковые лики, характеризующие особенности культуры узрения сущего и жизненного разума, которые отличают территорию, ландшафтно-географический комплекс.

Художественная культура Алтая, отражая особенности эстетической восприимчивости, руководимого воплощенным Логосом носителя русской книжной культуры узрения сущего, фундируется прежде всего спецификой рационального поведения в сфере действия закона, общая цель которого – «противоборство злу мира» [Исаев, 1998, с. 194]. Смысл закона, по мнению С. Франка, заключается в том, что в его лице «темное индивидуальное своеволие человека подчинено неким общим оформляющим началам, через которые действует сила высшего порядка – сила разума и добра» [Франк, 1950, с. 239].

Силой высшего порядка в русском космосе является его системность, предопределенная силой божественного слова, несущего Благодать и заменяющего Закон категориями сверхнормативными – покорностью и любовью. По утверждению И.А. Исаева, именно апостол Павел первым сформулировал понятие Закона как синтеза положительного, естественного и божественного права, по сути отрицающего Закон как нормативный феномен [Исаев, 1998].

«В послании ап. Павла Галатам обстоятельно разбирается соотношение Обетования, данного Богом Аврааму и Закона, полученного Моисеем. Обетование может быть рассмотрено по аналогии с завещанием, утвержденным Богом. Закон, принятый 430 лет после обетования, не меняет и не отменяет ни одного

пункта из этого завещания. Ведь кроме самого завещателя никто не может изменить содержания документа: завещатель и Обетования и Закона один – Бог, и он нигде не говорит об отмене первого акта посредством второго. Акты существенно различаются по сфере действия: Обетование Авраама охватывает все человечество, а Закон – только еврейский народ. Целью первого является объединение всех совместным участием в Обетовании, целью второго – праведные дела» [Исаев, 1998, с. 178–179]. Закон (Тора) может раскрывать глубже греховность людей, тем самым вызывая у них чувство виновности. Однако чувство виновности не должно приводить людей к гибели: оно должно побуждать поиски спасения в Обетовании. «Это и есть **обетование веры**, к которому приводит Закон, будучи сам не в состоянии дать эту веру» [Исаев, 1998, с. 181].

Обетование Г.Д. Гребенщикова – реальность, бесконечное разнообразие без начала и конца, в котором мир оказывается подобным «раскинутой сети без начала» [Малявин, 1995], бездонному ущелью, наполненному немолчным эхом. В этом мире существует середина-среда, реально организуемая имперской идеей. Имперская идея согласует умопостижимый мир форм и морфологическую структуру бытия. Это взгляд на мир «в свете Хаоса» – сокровенном свете всеобщей предельности, обеспечивающей знаковое определение пространства со-общительности, пространства пределов человеческого опыта. Среда общительности человека с миром моделируется философией «вечно вьющейся нити», или «сети вещей», которая несет в себе предельную определенность бытия.

Сплетается вселенский Узел жизни, тем самым создается указание на неизменно конкретное, неисчислимо, незнающее вакуумной пустоты пространство – предельности существования. В пространстве предельности существования человек обретает положение «вне своего языка», которое допускает бесчисленное множество миров, предоставляет всему быть тем, что оно есть. Великий предел – высшее состояние свободы – достигается через восхождение к Единому: пребывая в Постоянстве, человек воплощает единство двух вселенских потенций – творчества и исполнения [Григорьева, 1992] через создание текста как вещи самоценной, функционирующей в качестве символа. К такому типу текста относится совокупность текстов, созданных Г.Д. Гребенщикова, структурируемых имперской идеей.

Имперская идея в текстах Г.Д. Гребенщикова структурируется следующим образом: 1) задается пространство пределов человеческого опыта – встреча различных перспектив созерцания мира; 2) определяется принцип обустройства пространства – вкоренение, «вживление» вещи в пустоту неопределенно-предельной цельности всего сущего; 3) заявляются особенности временного исчисления реальности: каждое время имеет природное и символическое измерения; 4) выписывается основополагающая идея планиметрии жизни – идея среды-середины, фиксирующая предельную реальность и реальность предела; 5) создается понимание конкретной реальности как всегда самотеряющейся, предметной среды, которая характеризуется в качестве поля рассеивания духа; 6) вычленяется основополагающая идея культуры – философема «вечно вьющейся нити», обеспечивающая преемственность между законами физического мира и организма; 7) исчисляется реальное схождение в ритм времени – согласование мира форм и морфологической структуры бытия, резонирующее представленный в словесных формах территории.

Русский текст обетования (обещания/обета) Г. Гребенщикова – это универсальный знаковый комплекс, связанный кратчайшим расстоянием с общей мировой жизнью и обладающий высокой моделирующей функцией.

При определении особенностей русского текста обетования Г. Гребенщикова следует исходить, во-первых, из понимания текста как метаязыка коммуникативной деятельности, т.е. составной части коммуникативной деятельности, с помощью которой общение описывается [Бгажноков, 1991]. Описание последней есть необходимое условие организации и самоорганизации общения. Во-вторых, необходимо учитывать специфические черты культуры как формы организации пространства, обусловленной логикой тесных отношений, которая определяется интенсивностью и непостоянством контекста, а также его эмпирической самодостаточности [Корнилов, 1985]. При этом общество создает пространство, которым оно само является, и это пространство есть условие его существования как общества. В-третьих, текст, толкуемый как действенный символ жизни, отождествляется с мифом, и наделяется свойствами, приписываемыми последнему. «Миф, следовательно, понимаемый как действенный символ жизни, является как бы *идеальной структурой жизни, смысло-*

вым скелетом действия» [Лосев, 1993б, с. 729]. Отсюда русский текст обетования Г. Гребенщикова – это структура функций мира, моделирующая смысловую конструкцию жизни, которая проецируется на смысловую картину общества, в свою очередь, отражающую энергию сущности мира. Текст, в подобном случае, должен рассматриваться в качестве события, в основе которого как разновидности движения лежит энергия сущности мира – энергия «самомыслящая, энергия Ума, мышление мышления» [Лосев, 1993б, с. 731].

Смысловая картина общества в русском тексте обетования Г. Гребенщикова обусловлена имперской идеей, согласующей умопостигаемый мир форм и морфологическую структуру бытия. Имперская идея – это взгляд на мир «в свете Хаоса» – сокровенном свете всеобщей предельности, обеспечивающий знаковое определение пространства со-общительности, пространства пределов человеческого опыта [Малявин, 1993]. Говорить о подобном типе коммуникативной деятельности, значит говорить о «теле», которое является средой общительности человека с миром и выявляет для человека значимость пространства, разграничивает внешнее и внутреннее в опыте. Реальность в даосской традиции позднего средневековья, понимаемая как «тело дао», обозначалось терминами «первичное небо» (сянь тянь) и «позднее небо» (хоу тянь) [Малявин, 1993]. «Позднее небо» – это опытный и умопостигаемый мир форм; «первичное небо» соответствовало рассеянной целостности Хаоса, пустотной со-бытийственности, в которой сходятся динамизм и морфологическая структура бытия.

Центральный коммуникативный узел в русском тексте обетования Г. Гребенщикова, проецирующий сегмент материи, синкатегорема из романа «Чураевы» (под синкатегоремой, вслед за У. Шервудом [Shyrewode, 1941]), мы понимаем универсальный знак, обозначающий бесконечное, т.е. недифференцированное пространство-время. Подобное толкование синкатегоремы мы дополняем следующим образом: это универсальный знак, обеспечивающий равновесное взаимодействие между физической средой и миром феноменальным (мыслимым).

«В Петров день еще до солнышка в ограду, на мураву-траву и на крылечки моленной и хоромины собрались степенные старушки и старухи, мужики и молодицы и даже малые ребятки. Все в черных нанбуковых кафтанах, сарафанах и поддевах. Даже

босоногие, вихрастые, без шапок, мальчуганы и те в новых черных «подболочках» из дешевого сатина.

У старух лестовки в руках, сшитые из узелков холстины, у стариков цветные стеганые коврики, величиною в две ладони. У иных же просто старые, замызганные костыли в руках. У двух малюток девочек – желтенькие, из чистой бересты туесочки. У одной хворает дряхлый дедушка, у другой – при смерти бабушка. Дедушка Чураев польет им в туесочки благодати божьей, разведенного богоявленской святой водой с медком причастия – крупитчатой мякушки, хранимой от времени издревлего благочестия, которую дала святому отроку Андрею Олонецкому сама богородица, и дедушка и бабушка заочно причастятся сами»¹.

Представленная синкатегорема изображает жизненную общность, которая, по мнению В. Дюпре [Дурге, 1975] является элементарной ячейкой бытия культуры. Культура есть принцип соучастия, в котором объединяется тождество и различие [Дурге, 1975] – реальное и феноменальное, индивидуальное и социальное.

Имперская идея предполагает умение видеть вещественный мир, дополняя физическое зрение духовным. Она связана с усилением мысленного зрения проникать сквозь материальную оболочку вещей и «прочитывать невидимую глазу формулу, находящую воплощение в их материальности» [Малявин, 1995, с. 258].

Следующий коммуникационный узел алтайского текста Г. Гребенщикова задает формулу прочтения мира, обуславливающую сознательное и произвольное следование образцу, что поддерживает цельность культуры, обособленную ритмом самой жизни [Байбурин, 1991]. Этот коммуникационный узел представлен синкатегоремой из «Гонца»²:

«Сегодня я заметил, как с березовых листков спускаются на землю крошечные, рожденные под листочками берез, беленькие червячки – какая в этом красота и мудрость, и гармония! И каждому червячку отпущено белой паутины ровно столько, сколько нужно до земли. А так как высота листочков от земли различная, то и длина всех паутин различная.

И что же бы вы думали? Вся жизнь червячков и все их счастье, оказывается, продолжается лишь столько, сколько они спускаются до земли. Зато какая красота в этих бесчисленных радужных качелях!

---

¹ Гребенщиков Г. Д., Чураевы. Иркутск, 1982.

² Гребенщиков Г. Д. Гонца. Письма с Помпеярага. М., 1996.

Нужен очень зоркий глаз, чтобы разглядеть все это торжественное шествие, весь этот перламутрово-миниатюрный карнавал спуска червячков на землю. Воображаю, как наслаждаются они, качаясь и кружась в золотых лучах солнца. И, очевидно, мудрость их качания в том, чтобы как можно дольше был этот путь до земли. Ибо на земле... О, страшно сказать! На земле их всех ждала почти немедленная смерть.

Внизу уже были готовы целые армии муравьев, у которых как раз сезон охоты на подаваемую с неба добычу. Там, где начиналось ликование муравьев, кончалась жизнь спускающихся червячков. Какой крошечный, но и какой красноречивый символ для людей. Пока цепляемся за нити, идущие в высоту, – мы счастливы и живы. А как спустились на землю – добыча черных хищников (VIII. Что самое прекрасное? Письмо поэту 16 сентября 1926 г.)».

Данная синкатегорема содержит реальную дефиницию природы искусства – «пока цепляемся за нити, идущие в высоту, – мы счастливы и живы», – дополненную образной иллюстрацией, или пластическими элементами, взятыми в отношении философы «вьющейся нити». Пониманию искусства Г. Гребенщикова созвучна точка зрения Д. Паркера [Parker, 1953], считающего, что искусство по существу тройко: во-первых, оно есть воплощение желаний и требований, удовлетворенных посредством воображения; во-вторых, оно представляет собой специфический язык, обеспечивающий со-общительность; в-третьих, оно содержит в себе гармонию, которая объединяет язык с пластами воображаемых проекций. Дать реальное определение искусству, по мнению Д. Паркера, значит сказать об искусстве, что оно есть «обеспечение удовлетворения посредством воображения, социального значения и гармонии» [Parker, 1953, с. 104]. Главный принцип общительности человека и мира в алтайском тексте Г. Гребенщикова, принцип достижения гармонии – осознание реальности как всеобщего события (хуа), как совместности различных моментов бытия, всеобщей среды превращений, где все вещи взаимно охватывают, хранят друг друга, а потому знание о реальности приходит изнутри [Малявин, 1995].

Реальность как продолжение друг в друге вещей представлена в синкатегореме из повести «Настасья»³:

---

³ Гребенщиков Г.Д. Змей Горыныч. Пг., 1916.

«И полились горной струистой реченькой песни их молодые от утра до вечера над буйной головой Насты, над красой девической...»

Перед проводами жениха в город девушки вечерку у невесты устроили с угощением, с музыкой, с плясками. И никому не заказано было входить в дом Арины Трофимовны. Даже Сашка Красный с гармонией и Еремка Сураз пришли, а в углу под порогом, разинув слюнявый рот, и Данилка стоял, бледнея из-за своей бобровой шапки потным бабьим лицом.

Стоял и слезливых глаз не сводил с красного угла, где, обнявшись, сидели Настасья с Зеновием. Как две свечки воска ярого перед иконой теплились они, молодые да баские.

У Данилки дыханье сперло в груди, и не от злобы одной, не от одной зависти, а еще от чего-то другого, в чем он сам себе сознаться не хотел.

Ласково, как с малым ребенком, все в доме Трофимовны обходились теперь с Данилкой. Девушки в хоровод приглашали, в передний угол на скамью усаживали, орехов и пряников на подносе подносили. И не только насмешки, слова грубого не слышал он теперь, но только от этого еще хуже на сердце у него делалось. Свертывалась злоба в ядовитый ком и подкатывалась к сердцу, сосала его и росла, огромным и тяжелым камнем теснила нутро. Свет мутился в глазах у Данилки, и вся веселая, шумная и пестрая толпа сливалась в какую-то темную-темную стену, которая замкнула Данилку в тесном колодце и не пускает его из удушливой язы».

Событийность мира представляет собой акт вкоренения, «вживления» вещи и человека как материальных субстанций в пустоту неопределенно-предельной цельности (*ТЕСНЫЙ КОЛОДЕЦ*) – вездесущую, срединную среду Великого пути [Малявин, 1995]. Срединная среда в русском тексте обетования Г. Гребенщикова определяет процесс схождения в ритм времени, которое движется туда-сюда (дзюн-гяку). Существование в срединной среде связано с проявлением мастерства – владения искусством подвижного равновесия (ва), т.е. умением ощущать ритм Вселенной [Нагата, 1991] и разную степень напряженности бытия [Лосев, 1993а]. Напряженность бытия связана с разной степенью напряженности пространства и времени, или космоса.

Космическое пространство обладает степенью насыщенности и напряженности: оно содержит в себе четыре вида сфер –

огненную, воздушную, водную, земляную [Лосев, 1993а]. Пространство космоса Г. Гребенщикова есть сферичность пяти видов, расположенных в следующей последовательности – водная, огненная, воздушная, земляная сферы, «темный колодец». «Каждое пространство своей определенной организованностью пред-решает также и возможную фигурность, объемность, движение и прочие свойства находящихся в нем тел... Прокл так и различает три принципа «разделения» пространства – *по лику, по фигурности и по кривизне*. Во-первых, мы имеем *сферы*, т.е. разные кривизны пространства. Во-вторых, в пределах каждой кривизны – метод организации реальной вещи – их *общую фигурность* как принцип. И в-третьих, энергичное явление так организованных вещей в качестве готовых субстанций – их *телесные лики*» [Лосев, 1993а, с. 300–301].

Первый принцип «разделения» пространства, обуславливающий выделение сфер бытия человека, в русском тексте обетования Г. Гребенщикова приводит к определению проекции – земной интерпретации – космологической постоянной, имеющей «порядок средней плотности массы во Вселенной» [Девитт, 1987, с. 144]. В качестве космологической постоянной выступает пространство со-общительности, встречи разных перспектив созерцания, пространство пределов человеческого опыта – город. Синкатегорема кривизны пространства структурируется в рассказе «Дело одинокое»⁴:

«Смотрит в серый потолок, слушает, как сопят и бредят ребятишки, и представляет город, в который он ездил иногда с мукой. Представляет и не может понять: там так весело живут, как будто празднуют, а не работают, не пахнут и не жнут. Даже и земли близ города для пашни нет. Как так?»

А денег в городе – Боже ты мой, сколько каждый день тратится... Столько магазинов, столько лавок, столько каждый день возов на базаре – все покупают, все съедают...

По улицам разные барышни, смешно наряженные, с балаганами на головах, с какими-то кошельками в руках, как с кисетами, на высоких тоненьких подборчиках... А тоже на базаре рядится другой раз, сердится, будто что смыслил... Муку жует, губы запачкает... Все есть хотят, а не работают... Не работают, а денег много... Удивительно!»

---

⁴ Гребенщиков Г.Д. Дело одинокое // Простор. 1992. №3.

Рассматривая характеристики пространства в координатных рамках имперской идеи, необходимо отметить, что контрастное единство физической данности и вечно отсутствующей реальности, природное и символическое измерение каждого момента времени получают отражение именно в контексте городской культуры. Формула годового цикла сезонов и сопутствующих им праздников подчиняет ритм городской жизни, создающей свой собственный символический язык воплощения.

«Город в имперском Китае не был общиной горожан. Он являл собой скопление человеческих масс, место заработка и траты заработанного, арену демонстрации преуспевания, соперничества в талантах, добродетелях и даже в пороке. Он был ярмаркой тщеславия, рынком идей, садом удовольствий, камерой пыток. Слово мираж, он всех манил и от всех ускользал [Малявин, 1995, с. 30].

Предметная среда города подобно хаосу. Она есть поле рассеивания духа, где глубина сознания теряет себя в декоративных качествах, анонимной публичности вещей [Малявин, 1995]:

«Нельзя в заключение не упомянуть об Алтайской ярмарке, происходящей ежегодно в Котон-Караган (вернее, в ст. Алтайской) и представляющей собой красочную картину из жизни алтайских народов.

И ярким праздничным пятном выделяются на общем фоне расфранченные бухтарминцы. Верхами и на пошевнях едут старики и молодые мужчины и женщины. Лошади в посеребренной сбруе, люди в богатых меховых шубах, с широкими шелковыми поясами, в шапках с четырьмя углами и кашемировых шалях...

Но невольно вспоминается, что завоевание края не обошлось без причинения тяжкого ущерба туземному инородческому населению»⁵.

Приведенная синкатегорема из историко-этнографического очерка «Алтайская Русь» характеризует второй принцип разделения пространства – метод организации вещи, или их общую фигурность как принцип. Этот принцип следует определить как симметризацию – сознательное проведение двоичного принципа и его вторичное (т.е. посредством человека) проявление во всевозможных артефактах [Крушинский, 1999]. Симметризация от-

---

⁵ Гребенщиков Г.Д. Алтайская Русь // Алтайский сборник. Барнаул, 1912. Т. XI.

ражает космическую полярность в артефактах культуры, а образец симметризации являет собой расширение числовой области за счет введения отрицательных чисел – зеркальных двойников положительных чисел. Срединная среда является осью симметрии, пространством, уравнивающим небесное и земное в творящем сознании.

Творящее сознание различает третий принцип разделения пространства – энергичное явление вещей, организованных на основе метода организации реальной вещи в качестве готовых субстанций. Синкатегорема из сказки «Хан-Алтай» вводит в качестве основной категории, определяющей телесные лики вещей и характер срединной среды, категорию *Дэ*:

«По привольным, великим горам Алтай изначально Человек-Пастух кочевал, свои тучные стада стерег, древние божьи заветы берег.

Вот ходил Пастух по высоким горам, по зеленым лугам, по речным и озерным берегам – глядел через стада свои ввысь и молча задумывал первую песню.

У ветра подслушал, у стука камней, у шелеста листьев, у шума воды, у щелета птиц и свиста невидимых маленьких тварей – и взял первые звуки.

Стоял на высоком холме над рекою старый, сухой и расщепленный тополь – ветер врывается в сухую расщелину дерева и завывал, ударял по отвисшей щепе и качал ее в такт, и наигрывал первую песню, учил Пастуха.

С песнею ветра задумал Пастух сделать первую домру. С молитвою срезал он тополь у самого корня. С таинственной думой и закликаниями выжег огнем пустоту. С великим терпением трудился – обдывал каменным ножиком. Семь раз поранил руки, пока сделал первую доску – покрыть пустоту. Семь разных узоров – кони, козлы и маралы. Собственной кровью навел вокруг домры. Трубные звуки маралов – самая громкая песня Алтая»⁶.

Дэ воспитывает, упорядочивает, покровительствует; Дао взращивает, фиксирует, пестует, или: Дао рождает, *Дэ* вскармливает [Крушинский, 1999], что означает оплодотворяющую и смыслозадающую функцию атрибутов Дао и питающую, телесо-

---

⁶ Гребенщиков Г.Д. Хан-Алтай // Гребенщиков Г.Д. Моя Сибирь. Барнаул, 2002.

творящую функцию атрибутов Дэ. Дэ лелеет натуру, регулирует использование, защищает от ущерба [Карапетьянц, Крушинский, 1998]. Категория Дэ, будучи организующей категорией текстовой китайской культуры, является той силой, которая путем удвоения возводит «зародышевую», или «младенческую» триграмму (визуализацию числа «3», т.е. Дао) в меру полновозрастного организма гексаграммы – законченного текстового единства [Карапетьянц, Крушинский, 1998]. При этом текст следует рассматривать как способ существования человека в пространстве космоса и способ самоорганизации культуры через отыскание адекватной связи между формой содержания и формой выражения реальности. Категории Дэ отвечает базисная арифметическая операция умножения (произведение), трактуемая как «вращивание» и «формирование» и выражаемая иероглифом «квадрига» (боевая колесница) [Варден, 1959]. Архаичное понимание умножения связано с методом удвоения, основанном на двоичном представлении одного из сомножителей (так, три разлагается на сумму степеней «двойки»: $3=2+1$).

Формула запечатления формы мира предлагается в русском тексте обетования Г. Гребенщикова следующая – *выжечь огнем пустоту*, из которой методом удвоения получаем *покрыть пустоту узором*. Процесс «вращивания» и «формирования» записан в данной синкатегореме через ряд – *щепы – расщелина – расщепленный (п – л – пл')*, отражая контраст между «использованием-действием» (Дэ) и «основой» (Дао) и предполагая переход от повседневного (профанного) языка к языку узрения, рисующего изображения, являющиеся мудростью в своей цельности воспринятого и запечатленного мира [Лосев, 1993а]. В языке узрения фиксируется взаимный отклик Вселенной и Человека, алгоритм которого прописан в синкатегоремах из «Купавы» (Купава. Роман одного художника. 7–8 сентября 1953 г.)⁷:

«Тихо перебирая клавиши она извлекала из них какой-либо отрывок из Шопена, Шуберта или Чайковского и тут же, как бы поймав себя на неуместно грустных нотках, начинала что-либо радостное из Бетховена или Листа. При этом улыбалась звукам, как будто ими что-то видела свое, невидимое зрячим.

---

⁷ Гребенщиков Г.Д. Купава: Роман одного художника // Простор. 1991. №1–2.

Эту именно черту в ее улыбке и во взгляде Пегин и наносил на полотно, когда Бетти, перестав играть, затихла, как будто к чему-то прислушивалась в себе самой. Откинув со лба мешавшую ему прядь пшеничных волос, художник долго всматривался в натуру и на полотно. В глазах его остановилась грусть, как будто Бетти превратилась в его глазах в мертвый слепой мрамор».

«Июльским пламенным лучом брызнуло октябрьское солнце с запада перед закатом, и краски на полотне Пегина заиграли весенней радугой. Он позабыл о времени, увлеченный собственным рассказом, продолжал работать».

... Когда звучит падающая со скал вода – песня ее так проста, язык ее так выразителен... Когда ветер приносит дыхание соснового леса – прохлада его так целительна. Когда движется по небу черная туча с бурей и грозой – даже неверующий молится о сохранении созревающих плодов и фруктов. Когда звучат слова художника, как песня глубочайшей скорби, – он может быть понятен каждому, даже на чужом языке...»

Алгоритм, представленный в синкатегоремах, обеспечивает переход из мира не-форм в мир форм. При выявлении алгоритма использовался метод удвоения. Мир не-форм выступает как состояние сознания в чистом виде без какого-либо объективного коррелята, или «вместилища» этого сознания [Торчинов, 1993] – **тихо перебирая клавиши** (чет-нечет, белое-черное). Механизм перехода «**видеть звуками**»: каждый звук-слово обладает соответствующей реальностью, а с каждой реальностью соотносится свой звук-слово; слово есть указатель на реальность в мире [Фесюн, 1986]. Высшее состояние предполагает достижение полного единения с космическим началом, достижение «единотелесности» (*и ти*) с универсумом [Торчинов, 1993] – **мертвый слепой мрамор**. Единотелесность, понимаемая как достижение конечной цели, т.е. духовного общения с высшим началом, связана с определенным моментом (*вакт*), в котором, согласно концепции ал-Кушайри [Ислам, 1991], осуществляется взаимосвязь между временем, опытом и самосознанием: **июльским пламенным лучом брызнуло октябрьское солнце с запада перед закатом**. Достижение конечной цели: **звучат слова художника** – предполагает преодоление различных стадий – кратковременных «состояний» и устойчивых состояний-«стоянок», влекущее за собой постепенное отрешение от собственного несовершенного «я» [Ислам,

1991]. «Стоянки», или незфемерные состояния, согласно концепции ал-Кушайри, могут существовать, но только как «вкус» к чему-то, что потом может дать ростки. Человек, который находится в «состоянии» «вкуса к чему-либо» (постоянно испытывает зов вкуса), будет достигать более высокого состояния. Для обозначения содержания состояния (восторг, сжатие в груди, тоска, страх, «отсутствие», «присутствие») ал-Кушайри использует термин *ма'на*, который сочетает в себе значение «смысл», «сущность» и «чувство», а в современной терминологии адекватно обозначается сочетанием «модель сознания»: *когда звучит падающая со скал вода, когда ветер приносит дыхание соснового леса, когда движется по небу черная туча с бурей и грозой*. Предложенный в русском тексте обетования Г. Гребенщикова алгоритм демонстрирует причастность творящего сознания многим языкам, что становится наиболее очевидно в момент существенной исторической смены языков, когда эти языки примеряются друг к другу, когда в них начинают ощущаться грани времени, культур, когда можно стать вне своего языка [Бахтин, 1990].

Имперская идея составляет основную нить узора русского текста обетования Г. Гребенщикова, соединяя и продолжая друг в друге «два реализма», на существование которых указал в 1902 г. Александр Бенуа [Бенуа, 1902]. Теория двух реализмов в живописи различает реализм, сознательно преследующий достоверное воспроизведение зримых форм действительности, и реализм «настоящий», «живой». В творчестве Г. Гребенщикова первый тип реализма представляет собой продолжение французского реализма и традиций французской философии, обусловленных достижениями естествознания XIX в. Второй тип реализма, представляющий реальность как то, что день и ночь сменяются, а все вещи сами по себе таковы и благодаря этому друг друга охватывают (Чжуан-цзы) [Малявин, 1985], продолжается в русском тексте обетования Г. Гребенщикова, придавая миру форму модели сознания (созвучно идеям ал-Кушайри), прислушивающегося к зову вкуса в ожидании «стоянки».

Г.Д. Гребенщиков выявляет смыслонесущий для художественной культуры Алтая символ «вечно вьющейся нити», побуждающий, с позиций прагматизма Ч. Пирса, такой рациональный способ поведения, как «вживление» в цельность всего сущего.

Легко управляемые концептуализированные сущие, на которые, по утверждению А. Бергсона, интеллект по практическим

соображениям подразделяет текучее единство действительного становления [Бергсон, 1992], в творчестве В.М. Шукшина определяют пространство-время обетования веры представителя русской культуры узрения сущего, специфику его рационального поведения. В.М. Шукшин приступает к построению практической среды-для-действия мирского сознания в масштабе разговора. Анализируя особенности изложения рассуждений и даже целых наук в Древней Греции, К. Зеленецкий [Зеленецкий, 1849] приходит к выводу, что основным способом изложения является форма разговора, что вполне согласовывалось, во-первых, с отсутствием очевидно осознанных оснований для систематизации знаний; во-вторых, с энциклопедическим характером тогдашних знаний; в-третьих, с тяготением к ученым беседам, которые свойственны юношескому возрасту древней учености. Кроме того, существовали особые формы разговоров на ученых пирах – симпози. В.М. Шукшин вводит симпози как способ преодоления разрыва русской культуры и классической традиции, возникшего, по мнению Г.Н. Федотова, в Киеве XI–XII вв. Практические среды-для-действия, или миры действия, создают особую равновесную систему существования мысли в языковой среде; через посредство подобной равновесной системы можно достичь равновесия душевной жизни, т.е. спасения (Сравните со словами Г.Н. Федотова: «Другими словами, спасение, в том наиболее широком, психологическом смысле слова, есть **равновесие** душевной жизни» [Федотов, 1997]).

Подобная равновесная система действий и переживаний есть основа феноменологически понимаемой религии – религии как системы действий и переживаний, обеспечивающей душе спасение [Федотов, 1997]. В представлении верующего религиозные образы обладают свойствами реальных существ, будучи концептуализированными сущими, дифференцирующими текучее единство действительного становления. Создаваемые образы действуют по законам причащающегося к знанию разума, который, в соответствии с размышлениями О. Павла Флоренского, есть не системы механических, всегда себе равных, осуществлений, применимых одинаково к любому материалу, а представляет собой нечто живое и стремительное, орган живого существа, модус взаимоотношения познающего и познаваемого, т.е. вид связи бытия [Флоренский, 1912], особый чувственный мир, мир Обетования веры.

Чувственный мир воссоздается в системе взаимодействия миров, в результате возможно обнаружить систему связей бытия и обосновать целесообразность существования человеческого мира в историческом процессе развития Природы как первополюска. В идее-разговоре Шукшина одушевляются законы движения физической и социальной материи, основным из которых следует признать закон любви, или закон метаморфоз. Миры действия законов у Шукшина причащающегося к знанию разума пульсируют в соответствии с разворачиванием во времени фаз любви: красота, возбуждающая желание (или форма-символ, обращающая на себя внимание); желание (совершенство природной формы, требующее резонансного отклика и иной системы выражения впечатлений) – выявление принципов связи бытия модуса взаимоотношения познающего и познаваемого; удовлетворение – отыскание целесообразной организованной системы выражения мыслей, т.е. достижение равновесия душевной жизни, и следовательно, воскресения (спасения) в языке. В.М. Шукшин создает особую систему выражения мыслей, воплощающую феноменологическую религию – построение мира в Слове в соответствии с законами движения природной формы, которые в мирском сознании отождествимы с законами любви, гармонизирующими противоречащие друг другу формы жизни.

Творение мира в душевной (сердечной) направленности при накоплении опыта постижения истины открывается в последнем произведении А.П. Соболева «Искушение вины»⁸. Автор предлагает систему воплощения в языке онтологической категории Христос, влекущую за собой особую эстетическую восприимчивость мира, масштаб которой определяется им Законом греха и смерти (Ветхий Завет) и Законом жизни во Христе (Новый Завет). Частичное снятие противоречия этих двух «по Закону» форм жизни, достижение их равновесия в поле сознания верующего возможно лишь в мире понятийном, потенциально управляемым сердечным зрением, которое позволяет узреть не пределы вещи, а ее беспредельность – потенциальную готовность к мутации, переходу в иную форму, что, в свою очередь, предполагает в качестве обязательного условия наличие интеллектуальной пластичности.

---

⁸ Соболев А.П. Искупление вины. Барнаул, 2005.

Пластичность художественного мышления человека Алтая позволяет ему с относительной легкостью преодолевать «водоразделы» бытия и инобытия, тем самым постигать данные интуитивно контуры жизни, а также Откровение истины, данное человеку, разумно познающему мир в формах слова. Рациональный способ поведения, открытый Г.Д. Гребенщиковым в философии «вечно вьющейся нити», обретает свою языковую конкретность в символе «рельсы–сходни». Носитель общих способов рационального поведения в художественной культуре Алтая, представленный В.М. Шукшиным, причащенный к знанию Обетования веры «чудик», наделенный культурой сердечного узрения Закона, становится у А.П. Соболева «христосиком». Христосик – это мера истины в мире, где «на ходу подмётки рвут и тут же гвоздочками приколачивают», а «паровоз мотает своими красными локтями», выстукивая колёсами на стыках рельс: «на запад, на запад, на запад...».

Стремление к исполнению закона оборачивается постоянным «схождением» с пути, угрозой потери сердечной направленности поступков, а следовательно, благочестия и дома его Бытия – сердца, превращающегося в «обугленную дыру»: «На обочине валялась разбитая в щепки трехтонка, со смятой в гармошку кабиной. Она лежала вверх колесами, и вместо мотора была обугленная дыра, которая еще дымилась сизым дымком, будто дотаивали в ней угли, как в печке». Обстоятельства жизнедеятельности человечества в третьем тысячелетии от Р.Х. складываются таким образом, что «смятое в гармошку» взрывом авторсредство становится символом истинности веры, следования пророческому Слову и «делом Закона». Происходит вторичная трансформация Закона в свою противоположность. Всеобщий Закон действует всегда и всюду, в историческом времени существование Закона начинается с объявления его Человеку Божественной Субстанцией. «Этот акт можно назвать Первозаконом, источником, из которого затем начинают эманировать все последующие акты» [Исаев, 1998, с. 160].

Трансформация Закона в свою противоположность – предпосылка и подготовка прихода Христа, «который преодолевает «все силы и власти» (I. 15:24), обезоруживает их и передает Богу владычество над миром» [Исаев, 1998, с. 188]. Конец XX в. подготавливает новую трансформацию Закона, узреть которую могут

только «заостренные глаза» и вскрыть её существо «синие лезвия глаз»: «Дальше этой станции рельсов не было. Дальше – фронт. Там, на западе, погромыхивало, будто шла далекая гроза, хотя в ясном синем небе – ни облачка». Процесс первой трансформации Закона, в интерпретации М. Бубера [1995], происходит на фоне все более очевидной сомнительности Закона, противодействии тварных и производных сил мира божественным, порабощении земными силами Космоса, который в греческом мировидении, по утверждению И.А. Исаева [Исаев, 1998], тождественен Порядку. «Станции не было. Торчала одна законченная водонапорная башня из дикого серого камня, с белыми выбоинами от осколков. Вместо вокзала – наспех сколоченный из обгорелых досок барак. Вокруг пепелище и развалины».

Вторая трансформация Закона сводится к уничтожению «станции» – символа места, где человек может осуществлять стоянки, или обретать незфемерные состояния, в которых ему дано отыскать адекватную связь между формой содержания и формой выражения реальности, свой способ существования в пространстве космоса, а не подобно одинокому выстрелу, «негромко хлопнув, прокатиться в редком осиннике и затеряно истаять в огромном пространстве Вселенной». «Стоянки», согласно концепции ал-Кушайри, могут существовать как «вкус» к чему-то, что потом может дать ростки [Ислам, 1991]. Человек, который постоянно испытывает зов вкуса (находится в «состоянии» «вкуса к чему-либо»), становится воплощением «энергии сущности мира» – энергии Ума, мышления, энергии самомыслящей [Лосев, 1993б]. Человек II тысячелетия в ходе порабощения Космоса. И как, следствие, обетования, стремясь «подороже жизнь продать» и получить «пропуск на тот свет», отказавшись от обетования веры (поисков спасения в Обетовании), в начале III тысячелетия утрачивает «вкус» к жизни, способность активного видения, оставляя себе только возможность ближнего видения. «А инвалид уже предлагал:

– Рупь – и вам откроет тайну вашей судьбы моя невинная помощница. – Белая мышка почесала крохотной розовой лапкой усатую мордочку, голенький хвостик ее червячком свисал с потертой телогрейки инвалида»].

Человек отказывается от своего высшего предназначения – быть локусом, пространством, в котором сущее находит через

свое другое внутреннюю действительность. Подобный «отказ» ведет к изменению равновесия материального царства земной действительности и царства Божьего, знания – Бытия и Власти–Бытия, искажению Обетования, данного Богом Аврааму, мутацию поведения, которого следует придерживаться.

Художественная культура Алтая в своей троичной явленности русского Логоса представляет образец усиленного внимания носителя русской книжной культуры узрения сущего к реальной действительности, которая с позиций философии всеединства предстает как осуществление идеи, «результат отношения сущего к своему другому, конкретным воплощение чего является человек» [Акулинин, 1990, с. 76]. В художественной культуре Алтая как составляющей поля сознания, мотивирующего зрительное поле русской художественной культуры, воссоздаются аксиологические системы, которые являются её виртуальными источниками – Обетование, данное Богом; Тора, суфизм, античный космизм, имперский идеализм, прагматизм.

Кроме того, художественная культура Алтая создает объемное видение внутренней действительности русского космоса в его телесных ликах – формах Обетования, Обетования веры и Закона, соответственно явленных в слове Г.Д. Гребенчикову, В.М. Шукшину и А.П. Соболеву.

Рассуждая об аранжировке человеком собственный интенсивных эмоций, А.Ж. Греймас и Ж. Фонтань [Греймас, Фонтань, 2007] отмечают, что язык предлагает свою концептуализацию мира страстей, изначальная формулировка которого принимает вид особого лексического поля, так называемого «перечня страстей», открывающих крупные артикуляции таксономии, которая сосуществует со всей культурой в целом. Возможно говорить о классах аффективной и типах модализации повседневной реальности. К числу первых представители Парижско-Лиможской школы семиотики относят чувство, эмоцию, влечение, склонность, темперамент, характер, настроение; к числу вторых – знание, умение, могущество, хотение.

Семиотическое пространство существования человека ограничивается двумя предусловиями, представляющими экран «бытия» как форическую тенсивность в виде тенсивного и физического симулякров, симулякров – проекций субъекта в вообра-

жаемый мир. Тенсивность и фория – концепты напряженности, с привлечением которых, как считают А.Ж. Греймас и Ж. Фонтаний, следует изучать глубинный эпистемологический уровень естественного языка как составляющей естественного мира. Тенсивность, будучи изученной в качестве неотъемлемой характеристики любого процесса, разворачивающегося на уровне фразы или дискурса, представляет одну из особенностей внутреннего пространства, которое «мы признаем и определяем как наложение естественного мира на субъект, с целью построения собственного способа семиотического существования» [Греймас, Фонтаний, 2007, с. 29]. Фория понимается как концепт-прототип, подразделяемый на эйфорию и дисфорию. «Воображаемые страстные миры» вытекают из особенностей семионаративного уровня, понимаемого как семиотическая форма человеческого воображения. В построении воображаемых миров основополагающая роль принадлежит модальным нагрузкам, которые вклиниваются, по мнению французских семиологов, между нарративным высказыванием и его реализацией в дискурсе, открывая «воображаемое пространство, предназначенное для развертывания страстного направляющие развертывание российского страстного дискурса представлены в лекции Г.Д. Гребенщикова в локальных дескрипциях, одна из которых соотносится с модальным субъектом Vikings или Varangian: “*The Vikings or Varangians were the first to come and settle on the European continent. The Vikings formed the war-like Germany, the Vikings taught commercial navigation to the English, and the Vikings bridled the restless tribes of the Slavs and, organized the first government of Russia. The gray-blue foaming waves of the “Varangian sea”, were, at one time, the school through which went the navigators who discovered America. At the same Vikings or Varangians their blood mixed with that of Novgorod Slavs, were the first to go into Siberia, laying the cornerstone of its conquest by Russia*”.

Модальная нагрузка *Vikings or Varangian* открывает воображаемое пространство *Siberia* для развертывания российского страстного дискурса как особой онтологии и космогонии – как прожитого, а потому укорененного в жизненном чувстве эпохе, и как пластической картины эмоционального обжитого мироздания, синтезирующих античное и христианское.

Эскиз страстного российского дискурса создается Г.Д. Гребенщиковым в начальном фрагменте романа-эпопеи «Чураевы»⁹, в нем представлены классы аффективной жизни (чувство, эмоция, влечение, склонность, темперамент, характер, могущество, хотение). Первично в российском страстном дискурсе настроение, передающееся в особом отношении к мирозданию, и как следствие, особой структуризации (деконструкции) логоса – *живые луговые цветочки, ребятки, ослепляющее солнышко*. Производящей основой настроения является темперамент – *насматривались на прощание на мужиков, заботливые слова* – запечатлевающий в сознании образ (эйдос) близкого человека словом в актуальной бесконечности. Классы аффективной жизни «прослаиваются» модализациями, настроение и темперамент объединяются в блок «умением»: *«Промеж бревен-то ногу не сломай, ишь, бревны-то как скользки. Да на порогах-то не молодцуи»*. Умение сопрягается со знанием (оно является либо результатом освоения пространства повседневной реальности «небытовыми» способами, либо представляет собой форму реализации имеющегося в распоряжении знания): *«Двадцать плотов длинной светложелтой покромкой опоясывали берег, слегка покачиваясь на большой внешней волне и туго натягивали толстые пеньковые веревки, прикрученные к крепким кольям»*.

Особой формой обобщения умений и знаний в нарративе Г.Д. Гребенщикова становится эмоция, практически совпадая по своей сути с онтологической теории эмоций П.К. Анохина [Анохин, 1964]: *«Солнце давно вышло из-за гор, смотрело весело и жарко, колело золотыми копыями зыбучие, шумливые струи и ломало их на мелкие осколки о гладкие пахучие бревна, похожие на свежие свечи из яркого воска»*. Согласно этой теории эмоции играют роль пеленга, помогающего живому существу отличать полезное от вредного, переходить из опасного, неблагоприятного состояния в благоприятное, безопасное; функция эмоций сравнима также с функцией физических сил (электрических, магнитных, гравитационных и пр.), сподвигающих систему к переходу из одного состояния в другое. Переход в другое состояние открывает способность иначе воспринимать мир, открывает его новые уров-

---

⁹ Гребенщиков Г.Д. Чураевы. Братья Чураевы: Роман: В 3-х ч. Спуск в долину: Роман. Барнаул, 2006.

ни: свечи – *свежие*, воск – *ярый* – что порождает влечение, или стремление к новому знанию, умению, новому миру.

Наличие влечения является залогом могущества, поскольку основывается на обладании чем-либо: *«В новых дощатых сусеках на жердяных мостках стояли тополевые бадейки с маслом, медом, лежали тюки пушнины, гусяного пера, кучи невыделанных скотских шкур – богатая дань города от сытых горных деревень»*. Могущество определяет свойства характера – того, как считает Им. Кант [Кант, 1999], что человек сам делает из себя. Что имеет внутреннюю ценность: *«Лодка мчится по зыбкой быстрине вниз, берега кажутся бегущими куда-то прочь, но Фирс Платонович не думает садиться и не перестает грести. Изредка измеряет глубину шестом, пока железо вновь не чокнет о камень. Чокнуло – и всякая опасность позади. Чураев снова рассекает волны, направляя лодку против быстрого течения»*.

Особенности характера влияют на модальное продвижение бытия, в ходе которого, если исходить из положений А.Ж. Греймаса и Ж. Фонтанья, мир страстей расширяется в соответствии с миром модальным: конфигурация страсти должна включать в себя управляющий принцип, зависящий от модализации делания. Импульсивному человеку свойственен способ существования, который основывается на сочетании *хотения делать* и *возможности делать* и формирует модальную компетентность: *«Пойду в / Твои луги зрети / Многие прекрасные цветы... / Пребуду zde своя лета / До скончания века...»*.

Хотение в российском страстном дискурсе продуцирует склонность, которая, как считают французские исследователи, *«предполагает признание неким посторонним наблюдателем наличия определенной аффективной точки зрения у субъекта в том, что касается или предметов, или модализаций»* [Греймас, Фонтаний, 2007, с. 103], – *суровой непреклонной воли* (сочетание, завершающее роман «Спуск в долину»).

Закрывающим элементом российского страстного дискурса в романе-эпопее «Чураевы» является чувство – *«сложное аффективное состояние, стабильное и длительное, связанное с представлениями»* [Греймас, Фонтаний, 2007, с. 102] о Боге-хранителе, Господе-спасителе, Дьяволе-искусителе, Боге-в-себе (человек как дом Бытия Бога), Господе-судье: *«Бог в помощь мужики», «Поди-тко, просим милости», «Ну, батюшка! Благослов-*

ляй!», «Ну, храни тя Бог!.. Храни Бог», «Не сокрушайся! Со все Господь...», «Дай Бог счастливо!», «Прощай-ка, Христа ради!.. Спаси те, Господи, в пути, в дороге...», «Храни тя Бог... Счастливо!», «Ну, с Богом!», «Ну, со Господом!... Счастливо!», «Дай Бог счастливо!.. Со Господом! Со Господом!» «Спаси их, Господи, в пути, в дороге», «Ну, чтобы ты Бог любил!», «А штоя в моленну не иду – за то Бог со мной расправится не ты...», «Ну-ну!.. Господь с тобой, Данило Анкудиныч!..», «Дьявол тебе шепчет что-то, Анкудиныч...», «Смотри, перед Богом доведется кауться...», «А сиди его господь».

Вербальная экспликация страстного дискурса составляет основу континентальной философии семиотического единства *Siberia*. Д. Фоллесдал [Фоллесдал, 2006], противопоставляет философии аналитической, включающей две традиции, одна из которых инспирирована логикой, другая ориентирована на естественный язык. Это философия, которая разрабатывает особые аналитические процедуры деформации Логоса, сводящиеся прежде всего к отчленению истинностного от значимого (истины от значения). Областью распространения является прежде всего «американский» ареал. Континентальная философия *Siberia* – европейский вариант осмысления изменяющихся обстоятельств жизни, модифицированный под углом зрения ориентальных культур, само собой разумеющимся для которых представляются понятия повседневной реальности, пустоты, остановок сознания. Именно эти понятия, выявляемые в процессе анализа особенностей деформации русского Логоса, пополняют аспекты естественного вкуса Европы.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Основной задачей рассмотрения истории русского литературного языка с позиций теории языкового существования становится изучение по письменным (книжным) источникам особенностей взаимодействия семантического континуума, ментальных (интеллектуальных) схем существования в пространстве, наборов лексико-семантических континуумов славянских языков (в частности, русского языка) и кириллической (глаголической) графической системы.

Специфика «русского» языкового существования (языкового существования *Русской Зѣмли*) видится в том, что баланс лингвистических потенций тех, кто проживает на *Руской Зѣмли*, подобно механизму лингвистического равновесия, который, согласно М.М. Маковскому, «вращается вокруг трех основных параметров: с р е д ы (окружения), где происходит реакция (вариационная – константная), ф а з ы разворачивания элемента или ряда (рекурсивная – нерекурсивная) и в а л е н т н о с т ь ю» [Маковский, 1980, с. 36]. Причем в те или иные исторические моменты развития языка и существования жителя *Руской Зѣмли* в качестве центрального может выступать каждый из трех параметров: среда – *текст Руской Зѣмли*, фазы разворачивания лексико-семантических рядов – *личность Руской Зѣмли*, валентности – *кириллическая графическая система*.

Формирование нового взгляда на историю русского литературного языка с позиций теории языкового существования предполагает сосредоточение внимания исследователя на системной организации текста, в котором зафиксированы особенности коммуникации «между социумом и индивидом, социумом и Богом, социумом и судьбой и т.д., во всех этих случаях важно, как осмысливаются соответствующие события, какое значение им приписывается в системе общественного сознания» [Успенский, 2002, с. 12]. Все перечисленные разновидности коммуникации образуют в совокупности исторический процесс, который, в свою очередь, в текстах представлен семиотически отмеченными событиями, заставляющими «увидеть историю, выстроить предшествующие события в исторический ряд» [Успенский, 2002, с. 19].

Однако история – это не только создание исторических рядов, на основе определенных исходного исторического опыта и

семантического кода, т.е. текстуальная практика, но это и стратегия коммуникации человека с миром посредством слова (представляющего деятельностную функцию мозга), знака (в русской когнитивно-коммуникативной культуре отождествляемого с логограммой) и Эйдоса (сопоставимого в системе мирозерцания славянской общности со следом-впечатлением, которой остается после взаимодействия с Миром Форм).

Библиографический список

- Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997.
- Аверинцев С.С. Троица // Мифы народов мира. М., 1988. Т. 2.
- Агрикола Э. Микромедии- и макроструктуры как содержательная основа словаря // ВЯ. 1984. №2.
- Адо П. Плотин, или Простота взгляда. М., 1991.
- Аксаков К.С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка.
- Аксаков К.С. О грамматике вообще (по поводу грамматики г. Белинского) // Аксаков К.С. Полн. собр. соч. М., 1875. Т. 2. Ч. 1.
- Аксаков К.С. Опыт русской грамматики // Аксаков К.С. Полн. собр. соч. М., 1875. Т. 3.
- Аксаков К.С. Полное собрание соч. М., 1889. Т. 1. С. 597–598.
- Акулинин В.Н. Философия всеединства: От В.С. Соловьева к П.А. Флоренскому. Новосибирск, 1990.
- Акчурин И.А. Принципы телеономические и формирующие: первые шаги в рациональном понимании // Причинность и телеонизм в современной естественно-научной парадигме. М., 2002. С. 39–51.
- Андреев Д. Роза мира. М., 1993.
- Андрианова-Перетц В.П. Сюжетное повествование в житийных памятниках XI–XIII вв. // Истоки беллетристики. Л., 1970.
- Анкин Д. Идеология // Современный философский словарь / Под ред. В.Е. Кемерова. М.; Бишкек; Екатеринбург, 1996.
- Анохин П.К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем // От моделей поведения к искусственному интеллекту. М., 2006. С. 9–60.
- Античные теории языка и стиля. М., Л. 1936.
- Апель К.-О. Лингвистическое значение и интенциональность: Соотношение априорности языка и априорности сознания в свете трансцендентальной семиотики или лингвистической прагматики // Язык, истина, существование / Сост. В.А. Суровцев. Томск, 2002. С. 204–224.
- Апресян Ю.Д. Английские синонимы и синонимический словарь // Англо-русский синонимический словарь. М., 1979.
- Апресян Ю.Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл-Текст» // Wiener slawistischer Almanach. Wien, 1980. S.-Bd. 1.
- Арапов М.В. Квантитативная лингвистика. М., 1988.
- Аристотель. Категории. М., 1939.

- Аристотель. Об истолковании // Аристотель. Соч.: В 4-х т. М., 1978. Т. 2.
- Аристотель. Соч.: В 4-х т. М., 1978. Т. 2.
- Артемов В.А. Психология обучения иностранным языкам. М., 1966.
- Артемьева Т.В. История метафизики в России XVIII века. СПб., 1996.
- Асафьев Б.В. (Игорь Глебов). Русская живопись. Мысли и думы. Л.; М., 1966.
- Астафьев П.Е. Философия нации и единство мировоззрения. М., 2000.
- Ахлибинский Б.В., Храленко Н.И. Теория качества в науке и практике. Л., 1989.
- Ахманова О.С., Микаэлян Г.В. Современные синтаксические теории. М., 1963.
- Багдасьян Н.Г. Язык и культура // Социально-политический журнал. 1994. №1–2.
- Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.
- Батракова С.П. Искусство и миф: Из истории живописи XX века. М., 2002.
- Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- Безменова Н.А. Очерки по теории и истории риторики. М., 1999.
- Беме Я. Аугога, или Утренняя звезда в восхождении. М., 1998.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 2002.
- Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Бергсон А. Собр. соч. М., 1992. Т. 1. С. 50–155.
- Бернштайн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966.
- Бестужев-Лада М.В. Альтернативные цивилизации. М, 1998.
- Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М., 1990.
- Блохинцев Д.И. Пространство и время в микромире. М., 1980.
- Болотов В.И. Проблемы теории эмоционального воздействия текста: Дис. ... докт. филол. наук. Ташкент, 1985.
- Бондарко А.В. Принципы построения функциональной грамматики современных славянских языков // Грамматическое описание славянских языков. М., 1974.
- Борев Ю.В. К созданию теоретической истории искусств // Свободный взгляд на литературу: Проблемы современной филологии: Сб. ст. к 60-летию науч. деятельности акад. Н.И. Балашова. М., 2002. С. 64–76.

- Боронникова Н.В., Левицкий Ю.А. Лекции по истории лингвистики. Пермь, 2002.
- Брандес М.П. Стилль и перевод. М., 1988.
- Брунер Дж. Психология познания. М., 1977.
- Брутян Г.А. Аргументация. Ереван, 1984.
- Бубер М. Два образа веры. М., 1995.
- Будилович А.С. Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы. Варшава, 1892. Т. III.
- Булгаков С.Н. Философия имени. СПб., 1998.
- Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 1993.
- Вайнцвайг М.П., Полякова М.П. О моделировании мышления // От моделей поведения к искусственному интеллекту. М., 2006. С. 280–286.
- Васильева А.Н. Основы культуры речи. М., 1990.
- Вебер М. Избранное: Образ общества. М., 1994.
- Вебер М. Избранные произведения. М., 1980.
- Вейль Г. Симметрия. М., 2007.
- Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Вернадский В.И. Избранные труды по биогеохимии. М., 1997.
- Визель Л. Гипертекст по ту и эту сторону экрана // ИЛ. 1995. №10. С. 167–177.
- Виноградов В.В. Великий русский язык. М., 1945.
- Виноградов В.В. Вопросы образования русского национального литературного языка // ВЯ. 1956. №2.
- Виноградов В.В. О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII–XIX вв. // Виноградов В.В. История русского литературного языка. Избранные труды. М., 1979. С. 152–177.
- Винокур Г.О. Об изучении языка литературных произведений // Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
- Винчи Л. Суждения. М., 1999.
- Владимилова Т.В. Метафизические корни диалога культур // Метафизика. Век XXI: Сб. тр. М., 2006. С. 64–78.
- Войшвилло Е.К. Понятие. М., 1967.
- Вотяков А.А. Логос. Русский стиль мышления. М., 1998.
- Выготский Л.С. Собр. соч. М., 1982.
- Гак В.Г. К проблеме синтаксической семантики // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969.
- Гаспаров М.Л. Античная риторика как система // Античная поэтика. Риторическая теория и литературная практика. М., 1991. С. 27–59.
- Гейл М.Дж. Научитесь мыслить и рисовать как Леонардо да Винчи. Минск, 2000.

Гегель Г. Философская пропедевтика // Гегель Г. Работы разных лет. В 2-х т. Т. 2. М., 1964.

Генис А. Глаз и слово // ИЛ. №4. 1995. С. 226–223.

Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992.

Гиляров-Платонов Н.П. Рационалистическое движение философии новых времен // Гиляров-Платонов Н.П. Сб. соч. Т. 1. М., 1899.

Гиляров-Платонов Н.П. Экскурсия в русскую грамматику. М., 1904.

Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Культурология. XX век. Дайджест. М., 1997. С. 103–138.

Гирц К. Влияние концепции культуры на концепцию человека // Культурология. XX век. Дайджест: Проблемно-тематический сборник. М., 1997. С. 139–166.

Гоббс Т. Левиафан, форма или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Избранные произведения: В 2-х т. М., 1964.

Гоголь Н.В. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность? (цит. по: Виноградов В.В. Великий русский язык. М., 1945. С. 92–93).

Голблатт Р. Топосы: категориальный анализ логики. М., 1983.

Головин Б.В. Основы культуры речи. М., 1980.

Гордон А.В. Цивилизация Нового времени между мир-культурой и культурным ареалом. М., 1998.

Горшков А.И. Теория и история русского литературного языка. Учеб. Пособие по спец. «Русский язык и литература». М., 1984.

Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка: Учеб. пособие для ун-тов. М., 1981.

Готт В.С. Философские вопросы современной физики. М., 1972.

Гоффманова Я. Контакты и столкновения разных культур в интертекстах постмодерна // Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте). М., 2002. С. 334–407.

Грайс Г.П. Значение говорящего, значение предложения и значение слова // Философия языка. М., 2004. С. 75–98.

Греймас А.Ж., Фонтаний Ж. Семиотика страстей. От состояний вещей к состоянию души. М., 2007.

Греймас А.Ж.Б., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка // Семиотика. М., 1983.

Григорович В. Статья, касающаяся древнего славянского языка. 1852.

Григорьев В. Грамматика идиостиля. М., 1983.

Григорьева Г.П. Дао и логос (встреча культур). М., 1992.

Грипанов А.А. Тело // Новейший философский словарь. Минск, 2003. С. 1026–1030.

Гумбольдт В. О развитии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 37–299.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1993.

Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994.

Давыдов Н.Ю. Картина мира и типы рациональности // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

Даль В.И. Напутное слово (Читано в обществе Любителей русской словесности) // Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М., 1994. Т. 1. С. XXI–XXXVII.

Данеш Ф., Гаузенблас К. К семантике основных синтаксических формаций // Грамматическое описание славянских языков. М., 1974. С. 90–97.

Данеш Фр., Чмейркова С. Экология языка малого народа // Язык – культура – этнос. М., 1994. С. 27–39.

Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950.

Делез Ж. Логика смысла. М., 1985.

Деррида Ж. О грамматологии. М., 2001

Дефо Д. Опыт о проектах... // Англия в памфлете. Английская публицистическая проза начала XVIII в. М., 1987. С. 82–87.

Дешан Д.Л.-М. Истина, истинная система. М., 1973.

Джеймс У. Воля к вере. М., 1997.

Дильтей В. Описательная психология. СПб., 1996.

Добротолубие в русском переводе. М., 1889. Т. V.

Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М., 1984.

Дэвис Н. История Европы. М., 2004.

Дюрер А. Трактаты. Дневники. Письма. СПб., 2000.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда: Метод социологии. М., 1991.

Евзлин М. Космогония и ритуал. М., 1993.

Есимира Матоо. Кукан-но сэйтай гаку. Токио, 1976.

Ефимов А.И. История русского литературного языка. М., 1957.

Ефременко В.И. Эпохи смены общественно-экономической формации // Общественно-экономические формации. Проблемы теории. М., 1978. С. 114–135.

Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб., 1995.

Жаринов В.М. Философские науки в таблицах и схемах. М., 2000.

Зеленецкий К. Общая риторика. Одесса, 1849.

Зернецкий П.В. Лингвистические аспекты теории речевой деятельности // Языковое общение: процессы и единицы. Калинин, 1988. С. 36–41.

Иванов В.В., Сумникова Т.А., Панкратова Н.П. Хрестоматия по истории русского языка. М., 1990.

Идрис Шах. Суфизм. М., 1994.

Исаев И.А. Метафизика Власти и Закона: У истоков политико-правового сознания. М., 1998.

Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991.

Историческая герменевтика. Методика освоения когнитивной системы русской культуры «Silent Way»: Метод. указания по спецкурсу / Сост. Н.В. Халина. Барнаул, 2002.

Кант Им. Антропология с прагматической точки зрения // Метафизические начала естествознания. М., 1999.

Кант Им. Мысли об истинной оценке живых сил // Кант Им. Метафизические начала естествознания. М., 1999. С.

Кант Им. Основы метафизики нравственности. М., 1999.

Кант Им. Соч.: В 6-ти т. М., 1964. Т. 3.

Кантер Л.А. Системный анализ речевой интонации. М., 1988.

Кареев Н.И. Философия культурной и социальной истории Нового времени (1300–1800). СПб., 1902. XI.

Карнап К. Значение и необходимость. М., 2007.

Каспранский Р.Р. Фузионная природа речевой информации // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1973. С. 86–100.

Кассирер Э. Познание и действительность. СПб., 1912.

Качала Я. Субстанциональные и несубстанциональные характеристики глагола // Грамматическое описание славянских языков. М., 1974. С. 38–47.

Киреевский И.В. Несколько слов о слоге Вильмена // Киреевский И.В. Полн. собр. соч. М., 1911. Т. 2.

Киреевский И.В. Обзорение современного состояния литературы // Киреевский И.В. Полн. собр. соч. М., 1911. Т. 1.

Киселева Т.Г. Глобализация общества и современная культурная политика // Вестник МГУКИ. 2003. №1. С. 19–21.

Кныш А.Д. Мировоззрение Ибн'Араби // Религии мира. 1984.

Кобков В.П. Способы сжатия текста при переводе научно-технической литературы // Язык научной литературы. М., 1971. С. 234–245.

Кольер Р., Беркхарт К., Лин Л. Оптическая голография. М., 1973.

Комарова З.И. Метаязыковой текст словарной дефиниции в коммуникативном аспекте // Художественный текст: структура, семантика, прагматика. Екатеринбург, 1997. С. 51–65.

Копорская Е.С. Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени. М., 1986.

Корженский Я. Построение грамматики естественного языка на основе семантической базы // Грамматическое описание славянских языков. М., 1974. С. 136–147.

Котюрова М.П. Логичность научной речи // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв.: В 3-х т. Т. 2: Стилистика научного текста (общие параметры). Пермь, 1998. Ч. 2. С. 62–92.

Криницкий Н.А. Алгоритмы вокруг нас. М., 1984.

Крушинский А.А. Логика «Ицзина». Дедукция в Древнем Китае. М., 1999.

Крысин Л.П. Владение языком: лингвистический и социокультурный аспекты // Язык – культура – этнос / С.А. Арутюнов, А.Р. Багдасаров, В.Н. Белоусов и др. М., 1994. С. 66–77.

Крючкова Т.Б., Нарумов Б.П. Зарубежная социолингвистика. Германия. Испания. М., 1991.

Куайн У. Ван О. Слово и объект // НЗЛ. М., 1986. Вып. XVIII.

Кузанский Н. О возможности-бытия // Кузанский Н. Соч.: В 2-х т. М., 1980. Т. 2. С. 135–181.

Кузанский Н. Об ученом незнании // Кузанский Н. Соч.: В 2-х т. М., 1979. Т. 1. С. 47–184.

Кулаков Ю.И. Теория физических структур – математическое основание физики // Метафизика. Век XXI: Сб. трудов / Сост. Ю.С. Владимиров. М., 2006. С. 134–131.

Куроода К. Праксеология. Философия субъективности межчеловеческих отношений (К исследованию диалектики Маркса как логики топоса-процесса). М., 2001.

Ламанский В.И. Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях // Отечественные записки. 1864, ноябрь.

Лансон Г. История французской литературы. М., 1908.

Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977.

Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X–XVIII вв.). М., 1975.

Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1999.

Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1985.

Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса. Пермь, 2002.

Левицкий Ю.А. Проблемы типологии текстов. Пермь, 1998.

Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разуме. М., 1969.

Лейбов М. Музыка в камне // Вокруг света. 2003. №11.

Лифшиц М. Гейнгард Л. Кубизм // Модернизм. М., 1990.

- Логачев К. Соборные послания в переводе К.П. Победоносцева // Литературная учеба. 1991. Кн. 5–6. С. 62.
- Лосев А.Ф. Бытие – Имя – Космос. М., 1993б.
- Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996.
- Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993б.
- Лосев А.Ф. Перводанная сущность // Лосев А.Ф. Миф – Число – Сущность. М., 1994. С. 233–262.
- Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос. М., 1993б. С. 618–801.
- Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991.
- Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение. М., 1995.
- Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начала XIX). СПб., 1999.
- Лукаевич Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. М., 1959.
- Лукьянова Н.А. введение в русистику. Новосибирск, 2000.
- Лурье Я.С. Литература XVI в. // История русской литературы X–XVII веков. М., 1980. С. 283–333.
- Любимов Л.Д. Искусство Древней Руси. М., 1981.
- Маевский Интерактивное кино? Опыт эстетической прогностики // ИЛ. 1995. №4. С. 232–233.
- Макаев Э.А. Общая теория сравнительного языкознания. М., 2004.
- Маковский М.М. Системность и асистемность в языке. Опыт исследования антиномий в лексике и семантике. М., 1980.
- Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений: Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. М., 1989.
- Мальбранш Н. О разыскании истины // Антология мировой философии: В 4-х т М., 1969. Т. 1.
- Малявин В.В. Китай в XVI–XVII веках. М., 1993.
- Малявин В.В. Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени. М., 2003.
- Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.
- Мартынов В.В. Славянско-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963.
- Менегетти А. Введение в онтопсихологию. М., 2004.
- Мишина И.М., Жарова Л.Н. Становление современной цивилизации: Учеб. пособие. Ч. 1: История раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.). М., 1995.
- Муратова К.М. Мастера французской готики XII–XIII веков. М., 1988.

Налимов В.в., Дрогалина Ж.А. Вероятностная модель бессознательного. Бессознательное как проявление семантической Вселенной // Психологический журнал. 1984. Т. 5. №6. С. 111–122.

Налимов В.В., Дрогалина Ж.А. Реальность нереального. Вероятностная модель бессознательного. М., 1995.

Неверов С.И. Общественно-языковая практика современной Японии. М., 1982.

Некрасов Н.П. О значении форм русского глагола. СПб., 1865.

Нещименко Г.П. Языковая ситуация в славянских странах. М., 2003.

Никитин М.В. Основы лингвистического значения. М., 1988.

Новиков А.И., Ярославцева Е.И. Семантическое расстояние в языке и тексте. М., 1990.

Ожегов С.И. О формах существования современного русского национального языка // Вопросы культуры речи. М., 1966. Вып. 7. С. 5–8.

Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. М., 2001. Т. 7.

Ольховиков Б.А. Теория языка и вид грамматического описания в истории языкознания. Становление и эволюция канона грамматического описания в Европе. М., 1985.

Орезмский Н. Трактат о соизмеримости и несоизмеримости движений неба. М., 1960.

Орлов А. Аниматограф и его анима. Психогенные аспекты экранных технологий. М., 1995.

Ортега-и-Гассет Х. О точке зрения в искусстве // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991.

Ортега-и-Гассет Х. Тема нашего времени // Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М., 1991.

Отчет о научно-исследовательской работе. Закономерности прагматической и семантико-синтаксической организации научной и литературно-художественной прозы (копия отчета НИР). 1989.

Павленко Н.И. Александр Данилович Меншиков. М., 1984.

Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998.

Пасмор Дж. Сто лет философии. М., 1998.

Перинбаньягам Р.С. Диалогическая личность // Знаковые системы в социальных и когнитивных процессах. Новосибирск, 1990. С. 66–83.

Платон. Диалоги. М., 1986.

Плунгян В.А. О работах группы формальной лингвистики Парижского университета-VII // ВЯ. 1988. №5.

Померанц Г. Троица Рублева и тринитарное мышление // Померанц Г. Выход из транс. М., 1995.

Попер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М., 2002.

- Попов П.С., Стяжкин Н.И. Развитие логических идей от античности до эпохи возрождения. М., 1974.
- Прехтель П. Введение в феноменологию Гуссерля. Томск, 1988.
- Пригожин И., Стенгерс И. Время. Хаос. Квант. К решению парадокса времени. М., 2005.
- Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 2005.
- Радченко О.А. Языковая картина мира или языковое мирозидание (К вопросу о постулатах Й.Л. Вайсгербера) // Известия Академии наук СССР. Сер. литературы и языка. 1990. Т. 49, №5. С. 444–450.
- Райнов Т. Наука в России XI–XVIII вв. М., 1940 (цит. по: Виноградов В.В. Великий русский язык. М., 1945).
- Рамоне И. Геополитика хаоса. М., 2001.
- Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы. М., 2000.
- Расторгуева Т.А. Очерки по исторической грамматике английского языка. М., 1989.
- Редько В.Г. From animal to animal – направление исследования «адаптивное поведение» // От моделей поведения к искусственному интеллекту. М., 2006. С. 156–199.
- Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995.
- Розанов В.В. О понимании. Опыт исследования природы границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М., 1996.
- Розов Н.С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития. Новосибирск, 1992.
- Романэс Д.Д. Духовную эволюцию. М., 1905.
- Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997.
- Румянцев М.К. Синтез китайских тонов // ВЯ. 1988. №1.
- Сакулин П.Н. Филология и культурология. М., 1990.
- Сахарный Л.В. Введение в психоллингвистику. Л., 1989.
- Сачков Ю.В. Автономность в причинных сетях // Причинность и телеономизм в современной естественно-научной парадигме. М., 2002. С. 154–174.
- Секребровский П.В. История органического мира. М.; Л., 1931.
- Семенов Ю.И. Теория общественно-экономических формаций и всемирная история. М., 1978. С. 55–89.
- Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1997. С. 26–203.
- Серебровский П.В. История органического мира. М.; Л., 1931.
- Слюсарева Н.А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. М., 1986.
- Соловьев В.С. Собр. соч.: В 10 т. СПб, 1911–1914. Т. 2.

- Сорокин А.П. Принципы управления свойствами организма // Аспекты адаптации. Морфофункциональные эквиваленты двигательной активности, гипокинезии и ответных реакций на индивидуальную дозу фактора среды: Сб. науч. тр. Горький, 1985. С. 4–14.
- Спиноза Б. Этика, доказанная в геометрическом порядке. М., 1996.
- Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. М., 1959.
- Стенберг Р.Дж., Форсайт Дж.Б., Хедланд Дж. и др. Практический интеллект. СПб., 2002.
- Степанов Ю.С. Основы языкознания. М., 1966.
- Степанов Ю.С. Счет, имена чисел, алфавитные знаки чисел в индоевропейских языках // ВЯ. 1989. №5.
- Стюарт Дж. Возвращаясь к символической модели: нерепрезентативная модель природы языка // Знаковые системы в социальных и когнитивных процессах. Новосибирск, 1990. С. 84–111.
- Сумарокова Л.Н. Служебные слова и понятия // Логико-грамматические очерки. М., 1961.
- Сусов И.П. История языкознания. М., 2006.
- Творения аввы Исаака Сириянина, подвижника и отшельника. Слова подвижнические. Серг. Посад, 1911.
- Творогова О.В. Литература XI – начала XVIII в. // Истоки русской литературы X–XVII веков. М., 1980.
- Теория общественно-экономической формации. М., 1982.
- Тодд У.М. Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху. СПб., 1994.
- Топорков В.В. Модели распределенных вычислений. М., 2004.
- Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000.
- Трубецкой Е.Н. Избранное. М., 1995.
- Трубецкой Е.Н. Метафизические преодоления познания, опыт преодоления Канта и кантианства. М., 1917.
- Трубецкой Е.Н. Миросозерцание Вл.С. Соловьева. М., 1995.
- Трубецкой Н.С. Мысли об индоевропейской проблеме // ВЯ. 1958.
- Трубецкой Н.С. Общеевропейский национализм // Евразийская хроника. Париж, 1927. (цит. по: Соболев А. Князь Н.С. Трубецкой и евразийство) // Литературная учеба. 1991. Кн. 6. С. 121–150.
- Трубецкой Н.С. Религия Индии и христианство // Литературная учеба. 1991. Кн. 6. С. 131–144.
- Тэн И. Чтение об искусстве. СПб., 1904.
- Угринович Д.М. Культура и религия. Некоторые теоретические проблемы // Вопросы научного атеизма. М., 1987. Вып. 30.
- Уордт Л. Психические факторы цивилизации. М., 1897.

Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994.

Успенский Б.А. Этюды о русской истории. СПб., 2002.

Федоров А.А. Зарубежная литература XIX–XX веков. Эстетика художественного творчества. М., 1989.

Федотов Г.П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). М., 1991.

Федотов П.П. Судьба и грехи России: Избранные статьи о философии русской истории и культуры: В 2-х т. СПб., 1992. Т. 2.

Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера. М., 1994.

Флиер А.Я. Культурогенез. М., 1995.

Флоренский П. Общечеловеческие корни идеализма // Символ. 1984. №11.

Флоренский П.А. Разум и диалектика. Вступительное слово перед защитой на степень магистра книги «О духовной истине». М., 1912.

Фоллесдал Д. Аналитическая философия: Что это такое и почему этим стоит заниматься // Язык, истина, существование / Сост. В.А. Суровцев. Томск, 2002. С. 225–239.

Франк С. Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии. Париж, 1950 (цит. по Исаев И.А. Метафизика Власти и Закона: У истоков политико-правового сознания. М., 1998).

Фримен Ю., Сколимовский Г. Поиск объективности у Пирса и Поппера // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критика / Сост. Д.Г. Лахути, В.Н. Садовского и В.К. Финна. М., 2006. С. 223–279.

Фуко М. Слово и вещи. Археология знания. М., 1995.

Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.

Халина Н.В. Индоевропейство и евразийство как потенциальные предметы видения // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: Мат. Третьей науч.-практ. междунар. конф. / Под ред. В.Я. Баркалова, И.В. Иванова. Барнаул, 2006. С. 39–48.

Халина Н.В. Феноменологический анализ текста Василия Шукшина. Барнаул, 1998.

Халина Н.В. Философия языка славянской художественной культуры и естественный вкус Европы конца XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2004. №4 (44).

Халина Н.В. Политическое поведение: теория языкового существования в России // Паблик рилейшинз: Политические аспекты. Барнаул, 1999. С. 67–97.

Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве. М., 1997.

Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии: В 2-х т. Новосибирск, 1992.

Хомский Н. Теория врожденных идей // Философия языка. М., 2004. С. 99–140.

Хомяков А.С. Семирамида // Хомяков А.С. Соч.: В 2 т. М., 1994. Т. 1.

Хохряков П. Язык и психология. Казань, 1889.

Чайковский Ю.В. Причинность, сложность и разные формы случайности // Причинность и телеономизм в современной естественно-научной парадигме. М., 2002. С. 111–137.

Шафаревич И.Р. Основные понятия алгебры // Современные проблемы математики. Фундаментальные направления. М., 1985. Т. II.

Шеллинг Ф.В. Философия искусства. М., 1999.

Шмальгаузен И.И. Факторы эволюции. М., 1968.

Шпет Г.Г. Философские этюды. М., 1994.

Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1980.

Штейнер Е.С. Совместимость и контекстуальность как формирующие характеристики японской классической поэзии // Япония: идеология, культура, литература. М., 1989.

Щеглов Ю. Опыт о «метаморфозах». СПб., 2002.

Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995.

Щека Ю.В. Гармонема и тактема как интонологические единицы и их особенности в турецкой разговорной речи // ВЯ. 1989. №5.

Щерба Л.В. Современный русский литературный язык // Русский язык в школе. 1939. №4 (цит.: Виноградов В.В. История русского литературного языка: Избранные труды. М., 1978).

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 1998.

Энгельгардт В.И. Познание явлений жизни. М., 1984.

Эрн В.Ф. Идея катастрофического прогресса // Лит. учеба 1991. Кн. 2. С. 133–141.

Этноязыковые функции культуры. М., 1991.

Юрченко В.С. Космический синтаксис: Бог, Человек, Слово. Саратов, 1992.

Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М., 1952.

Янценецкая М.Н. Модели лексического значения // Семантические вопросы словообразования. Значение производящего слова. Томск, 1991.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.

- Aracil L.I.V. *Papers de sociolingüística*. Barcelona, 1982.
- Bergson H. "La Vie et l'Œuvre de Ravaisson" dans "La Pensée et le Mouvant", Paris, 1946 (цит.: Адо П. Плотин, или Простота взгляда. М., 1991. С. 33).
- Bloch M. *French Rural History*. Routledge & Kegan Paul, 1966.
- Capra F. *The Tao of Physics*. N.Y., 1975.
- Castells M. *Materials for an Theory of Network Society // Brit. Journal*. P. 5–24.
- Chase-Dunn K., Hall N. *Rise and Demise: Comparing World-Systems*. HarpeCollins, Westview Press, 1997.
- Cobb R. *A Sence of Place*. Duckworth, 1975.
- Collins R. *Weberian Sociological Theory*. NY.: Cambridge Univ. Press, 1986.
- Deleuze J., Guattouri F. *Rhizome*. P., 1976.
- Derrida J. *Marges de la philosophie*. P., 1972.
- Dijk T.A. van, Kintsch W. *Strategies of Discourse Comprehesion*. N.Y., 1983.
- Dyson F. *Infinite in All Directions*. N.Y., 1988.
- Eliade M. *Il sacro e il profane (Das Heilige und das Profane)*. Torino, 1967 (цит. по: Евзлин М. *Космогония и ритуал*. М., 1983).
- Ferguson Ch. *Diglossia // Word*, 1959. №15. P. 325–340.
- Fishman J.A. *The Sociology of Language*. Rowley Mass: Newbury House, 1972.
- Fullieu A. *L'evolutionsme des idées-forces*. P., 1890.
- Garvin P. *A Functionalistic View of Sociolinguitics // Selected Papers of the Fifth International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences*. Philadelphia, 1956.
- Gilbert E.J. *Langage de la science*. Paris, 1945.
- Goffmann E. *Forms of Talk*. Philadelphia, 1983.
- Grebenstchhoff G.D. *Siberia. The Country of Great Future*. Florida, 1945.
- Habermas J. *Knowledge and Human Interests*. Boston, 1972.
- Halliday M.A.K. *Language as Social Semiotic*. London, 1979.
- Heylighen F. *Evolution on the Network from Chain-letters to the Global Brain // Ars Electronica Festival 96. Memesis: the Future of Evolution*. Vienna; N.Y., 1996.
- Hobbs J. *Towards an Undtrstanding of Coherence in Discourse // Strategies for Natural Language Processing*. N.Y., 1982.
- Hudson R. *Sociolinguistics and Theory of Grammer // Linguistics*. 1986. №24.
- Hudson R. *Word Grammar*. Oxford, 1984.
- Hütten E.H. *The Language of Modern Phsics*. N.Y., 1956.

- Hymes D. On communicative Competence // Sociolinguistics. Harmondsworth. 1972.
- Jäger S. Kritische Diskursanalyse. Duisburg, 1999.
- Jameson F. The Cultural Turning. N.Y., 1998.
- Keller R.M. A Fundamental of Asynchronous Parallel Computation // Proc. Of the Sagamore Comput. Conf. Parallel Process. Lecture Notes on Computer Science. V. 24. Berlin, 1975. P. 194–206.
- Kevelson R. Peirce's Dialogism, Continuons Predication and Legal Reasoning Transactions of C.S.Peirce // Society. 1982 / №18 (2).
- Kristeva J. Recherches pour une sémanalyse. P., 1969.
- Landow G.P. The Death of Intermedia and the Migration to Storyspace: The Johns Hopkins Press, 1995.
- Langacker R.W. An Introduction to Cognitive Grammar // Cognitive Science. 1986. №10.
- Libanii. Oratio I, 148–150 (цит. по: Аверинцев А.А. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997).
- Marcos marin F. Reforma y modernización del español. Ensayo de sociolingüística histórica. Madrid, 1979.
- McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. Lnd., 1964.
- Metzeltin M., Jacksche H. Textsemantic. Tübingen, 1983.
- Meurleau-Ponty M. Signes. Paris, 1960.
- Ninyoles R. Idioma y poder social. Madrid, 1972.
- Pisani V. Entstehung von Einzelsprachen ans Sprachbünden "Kratylos", XI, H. 1/2, 1966.
- Renard G. La méthode scientifique de l'histoire littéraire. Paris, 1890.
- Saville-Troike M. The Ethnography of Communication. Oxford: Basil Blackwell, 1982.
- Thompson E.P. The Poverty of Theory. Merlin Press, 1978.
- Turchin V. On Cybernetic Epistemology systems. Research, 1993. Vol. 10. № 1.
- Vallverdú F. Aproximació crítica a la sociolingüística catalana. Barcelona, 1980.
- Weisgerber J.L. Die Erforschung der Sprachzugriffe. I. Grundlinien einer inhalthezogenen Grammatik // Das Bingen um eine neue deutsche Grammatik : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1973.
- Weits M. The Role of Theory in Aesthetics // Journal of Aesthetics and Art Criticism. Vol. 15. 1956.

Научное издание

Наталья Васильевна Халина

**ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА:
ЯЗЫКОВОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ РОССИИ X–XXI вв.**

МОНОГРАФИЯ

Подготовка оригинал-макета:

Н.Я. Тырышкина

Подписано в печать 3.07.2009. Формат 60x84/16.

Усл. печ. л. 28,0. Тираж 100 экз. Заказ 255.

Издательство Алтайского государственного университета

Типография Алтайского государственного университета:

656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66